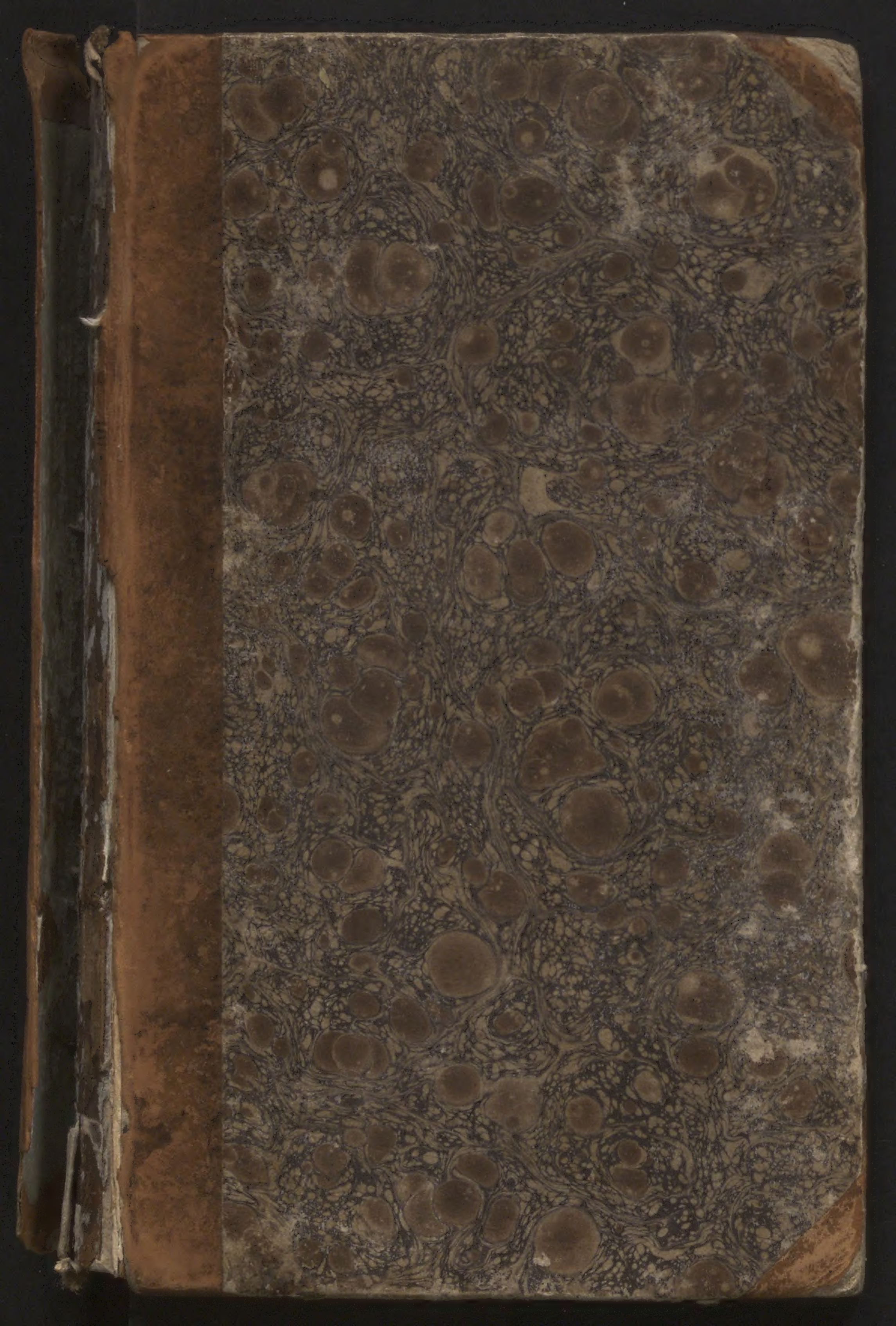
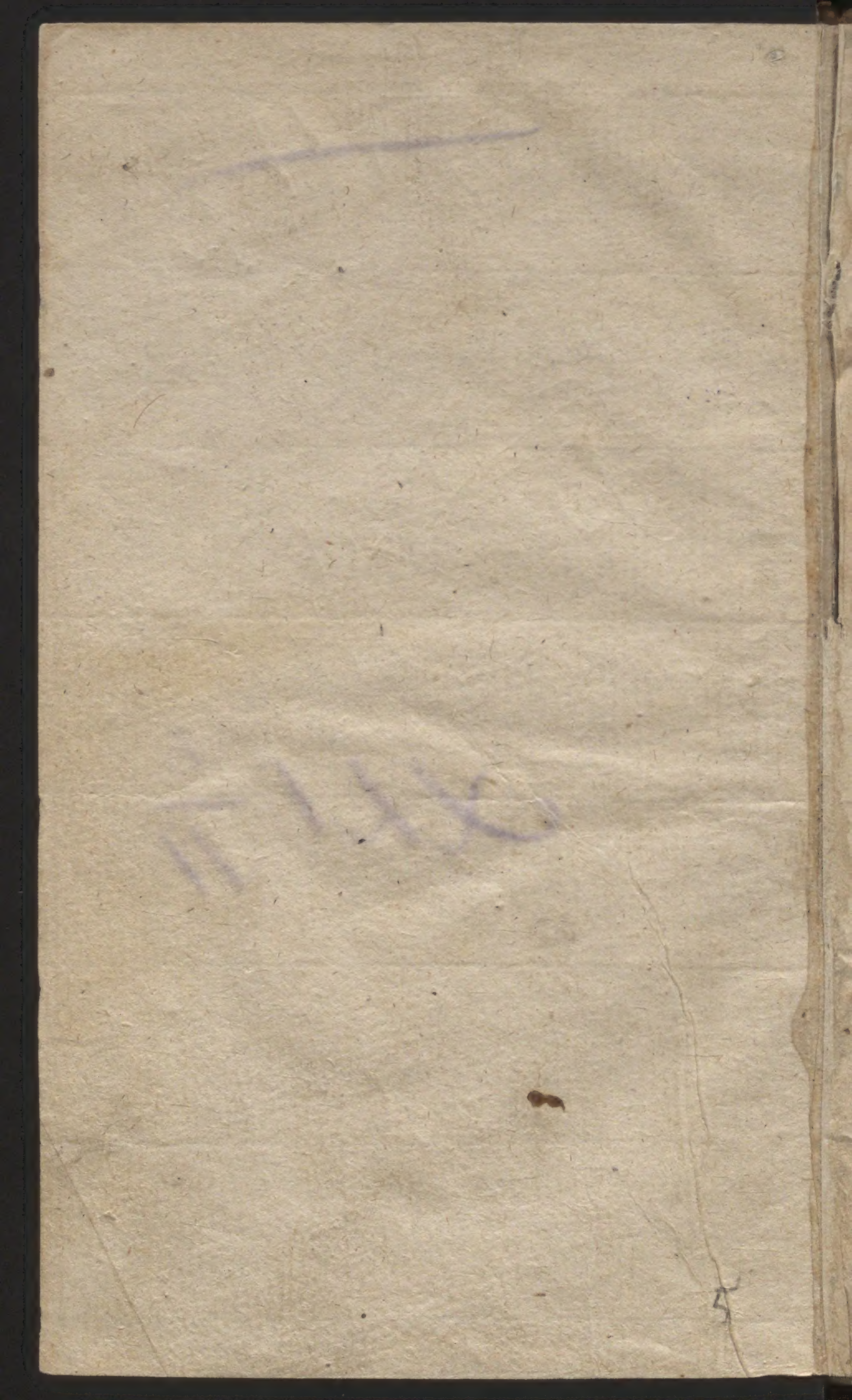

АВЛА ГЕЛЛІЯ

АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ

ЗАПИСКИ,

Содержащіяся въ двашцаши книгахъ.

Переведены съ Лашинскаго языка

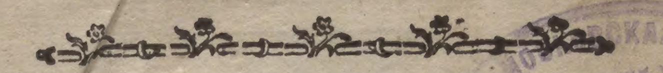
въ

Московской Славено-Греко-Лашинской Академіи.

Часть первая.

МОСКВА
Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія.
1787.

ЖИЗНЬ АВЛА ГЕЛЛІЯ.

А. Геллій, произшедшій отъ знатныхъ родителей, былъ родомъ Римлянинъ. (а) Жилъ въ царствованіе Траяна, Адріана, Антонина Пія и Антонина философа. Первыя свои лѣта препроводилъ во изученіи Риторики или краснорѣчія, въ которомъ учителями имѣлъ Т. Кастриція и Сулпиція Аполлинара. Возросши и въ сихъ наукахъ гораздо укрѣпившись, нелѣностно упражнялся и въ другихъ наукахъ, просвѣщеніе разуму и ослабу утомленному отъ дѣлъ духу приносящихъ; наипаче же въ филологіи. Въ чемъ довольный его успѣхъ явствуетъ изъ Аѳинскихъ его ночей. Не оставилъ притомъ онъ и философіи, слѣдовавъ ученію Платонову. Вопервыхъ прилѣжалъ онъ къ философіи нравоучительной, которой читалъ превосходнѣйшихъ писателей Епиктита, Езопа, Мусонія, Панетія, Ѳеофраста, Хрисиппа, Епикура и другихъ: сверьхъ сего учился у славныхъ во свое время философовъ Фаворина, Тавра и Перегрина. Не неискусенъ также былъ въ Логикѣ, и что Физику зналъ, то доказываютъ его замѣчанія дѣланныя изъ древнихъ записокъ, изъ Аристотеля, Демокрита, Плинія, Нигидіа Фигула и другихъ. Съ какимъ прилѣжаніемъ упражнялся онъ въ юриспруденціи, о томъ довольно свидѣтельствуютъ законоучители, Куяціи, Бриссоніи, Будеи и многіе другіе, которыхъ многія страницы Геллій занимаетъ, Геллій объясняетъ, Геллій дополняетъ. И какъ сіи писатели упражнялись въ чтеніи его, такъ онъ читалъ премудрыхъ древнихъ законоучителей Элія Туберона, Алфена Вара, К. Антистія Лабеона, К. Аттея Капитона, Цецилія Галла, Цецилія и Массурія Сабиновъ, обоихъ Сцеволовъ, К. Семпронія Гракха, Сервія Сулпиція, Цицерона, пресвѣтлыхъ оныхъ Рим-

(а) Христофоръ Піерій хотя утверждалъ, что его отечество Галлія, но сіе несправедливо потому, что Геллій въ кн. 2. гл. 22. не самъ говорилъ, но ввелъ говорящаго Фаворина родомъ Галла.

ской судебной площади свѣтильниковъ, не упоминая о различныхъ законахъ, Сенатскихъ опредѣленіяхъ, указахъ, народныхъ установленіяхъ. И какъ филологія повсюду требуетъ помощи отъ исторіи; то вотъ и историческая Геллієва библіотека! Вотъ изъ Латинскихъ Туберонъ, А. Албинъ, К. Клавд. Квадригарій, Л. Корнелій Сулла, Корнелій Непосъ, М. Фабій Пикторъ, Кн. Геллій, К. Валерій Антіатъ, Юлій Гигинъ, Тудитанъ, К. Оппій, Л. Писонъ, Л. Кассій Гемина, Семпроній Аселліонъ, Л. Сисенна, К. Светоній Транквиллъ, Саллустій и проч. А изъ Греческихъ Ефоръ, Дикеархъ, Клеархъ, Иродотъ, Ксенофонтъ, Тимей, Елланикъ, Ѳукидидъ, Ираклидъ Понтійскій, Ѳеопомпъ, Филохоръ, Аппіонъ, Аристей Проконнезскій, Исигонъ Никейскій, Ктисій, Онисикритъ, Егезій, Филостефанъ, Ермиппъ, Полибій, Ксенофанъ, которыхъ онъ повсюду съ неполными ихъ книгами упоминаетъ. Не былъ незнающъ и въ медицинѣ и геометріи. Искуство его въ Греческомъ языкѣ доказываютъ переводы нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Аристотеля и Платона. Притомъ Геллій не доволенъ былъ тѣмъ, чтобы переходить одни Римскія аудиторіи: тщательно перерыть библіотеки Мира, Траянову, дома Тиберієва, Патрійскую и Тибуртинскую; съ Фаворином и другими домашними учителями читать ученыя басни [комедіи]; съ Юліемъ Павломъ сидѣть въ Римѣ въ книжныхъ лавкахъ; съ Антоніемъ Юліаномъ или въ Неаполѣ или въ Путеолахъ размышлять о краснорѣчіи. Но объѣздилъ и Грецію, не яко праздный зритель, но яко любопытнѣйшій испытатель. По возвращеніи въ отечество всѣ свои знанія употребилъ въ общественную пользу, и былъ весьма занятъ дѣлами гражданскими, а наипаче судебными.

А. ГЕЛЛІЯ НА НОЧИ АѲИНСКІЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Можно другое найти пріятнѣйшее сего. Но я избралъ сіе для того, чтобы и для дѣтей моихъ готовы были таковыя отдохновенія въ то время, когда ихъ духъ, свободившись нѣсколько отъ дѣлъ, могбы имѣть ослабу и успокоеніе. Что же касается до порядка вещей, то оный я имѣлъ случайный, какой прежде наблюдалъ выписывая изъ книгъ. Ибо какъ читалъ какую нибудь либо Греческую либо Латинскую книгу, или слышалъ что нибудь достопамятное, такъ все что ни разсудилось, безразбору замѣчалъ: и оное для памяти какбы какой нибудь ученый запасъ при себѣ хранилъ; дабы при случаѣ нужды въ какой нибудь вещи или словѣ, которое нечаянно можетъ быть я забылъ бы, и въ небытность тѣхъ книгъ, изъ которыхъ то выбиралъ, лехко было тамъ найти и взять. И потому въ сихъ запискахъ также воспослѣдовала разность вещей, которая была въ прежнихъ оныхъ замѣчаніяхъ, которыя я кратко, не разположительно и непорядочно посредствомъ ученія, упражненія и различнаго чтенія дѣлалъ. Но поелику въ долгія зимнія ночи живучи въ уѣздѣ Аѳинской земли началъ я дѣлать сіи записки: для того

го и надписалъ оныя *Аѳинскихъ Ночей*, ни мало не слѣдуя веселымъ надписаніямъ, которыя многіе другіе Латинскіе и Греческіе писатели въ таковыхъ книгахъ сдѣлали. Ибо какъ они различное и смѣшенное и какбы сліянное собирали ученіе: то въ сходственность съ онымъ и надписанія сдѣлали самыя отборныя. Понеже иные надписали, *Музы*; другіе *Лѣса*; иной *Верхняя Риза* [*женская*]; другой *Рогъ Изобилія*; иной *Соты*; нѣкоторые *Луга*; другіе *Чтеніе свое*; иной *Древнія Чтенія*; иной *Цвѣтныя*; другой *Изобрѣтенія*; нѣкоторые *Лампады*; иные *Покрывала*; а другіе *Пандекты* или *всесодержащія*, и *Геликонъ*, и *Проблемы* или *задачи*, и *Записныя книги*, иной надписалъ *Памятныя Книги*; иной *Касающіяся до отправленія дѣлъ*, и *Привавленія*, и *Ученыя*; иной *Натуральная Исторія*; иной *Всякая Исторія*; иной сверхъ того *Плодоносное*; иной надписалъ *Мѣстъ*. Многіе также надписали *Гадательныя*; нѣкоторые при семъ сдѣлали надписанія своимъ книгамъ или *Нравоучительныя Письма*, или *Запросы въ письмахъ*, или *Смѣшенныя*; и другія нѣкоторыя надписанія чрезмѣрно веселыя и весьма краснорѣчивыя. А я, по своему смыслу безъ тщанія, безъ размышленія и почти грубо, соотвѣтствуя самому мѣсту и времени зимнихъ бдѣній, надписалъ, *Ночи Аѳинскія*; столько же въ похвалѣ самаго надписанія всѣмъ прочимъ уступая, сколько усту-

уступилъ въ тщаніи и красотѣ сочиненія. Да и не то, въ выписываніи и замѣчаніи вещей, имѣлъ я намѣреніе, которое многіе изъ нихъ имѣли. Потому что всѣ они, а особливо Греческіе писатели, читая многое и различное, всякія попадающіяся вещи безразбору, стараясь объ одномъ ихъ множествѣ собирали: что читая скорѣе состарѣешся или отъ скуки ослабѣешъ, нежели что нибудь найдешъ веселое, полезное или достопамятное. А я, помня изреченіе презнаменитаго мужа Гераклита Ефесскаго, что различное ученіе непросвѣщаетъ ума, и самъ въ скоромъ чтеніи очень многихъ книгъ всегда, когда только мнѣ досужно было, весьма довольно упражнялся: но мало изъ нихъ и только то выписалъ, чтобы скоро возбуждало и заставляло разумъ желать честнаго ученія, и разсуждать о полезныхъ наукахъ, или бы людей, занятыхъ уже другими въ жизни дѣлами, отводило отъ безчестнаго поистиннѣ и подлаго вещей и словъ незнанія. Чтоже въ сихъ запискахъ нѣсколько будетъ трудно и скучно, или изъ грамматики, или изъ діалектики, или изъ геометріи, также нѣсколько далеко о правѣ Авгуровъ (прорицателей) и Первосвященниковъ: то недолжно онаго избѣгать яко неполезнаго для знанія, или труднаго для понятія: ибо я о сихъ вещахъ недѣлалъ глубокихъ и весьма темныхъ вопросовъ; но предлагалъ только нѣкоторыя начатки сво-

бодныхъ наукъ, которыхъ и посредственнаго ученія человѣку ни слышать когда нибудь, ниже читать, ежели не безполезно то покрайней мѣрѣ непристойно. И такъ тѣхъ, которые когда нибудь время и охоту возымѣютъ видѣть сіи мои труды, прошу, чтобы читая то, что они давно знаютъ, не презирали какъ извѣстное всѣмъ. Ибо нѣтъ ничего такъ сокровеннаго въ книгахъ, чего бы многіе не знали. Довольно ласкаться и тѣмъ, что сіе ни въ школахъ не читано, ни чрезъ записки знанію не предано. Что также найдутъ новое и себѣ не извѣстное; то равнымъ образомъ прошу, безъ суетнаго порицанія разсуждать, что весма малыя наставленія сіи не токмо къ разпространенію наукъ неспособны, или къ увеселенію и прохлажденію духа не не довольны; но такова рода и сѣмени суть, отъ котораго возрастать могутъ или бодрственнѣйшіе человѣческіе умы, или твердѣйшая память, или острѣйшій разумъ, или чистѣйшіе слова, или благороднѣйшее въ празности и въ забавахъ увеселеніе. А что не ясно, или не полно покажется; о томъ прошу разсуждать такъ, что оно написано больше для напоминанія, нежели для наученія; и, какбы довольствуясь показаніемъ однихъ слѣдовъ, послѣ если захотятъ, дополнить на шедши книги или писателей. Чтоже почтутъ за достойное охужденія; то пусть, ежели посмѣютъ, охуждаютъ то, откуда я

оное

оное выписалъ: только, иначе оное читавъ у другихъ, не должны тотчасъ укорять временемъ: но разсуждать по свойству вещей и по преимуществу писателей, которымъ они и которымъ я слѣдовалъ. Весьмаже то изрядно будетъ, что тѣ, которые въ чтенiи, сочиненiи, разсужденiи никогда удовольствiя, и ни когда трудовъ не имѣли, никогда такихъ бдѣнiй не бдѣли, и ни въ какихъ съ упражняющимися въ томже ученiи разсужденiяхъ и словопрѣнiяхъ, чрезъ изслѣдованiе и сочиненiе, не обращались, но заняты дѣлами и безпокойствами, отдалятся отъ сихъ ночей, и будутъ искать другаго себѣ увеселенiя, по старинной пословицѣ: *Nihil cum fidibus graculo, nihil cum amaracino sui.* Для большаго же раздраженiя глупости и зависти не ученыхъ людей, напишу здѣсь нѣсколько анапестическихъ изъ Аристофанова хора стиховъ, и какой сей превеселый человѣкъ издалъ законъ для смотренiя своей комедiи, такой я издамъ для чтенiя сихъ записокъ, то есть, чтобы не прикасался и не приступалъ къ онымъ простый и неученый народъ. Стихи даннаго закона суть слѣдующiе:

Молчать тотъ долженъ и выйти изъ нашего хора,
Кто въ сей наукѣ неискусенъ, и непросвѣщенъ умомъ;
Или никогда не видалъ и не выпалъ при службѣ благородныхъ музъ.
Тѣмъ я вопiю и паки возглашаю, и еще въ третiй разъ возглашаю,
Чтобъ вышли изъ сего хора; а вы начните пѣнiе,
И сiи мои бдѣнiя, которыя сему празднику приличны.

)(5 Двад-

Двадцать уже книгъ записокъ до сего дни сдѣлано. А сколько, по воли божіей, продолжится моя жизнь, и сколько отъ домостроительства и воспитанія своихъ дѣтей буду имѣть свободнаго времени: все то остальное время употреблю на собраніе такихъ достопамятныхъ разсужденій. И такъ продолжится число книгъ, при помощи божіей, съ продолженіемъ, каково оно ни будетъ, самой жизни; и не желаю себѣ болѣе жить какъ до тѣхъ поръ, пока къ такимъ сочиненіямъ и разсужденіямъ способенъ буду.

Оглавленія вещей, находящихся въ каждой книгѣ, положилъ я въ самомъ началѣ, чтобы вскорѣ явно было, чего въ какой книгѣ искать и найти можно. (*)

ОГЛА-

(*) Здѣсь положены оглавленія только на десять книгъ содержащіяся въ первой части; а прочія положены будутъ въ началѣ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВЕЩЕЙ
Содержащихся въ первой части.

Страницы.

КНИГА I.

сти,

страц.

ГЛАВА

КНИГА II.

страи.

КНИГА

Стран.

КНИГА III.

ней

КНИГА V.

сан-

стран.

стран.

КНИГА VII.

ГЛАВА

КНИГА VIII.

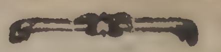
ВЪ осмой книгѣ находятся одни только слѣдующія заглавія.

нія

КНИГА IX.

КНИГА X.

рятъ

ГЛАВА

XXX

ПО-

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Напечатано.	Строка	Читай.
41.	словз	16.	слова
48.	въ повелѣній	1.	въ повелѣніи
66.	maioribns	28.	maioribus
73.	ad alternm	25.	ad alterum
79.	протянупъ	33.	протянувъ
89.	Пеоній	—	Пеоніи
103.	въ множественномъ	27.	въ множественномъ
106.	были	33.	было
118.	Пелопоннезѣ	27.	Пелопоннезѣ
121.	можешъ	—	можетъ
137.	богзтые	30.	богатые
157.	утверждаешъ	—	утверждаетъ
165.	для привлеченія	28.	для привлеченія
285.	врачитъ	3.	значитъ
—	написать	27.	написать
287.	тгражданъ	20.	гражданъ
297.	цѣнь	10.	цепь
306.	Нигидіи	30.	Нигидій
308.	въ 12 шалицахъ	28.	въ 12 шаблицахъ
342.	касающагоася	31.	касающагося
350.	Ассійскіи	27.	Ассійскій
360.	во всемъ	20.	во всей
372.	бывтаго	10.	бывшаго
415.	Вылъ	6.	былъ
—	снимъ	12.	съ нимъ
4 1.	Гркха	22.	Гракха
465.	Ерузовыя	17.	Грузовыя.

А. ГЕЛЛІЯ

АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

Чрезъ какое сравненіе и чрезъ какія заключенія, по объявленію Плутарха, Пиѳагоръ философъ измѣрилъ вышину тѣла Геркулесова, когда онъ былъ живъ.

(1) Плутархъ въ книгѣ, которую написалъ о свойствѣ и о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ Геркулеса, каковыхъ онъ былъ во время своей жизни, объявляетъ, что (2) Пиѳагоръ философъ искусныя и ос-

(1) *Плутархъ*] Многія сочиненія Плутарховы утрачены; о чемъ отчасти знаемъ изъ него самаго, потому что онъ ссылается на утраченныя свои сочиненія: отчасти изъ древняго не большихъ его сочиненіи списка, о которомъ Генр. Стефанъ свидѣтельствуетъ, что онъ нашелъ его въ своихъ рукописныхъ сочиненіяхъ: отчасти изъ нашего трудолюбиваго Геллія и изъ другихъ упоминающихъ о Плутархѣ въ различныхъ книгахъ, которыхъ мы не имѣемъ. А какъ не мало изъ его сочиненій утрачено; такъ нѣкоторыя въ оныя вмѣшаны и такія, которыя отъ другаго произошли писателя.

(2) *Пиѳагоръ*] который былъ начальникъ Италіанскаго ученія, Ферецида Сирянина, или лучше Сциранина ученикъ. Почерпнулъ онъ отъ него Богословію и философію таинственную. Онъ же великую силу приписывалъ числамъ и сходствамъ. Смотри *Меурсія о Динаріи Пиѳагоровомъ.*

троумныя сдѣлалъ заключенія въ изобрѣтеніи и измѣреніи роста и превосходной высоты Геркулесовой. Ибо когда извѣстно почти было, что (1) онъ изъ Олимпіи до храма Юпитера (2) Олимпійскаго перебѣжалъ (3) стадію, сдѣлавъ долготу оныя въ

(1) *Онъ*] Павзаній пишетъ, что Геркулесъ былъ вышиною въ четыре локтя и одну стопу. Климентъ въ Протрептикѣ [въ словѣ увѣщательномъ] свидѣтельствуетъ, что Римляне почитали онаго за бога отгонителя мухъ.

(2) *Олимпійскаго*] Юпитеръ Олимпійскій прозванъ потому, что у Пизы или Олимпіи почитаемъ былъ знатными боями. Откуда названы Олимпіады, которыя празновались въ пятое лѣто. Ибо овидій обманывается смѣшивая оныя съ Лустромъ. О началѣ оныхъ же смотри Скал. къ Евсев. Находятся Пиндара стихотворца Олимпискія пѣсни.

Олимпійскаго] Здѣсь былъ оный извѣстный свѣту Юпитеровъ храмъ, Гимническія бои уставленные Геркулесомъ и возобновленные Ифитомъ. Страб. кн. 8. говоритъ, что тамъ сдѣланъ былъ кумиръ весь изъ золота Плин. кн. 34. говоритъ, что изъ слоновой кости особеннымъ Фидіевымъ мастерствомъ сдѣланъ. Могло и то и другое быть справедливо, ежели разумѣть разныя кумиры. Ибо кромѣ храма Юпитера Олимпійскаго, было его же и капище или часовня, въ которой онъ вмѣстѣ съ Нептуномъ стоялъ, и гораздо былъ древнѣе онаго Фидіева. Потому что тамъ было шесть капищъ и столькожъ жертвенниковъ, на которыхъ стояли единомѣстные боги.

(3) 1. *Стадію*] Стадія берется или за мѣру геометрическую, или за самое мѣсто, на которомъ бѣгались и бились, а иногда за самое то строеніе, съ котораго смотрѣли на бой.

2. *Стадію*] великое затрудненіе въ семъ мѣстѣ имѣютъ ученые люди, стараясь наименованіе стадіи принаровить къ мѣрѣ геометрической 125 шаговъ т. е. 625 стопъ, когда здѣсь Геллій полагаетъ стадію толь-

ко

въ шесть сотъ стопъ; [и другія правда стадіи послѣ отъ иныхъ въ Греціи устанавленныя, содержатъ въ себѣ шесть сотъ стопъ, но однако нѣсколько суть короче:] то Пиѳагоръ лехко узналъ, что мѣра и длина Геркулесовой подошвы столько посравненію была больше другихъ, сколько Олимпійская стадія долѣе была другихъ стадій. А узнавъ мѣру Геркулесовой стопы измѣрилъ, какой долготѣ тѣла надобно сходствовать съ тою мѣрою, по естественной всѣхъ членовъ между собою соразмѣрности; и сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: столько Геркулесъ былъ тѣломъ выше другихъ, сколько Олимпійская стадія была долѣе другихъ равномѣрныхъ стадій.

ко въ 600 стопъ. Тако, думаю, объявляетъ Суидъ, что стадія двоякое имѣетъ наименованіе; одно, чрезъ которое разумѣется разстояніе, которое человѣкъ не отдыхая перебѣжать можетъ и которое смотря по силѣ или слабости бѣгущаго, иногда долѣе иногда короче бываетъ. Сего стадіи наименованія здѣсь по видимому держится Гелій. Другое, которое есть Геометрическое содержащее, какъ выше объявлено, 625 стопъ, которое употребляютъ космографы (описатели свѣта) и которое по видимому взято отъ должайшей стадіи человѣческаго бѣга.

3. *Стадію*] стадія есть трояская; Италіанская, Олимпійская и Пиѳійская, и всѣ разной мѣры. Потому что Италіанская имѣетъ въ себѣ 625 стопъ, Олимпійская 600 стопъ, Пиѳійская 1000 стопъ. Но Лука Петъ и Робертсонъ утверждаютъ, что между Италіанскою и Олимпійскою стадіею никакого нѣтъ различія. Потому что Греческая стопа больше Римской половиною перста; а 600 полуперстовъ составляютъ оныя 25 стопъ, которыми Греческая стопа долѣе стопы Римской.

ГЛАВА 2.

Отъ Ирода Аттика, человѣка знатнаго къ нѣкоторому хвастливому и величавому юношѣ, по виду только слѣдовавшему философіи, приноровленныя слова Епиктита Стоика, которыми онъ подлыхъ пустослововъ называющихъ себя стоиками явственно отличилъ отъ истинныхъ Стоиковъ.

(1) Иродъ Аттикъ, мужъ и въ Греческомъ краснорѣчіи искусный, и консульскимъ достоинствомъ почтенный, въ быт-

ность

---

(1) *Иродъ Аттикъ*] родомъ изъ Мараѳона, отца имѣлъ Аттика, который въ государствованіе Нервы нашедши кладъ, съ позволенія Императора нажилъ безчисленное богатство; дѣда имѣлъ Иппарха, который, поелику сребролюбиво и жестоко правилъ республикою, лишенъ имѣнія. Процвѣталъ при Траянѣ, Адріанѣ, Антонинѣ благочестивомъ и Маркѣ Авреліѣ. Великія услуги оказалъ отечеству построеніемъ въ Греціи многихъ священныхъ и свѣтскихъ зданій, и отказаніемъ каждому изъ Аѳинянъ по нѣскольку денегъ. Бывши изрядно ученъ, наипаче же знаменитъ въ краснорѣчіи [котораго первое основаніе положилъ при знатномъ ономъ риторѣ Фаворинѣ] оставилъ нѣкоторыя сочиненія упоминаемыя Филостратомъ, но они утрачены. Консуломъ былъ съ Торкватомъ въ лѣто отъ Р. Х. 143. Взялъ за себя знатную Римскую госпожу по имени Региллу. Въ память ея построилъ въ Аѳинахъ Одеумъ [родъ театра назначенный для пѣнія] и по кончинѣ ея домъ свой отвсюду убралъ Паросскимъ чернымъ марморомъ означающимъ печаль; сверьхъ того посвятилъ ей и храмъ въ находящемся неподалеку отъ Рима своемъ помѣстьѣ называемомъ *Тріопея*. Умеръ на 76 году отъ рожденія. Имѣлъ двоихъ дѣтей. По завѣщанію должно бы-

ю

ность нашу для ученія въ Аѳинахъ, призывалъ часто въ ближнія къ городу деревни меня, и мужа достопочтеннаго Сервиліана, и другихъ многихъ нашихъ одноземцовъ, которые изъ Рима съѣжжались въ Грецію для просвѣщенія разума. И какъ были мы у него въ деревнѣ называемой Кефисія, въ самое жаркое лѣто и осень; то защищались отъ жара тѣнію пространныхъ рощей, долгими и веселыми для прохаживанія сдѣланными дорогами, сзади домъ прохлаждающими, изрядными банями, изобильными и чистыми водами, при громкомъ пѣніи птицъ, отвсюду оную деревню украшающими. Былъ тамже вмѣстѣ съ нами юноша послѣдователь, какъ онъ сказывалъ, Стоической философіи, но чрезмѣрно говорливый и лехкомысленный. Онъ напиру въ обыкновенно бывающихъ послѣ стола разговорахъ многое и неумѣренное о философскомъ ученіи не къ статѣ и безъ разсужденія говорилъ, и кромѣ себя всѣхъ Греческаго краснорѣчія начальниковъ, и весь Римскій народъ называлъ грубыми и непросвѣщенными; и притомъ неудобопонятныя слова, Силлогизмы и діалектическія

 упо-

ло погребсти его въ Мараѳонѣ на своей родинѣ; но Аѳиняне изъ благодарности къ нему при провожденіи всего народа великолѣпно погребли его въ самыхъ Аѳинахъ.

употреблялъ обманы, говоря, что (2) *Киріевонтовъ*, *Исихазонтовъ*, *Серитовъ* и другихъ такихъ хитросплетеній никто кромѣ его рѣшить не можетъ: а что касается до нравоученія, до природы человѣческаго разума, до началъ добродѣтелей, и до близкихъ или противныхъ онымъ должностей, до опасности болѣзней и пороковъ, до заразы и погибели душевной; то утверждалъ, что все сіе никому больше неизвѣстно и несвѣдомо, какъ ему. При семъ разсуждалъ, что ни мученія и болѣзни тѣлесныя, ни бѣдствія смертію грозящія, состоянія блаженной жизни, которое онъ себя почиталъ получившимъ, не повреждаютъ и не нарушаютъ; и что веселость лица Стоика никакое прискорбіе помрачить никогда не можетъ. Симъ когда онъ надмѣнъ былъ тщеславіемъ, и уже всѣ скучившись его словами ждали конца; то Иродъ на Греческомъ, по тогдашнему обыкновенію, языкѣ сказалъ: знатнѣйшій философъ! поелику мы, которыхъ ты называешь не искусными и невѣждами, отвѣтствовать тебѣ не можемъ, позволь прочитать изъ книги, что о такомъ вашемъ велерѣчіи думалъ и сказалъ великій изъ Стоиковъ Епиктитъ; и приказалъ принесть Епиктитовыхъ разсужденій расположенныхъ отъ Арріана вторую книгу, въ которой сей почтенный старецъ юношей, назы-

(2) Названія діалектическихъ мудрствованій.

зывавшихъ себя Стоиками по справедливости укорялъ безполезными и негодными, и полагающими увеселеніе свое въ пустыхъ только разсужденіяхъ и ребяческихъ примѣчаніяхъ. И такъ прочтены были изъ принесенной книги ниже положенныя слова, которыми Епиктитъ отъ прямаго и сущаго Стоика, который безъ сомнѣнія долженъ быть *свободенъ*, *непринужденъ*, *несвязанъ*, *благороденъ*, *богатъ*, *благополученъ*, строго и съ пріятностію отличилъ другихъ подлыхъ пустослововъ называющихъ себя Стоиками; и которые, мглою хитросплетеній ослѣпивъ слушателей, непорочнѣйшаго ученія имя несправедливо себѣ присвояютъ. *Скажи о добрѣ и злѣ. Слушай.*

(3) *Изъ Трои занесло меня вѣтромъ къ Циконамъ.*

Нѣкоторыя вещи суть добры, нѣкоторыя злы, а нѣкоторыя неразнствующи. Добрыя вещи суть добродѣтели, и то, что причастно оныхъ. А злыя суть пороки, и что пороковъ причастно; неразнствующія же суть тѣ, которыя между ими посредственны, какъ-то богатство, здоровье, жизнь, смерть, увеселеніе, трудъ: почему ты знаешь?

(3) Циконы суть самые лютые народы во Ѳракіи. И потому сіе говорится пословицею о тѣхъ, которые изъ одного нещастія попадаютъ въ другое большее нещастіе.

ешь? попоритъ онъ. Такъ (4) Елланикъ объяпляетъ пъ книгѣ о Египтянахъ. Ибо что за нужда, такъ сказать, (5) Діогенъ ли пъ нрапоучении, или Хрисиппъ или (6) Клеаноѳъ? Итакъ ты сіе изслѣдопалъ и утпердился на семъ. Скажи, какъ бы ты поступилъ пъ кораблѣ по премя погоды: пспомнилъ ли бы то раздѣленіе тогда, когда шумятъ и трещатъ парусы; и естьли бы при тпоемъ поплѣ стоя кто нибудь пьяный сталъ тебѣ попорить, чтобы ты попторилъ то, что тогда попорилъ, худо ли и порочно претерпѣть кораблекрушеніе? То не ударилъ ли бы ты

его

---

(4) *Елланикъ*] Митиленскій, который 12 лѣтами старѣе Иродота, какъ объявляетъ Воссій о Греч. Истор. кн. 1. гл. 1. Другой былъ Милесскій младшій, который и исторію написалъ.

(5) *Діогенъ*] Антисѳеновъ былъ ученикъ, который установилъ Циническое ученіе. Циники съ Стоиками многое имѣли общее: почему Ювеналъ въ сатирѣ 1з. говоритъ: *ни Циническаго, ни Стоическаго не читапшій ученія, которое однимъ платьемъ разнится отъ Циническаго.*

(6) *Клеанѳъ*] Зиноновъ ученикъ, учитель Хрисипповъ, который однако здѣсь кладется въ первомъ мѣстѣ. Его мнѣніе было слѣдующее: *благополучіе челопѣческое состоитъ пъ томъ, чтобы жить согласно съ общею природою.* Зинонъ, какъ видно изъ Стобея, утверждалъ сходство жизни. И потому Сенека въ письмѣ 74. говоритъ: *добродѣтель состоитъ пъ сходстпѣ, псѣ ея дѣла съ ней сходны и согласны.* Хрисиппъ поставлялъ общую и частную природу человѣческую. Чрезъ общую природу разумѣлъ онъ Бога, по свидѣтельству Климента Александрійскаго.

его палкою? Сказалъ, Ахъ! мнѣ не до тебя, мы погибаемъ; а ты пришелъ шутить.

Естьли ты по винѣ призванъ будешь къ Кесарю, помни сіе раздѣленіе. Естьли кто вошедшему тебѣ и поблѣднѣвшему скажетъ, что ты дрожишь? За какимъ ты дѣломъ здѣсь? Награждаетъ ли Кесарь внутрь покоевъ входящихъ за добродѣтели, и наказываетъ ли за пороки? что и ты моему нещастію смѣешься? Однако философъ, скажи мнѣ, что ты дрожишь? Не опасаешся ли смерти или темницы? или наказанія тѣлеснаго, или ссылки, или безчестія? чтожъ другое? естьли въ семъ порокъ, или нѣкоторая часть порока? что ты о семъ самъ разсуждалъ? что мнѣ до тебя? довольно съ меня моего нещастія. Правда, потому что довольно съ тебя твоего нещастія, подлаго духа, боязливости, гордости, которую ты сидя въ школѣ оказываешь. Для чего ты чужимъ достоинствомъ величался? для чего называлъ себя Стоикомъ? тѣмъ себя называйте именемъ, которое ваши дѣла доказываютъ. Такимъ образомъ узнаете, какого вы ученія. А узнаете, что многіе изъ васъ Епикуровы послѣдователи, не многіе Перипатетики, и тѣ слабые. Весьма дерзкій юноша услышавъ сіе замолчалъ, какъбы то не отъ Епиктита о комъ нибудь другомъ, но отъ Ирода о немъ говорено было.

ГЛАВА 3.

О томъ, что Хилонъ Лакедемонянинъ сумнительное принялъ намѣреніе избавить отъ смерти своего друга. И что осторожно и обстоятельно надобно разсуждать, должно ли когда нибудь погрѣшить для пользы своихъ друзей; и что о семъ написали Θеофрастъ и М Цицеронъ.

Читаемъ въ книгахъ писателей описывавшихъ жизни идостопамятныя дѣла славныхъ мужей, что Хилонъ Лакедемонянинъ, одинъ изъ знаменитаго онаго числа (1) мудрецовъ, при самой своей смерти къ стоящимъ около себя пріятелямъ такъ говорилъ: можетъ быть сами вы о томъ знаете, что мнѣ не должно раскаяваться ни о какихъ моихъ словахъ и дѣлахъ бывшихъ во время продолжительной моей жизни. Я и въ сіе самое время подлинно не обманываюсь, что ничего такого не сдѣлалъ, о чемъ бы воспоминая могъ тужить; кромѣ развѣ того одного, что не совсѣмъ еще извѣстенъ, справедливо ли я сдѣ-

---

1) *Мудрецовъ*] которыхъ Дицеархъ по согласію всѣхъ признаетъ *четверыхъ*, Θалеса, Біанта, Питтака и Солона; а другіе говорятъ, что ихъ было *седмь и десять*; иные полагаютъ *двенатцать*, между которыми *Орфея*, *Лина*, *Епихарма* и *Пиθагора*, выключая сего Гелліева Хилона. Однако употребленіе и многихъ вѣковъ признаніе приняло уже седмеричное число, что и Плутархова подтвердила важность. Въ именахъ и числѣ оныхъ древніе между собою несогласны были, какъ свидѣтельствуетъ Діогенъ Лаертій въ жизни Θалесовой.

сдѣлалъ слѣдующее, или нѣтъ. Былъ я судьею съ двумя другими въ уголовномъ дѣлѣ моего друга. Законъ требовалъ, чтобы его осудить на смерть. И такъ надобно было или друга лишить жизни, или покривить законъ. Въ толь сумнительномъ случаѣ по многомъ размышленіи показалось мнѣ легче и сноснѣе сдѣлать слѣдующее, что я и сдѣлалъ. Тайно приговорилъ я друга своего къ смерти; а тѣмъ, которые вмѣстѣ со мною судили, присовѣтовалъ его отъ смерти свободить. Такимъ образомъ не нарушилъ я въ толь важномъ дѣлѣ ни должности судьи, ни должности друга. Но то меня въ семъ дѣлѣ безпокоитъ, что опасаюсь, не сдѣлался ли я вѣроломнымъ и виноватымъ, что въ томъ же дѣлѣ, въ то же время, и въ одной должности другимъ присовѣтовалъ противное тому, что самъ призналъ за самое лучшее. А сей Хилонъ превосходный мудростію мужъ сумнѣвался, сколько должно для друга поступить противъ правъ и закона; и сіе при самомъ концѣ жизни духъ его безпокоило. При семъ многіе наконецъ другіе философы, какъ въ книгахъ ихъ написано, съ довольнымъ тщаніемъ сіе изслѣдовали, какъ изъ самыхъ написаныхъ словъ видѣть можно, *ἐι δεῖ βοηθεῖν τῷ φίλῳ παρὰ τὸ δίκαιον, καὶ μέχρι πόσȣ, καὶ ποῖα.* т. е. *надобно ли противъ справедливости помогать другу? и сколько. и въ чемъ?* Сіи слова значатъ, что они из-

слѣдо-

слѣдывали, должно ли когда нибудь поступать противъ права и обыкновенія для друга, и въ какихъ и въ которыхъ дѣлахъ, и какъ. О семъ вопросѣ какъ другіе, по вышеобъявленному, многіе, такъ весьма тщательно разсуждаетъ (1) Ѳеофрастъ, мужъ въ Философіи Перипатетической преискусный и преученый. Которое разсужденіе, естьли не ошибаюся въ памяти, написано въ его первой книгѣ *о дружествѣ*. Сію книгу по видимому читалъ М. Цицеронъ, что и самъ написалъ книгу о дружествѣ. Онъ и другое, что почелъ за достойное взять изъ Ѳеофраста, по своему разуму и краснорѣчію взялъ и весьма хорошо и сходственно перевелъ на Латинскій языкъ; а о семъ мѣстѣ, о которомъ, по объявленію моему, довольно изслѣдываемо было, какъ о самомъ труднѣйшемъ кратко разсуждалъ; и того, что съ обстоятельнымъ разсужденіемъ написалъ Ѳеофрастъ, не понялъ; но опустивъ скучное оное и какбы своенравное разсужденіе, самой только родъ вещи краткими сло-

(1) *Ѳеофрастъ*] котораго прежде называвшагося Тиртамомъ, по божественному сладкорѣчію, симъ именемъ первой почтилъ Аристотель строгій впрочемъ другихъ судія. Онъ былъ преемникомъ въ школѣ Аристотелевымъ. Книги его, на которыя здѣсь ссылается нашъ писатель, утрачены, какъ и многія другія. Смотри Діогена Лаертія. И можетъ быть вмѣшано и другое, которое не Ѳеофрастъ написалъ, но кто нибудь другой. Какъ и о нравственныхъ начертаніяхъ его сумнѣваются.

словами означилЪ. Оныя (3) Цицероновы слова, естьли кто разсмотрЕть хочетЪ, положены отЪ меня здЕсь *Я разсуждаю тЕ употреблять концы, что друзья имЕющіе неповрежденные нравы, тЕ дЕла, намЕренія и хотЕнія безЪ всякаго изъятія должны имЕть общія; и что въ случаЕ какого нибудь нещастія должно помогать друзьямЪ и въ неправедныхЪ намЕреніяхЪ, когда оныя касаться будутЪ до ихЪ жизни или чести; надобно своротиться съ пути, только бы не произошло изЪ того крайняго безчестія; ибо сіе, поелику сдЕлано будетЪ для дружества, можетЪ быть простительно. Когда касаться*, говоритЪ, *будутЪ или до жизни друга, или до чести; надобно своротиться съ пути*, чтобы помочь и вЪ неправедномЪ онаго намЕреніи. Но какое сіе совращеніе быть должно, и какое отступленіе для вспомоществованія, и вЪ сколь неправедномЪ друга намЕреніи, о томЪ не говоритЪ. ЧтожЪ мнЕ за нужда вЪ такихЪ бЕдствіяхЪ друзей знать о томЪ, что *надобно своротиться съ праваго пути, естьли не произойдетЪ изЪ того великаго безчестія:* когда онЪ не объявитЪ мнЕ и того, сколь велико думаетЪ онЪ безчестіе; и когда я сово-

вра-

(3) *Цицероновы слова*] находятся сіи слова вЪ Леліи или о дружествЕ. ГдЕ ЦицеронЪ изрядно разсуждаетЪ, сколько надобно полагаться на друга, и охуждаетЪ оное Віантово изреченіе: *такЪ надобно любить, какЪ бы ты когда нибудь котЕлЪ ненавидЕть.*

вращусь съ пути, то сколь далеко должно быть сіе совращеніе? Ибо сіе, говоритъ онъ, *поелику сдѣлано будетъ для дружества, можетъ быть простительно.* Да и сему самому наипаче должно учиться, и чего тѣ, которые учатъ, не объявляютъ, поколику и сколько оное для дружества простительно быть должно. Хилонъ оный мудрецъ, о которомъ я выше упомянулъ, для сохраненія друга совратился съ пути; но видно, сколь далеко онъ совратился; ибо для сохраненія жизни своего друга, ложный далъ совѣтъ. Однако и при концѣ жизни сумнѣвался, могъ ли бы онъ по справедливости быть порицаемъ и обвиняемъ. *На отечество*, говоритъ Цицеронъ, *за друга вооружаться не должно.* Сіе всякому подлинно, какъ говоритъ Луцилій, извѣстно было прежде, нежели родился (4) Ѳеогнидъ. Но я о томъ спрашиваю, того требую: что когда за друга противъ права, и противъ хотя отечества, не касаясь однако вольности и благосостоянія, поступить должно; и когда съ пути, какъ онъ говоритъ, должно совратиться: то что такое, и сколько, и въ какомъ дѣлѣ, и до чего то дѣлать

(4) *Ѳеогнидъ* Мегаренскій былъ весьма древній писатель плачевныхъ стиховъ, и потому сія пословица такой имѣетъ смыслъ: всякому сіе было извѣстно еще до временъ Ѳеогнида весьма древняго стихотворца.

лать надобно. (5) Периклъ оный Аѳинейскій, мужъ довольно разумный, и всѣми честными науками украшенный, хотя въ одномъ видѣ дружества, но яснѣе открылъ свое мнѣніе. Ибо когда другъ его просилъ, чтобы онъ въ его дѣлѣ ложно поклялся; то онъ сказалъ ему слѣдующія слова: δεῖ με συμπράττειν τοῖς φίλοις, ἀλλὰ μέχρι θεῶν. т. е. *Надобно мнѣ спомоществовать друзьямъ, но только не клясться.* А Ѳеофрастъ въ вышеобъявленной книгѣ тщательнѣе, обстоятельнѣе и подробнѣе о семъ разсуждаетъ, нежели Цицеронъ; но и тотъ разсуждая непорознь во всякое дѣло входитъ, и неточныя примѣровъ доказательства, но кратко и вообще употребляетъ слѣдующія роды вещей: малое, говоритъ, и неважное безчестіе или безславіе принять на себя должно, естьли чрезъ то великую пользу другу пріобрѣсти можно; потому что малой ущербъ нарушенной честности вознаграждается другою большею и важнѣйшею при спомоществованіи друга честностію: и малѣйшій оный порокъ и какбы разсѣлина славы пріобрѣтенною другу пользою задѣлывается. При семъ не должно намъ, говоразсуждая-

---

(5) *Периклъ*] Утверждаетъ Цицеронъ, что древніе забавныхъ зрѣлищъ писатели говорили о немъ, что на его устнахъ обитало сладкорѣчіе. Аристофанъ стихотворецъ сказалъ, что онъ блисталъ, гремѣлъ и приводилъ въ смятеніе Грецію. Жилъ по свидѣтельству Цицеронову въ то же время, въ которое Ѳукидидъ и Алцибіадъ. Онъ былъ Анаксарховъ ученикъ.

воритЪ, безпокоиться именами, что (6) не одного рода суть честность нашей славы, и польза дѣла нашего друга. Ибо сіе не по названіямЪ словЪ и не по достоинствамЪ родовЪ, но по настоящей важности и преимуществу разсуждать должно. Потому что когда вЪ равныхЪ или нѣсколько не равныхЪ вещахЪ состоитЪ польза друга и наша честность; то безЪ сумнѣнія честность большую имѣетЪ важность. А когда польза друга не вЪ примѣрЪ больше, а честности нашей вЪ маловажной вещи не великЪ ущербЪ: тогда полезное для друга, того, что для насЪ честно, бываетЪ совершеннѣе. ТакЪ какЪ великая тяжесть мѣди дороже малаго куска золота. ТакимЪ образомЪ я здѣсь самыя о томЪ Θеофрастовы слова написалЪ: *Я недопольно знаю, что вЪ семЪ родѣ превосходнѣе; и всякую ли часть вЪ сравненіи со всякою, какова бы она ни была, частію другаго должно предпочитать. На примѣрЪ такЪ, что хотя золото и превосходнѣе должно быть мѣди, и всякая часть золота вЪ сравненіи всякой части мѣди должна быть дороже: однако число и великость сдѣлаетЪ во томЪ какую нибудь отмѣну.* И

(7) Фа-

(6) На ГреческомЪ языкѣ называется честность τὸ καλὸν сред. рода. А польза ἡ ὠφέλεια женск. рода, или напротивЪ: честность ἡ καλοκαγαθία рода женскаго, а польза τὸ ὠφέλημα рода средняго. И такЪ одно предЪ другимЪ вЪ родѣ имѣетЪ преимущество.

(7) Фаворинъ философъ такое снисходительство милости пристойнѣе, не входя совершенно въ тонкое изслѣдованіе справедливости, опредѣлилъ слѣдующими словами: *ἡ καλȣμένη χάρις παρὰ τοῖς ἀνθρώποις τȣτȣ ἐςὶν ὕφεσις ἀκριβείας ἐν δέοντι.* т. е. *то, что называютъ люди милостію, есть не иное что, какъ уменьшеніе строгости права по времени и по мѣсту.* Послѣ наконецъ тожже Θеофрастъ подобно сему мнѣнію разсуждалъ: „Сіи однако, говоритъ, малости и великости вещей, и всѣ сіи мнѣнія о должностяхъ „совсѣмъ другими иногда внѣшними спомоществованіями, какбы прибавленіями лицъ, „причинъ, временъ и самаго обстоятельства „нуждами, которыя трудно включить въ „правила, управляются, и то дѣлаются дѣйствительны, то недѣйствительны. О семъ и таковомъ Θеофрастъ довольно осторож-

(7) *Фаворинъ*] Арелатскій, процвѣталъ во время Трояново, а наипаче Адріяново. Былъ евнухъ. Отъ Цесаря Адріяна нѣкогда будучи обвиненъ за рѣчь, которую хотя онъ весьма хорошо могъ защищать, однако лучше разсудилъ молчать. И какъ прі тели его стали его въ томъ укорять; то сказалъ имъ: я не хочу имѣть дѣла съ тѣмъ, который имѣетъ тридцать легіоновъ, пишетъ о семъ Спартіанъ въ Адріанѣ гл. 15. однако иногда съ нимъ спорилъ; что весьма было опасно. Ибо Адріанъ столько ненавидѣлъ тѣхъ, которые превосходили его ученостію, что многихъ изъ нихъ лишилъ жизни. Говорилъ Фаворинъ, что онъ имѣетъ въ себѣ три вещи удивительныя. 1. что будучи Галлъ говоритъ по гречески; 2. что будучи евнухъ былъ обвиняемъ въ прелюбодѣяніи; 3. что спорилъ съ Императоромъ и не былъ лишенъ жизни.

но, тщательно и добродѣтельно больше стараясь раздѣлить и разсудить, нежели опредѣлить думая и надѣясь разсуждалъ. Понеже подлинно при разности причинъ, лицъ и временъ прямаго, непремѣннаго и въ каждомъ дѣлѣ служащаго правила, чего я, какъ въ первой части объявлено, желалъ, положить не можно. А того Хилона, которымъ я началъ сіе краткое разсужденіе, какъ другія нѣкоторыя находятся полезныя и разумныя наставленія, такъ то наипаче извѣстную дѣлаетъ пользу, что онъ двѣ сильнѣйшія страсти, любовь и ненависть столько укротилъ и привелъ въ умѣренность. *Такъ*, говоритъ, *люби друга, какъ бы когда нибудь ты его хотѣлъ ненавидѣть; и такъ ненавидь, какъ бы когда нибудь послѣ хотѣлъ его любить.* О семъ Хилонѣ Плутархъ философъ въ первой книгѣ (8) о *душѣ* написалъ слѣдующее: *Хилонъ старшій, слыша одного сказывающаго, что онъ ни одного не имѣетъ непріятеля, спросилъ, не имѣетъ ли ни одного и друга, разсуждая, что дружество и недружество должно взаимно слѣдовать и между собою соединено быть.*

ГЛАВА

(8) О *душѣ*] кромѣ книгъ о душѣ, о которыхъ здѣсь упоминаетъ нашъ писатель, его же на Аристотеля записки о душѣ часто упоминаетъ Филопонъ. Но отъ обиды временъ оныя утрачены.

ГЛАВА 4.

Какъ тонко и любопытно Антоній Іуліанъ въ рѣчи М. Туллія разобралъ хитрость слова отъ него перемѣненнаго.

Антоній Іуліанъ риторъ былъ весьма честнаго и веселаго нрава человѣкъ, и довольно искусенъ въ своей полезной и веселой наукѣ, также много старался помнить и дѣйствительно помнилъ древнія красоты слова; при томъ всѣ почти древнія сочиненія съ такимъ любопытствомъ разсматривалъ, и либо разсуждалъ о ихъ добротахъ, либо изыскивалъ пороки, такъ что его разсужденіе за обстоятельное почесть должно. Сей Іуліанъ объ Энтимемѣ, которая находится въ рѣчи М. Туллія говоренной за Кн. Планція, разсуждалъ слѣдующимъ образомъ. Но я прежде напишу самыя слова, о которыхъ онъ имѣлъ разсужденіе. *Хотя несходенъ между собою долгъ денегъ, и долгъ благодарности: ибо кто заплатилъ деньги, тотъ уже не имѣетъ того, что отдалъ: а кто долженъ, тотъ удерживаетъ на себѣ долгъ: благодарность же и тотъ, кто отдаетъ, имѣетъ; и тотъ, кто имѣетъ чрезъ то самое, что имѣетъ, отдаетъ. И я теперь Планцію не перестану быть долженъ, естьли сіе заплачу: да и не отдалъ бы я ему самопроизвольно, естьли бы не случилось сего неудовольствія.* Витіеватое, говоритъ, подлинно сочиненіе рѣчи, и полное и по са-

мой мѣрѣ столь пріятное, но должно оное читать съ извиненіемъ нѣсколько сдѣланной перемѣны слова для того, чтобы не нарушить вѣрности предложенія. Потому чтобы онъ съ обоихъ сторонъ могъ наблюсти слово *заплаченный долгъ благодарности и денегъ.* Ибо такъ справедливо покажется противоположеннымъ между собою долгъ благодарности и денегъ, естьли должными названы будутъ и деньги и благодарность. Но какая будетъ разность въ деньгахъ должныхъ и заплаченныхъ, и что напротивъ будетъ за различіе между благодарностію должною и отданною, наблюдая съ обоихъ сторонъ слово *долгъ.* А когда, говоритъ, Цицеронъ сказалъ, что несходенъ между собою долгъ денегъ и благодарности, и предложилъ причину того изреченія, то онъ слово *долженъ* полагаетъ при деньгахъ; а при благодарности слово *имѣть* кладетъ вмѣсто *долженъ*; ибо говоритъ такъ: *а благодарность и тотъ, кто отдаетъ, имѣетъ, и тотъ, кто имѣетъ, чрезъ то самое, что имѣетъ, отдаетъ.* Но тотъ глаголъ съ положеннымъ сравненіемъ недовольно сходенъ. И долгъ благодарности, а не имѣніе, сравнивается съ деньгами. И для того слѣдовало сказать такъ; *и тотъ, кто долженъ, чрезъ то самое, что долженъ, отдаетъ.* А то бы непристойно и весьма принужденно было, естьли бы онъ неотданную еще благодарность, чрезъ то самое

мое

мое почелъ за отданную, что она есть должна. И такъ онъ, говоритъ, перемѣнилъ и приложилъ близкое слово къ слову опущенному для того, чтобы по видимому и отъ смысла заплаченнаго долга не отстать и не потерять красоты своего изреченія. Такимъ образомъ Іуліанъ изъяснялъ и разбиралъ изреченія древнихъ писателей, которыя при немъ ученики читали.

ГЛАВА 5.

О томъ, что Димосѳенъ риторъ безчестно убирался и одѣвался, и зазорную наблюдалъ чистоту: и что Гортенсій ораторъ за такую чистоту и комедіантскія въ сказываніи рѣчей тѣлодвиженія прозванъ Діонисіею плясавицею.

Сказываютъ, что (1) Димосѳенъ чрезмѣрно былъ роскошенъ, и наблюдателенъ въ чистотѣ платья и убранства. И потому κομψὴ онаи χλανὶς καὶ μαλακοὶ χιτωνίσκοι. т. е. *чистое верхнее платье и нѣжныя рубашки* отъ

(1) *Димосѳенъ*] который и женоподобнымъ названъ. Жесточайшіе его непріятели были Есхинъ, Динархъ, Демадъ, Мидій, Никостратъ, Аѳобъ, Тераменъ и другіе многіе. Онъ будучи сосланъ въ Калаврію по подыскамъ Антипатровымъ, самъ себя отравилъ ядомъ. И таким образомъ бѣдно скончались два верховные витіи Димосѳенъ Греческій и Цицеронъ Латинскій.

отъ соперниковъ и противниковъ причтены ему въ безчестіе. За что не щадили его называть безчестными и презрительными словами *бабикомъ и скверносло́помъ.* Также Гортенсія всѣхъ почти своего вѣка ораторовъ, кромѣ М. Туллія, славнѣйшаго, за то, что онъ очень чисто одѣвался и убирался, и что въ сказываніи рѣчей чрезмѣрно живыя дѣлалъ движенія руками, ругали и безчестно укоряли, и много на него какбы на позорищнаго игрока въ самыхъ дѣлахъ и судахъ наговаривали. Но когда Л. Торкватъ, человѣкъ грубый и неучтивый, досаднѣе и несноснѣе при собраніи судей во время изслѣдованія дѣла Суллина, не комедіантомъ уже назвалъ, но шутихою и Діонисіею весьма извѣстною плясавицею: то Гортенсій тихимъ и нѣжнымъ голосомъ *Діонисіею,* сказалъ *Діонисіею я лучше быть хочу, нежели такимъ, какопъ ты Торкватъ, грубъ, нескроменъ, нечестенъ.*

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

Слова изъ рѣчи (1) Метелла Нумидійскаго, которую онъ будучи цензоромъ говорилъ къ народу, уговаривая его жениться, и для чего оная рѣчь охуждена, и какъ защищена.

При многихъ ученыхъ мужахъ читана была рѣчь важнаго и краснорѣчиваго мужа Метелла Нумидійскаго, которую онъ говорилъ къ народу о женидьбѣ, уговаривая его вступать въ супружество. Въ оной рѣчи написано было слѣдующее. *Естьли бы, Римляне, могли мы быть безъ женъ, то всѣ бы не имѣли той печали; но понеже такъ сдѣлала природа, что ни съ ними довольно способно, ни безъ нихъ никоимъ образомъ жить не можно; то должно лучше стараться о всегдашнемъ благосостояніи, нежели о краткомъ удовольствіи.* Казалось нѣкоторымъ, что Метеллъ Ценсоръ, имѣя намѣреніе уговаривать народъ къ супружеству, не долженъ былъ признаваться въ печали и всегдашнихъ невыгодахъ супружества; ни присовѣтывать то больше, нежели отсовѣтывать и отводить отъ того: но напротивъ говорили, что онъ лучше долженъ былъ въ рѣчи своей доказывать, что нѣтъ въ супружествѣ никакихъ печалей, и что хотя по

(1) *Метелла*] К. Цецилій Метеллъ названъ Нумидійскимъ потому, что торжествовалъ надъ Югортою царемъ Нумидійскимъ. Сосланъ въ ссылку за то, что не хотѣлъ подтвердить Апулеева закона; но по закону Калидіеву а по прозьбѣ сына возвращенъ.

по видимому нѣкоторыя случаются, однако малыя, легкія и сносныя; и что они большими выгодами и удовольствіями заглаждаются: притомъ тѣ самыя печали бываютъ не всѣмъ, ниже по недостатку въ природѣ, но по винѣ и несправедливости нѣкоторыхъ мужей. А Титъ Кастрицій разсуждалъ, что Метеллъ то говорилъ справедливо и пристойно. Иначе, говоритъ онъ, долженъ говорить Ценсоръ, иначе ритоъ. Ритору позволено употреблять предложенія ложныя, смѣлыя и лестныя, естьли они только похожи на правду, и могутъ какою нибудь хитростію подкрасться къ возбужденію человѣческихъ сердецъ. Сверьхъ сего безчестно, говоритъ, что нибудь въ худомъ дѣлѣ оставить безъ доказательствъ и безъ защищенія. Но Метеллу, говоритъ, непорочному мужу, оною важностію и довѣренностію почтенному, въ такомъ достоинствѣ чина и жизни къ народу Римскому говорившему, ничего другаго пристойно не было говорить, кромѣ того, что ему и всѣмъ справедливо казалось: а особливо, когда еще онъ говорилъ о такой вещи, которую простымъ разумомъ, общимъ и всякому извѣстнымъ опытомъ жизни понимать можно. И для того онъ въ извѣстной всѣмъ людямъ печали признавшись, и тѣмъ признаніемъ довѣренность въ своей прилѣжности и справедливости заслуживши, легко и способно, въ томъ, что было самое твердое

и

и истинное увѣрилъ, что благосостояніе гражданства безъ умноженія супружествъ быть не можетъ. Сверхъ сего и другое изъ той же Метелловой рѣчи почелъ я за достойное прилѣжнаго чтенія, не меньше какъ и то, что важнѣйшіе философы написали. Слова Метелловы суть слѣдующія: *Безсмертные боги весьма много могутъ, но не больше намъ хотѣть должны, какъ родители. А родители дѣтей, естьли очи не отстаютъ отъ преступленій, лишаютъ наслѣдства. И такъ чего намъ свыше отъ безсмертныхъ боговъ ожидать, естьли мы не перестанемъ дѣлать беззаконія? для тѣхъ наконецъ богамъ милостивымъ быть надовно, которые имъ не сопротивляются. Безсмертные боги должны одобрять, а не дѣлать добродѣтель.*

ГЛАВА 7.

Изъ пятой рѣчи на Верреса въ сихъ словахъ Цицероновыхъ. Hanc ſibi rem praeſidio ſperant futurum, *Нѣтъ ни погрѣшности, ни порока: и неправо дѣлаютъ тѣ, которые портятъ хорошія книги, и пишутъ,* futuram: *тутъ же упомянуто и о другомъ нѣкоторомъ Цицероновомъ словѣ, которое справедливо написано, но несправедливо оное перемѣняютъ: и притомъ кратко предложено о стопахъ и числахъ рѣчи, которыя Цицеронъ старался наблюдать.*

Въ пятой рѣчи Цицероновой на Верреса, въ книгѣ вѣрно и исправно изданной по старанію и разсмотренію Тирона, такъ написано: *Homines tenues obſcuro loco nati navigant: adeunt ad ea loca, quae nunquam ante adierant; neque noti eſſe iis, quo venerunt, neque ſemper cum cognitoribus eſſe poſſunt. Haec una tamen fiducia civitatis, non modo apud noſtros magiſtratus, qui et legum et exiſtimationis periculo continentur, neque apud cives ſolum Romanos, qui et ſermonis et iuris et multarum rerum ſocietate iuncti ſunt, fore ſe tutos arbitrantur, ſed quocunque venerint, hanc ſibi rem praeſidio ſperant futurum.* Казалось, многимъ, что въ послѣднемъ словѣ есть погрѣшность. Потому что надобно было написать не *futurum*, но *futuram*: и разсуждали, что надобно книгу переправить, чтобы какъ въ Плавтовой комедіи прелюбодѣй, (ибо такъ они надъ мнимою ошибкою смѣялись:)

ялись:) такъ въ Цицероновой рѣчи ошибка не была явна. Случился тамъ быть мой пріятель, человѣкъ упражнявшійся въ чтеніи многихъ книгъ, и который всѣ почти древнія сочиненія разсматривалъ и зналъ. Онъ посмотрѣвъ въ книгу сказалъ, что нѣтъ въ томъ словѣ ни погрѣшности, ни порока: и что Цицеронъ оное выговорилъ справедливо и пристойно. Потому что, сказалъ, *futurum* не относится до слова *rem*, какъ безразсудно и нерадиво читающимъ кажется; и не въ причастіи оное положено; но есть глаголъ неопредѣленный, который Греки называютъ *ἀπαρέμφατον*, неимѣющій ни числъ, ни родовъ, но отвсюду свободный, и ни до чего не надлежащій. Каковое слово употребилъ К. Гракхъ въ рѣчи, которой надписаніе, *о Квинтѣ Попиліи въ зборищахъ*, въ которой такъ написано, *credo ego inimicos meos hoc dicturum*, а не *dicturos*. Въ такой ли силѣ положено быть кажется у Гракха, *dicturum*, въ какой у Цицерона *futurum*, какъ въ Греческомъ языкѣ безъ всякаго въ погрѣшности подозрѣнія, и при всякомъ числѣ и родѣ безъ разбору кладутся слѣдующіе глаголы *ποιήσειν*, *ἔσεσθαι*, *λέξειν*, и подобные симъ. Да и у Кл. Квадригарія въ третіей книгѣ лѣтописца находятся, сказалъ, сіи слова. *Dum ii conciderentur, hostium copias ibi occupatas futurum.* У того же Квадригарія въ осьмойнадесять книгѣ лѣтописца самое начало книги написано такъ: *si pro tua bonitate*

tate et nostra voluntate tibi valetudo suppetit, est quod speremus deos bonis bene facturum. Также у Валерія Анціата въ двадцать четвертой книгѣ лѣтописца подобно написано: *si hae res diviuae factae riteque perlitatae essent, haruspices dixerunt omnia ex sententia processurum esse.* И Плавтъ въ Казинѣ говоря о дѣвочкѣ, *occisurum*, а не *occisuram*, сказалъ въ слѣдующихъ словахъ: *etiam ne habet Casina gladium? habet, sed duos, quibus altero te occisurum ait, altero villicum.* Также Лаберій въ Гемеллахъ. *non putavi*, сказалъ, *hoc eam facturum.* И такъ не ужли они всѣ не знали, что есть ошибка. Но Гракхъ *dicturum*, и Квадригарій *futurum* и *benefacturum*, и Плавтъ *occisurum*, и Антій *processurum*, и Лаберій *facturum*, въ неопредѣленномъ наклоненіи сказали. Которое наклоненіе ни на числа, ни на лица, ни на роды, ни на времена не раздѣляется, но все сіе въ одномъ окончаніи заключаетъ. Какъ М. Цицеронъ сказалъ, *futurum*, ни въ мужескомъ, ни въ среднемъ родѣ: (потому что конечно такъ была бы ошибка) но употребилъ слово ни до какова рода не надлежащее. Тотъ же самый мой пріятель говорилъ, что въ рѣчи того же М. Туллія Цицерона, говоренной о избраніи въ полководца Кн. Помпея такъ написано отъ Цицерона, и такъ онъ самъ читалъ: *quum vestros portus, atque eos portus, quibus vitam ac spiritum ducitis, in praedonum fuisse potestatem sciatis.* И говорилъ, что не ошибка *in potestatem fuisse*,

какъ

какъ думаютъ полуученые люди, но утвердить старался, что то сказано по извѣстной и справедливой причинѣ, по которой и Греки такъ употребляли: и Плавтъ весьма наблюдающій чистоту латинскихъ словъ въ Амфитріонѣ сказалъ, *numero mihi in mentem fuit*, не такъ какъ вошло въ обычай говорить, *in mente.* Но и кромѣ Плавта, котораго онъ тотчасъ привелъ въ примѣръ, великое я и у древнихъ писателей такихъ реченій нашелъ множество; и для простаго народа въ сихъ примѣчаніяхъ записалъ. Но не представляя сей причины и важности писателей, самой звонъ и положеніе словъ довольно доказываютъ, что то больше рачительному выбору словъ и пріятности рѣчи М. Туллія приличествовало, что, когда и то и другое полатински выговорить было можно, лучше захотѣлъ онъ сказать, *potestatem*, нежели *potestate.* Ибо то такимъ образомъ сочинено будучи гораздо слуху есть пріятнѣе и совершеннѣе, а сіе гораздо непріятнѣе и недостаточнѣе; естьли только человѣкъ будетъ исправенъ слухомъ, а неглухъ и не невнимателенъ: какъ подлинно, что онъ лучше захотѣлъ сказать, *explicavit*, нежели *explicuit*, что въ большемъ уже стало быть употребленіи. Слова изъ рѣчи его, которую онъ говорилъ о военачальствѣ Кн. Помпея: *Testis est Sicilia, quam multis undique cinctam periculis non terrore belli, sed consilii celeritate explicavit.* Но естьли

бы онъ сказалъ *explicuit*, то по несовершенному и недостаточному словъ числу произношеніе было бы непріятно.

ГЛАВА 8.

Найденная въ книгахъ Сотіона философа повѣсть о любодѣйцѣ Лаидѣ и риторѣ Димосөенѣ.

(1) Сотіонъ въ Перипатетическомъ ученіи былъ мужъ знаменитый. Онъ сочинилъ книгу содержащую въ себѣ многія и различныя повѣсти, и надписалъ оную *Амалөеинъ рогъ*. Сіе слово то же почти значитъ, что *рогъ изобилія*. Въ оной книгѣ о Димосөенѣ риторѣ и Лаидѣ любодѣйцѣ написана слѣдующая повѣсть: (2) Лаида Коринөская чрезъ красоту и пріятность лица собирала великое богатство, и знатные къ ней былй съѣзды изъ всей Греціи богатыхъ людей. И никто къ ней допускаемъ не былъ кромѣ того, кто давалъ то, чего она просила. Просила же она чрезмѣрнаго количества.

---

(1) *Сотіонъ*] который и Платоновъ былъ ученикъ, и послѣ учился у Ксенократа. Рѣчи его весьма хвалитъ Плутархъ.

(2) *Лаида Коринөская*] родомъ дѣйствительно она была Сициліанка. Ибо Ницій Аөинейскій полководецъ будучи посланъ въ Сицилію, по самопроизвольной сдачѣ Катиненцовъ, Лаиду тогда въ малолѣтствѣ съ другими плѣнниками завезъ въ Пелопоннезъ, какъ пишетъ Плутархъ въ Ниціи. И такъ она была Коринөянка по жительству, а Сициліанка по рожденію.

ства. Оттуда и произошла употребительная оная у Грековъ пословица, ὀ παντὸς ἀνδρὸς ἐς Κόρινθον ἔσθ ὁ πλᾶς т. е. *не всякому мущинѣ можно ѣхать въ Коринѳъ.* Потому что напрасно бы поѣхалъ тотъ въ Коринѳъ къ Лаидѣ, кто не могъ бы дать отъ нея требуемаго. Пришелъ къ ней тайно Димосѳенъ, и просилъ, чтобы она его удовольствовала: но Лаида потребовала *десять тысячь драхмъ или* (3) *талантъ*, (нашими деньгами тысячу рублей.) Такою наглостію жены и великимъ количествомъ денегъ пораженъ и устрашенъ будучи Димосѳенъ отворотился, и отходя сказалъ: *я раскаянія столь дорого не покупаю.* Но Греческія слова, которыя онъ сказалъ, гораздо живѣе: ὀκ ὠνᾶμαι μυρίων δραχμῶν μεταμέλειαν. т. е. *я за* 10000 *драхмъ не покупаю раскаянія.*

ГЛАВА

(3) *Талантъ*] по свидѣтельству Поллукса Талантъ Аттическій содержалъ въ себѣ шесть тысячь драхмъ. Но онъ же объявляетъ, что иной Талантъ былъ Вавилонской, иной Сирской, иной Егинейской. Егинейской содержалъ въ себѣ десять тысячь драхмъ, думаю, что то же имѣлъ въ себѣ и Коринѳской.

ГЛАВА 9.

Какой способъ и порядокъ былъ Пиѳагорическаго ученія, и сколько времени повелѣваемо и наблюдаемо было говорить и молчать.

Сказываютъ, что (1) Пифагоръ, и наконецъ его преемники, въ принятіи и наставленіи учениковъ слѣдующій наблюдали порядокъ и способъ. Въ самомъ началѣ юношей,

---

(1) *Пиѳагоръ*] Самоскій, сынъ Мнесарха рѣзщика дорогихъ камней, основатель Италіанской Философіи слушатель Ферецида Сирина, по смерти котораго пошелъ въ науку уже къ состарѣвшему я Гермодаманту Крефилову внуку. И какъ довольно у него успѣлъ, то поѣхалъ въ Египетъ для познанія ихъ Богословіи, обрядовъ и нравовъ. Климентъ Александрійскій въ кн. 1. Стромат. объявляетъ намъ объ имени его учителя говоря слѣдующее: *Сказываютъ, что Пиѳагоръ учился у Сонхида Египетскаго пророконачальника.* А чтобы имѣть право входить в внутренныя святилища и учиться таинственной Египетской философіи, обрѣзался отъ священниковъ. Тамже. Марегамъ въ Хронолог. правилѣ 5 го вѣка доказываетъ изъ Иродота кн. 2. гл. 3[illegible], 37, 91, 104, что сей обрядъ у онаго народа былъ весьма древній и уставленъ съ начала. Потомъ желая узнать Астрологію и науку Халдейскую, поѣхалъ въ Вавилонъ, гдѣ научился наблюдать теченіе звѣздъ и ихъ дѣйствія въ рожденіи людей, и многое позналъ касающееся до богопочитанія Іудейскаго. По возвращеніи въ отечество, не терпя тиранства Поликратова и Силозонова, уѣхалъ въ великую Грецію, гдѣ заведши Италіанскую секту, не захотѣлъ принять названія мудреца довольствуясь именемъ Философа. Въ таинствахъ и ея премудрости былъ весьма знающь, но наипаче удивителенъ въ Математикѣ, въ ариѳметикѣ,

шей, приходившихъ учиться, (2) разсматривалъ онъ *по фисіогноміи*, потомъ того, кого онъ испыталъ и находилъ способнымъ, приказывалъ тотчасъ въ науку принимать,

 и

тикѣ изобрѣлъ новыя правила, и Геометрію вымышленную отъ нѣкоего Мера довелъ до совершенства. Великую заслуживалъ похвалу за воздержаніе и постоянство въ дружествѣ. Впрочемъ никогда его не видали ни смѣющагося, ни плачущаго. Въ толикомъ у послѣдователей своихъ былъ почтеніи, что оттуда произошло оное *ἀυτὸς ἔφα самъ сказалъ.* Сказываютъ, что слушателей имѣлъ не менѣе шести сотъ, собиравшихся къ нему ночью; изъ которыхъ знатнѣйшіе были Архитъ Тарентскій, Алкмеснъ Кротонецъ, Иппасъ Метапонтинскій и Филолай Кротонецъ. Онъ первый утверждалъ преселеніе душъ въ другія тѣла, и для удобнѣйшаго въ томъ увѣренія говорилъ о себѣ, что онъ сперва былъ Еѳалидъ сынъ Меркуріевъ, отъ котораго какъ дано ему было позволеніе просить, чего хочетъ, кромѣ безсмертія; то просилъ у него того, чтобы и въ жизни и по смерти помнить всѣ приключенія. По смерти Еѳалидовой, говорилъ, что былъ онъ Евфорбомъ, потомъ Гермотимомъ, потомъ нѣкоторымъ Делосскимъ рыбакомъ, по имени Пирргомъ, а по смерти Пирргoвой сдѣлался Пиѳагоромъ. По свидѣтельству Иродота сіе мнѣніе о преселеніи душъ принялъ онъ отъ Египтянъ. Кротонцамъ и Метапонтинцамъ написалъ законы, и народы утопающія въ роскоши важностію и ученіемъ своимъ довелъ до воздержной жизни такъ, что и жены будучи убѣждены его непорочностію и строгостію жизни, златотканныя одежды и прелестныя украшенія посвятили въ храмъ Юнонинъ. Наконецъ много лѣтъ живши въ Кротонѣ, преселился въ Метапонтъ, гдѣ и умеръ, хотя другіе иначе повѣствуютъ. Какою смертію умеръ, не совсѣмъ извѣстно. Нѣкоторые говорятъ, что онъ убитъ; другіе, что умеръ незапною смертію; а иные, что отъ извѣстнаго нѣкоего человѣка, котораго онъ не хотѣлъ учить

и назначалъ ему извѣстное время молчать; (не всѣмъ одинакое было назначаемо время для молчанія, но инымъ большее, инымъ меньшее время по усмотренію понятія и остроты разума.) Молчавшій слушалъ то, что говорили другіе: притомъ ни спрашивать, естьли мало понялъ, ни записывать, что слышалъ, не позволялось. Но не меньше всякой молчалъ, какъ два года. Сіи во время молчанія и слушанія прямо назывались *ἀκουστικοὶ слушающіе.* Но когда научились вещамъ всего труднѣйшимъ, молчать и слушать, и начинали уже быть чрезъ молчаніе, которое называлось *ἐχεμυθία, поздержность въ рѣчахъ*, искусны; тогда могли говорить, разсуждать, слышанное писать и предлагать свои мнѣнія. Сіи въ то время назывались *μαθηματικοὶ принявшіеся за науку.* По тѣмъ, т. е. наукамъ, которымъ они уже начинали учиться и разсуждать объ оныхъ; потому что Геометрію, (3) Гномонику, музыку и другія бывшія науки, древніе

учить философіи, съ учениками сожженъ въ 4 лѣто 7. Олимпіады, отъ созданія Рима въ 257 или 278 отъ роду на 90 году. Сколько Метапонтинцы уважали его живаго, то доказали по его кончинѣ, домъ его посвятивъ ему вмѣсто храма, и боголѣпное мертвому воздававъ почтеніе.

(2) *Разсматривалъ онъ по Фисіогноміи*] Разсматривать по фисіогноміи значитъ, нѣкоторою отгадкою узнавать человѣческія нравы и свойства, по расположенію и начертанію лица и всего тѣла.

(3) *Гномонику*] которую изобрѣлъ Анаксимандеръ, или какъ другіе говорятъ Анаксименъ Милесскій.

ніе Греки называли *μαθήματα*: а простой народъ тѣхъ, которыхъ народнымъ словомъ должно называть Халдеями, называетъ Математиками. Потомъ обучившись симъ наукамъ, начинали разсматривать дѣла міра и начала естественныя: и тогда уже назывались *Физикоі испытателями естества.* Сіе самое объявивъ Тавръ о Пиѳагорѣ, „а нынѣ, сказалъ, тѣ, которые неумовенными „ногами приходятъ къ философамъ, недо„вольно, *что совсѣмъ не знаютъ умозрѣнія,* „*музыки и Геометріи*; но и предписываютъ „законъ, по которому бы ихъ учить фило„софіи. Иной говоритъ: меня сему прежде „учи. Другой также говоритъ: я сему хочу „учиться, а тому не хочу. Иной желаетъ „начать съ Платонова разговора для Алки„віадовой роскоши, другой съ Федра для Ли„сіевой рѣчи. Иной, ахъ Боже мой! проситъ „читать Платона, не для украшенія жиз„ни, но для украшенія языка и рѣчи, и не „для того, чтобы просвѣщеннѣе и скромнѣе „быть, но чтобы быть краснорѣчивѣе. Сіе Тавръ обыкновенно говорилъ сравнивая новыхъ философскихъ послѣдователей съ Пиѳагориками. Но и того не должно оставлять въ молчаніи, что всѣ тѣ, которыхъ Пиѳагоръ принималъ въ оное учениковъ общество, у кого сколько было денегъ и имѣнія, отдавали на общія расходы; и собиралось общество нераздѣльное, какбы оно было древнее общежитіе, которое по справедли-

вости Римскимъ словомъ называлось herctō non citō, т. е. нераздѣльные животы.

ГЛАВА 10.

Какъ Фаворинъ выступилъ въ разговоръ съ юношею очень по старинному говорившимъ.

Фаворинъ философъ юношѣ весьма любящему древнія слова, и въ повседневныхъ и общихъ разговорахъ многія весьма старинныя и неизвѣстныя рѣчи употребляющему сказалъ: (1) „Курій и (2) Фабрицій „и Корунканій весьма древніе мужи и древ„нѣйшіе оныхъ Гораціи Тройни ясно и по„нятно съ своими разговаривали; и не Аврун„ковъ или Сикановъ или Пеласговъ, первыхъ „обитателей Италіи, но своего вѣка словами „говорили. А ты, равно какбы съ Евандровою „(3) матерью теперь говорилъ, чрезъ многія „уже лѣта неупотребляемыя говоришь слова „для того, чтобы никто не зналъ и не раз„умѣлъ, что ты говоришь. Не должно ли „бы

---

(1) *Курій*] М. Курій полководецъ, который ни оружіемъ побѣжденъ, ни деньгами подкупленъ быть не могъ, и съ Фабриціемъ Пиррга Епиротскаго царя выгналъ изъ Италіи. Объ умѣренности его смотри Плутарха и Валер. Макс. кн. 4. гл. 3 Жилъ въ лѣто Рима 463.

(2) *Фабриції*] К. Фабрицій Лусцинъ, котораго Цицеронъ сравниваетъ съ Аристидомъ Аѳинскимъ.

(3) *Евандръ*] внукъ Палласа Аркадійскаго царя, былъ основатель Римской крѣпости, какъ Вирг. объявляетъ въ 8 кн. Енеид. смотр. Юстин. кн. 48. и Ливія кн. 1. гл. 7. Мать имѣлъ Карменту, которая названа Никостратою. И потому *говорить съ Евандровою матерью* значитъ здѣсь говорить по старинѣ и неупотребительно.

„ бы тебѣ было, негодный человѣкъ, молчать, чтобы довольно исполнить свое намѣреніе? но ты говоришь, что нравится тебѣ древность за то, что она честна, хороша, трезва и скромна; и такъ ты живи по стариннымъ обычаямъ, а говори слова новыя; и всегда имѣй въ сердцѣ и въ памяти то, что К. Цесарь, мужъ превосходныхъ дарованій и разума написалъ въ первой книгѣ о сходствѣ: *Какъ судно камня, такъ ты неупотребительныхъ убѣгай словъ.* „

ГЛАВА 11.

Ѳукидидъ славный историкъ объявляетъ, что Лакедемонянѣ на сраженіяхъ не употребляли трубы, но свирѣли: потомъ написаны самыя его слова: и что по объявленію Иродота Аліаттъ царь имѣлъ при себѣ женщинъ играющихъ на музыкѣ: притомъ нѣкоторое примѣчаніе о свирѣлкѣ Гракховой, которую онъ употреблялъ при сказываніи рѣчей.

Ѳукидидъ важнѣйшій Греческой исторіи писатель объявляетъ, что Лакедемонянѣ, славные воины въ сраженіяхъ не употребляли роговъ и трубъ, но играли въ свирѣли, не по какому нибудь священному обряду или богослуженію, и совсѣмъ не для того, чтобы возбудить и разъярить сердца, что производятъ рога и кривыя тру-

бы: но чтобы напротивъ привесть оныя въ умѣренность; что дѣлается чрезъ искусное играніе свирѣлей. Такимъ образомъ они при нападеніи на непріятеля и въ началѣ сраженія ничего не нашли способнѣйшаго къ соблюденію своей жизни и силъ, какъ то, чтобы умягчившись нѣжнымъ звукомъ не приходить въ неумѣренную ярость. И для того по расположеніи строя и по начатіи приступа на непріятеля, свирѣльщики разставленные въ войскѣ начинали играть. Тогда оным тихимъ, увеселительнымъ и почтеннымъ играніемъ, какбы при какомъ нибудь ученіи воинской музыкѣ, насиліе и стремленіе воиновъ удерживаемо было, дабы они разбившись врознь побиты не были. Но я разсуждаю употребить самыя изряднаго онаго писателя слова, которыя и по достоинству и по вѣрности суть важнѣе. *Потомъ начался сраженіе. Аргиплнѣ и ихъ союзники сильно и съ гнѣвомъ наступали; а Лакедемонянѣ тихо и при играніи на многихъ свирѣляхъ отъ порядочно разставленныхъ свирѣльщиковъ, не для богослуженія, но чтобы вмѣстѣ стройно идучи наступить на непріятеля, и чтобы не разорвался у нихъ строй: что въ большихъ войскахъ во время сраженія обыкновенно бываетъ.* Сказываютъ также, что и (1) Критянѣ обыкно-

(1) *Критянѣ*] которые воинской порядокъ приняли отъ Лакедемонянъ, по свидѣтельству Ксеноф. о Лакед. Респуб.

кновенно вступали въ сраженія съ играніемъ на лютнѣ. Аліатть же Лидійскій царь по Варварскому обыкновенію и роскоши, имѣя войну съ Милитянами, какъ Иродотъ объявляетъ въ исторіи, имѣлъ при себѣ въ войскѣ играющихъ свирѣльщиковъ и музыкантовъ, также и женщинъ играющихъ въ свирѣли, какбы забавляясь на веселомъ пирѣ. Но Омиръ объявляетъ, что Ахивы вступали въ сраженіе не съ играніемъ музыки и свирѣлокъ, но съ тайнымъ единомысліемъ.

Ахивы ревностно, но тихо въ бой вступали,
И помощь вскорости другъ другу подавали.

Что значитъ оный весьма ревностный вопль Римскихъ воиновъ, который, какъ упоминаютъ писатели лѣтописцовъ, обыкновенно бывалъ въ сраженіяхъ? Противъ ли то было толь достохвальныхъ правилъ древней воинской науки? или тогда тихо итти и молчать надобно, когда еще непріятель вдали находится? а какъ очень въ близкомъ будутъ разстояніи, то уже и съ стремленіемъ нападать на непріятеля, и крикомъ устрашать онаго надобно? Отъ Лакедемонскаго же на свирѣляхъ игранія пришла въ память и та свирѣль, которой

 игра-

Респуб. кромѣ сей музыки Критянѣ имѣли и вооруженное плясаніе, которое называли Пирртовымъ. Смотр. Діонис. Аликар. кн. 7. и Діод. Сицилійскаго кн. 4. и 6. Сіе было нѣкоторымъ воинскимъ обученіемъ.

игранію, какъ сказываютъ, К. Гракхъ сообразовался въ сказываніи рѣчей къ народу. Но совсѣмъ не такъ, какъ говоритъ простой народъ, будто бы нѣкто стоя за нимъ во время сказыванія игралъ на свирѣли; и разнообразнымъ играніемъ то успокоивалъ духъ и дѣлалъ его слова пріятными, то приводилъ оной въ напряженіе. Потому что крайне бы было непристойно, естьли бы какъ комедіанту при плясаніи, такъ Гракху при сказываніи рѣчей наигрывалъ музыкантъ разныя голоса? Но тѣ, которые о семъ яснѣе написали, говорятъ, что музыкантъ стоялъ потаенно между слушателями, чтобы хорошенькою свирѣлкою мало помалу умножая громкость, нѣсколько укрощать и заглушать стремленіе его голоса. Ибо, по моему мнѣнію, не надобно думать, что оная Гракхова важность требовала сильнаго посторонняго возбужденія. Однако М. Цицеронъ думаетъ, что Гракхъ сего музыканта имѣлъ и для того и для другаго; т. е. чтобы онъ то тихо, то громко играя или бы подкрѣплялъ ослабѣвающую его рѣчь, или удерживалъ бы сильное стремленіе и напряженіе оной. Слова самаго Цицерона я здѣсь приложилъ. *И такъ тотъ самый Гракхъ, о чемъ ты Катуллъ можешь услышать отъ Лицинія твоего знакомца, человѣка ученаго, который былъ у него слугою, обыкновенно имѣлъ искуснаго человѣка съ свирѣлью сдѣланною изъ слоно-*

нопой кости, чтобы онъ во время сказыванія его рѣчей тайно за нимъ стоя пропорно тѣмъ игралъ голосомъ, который бы его или въ слабости подкрѣплялъ, или отъ напряженія удерживалъ. Что же касается до обыкновенія вступать въ сраженіе съ играніемъ на свирѣляхъ, то Аристотель написалъ въ книгахъ *Задачъ*, что оное введено отъ Лакедемонянъ для того, чтобы чрезъ то больше узнать безопасность и охоту воиновъ. Потому что, говоритъ, приступъ къ сраженію не терпитъ сумнѣнія и боязни: и что печальные и боязливые при толь небоязненномъ и толь благопристойномъ во время приступа играніи не бываютъ. Нѣкоторыя о томъ Аристотелевы слова предложилъ я здѣсь. *Для чего имѣющіе вступать въ сраженіе идутъ при играніи на свирѣли? Для того, чтобы узнать боязливыхъ непристойно поступающихъ.*

ГЛАВА 12.

Какихъ лѣтъ, изъ какого поколѣнія, съ какимъ обрядомъ, съ какою святостію и благоговѣніемъ, и для чего великій верьхосвященникъ долженъ былъ брать Весталь- ную дѣвицу: какое притомъ она начинала имѣть право, какъ скоро взята была: и что по объявленію Лабеона ни она никому, ни ей никто безъ завѣщанія правильнымъ наслѣдникомъ быть не могъ.

Всѣ писавшіе о избираніи Вестальной дѣвицы, а особливо Лабеонъ Антистій, который съ крайнимъ стараніемъ о томъ писалъ, утвердили, что оную ни меньше шести, ни больше десяти лѣтъ отъ роду брать было не можно. Равнымъ образомъ не можно было брать и такую, которая не имѣла живыхъ отца и матери. Ни такую, которая неисправна была языкомъ и слухомъ, или имѣла другой какой нибудь порокъ тѣлесный. Ни такую, которая или сама отъ отца или отецъ ея отъ своего (1) уволенъ, хотя она при жизни отца и находится подъ властію дѣда. Ни такую, ко-

(1) *Уволенъ*] По закону Ромулову отцы надъ дѣтьми право живота и смерти и господскую власть имѣли, такъ что трижды сына, однажды дочь и прочихъ дѣтей можно было продать, пока они уволены не будутъ. Такимъ образомъ по уничтоженіи строгой оной власти, отцы притворно продавали дѣтей, и взявши одну или двѣ монеты отъ повѣреннаго отца, который оныхъ покупалъ, и старался о выкупѣ, увольняли и дѣлали оныхъ ни отъ кого независящими.

которой родители оба или одинъ были въ неволѣ; или обращаются (2) въ подлыхъ дѣлахъ. Но та, сказываютъ, дѣвица, которой сестра выбрана въ оное священство, была отъ сего свобождаема. Равнымъ образомъ и та, у которой отецъ жрецъ, или провѣщатель, или находящійся въ числѣ пятнатцати мужей опредѣленныхъ для приношенія жертвъ, или изъ числа седми мужей учрежденныхъ для отправленія пиршествъ, или жрецъ Марсовъ. Притомъ первосвященникова невѣста и дочь того, кто игралъ на свирѣли при священнослуженіяхъ, отъ сего священства были свободны. Сверхъ сего Капитонъ Атей написалъ, что и того дочери избирать было не должно, кто не имѣлъ жилища въ Италіи, и свобождать надлежитъ дочь того, кто имѣлъ (3) дѣтей въ Римѣ, въ Италіи и въ завоеванныхъ земляхъ. Вестальная же дѣвица какъ скоро взята и отведена будетъ въ притворъ Весты, и отдастся первосвященникамъ; въ то самое время безъ увольненія и безъ перемѣны состоянія въ своемъ родѣ выходитъ изъ власти отца, и получаетъ

(2) *Въ подлыхъ дѣлахъ*] Каковы сіи суть, о томъ смотр. Цицер кн. I о должн.

(3) *дѣтей въ Римѣ*] Право сіе произошло отъ закона Папіева. Потому что кто трехъ дѣтей имѣлъ въ Римѣ, четверыхъ въ Италіи, пятерыхъ въ завоеванныхъ земляхъ или провинціяхъ, тотъ отъ попеченія, отъ призрѣнія сиротъ и отъ другихъ личныхъ должностей былъ свободенъ.

чаетъ право дѣлать завѣщаніе. Что же касается до обычая и обряда, какъ брать дѣвицу, о томъ въ древнихъ писателяхъ не упоминается кромѣ того, что первая взята была Нумою. Но я нашелъ Папіевъ законъ, который повелѣваетъ по произволенію великаго первосвященника собирать по двадцати дѣвицъ съ народа, и изъ того числа выбирать по жеребью при собраніи; и на которую дѣвицу выпадетъ жеребей, ту великій первосвященникъ долженъ взять, и сдѣлать Весталью. Но послѣ тотъ выборъ жеребьемъ по закону Папіеву казался быть ненуженъ. Потому что естьли кто нибудь изъ благородныхъ придетъ къ великому первосвященнику, и приведетъ отдать въ священницы дочь свою съ тѣмъ однакожъ, чтобы безъ нарушенія священныхъ обрядовъ она принята быть могла, то Сенатъ свобождаетъ оную отъ наблюденія Папіева закона. А что говорится, *берется дѣвица*, то по видимому для того, что великій первосвященникъ взявши ея за руку, какбы плѣнницу уводитъ отъ отца, у котораго она была во власти. Въ первой книгѣ Фабія Пиктора написаны слова, которыя при взятіи дѣвицы долженъ говорить великій первосвященникъ: оныя слова суть слѣдующія: *Sacerdotem. Veſtalem. Quae. Sacra. Faciat. Quae. Iouſ. Siet. Sacerdotem. Veſtalem. Facere. Pro. Popolo. Romano. Quiritium. Vt Ei. Quae. Optuma. Lege. Fouit. Ita.*

Ita. Te. Amata. Capio. т. е. *Въ священницу Вестальную, для совершенія священнослуженій, которыя Священницѣ Вестальной подобаетъ совершать за Римскій народъ и Квиритовъ, на тѣхже правахъ, на которыхъ взята была первая, тебя Амата* (*возлюбленная*) *беру.* Многіе думаютъ, что сей глаголъ брать должно говорить объ одной дѣвицѣ. Однако жрецы Юпитеровы, первосвященники и предвѣщатели браны были. *Л.* Сулла во второй книгѣ *о знатныхъ дѣлахъ* написалъ слѣдующее. *П. Корнилій, который сперва прозывался Суллою, взятъ въ Юпитеровы жрецы.* М. Катонъ о Лузитанцахъ, просивъ на Сергія Галбу: *однако говорятъ, что они хотѣли отпасть. Я теперь хочу право первосвященниковъ обстоятельно знать. То ужли меня за то возмутъ въ первосвященники? естьли я хочу весьма твердо помнить право предвѣщателей, то кто меня за то возметъ въ предвѣщатели?* Сверхъ сего и въ запискахъ Лабеоновыхъ, которыя онъ сочинилъ о 12 таблицахъ, такъ написано: *Вестальная дѣвица ни сама безъ завѣщанія никому не наслѣдница, ни ей никто: но имѣніе ея берется въ общественную казну. Спрашиваютъ, по какому бы то было праву?* Называется же она при взятіи отъ первосвященника Аматою (возлюбленною) для того, что, какъ сказываютъ, первая взятая въ Вестали дѣвица такъ называлась.

ГЛАВА

ГЛАВА 13.

Предложенъ былъ въ философіи вопросъ, что въ данномъ приказаніи справедливѣе, то ли дѣлать конечно, что приказано, или иногда противное, естьли оно приказавшему будетъ полезнѣе; и на тотъ вопросъ предложены различныя мнѣнія.

Въ понятіи и разсужденіи о должностяхъ, которыя философы называютъ по гречески *καθήκοντα*, обыкновенный предлагается запросъ, должно ли что нибудь дѣлать противъ даннаго точнаго тебѣ приказанія, естьли чрезъ то усмотрѣть можно, что дѣло произойдетъ щастливѣе, и въ пользу того, кто оное тебѣ далъ приказаніе. Сумнительный вопросъ, о которомъ и въ ту и въ другую сторону отъ благоразумныхъ мужей было разсуждаемо. Ибо нѣкоторые утверждались на одномъ, и разсуждали, что по однократномъ разсужденіи и опредѣленіи дѣла отъ того, чье было оное приказаніе, не должно поступать противъ его приказанія, хотя бы какой нечаянной случай обѣщалъ большую въ произведеніи дѣла выгоду; чтобы обманувшись надеждою не подпасть винѣ непослушанія и неминуемому наказанію. Естьли случится въ дѣлѣ лучшая удача, то должно благодарить боговъ: но кажется однако, что нѣтъ примѣра, который бы доказывалъ, что хорошо предпріятыя намѣ-

мѣренія можно нарушать неисполненіемъ приказанія. Иные разсуждали, что невыгоды, которыхъ должно бы было опасаться, естьли бы дѣло произведено было не такъ, какъ приказано, надобно прежде сравнить съ выгодностію надежды; и естьли оныя будутъ маловажнѣе, а польза напротивъ и больше и важнѣе усмотрена будетъ съ самою твердою надеждою, то разсуждали, что можно поступить противъ приказанія; дабы не потерять низпосланнаго отъ Бога случая къ благополучному произведенію дѣла. И утверждали, что не надобно опасаться быть примѣромъ непослушанія, естьли только не будетъ такихъ же причинъ. А вопервыхъ думали, что надобно смотрѣть на свойство и природу того, чье будетъ оное дѣло и повелѣніе; невысокомѣренъ ли онъ, не жестокъ ли, не неукротимъ ли и неупросимъ, каковы были (1) Постумій и (2) Манлій. Ибо есть-

(1) *Постумій*] разумѣетъ Постумія Туберта Диктатора, который въ Фиденатскую войну бывшую въ лѣто отъ создан. Рима 312. Постумію сыну своему побѣдителю за то, что не по его приказанію, но самовольно вышедши для обороны разбилъ непріятелей, приказалъ отсѣчь голову, какъ говоритъ Валер. Макс. кн. 2. гл. 7.

(2) *Манлій*] который въ Латинскую войну, или по Ливію, въ войну съ Еквами и Волсками, сына своего за то, что будучи вызванъ отъ Геминія Тулсканскаго военачальника безъ его вѣдома вышелъ на сраженіе, хотя славную побѣду и богатую получилъ добычу, приказалъ приставу взять и заколоть на подобіе жертвы,

естьли быть вЪ повелѣній у шакого человѣка, то ничего другаго, кромѣ приказаннаго дѣлать не совѣтовали. Я думаю, что сіе разсужденіе о повиновеніи шакимЪ повелѣніямЪ будетЪ полнѣе и совершеннѣе, естьли приложу здѣсь примѣрЪ П. Красса Муціана, знатнаго мужа. Сей КрассЪ, по объявленію Семпронія Азелліона и другихЪ многихЪ Римской исторіи писателей, имѣлЪ пять великихЪ и отмѣнныхЪ совершенствЪ; т. е. что онЪ былЪ весьма богатЪ, весьма знатенЪ, весьма краснорѣчивЪ, весьма искусенЪ вЪ правахЪ, и притомЪ великій первосвященникЪ. ОнЪ вЪ свое консульство покоривЪ Азію, и намѣреваясь сдѣлать приступЪ и осадить городЪ Левки, имѣя притомЪ нужду вЪ крѣпкомЪ и долгомЪ брусѣ, чтобы сдѣлать изЪ него таранЪ для разбитія онымЪ стѣнЪ того города, писалЪ кЪ главному архитектору ЕлатенцовЪ союзниковЪ и друзей Римскаго народа, чтобы онЪ изЪ двухЪ мачтЪ, которыя онЪ у нихЪ видѣлЪ, прислалЪ ту, которая была больше. АрхитекторЪ узнавЪ, для чего онЪ

зы, *думая, что лучше отцу лишиться храбраго сына, нежели отечеству воинскаго порядка.* Однако на сіе весьма негодовало военное юношество, и не щадило проклинать полководца. Когда онЪ послѣ побѣды возвращался вЪ РимЪ, то никто изЪ молодыхЪ не хотѣлЪ его встрѣтить негодуя на то, что такой сынЪ такЪ жестоко отЪ отца умерщвленЪ: смотр. Лив. кн. 8. Вал. Мак. кн. 2. кн. 7. и кн. 9. гл. 3. и нашего Геллія кн. 9. гл. 13.

онъ требовалъ мачты, не большую, какъ было ему приказано, но меньшую, которую онъ почелъ за способнѣйшую для сдѣланія тарана, и лехчайшую для ношенія, послалъ. То Крассъ приказалъ его призвать; и спросивъ для чего онъ не ту прислалъ мачту, которую велѣно было, не взирая на представляемыя отъ него причины приказалъ снять платье, и много сѣкъ лозами, думая, что чрезъ то нарушается и пренебрегается все достоинство повелителя, естьли кто на повелѣнное себѣ недостодолжнымъ послушаніемъ, но нетребуемымъ совѣтомъ отвѣтствовать будетъ.

ГЛАВА 14.

Что К. Фабрицій, мужъ славный и многія знатныя дѣла учинившій, но неимѣвшій слугъ и богатства, сказалъ и сдѣлалъ; когда ему Самниты какъ человѣку недостаточному дарили великое число денегъ.

Юлій Гигинъ въ шестой книгѣ *о жизни и дѣлахъ знатныхъ мужей* объявляетъ, что послы отъ Самнитовъ къ К. Фабрицію полководцу народа Римскаго пріѣхавши, и памятуя многія его и великія благодѣянія, которыя онъ по замиреніи съ Самнитами учинилъ онымъ, принесли въ подарокъ великое число денегъ, и просили его принять и пользоваться оными, сказавъ притомъ, что Самниты дѣлаютъ сіе для того, по-

неже они видятъ, что много ему недостаетъ для великолѣпія и содержанія дома, и что онъ по великости своего достоинства не имѣетъ богатаго стола. То Фабрицій разжавъ руки, отъ ушей до глазъ, потомъ до ноздрей, и до устъ, и до горла и наконецъ (1) до самой нижней части чрева спустилъ оныя; и отвѣчалъ посламъ слѣдующее: *Пока я всѣми сими членами, которыя осязалъ, владѣть и повелѣвать могу, то ни въ чемъ не буду имѣть недостатка: и для того денегъ, въ которыхъ я никакой не имѣю нужды, у тѣхъ, которымъ, знаю, что они надобны, не беру.*

ГЛАВА 15.

Сколь есть противный и ненавистный порокъ пустая и безразсудная говорливость, и сколь на многихъ мѣстахъ она отъ Греческихъ и Латинскихъ витіевъ по справедливости названа отвращенія достойною.

Изрядно разсуждаютъ, что легкомысленныхъ, безразсудныхъ и противныхъ говорливцевъ, и тѣхъ, которые ни мало не стараясь о важности вещей умножаютъ только слова наполненныя мокротъ и непо-

(1) *До самой нижней части чрева*] Прикасаяся тѣмъ частямъ, въ которыхъ находятся чувства, слышаніе, обоняніе, видѣніе, вкушеніе, осязаніе. Ибо сластолюбіе бываетъ въ однихъ токмо чувствахъ. Воздерженъ есть тотъ, кто сіи чувства управляетъ добродѣтелію.

постоянства; родятся рѣчи не въ сердцѣ, но во устахъ; а языкъ, говорятъ, не долженъ быть воленъ и необузданъ, но движимъ и какбы управляемъ быть долженствуетъ цепью привязанною къ самому сердцу. Видѣть же можно, что нѣкоторые такъ много употребляютъ безразсудныхъ словъ съ крайнею безопасностію, что при всѣхъ своихъ разговорахъ часто кажутся говорить неумѣющими. Омиръ напротивъ говоритъ, что Улиссъ, мужъ украшенный разумнымъ краснорѣчіемъ, произносилъ слова не изъ устъ, но изъ сердца; что больше касалось до глубокости мыслей зачатыхъ въ самой внутренности сердца, нежели до громкости и способности голоса: и что, ясно сказалъ онъ, для укрощенія дерзости въ словахъ сдѣлана преграда зубовъ, дабы безразсудность рѣчей не за стражею сердца токмо была, но и нѣкоторымъ какбы положеннымъ во устахъ храненіемъ ограждена была. Омировы, вышеупомянутыя мною, слова суть слѣдующія:

Какъ онъ ужъ изпустилъ изъ сердца громкій гласъ.
Какая рѣчь прешла ограду твоихъ зубъ.

При семъ положилъ я слова М. Туллія, которыми онъ важно и справедливо доказалъ свое отвращеніе отъ глупаго и пустаго велерѣчія. *Ежели только*, говоритъ, *извѣстно сіе, что ни младенчества того, кто вещь знаетъ, но словами ея изъяснить не можетъ, ни неразумія того, кто вещи не понимаетъ,*

а говорить о ней, хвалить не должно. *Изъ чего естьли бы одно выбирать надлежало, то бы я лучше пожелалъ не словеснаго благоразумія, нежели глупой говорливости.* Также въ первой книгѣ о *Витіи* написалъ сіи слова: *Нѣтъ ничего столь безумнаго, какъ пустой звонъ хотя и самыхъ лучшихъ и витіеватыхъ словъ безъ смысла и разсужденія.* А особливо М. Катонъ самый жестокій сего порока есть гонитель. Ибо онъ въ рѣчи, которая надписана такъ, Естьли бы Целій назвалъ себя народнымъ Трибуномъ, говоритъ: *Какъ одержимый сонною болѣзнію безпрестанно пьетъ и спитъ; такъ тотъ, кто болѣнъ говорливостію, безпрестанно говоритъ. Естьли вы не соберетеся тогда, когда онъ созывать велитъ; то такъ жаденъ къ рѣчамъ, что нанимаетъ такихъ, которые бы со вниманіемъ его слушали; и потому вы только слушаете, а не слушаете со вниманіемъ, такъ какъ площаднаго лѣкаря; ибо слова его слушаютъ; но никакой больной себя оному не ввѣряетъ.* Тотже Катонъ въ той же рѣчи и того же М. Целія народнаго Трибуна укоряя подлостію не токмо рѣчей, но и молчанія, говоритъ: *Кускомъ хлѣба нанять его можно или молчать или говорить.* Не безосновательно Омиръ одного изъ всѣхъ Ѳерсита называетъ *неумѣреннымъ въ словахъ, безразсуднымъ говорливцемъ:* только, говоритъ, что у него словъ много непристойныхъ и подобныхъ нестройно-

му

му крику галокъ. И Евполидовъ стихъ сдѣланъ нарочно о такихъ людяхъ: *Болтаетъ очень хорошо, а говорить не можетъ.* Чему Саллустій желая подражать сказалъ: *Больше говорливъ, нежели краснорѣчивъ.* По сему Исіодъ, весьма благоразумный стихотворецъ, говоритъ, что не выставлять, но прятать языкъ должно, такъ какъ сокровище; и естьли оный скроменъ и умѣренъ въ рѣчахъ, то почитается за великій даръ.

Кто скромность языка въ рѣчахъ своихъ имѣетъ,
Сокровищемъ драгимъ конечно тотъ владѣетъ.

Разумно притомъ написанъ и слѣдующій (1) Епихармовъ стихъ;

Не смыслитъ говорить, однакъ молчать не можетъ.

изъ котораго взято и слѣдующее;

Не могши говорить не могъ притомъ молчать.

Я слышалъ, что Фаворинъ говорилъ о слѣдующихъ Еврипидовыхъ стихахъ,

Необузданныхъ устъ
И дерзскаго безумія
Конецъ нещастіе.

что они не о тѣхъ только сказаны, которые беззаконное и непозволенное говорятъ; но о тѣхъ особливо людяхъ можно сказать оныя, которые болтаютъ глупое

 и

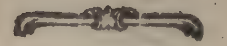
(1) *Епихармовъ стихъ*] Епихармъ Сиракузскій почитается изобрѣтателемъ комедіи. Въ похвалу ему находится Греческая надпись Ѳеокритова, который его же почитаетъ изобрѣтателемъ комедіи.

и неумѣренное; у которыхъ языкъ такъ волекъ и необузданъ, что всегда смрадныя изливаетъ сло-а: каковые люди отъ Грековъ весьма явственнымъ словомъ называются *καταγλώσσοι болтуны.* Услышалъ я о Валеріи Пробѣ знатномъ грамматикѣ отъ одного его пріятеля мужа ученаго, что онъ Саллустіево оное изреченіе, *Satis eloquentiae, sapientiae parum*, за нѣсколько предъ своею смертію слѣдующимъ образомъ читать сталъ, утверждая, что и отъ Саллустія такъ сказано, *Satis loquentiae, sapientiae parum.* Потому что слово *loquentia* Саллустію изобрѣтателю новыхъ словъ весьма пристойно; а слово *eloquentia* съ словомъ *insipientia* стоять не можетъ. Таковую же болтливость и нескладное пустыхъ словъ множество весьма забавный стихотворецъ Аристофанъ описалъ отмѣнными словами въ слѣдующихъ строкахъ:

Человѣка грубо поступающаго, упорнаго,
Имѣющаго необузданныя, невоздержныя и незатворимыя уста,
Боязливаго и пелѣрѣчіемъ надмѣннаго.

Не меньше явственно и отъ древнихъ Латинянъ такіе на слова дерзскіе люди названы locutuleii, blaterones и lingulacae.

ГЛАВА

ГЛАВА 16.

О томъ, что Квадригаріевы изъ третій книги лѣтописца слѣдующія слова, ibi mille hominum occiditur, *не по стихотворческой вольности и фигурѣ, но прямымъ и извѣстнымъ образомъ грамматическимъ сказаны.*

Квадригарій въ третіей книгѣ лѣтописца такъ написалъ: *ibi occiditur mille hominum.* *Occiditur,* сказалъ, не *occiduntur.* Также Луцилій въ третіей книгѣ *Сатиръ*;

Ad portam mille, a porta est sex inde Salernum.

Mille, сказалъ, *est,* а не *mille sunt.* Варронъ въ 18 книгѣ *О человѣческихъ дѣлахъ*: *Ad Romuli initium plus mille et centum annorum est.* М. Катонъ въ 1 книгѣ *О началахъ*: *Inde est ferme mille passuum.* М. Цицеронъ въ шестой рѣчи на Антонія: *Ita ne Ianus medius in L. Antonii clientela est? quis unquam in illo Iano inuentus est, qui L. Antonio mille nummum ferret expensum?* Въ сихъ и другихъ многихъ мѣстахъ *mille* сказано въ единственномъ числѣ. И сіе, какъ нѣкоторые думаютъ, не для древности уступлено и не для красоты фигуръ допущено; но какъ, по видимому, требуетъ разумъ. Ибо *mille* не за то кладется, что по Гречески называется χίλιοι (*тысячи*), но что χιλιάς (*тысячное число*): и какъ одна χιλιάς, и двѣ χιλιάδες; такъ *unum mille* и *duo millia* прямымъ и извѣстнымъ образомъ говорится. Почему и то справедливо и достовѣрно говорится, *mille denarium in arca est,*

et mille equitum in exercitu est. А Луцилій сверхъ вышеобъявленнаго мѣста, и на другомъ яснѣе то доказываетъ. Ибо въ 15 книгѣ такъ говоритъ.

Hunc milli passum qui vicerit atque duobus
Campanus sonipes subcussor nullus sequetur
Maiore spatio ; ac diuersus videbitur ire.

Также въ другой книгѣ,

Tu milli nummum potes uno quaerere centum.

milli passum, сказалъ вмѣсто *mille passibus*, и *uno milli nummum*, вмѣсто *unis mille nummis*; и явно доказалъ, что *mille* и имя, и говорится въ единственномъ числѣ, и что множественное число онаго есть *millia* и имѣетъ творительный падежъ. Что же касается до прочихъ падежей, то оныхъ требовать не должно; потому что многія другія находятся слова, которыя въ одномъ только падежѣ, а нѣкоторыя и ни въ одномъ не склоняются. По сему уже ни мало несумнительно, что М. Цицеронъ въ рѣчи за Милона такъ написалъ: *Ante fundum Clodii, quo in fundo, propter insanas illas substructiones, facile mille hominum versabatur valentium*; не *versabantur.* что въ книгахъ неисправно написаныхъ находится; ибо въ иномъ смыслѣ, *mille hominum*, а въ иномъ *mille homines*, говорить должно.

ГЛАВА

ГЛАВА 17.

Съ какимъ равнодушіемъ Сократъ сносилъ суровый нравъ своей жены: и что М. Варронъ написалъ въ нѣкоторой сатирѣ о должности мужа.

Сказываютъ, что Ксантиппа, (1) Сократа философа жена, очень была своенравна и бранчива: и ни днемъ, ни ночью не переставала сердиться и ему досаждать. Сему ея безпокойству въ разсужденіи мужа удивившись (2) Алкивіадъ спросилъ Сократа: *Для чего онъ столь досадную бабу не выгонитъ изъ дому.* „Для того, сказалъ Сократъ, „что я снося отъ нея дома безпокойство, „привыкаю и учусь лехче сносить и отъ „постороннихъ наглость и обиду. По сему мнѣнію и Варронъ въ Менипповой сатирѣ, которую онъ написалъ о должности му-

(1 *Сократа*] который по разсужденію Аполлонову почтенъ мудрѣйшимъ изъ смертныхъ. Аристофанъ возбужденъ будучи ненавистію Анита и другихъ, въ басне называемой *Жабы*, жестоко его поносилъ. И потомъ будучи обвиненъ въ нарушеніи закона и въ развращеніи юношества, осужденъ на смерть, и общенародно отравленъ ядомъ.

(2) *Алкивіадъ*] который былъ ученикъ Сократовъ. Повѣсть же сію иначе объявляетъ Діогенъ Лаертій. Ибо когда Алкивіадъ спросилъ Сократа, для чего онъ сноситъ бранчивость жены, то отвѣчалъ, что онъ къ сему злу не меньше привыкъ, какъ слушать непріятный скрипъ блока. Опять спрашивая Сократъ, для чего онъ кормитъ крикливыхъ гусей, и какъ онъ отвѣчалъ, понеже они мнѣ несутъ яица, то примолвилъ Сократъ, а Ксантиппа мнѣ родитъ дѣтей.

мужа, сказалъ: *Порокъ жены или исправлять или сносить должно. Кто исправляетъ порокъ, тотъ дѣлаетъ лучшею жену: а кто сноситъ, тотъ дѣлаетъ лучшимъ себя.*

ГЛАВА 18.

О томъ, что М. Варронъ въ 14 книгѣ о дѣлахъ человѣческихъ обличилъ Л. Елія своего ученика, что онъ несправедливо разсуждалъ о произведеніи словъ: и что тотже Варронъ въ той же книгѣ говоритъ, что произведеніе слова FUR есть несправедливо.

М. Варронъ въ 14 книгѣ о дѣлахъ человѣческихъ объявляетъ, что Л. Елій, человѣкъ въ свое время весьма ученый, ошибся въ томъ, что старинное Греческое слово непереложенное на Латинскій языкъ, равно какбы то съ начала выдумано было отъ Латинъ, разбиралъ по Латинскимъ словамъ неправильнымъ этимологическимъ образомъ. Самыя о томъ Варроновы слова положилъ я здѣсь. *Въ чемъ Л Елій, человѣкъ въ наше время весьма ученый, нѣсколько разъ ошибся. Ибо нѣкоторыхъ древнихъ Греческихъ словъ, равно какбы они собственно были Латинскія, предложилъ ложныя причины. Понеже мы (Латины) не потому называемъ lepus, что онъ leuipes; но сіе слово есть старинное Греческое. Ибо многія ихъ древнія слова неизвѣстны, потому что имѣсто тѣхъ другія ны-*

нынѣ употребляютъ слова; и многіе изъ нихъ не знаютъ, что употребляемое нынѣ слово ἕλλην *значитъ Грека;* Φρέαρ, *колодезъ;* λαγωὸν, *зайца. Въ чемъ я не только не хулю труда Еліева; но и хвалю его прилѣжаніе. Ибо за удачею щастіе, а за опытомъ слѣдуетъ похвала.* Сіе Варронъ въ первой части книги написалъ о произведеніи словъ весьма разумно, о употребленіи Греческаго языка весьма искусно, о самомъ Еліи весьма снисходительно. Но въ послѣдней части той же книги сказалъ, что слово *fur* оттуда произведено, что древніе Римлянѣ говорили *furuus* (*темный*); и что воры ночью, которая бываетъ *темна*, удобнѣе воруютъ. Не также ли кажется Варронъ ошибся въ словѣ *lepus*? ибо что у Грековъ нынѣ называется *κλέπτης*, то по старинному Греческому языку *Φῶρ* говорено было. Оттуда по сходству буквъ на Греческомъ языкѣ *Φῶρ*, а на Латинскомъ *fur* названъ. Но забылъ ли то тогда Варронъ, или лучше и пристойнѣе почиталъ произвести *fur* отъ слова *furuus*: въ томъ о человѣкѣ толь превосходнаго ученія разсуждать не мое дѣло.

ГЛАВА

ГЛАВА 19.

Повѣсть о Сивиллиныхъ книгахъ и о царѣ Тарквиніи Супербѣ.

Въ древнихъ лѣтописцахъ о Сивиллиныхъ книгахъ объявляется слѣдующее. Одна пришлая и незнаемая старуха пришедши къ царю Тарквинію Супербу, принесла девять книгъ называя оныя божескими отвѣтами: и сказывая, что ихъ хочетъ продать. Тарквиній спросилъ о цѣнѣ: и какъ старуха запросила чрезвычайно дорого. То царь, какбы старуха изъ ума выжила, разсмѣялся. Она поставивъ предъ царемъ жаровню съ огнемъ, сожгла три книги изъ девяти; и спросила царя, хочетъ ли онъ остальныя шесть книгъ купить за ту же цѣну? Но Тарквиній тому еще гораздо больше засмѣявшись сказалъ: что старуха точно безъ ума. Она тотчасъ и другія три книги тутже сожгла; и напослѣдокъ о томъ же самомъ покорно просила царя, чтобы онъ три остальныя книги купилъ за ту же цѣну. Тарквиній постоянной уже принявъ видъ, и съ вниманіемъ размысливъ узналъ, что такова постоянства и отважности презирать не должно; три оставшіяся книги сторговалъ за ту же самую цѣну, которая требована была за всѣ. А старухи той, послѣ какъ она ушла отъ Тарквинія, нигдѣ было не видно. Три купленныя книги положены на сохраненіе въ божницу и названы Сивиллиными. Къ онымъ яко къ прори-

рицалищу Квиндецимвиры приходили, когда общественная была нужда вопрошать боговъ.

ГЛАВА 20.

Что землемѣры называютъ фигурами, и какъ всѣ они Латинскими словами называются.

Фигуръ, которыя по Гречески землемѣры называютъ *σχήματα*, суть два рода, *плоское и твердое*. Сіе по Гречески они называютъ *ἐπίπεδον καὶ στερεόν*. *Плоское* есть то, что на двѣ стороны только имѣетъ черты, въ длину и ширину: каковы суть треугольники и четвероугольники бывающіе на плоскомъ мѣстѣ безъ высоты. *Твердое* есть, когда числа линей дѣлаютъ не только плоскую длину и ширину, но и вышину производятъ: каковы почти суть треугольные столбы называемые пирамиды: или каковы суть со всѣхъ сторонъ четвероугольники, которые по Гречески *κύβοι*, а по Латински quadrantalia называются. Потому что *κύβος* есть фигура со всѣхъ сторонъ четвероугольная: *Каковы суть*, говоритъ М Варронъ, *таплейныя кости: почему и названы они κύβοι.* Подобнымъ образомъ и въ числахъ называется *κύβος*, когда всякая сторона одного числа равно сама на себя дѣлится, какъ бываетъ тогда, когда множатся три на три, и то же самое число утрояется.

Пи-

Пиѳагоръ сказалъ, что кубъ сего числа имѣетъ силу луннаго круга, потому что и луна совершаетъ свой кругъ въ двадцать седмь дней, которое тройное число, называемое по Гречески τριὰς, столько же сдѣлаетъ въ кубѣ. Что же касается до черты, которую Латины называютъ linea, Греки γραμμὴ; оную М. Варронъ опредѣлилъ слѣдующими словами. *Черта*, говоритъ, *есть нѣкоторая долгота безъ широты и высоты.* А Евклидъ короче, не упоминая о высотѣ, γραμμὴ, сказалъ, μῆκος ἀπλατὲς т. е. *черта есть прямая долгота:* чего однимъ Латинскимъ словомъ изобразить не можно, не дерзнувъ употребить слова *illatabile.*

ГЛАВА 21.

О томъ, что Юлій Гигинъ весьма крѣпко спорилъ, что онъ читалъ домашнюю П. Виргилія книгу, въ которой было написано, et ora tristia tentantum sensu torquebit amaror, *не такъ, какъ читалъ простой народъ* sensu torquebit amaro.

Всѣ по большой части слѣдующія Виргиліевы изъ книги о *Земледѣліи* стихи читаютъ такъ:

At sapor indicium faciet manifestus, et ora
Tristia tentantum sensu torquebit amaro.

А Гигинъ, знатный по справедливости грамматикъ, въ запискахъ сдѣланныхъ отъ него

го на Виргилія утверждаетъ, что не такъ написалъ Виргилій; но какъ онъ нашелъ въ книгѣ, которая произошла изъ Виргиліева дома,

et ora
Tristia tentantum sensu torquebit amaror.

Да и не одинъ Гигинъ, но другіе нѣкоторые ученые мужи то утверждали: потому что непристойно кажется сказать, *sapor sensu amaro torquet*; когда и самъ, говорятъ они sapor есть чувство, и не имѣетъ другаго въ себѣ чувства: и потому какбы сказано было такъ; *sensus sensu amaro torquet.* Но когда Фаворинъ читалъ оныя Гигиновы записки, и тотчасъ какъ не понравилась ему грубость и непріятность сего выговора, *sensu torquebit amaro*: то засмѣявшись сказалъ: Богомъ клясться я готовъ, что „ Виргилій сего никогда не писалъ; но думаю, что Гигинъ говоритъ правду. Почто не Виргилій первый грубо выдумалъ „ сіе слово: но найдено оно въ стихахъ Лукретіевыхъ: и не презрѣлъ онъ важности „ разумнѣйшаго и краснорѣчивѣйшаго стихотворца. Слова изъ четвертой Лукретіевой „ книги суть слѣдующія:

Dilutaque contra
Quum tuimur misceri absynthia, tangit amaror.

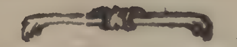
Что же касается до Виргилія, то видимъ, что онъ не словъ однихъ Лукретіевыхъ, но цѣлыхъ почти стиховъ и премногихъ мѣстъ держался.

ГЛАВА

ГЛАВА 22.

Тотъ, кто защищаетъ дѣла, справедливо ли и по Латински ли говоритъ, superesse se ei, *что защищаетъ, и что собственно значитъ глаголъ* superesse.

Вошло въ употребленіе и усилилось несправедливое и несобственное знаменованіе сего реченія, *hic illi superest*; когда говорить должно, *aduocatum esse quem cupiam, causamque eius defendere.* И сіе говорится не на перекресткахъ только, и не въ подлости, но на площади, въ томъ мѣстѣ, куда собирается народъ подавать голоса, и въ судебныхъ мѣстахъ. А говорившіе чисто, по большей части чрезъ глаголъ *superesse* означали superfluere, superuacare и supra necessarium modum esse. И потому М. Варронъ въ Сатирѣ, которая надписана, *Nescis quid vesper serus vehat*, *superesse*, говоритъ, immodice et intempestiue fuisse. Слова изъ той книги суть слѣдующія: *In conuiuio legi nec omnia debent, et ea potissimum, quae simul sunt* βιωφελῆ, *et delectent potius: vt id quoque videatur non defuisse magis, quam superfuisse.* Я помню, что случилось мнѣ стоять передъ стуломъ Претора человѣка ученаго, какъ одинъ не незнатный стряпчій просилъ, чтобы не говорить ему суда, и не касаться до производимаго дѣла, то Преторъ тому, чье дѣло, сказалъ, что у него нѣтъ стряпчаго: и когда тотъ, кто говорилъ рѣчь, закричалъ, *ego illi V. C. supersum*: то Преторъ

торъ усмѣхнувшись отвѣчалъ: *tu plane superes, non ades.* А М. Цицеронъ въ книгѣ, которая надписана, *О томъ, что знаніе гражданскаго права должно почитать за науку*, написалъ слѣдующія слова: *Nec vero scientia iuris maioribus suis Q. Ælius Tubero defuit; doctrina enim superfuit.* Гдѣ глаголъ *superfuit* значитъ, по видимому, *suprafuit* и *praestitit*, superauitque maiores suos doctrina sua superfluenti, tum et nimis abundanti: потому что Туберонъ зналъ Стоическое и Логическое ученіе. Да и во второй книгѣ *О республикѣ* не должно оставлять безъ разсужденія того же самаго Цицеронова слова. Слова изъ оной книги суть слѣдующія: *Non grauarer, Læli, nisi et hos velle putarem, & ipse cuperem te quoque aliquam partem huius nostri sermonis attingere: præsertim quum heri ipse dixeris, te nobis etiam superfuturum. Verum si id quidem fieri non potest, ne desis omnes te rogamus.* И потому Юлій Павелъ, человѣкъ въ наше время преученый, и ясно и справедливо говорилъ, что глаголъ *superesse* непросто какъ по Латински, такъ и по Гречески говорится. Греки слово περισσὸν (*изобильное*) употребляли и въ ту и въ другую сторону, означая чрезъ оное или то, что излишно и ненужно, или то, что чрезъ мѣру изобильно и избыточно. Такъ и древніе Латины иногда глаголъ *superesse* брали за излишное и не очень нужное, такъ какъ говорилъ Варронъ: а иногда такъ, какъ Цицеронъ говорилъ, за то,

что хотя изобильнѣе другаго, однако чрезмѣрно болѣе бываетъ, нежели сколько надобно. И такъ кто говоритъ ſupereſſe ei, quem defendit, ни котораго изъ сихъ не означаетъ: но, не знаю, что другое необыкновенное и неизвѣстное говоритъ. Да и на Виргилія не можетъ ссылаться, который въ стихахъ *О земледѣліи* написалъ слѣдующее:

Primus ego in patriam mecum, modo vita ſuperſit.

Ибо въ семъ мѣстѣ Виргилій, по видимому, сказалъ оное слово не въ собственномъ знаменованіи; понеже *ſuperſit* сказалъ онъ вмѣсто longinquius diutiusque adſit. Слѣдующія напротивъ того же Виргилія стихи нѣсколько вѣроятнѣе:

Florentis que ſecant herbas, fluuiosque miniſtrant,
Farraque, ne blando nequeant ſupereſſe labori.

Ибо *ſupereſſe labori* значитъ ſupra laborem eſſe, neque opprimi a labore. Что касается до меня, то я изслѣдывалъ, говорили ли древніе *ſupereſſe* вмѣсто reſtare и perficiendae rei deeſſe. Потому что Саллустій въ семъ означеніи не *ſupereſſe*, говоритъ, но *ſuperare*. Слова его въ Югуртѣ суть слѣдующія: *Is plerumque ſeorſum a rege exercitum ductare, & omnis res exequi ſolitus erat, quæ Iugurthæ feſſo aut maioribus aſtricto ſuperaverant.* Но нашелъ я въ третіей книгѣ Енніева лѣтописца въ семъ стихѣ,

Inde ſibi memorat unum ſupereſſe laborem.

т. е.

т. е. reliquum esse et restare. Что поелику есть двояко, то раздѣльно произносить должно, чтобы не одна часть рѣчи быть казалась, но двѣ. А Цицеронъ во второй рѣчи на Антонія, quod reliquum est изображаетъ не чрезъ *supereſſe*, но чрезъ *reſtare*. Сверхъ сего я нашелъ, что глаголъ *supereſſe* сказанъ вмѣсто *superſtitem eſſe*. Потому что такъ написано въ книгѣ писемъ М. Цицерона къ *Л.* Планку, и въ письмѣ Азинія Полліона къ Цицерону; *Nam neque deeſſe reipublicæ volo, neque supereſſe.* Чрезъ которыя слова означаетъ онъ, что естьли республика разрушится и погибнетъ, то онъ живъ быть не хочетъ. А въ Плаутовой комедіи, называемой Asinaria, то самое яснѣе написано въ начальныхъ стихахъ комедіи;

Sicut tuum vis unicum gnatum tuæ
Supereſſe vitæ ſoſpitem & ſuperſtitem.

И потому не только должно остерегаться не собственнаго означенія слова, но и худаго вида за то, когда какой нибудь старый стряпчій скажетъ молодому supereſſe ſe.

ГЛАВА 23.

Кто былъ Папирій Претекстатъ: и почему онъ такъ прозванъ: притомъ и всю сію повѣсть о Папиріи знать пріятно.

Повѣсть о Папиріи Претекстатѣ сказывана и написана отъ М. Катона въ рѣчи, которую онъ говорилъ къ воинамъ противъ Галбы съ великою красотою, ясностію и чистотою словъ. Оныя Катоновы слова всѣ бы я включилъ въ сію записку, естьли бы у меня съ той книги былъ списокъ тогда, когда я сіе писалъ. Ежели кто желаетъ знать не красоту и важность словъ, но самую вещь; то дѣло почти слѣдующимъ произходило образомъ. Въ Римѣ Сенаторы имѣли прежде обычай ходить въ Сенатъ съ сыновьями носившими еще (1) Претексту. И какъ нѣкогда было въ Сенатѣ разсуждаемо объ одномъ большомъ дѣлѣ, и отложено оное до слѣдующаго дня; то положили, чтобы того дѣла, о которомъ разсуждали, не объявлять прежде, нежели оно опредѣлено будетъ. Мать отрока Папирія, бывшаго тогда въ Сенатѣ съ своимъ отцомъ, спросила сына, о чемъ Сенаторы въ Сенатѣ разсуждали. Отрокъ от-

(1) *Претексту*] разумѣется претекста отроческая; (ибо претекста есть и знакъ правительства) оная была бѣлое долгое платье обшитое пурпуровою опушкою, которое отроки носили до 17 года, когда уже надѣвали долгое платье мужеское.

отвѣчалъ: молчать надобно и не велѣно того сказывать. Женщина большее возъимѣла желаніе слышать. Тайность дѣла и молчаніе отрока побудило ея о томъ допроситься. И такъ она стала прилѣжнѣе и усильнѣе спрашивать. Отрокъ убѣждаемъ будучи матерью вздумалъ сказать забавную ложь. Въ Сенатѣ, сказалъ, разсуждали о томъ, что лучше и полѣзнѣе для общества, одному ли мужу двухъ имѣть женъ, или одной женѣ быть за двумя мужьями? Какъ она сіе услышала, то пришла въ ужасъ: и въ страхѣ вышедши изъ дому объявила другимъ женщинамъ слышанное. На другой день женщины собравшись пришли въ Сенатъ, прося со слезами; чтобы лучше одной женѣ определили быть за двумя мужьями, нежели двумъ женамъ быть у одного мужа. Сенаторы входя въ Сенатъ удивлялись, что было то за соборище женщинъ, и не знали, что значила ихъ прозьба. Отрокъ Папирій ставши посредѣ Сената точно расказалъ, о чемъ мать его усильно спрашивала, и что онъ сказалъ матери. Сенатъ, облобызавъ вѣрность и разумъ отрока, указалъ отрокамъ неходить въ Сенатъ съ отцами, кромѣ одного Папирія: который въ честь послѣ прозванъ Претекстатомъ, за искуество въ рѣчахъ и молчаніи еще въ такія лѣта, когда носилъ претексту.

ГЛАВА 24.

Три надписи трехъ древнихъ стихотворцевъ, Невія, Плаута, Пакувія, отъ нихъ самихъ сдѣланныя, и насѣченныя на ихъ гробницахъ.

Надписи трехъ славныхъ стихотворцевъ К. Невія, М. Плаута, М. Пакувія, которыя сами они сдѣлали, и приказали насѣчь на своихъ гробницахъ, разсудилось мнѣ помѣстить въ сихъ запискахъ, для красоты и благороднаго слога оныхъ. Надпись Невіева наполнена Шампанскою гордостію, которая могла быть справедливымъ свидѣтельствомъ, естьли бы не отъ самаго его была написана;

Mortalis immortalis flere si foret fas:
Flerent diuæ Camenæ Nœuium poetam.
Ita que postquam est Orcino traditus thesauro:
Oblitei sunt Romæ loquier Latina lingua.

т. е. *Естьли бы безсмертнымъ можно было плакать о смертныхъ:*
То заплакали бы божественныя Музы о Невіи стихотворцѣ.
Послѣ какъ онъ скрылся во гробѣ;
Забыли въ Римѣ говорить по Латински.

Надпись Плаутова, о которой бы сумнительно было, что она была Плаутова, естьли бы она отъ М. Варрона не написана была въ первой книгѣ *О стихотворцахъ*:

Postquam

Postquam morte datu' st Plautus comœdia luget;
Scena est deserta. Dein risus, ludu', iocusque,
Et numeri innumeri simul omnes collacrumarunt.

т. е. *По смерти Плаутовой комедія плачетъ:*
Позорище оставлено. Наконецъ смѣхъ, игра, шутка,
И безчисленное множество стиховъ въ плачь обратились.

Надпись Пакувіева весьма учтива и чиста, и достойна его важности:

Adolescens, tamen etsi properas, hoc te saxum rogat,
Utei ad se aspicias: deinde quod scriptu' st legas.
Hic sunt poetæ Pacuuiei Marcei sita
Ossa. hoc volebam nescius ne esses. Vale.

т. е. *Юноша хотя ты спѣшишь, однако сей надгробный камень проситъ тебя,*
Чтобы ты на него позрѣлъ: и потомъ прочиталъ написанное.
Здѣсь положены кости Марка Пакувія стихотворца.
Я не хотѣлъ, чтобы ты о семъ не зналъ. Прощай.

ГЛАВА 25.

Какъ М. Варронъ опредѣлилъ слово inducia (перемиріе): притомъ любопытнѣе изслѣдовано, какая причина есть слова induciæ.

М. Варронъ въ книгѣ *О дѣлахъ человѣческихъ*, содержащей въ себѣ разсужденіе *О войнѣ и мирѣ*, двоякимъ образомъ опре-

опредѣлилъ слово *induciæ* (*перемиріе*). *Induciæ*, сказалъ, *ſunt pax caſtrenſis paucorum dierum*. т. е. *Перемиріе есть въ стану на нѣсколько дней учиненный миръ*. Также на другомъ мѣстѣ, *Induciæ*, сказалъ, *ſunt belli feriæ*. т. е. *Перемиріе есть праздникъ войны*. Но кажется, что оба сіи опредѣленія по краткости своей больше краснорѣчивы и пріятны, нежели полны и справедливы. Потому что перемиріе есть ни миръ; ибо война продолжается, а только перестаютъ быть сраженія. Ни въ одномъ стану, ниже токмо на нѣсколько дней бываетъ перемиріе. Ибо не перемиріе ли и тогда бываетъ, когда по учиненіи перемирія на нѣсколько мѣсяцовъ изъ стана выходятъ въ города? Или что за перемирія К. Понтій Самнитянинъ, какъ писано въ первомъ Квадригаріевомъ лѣтописцѣ, просилъ на шесть часовъ у Диктатора Римскаго, ежели перемиріе только на нѣсколько дней сказать можно? А что онъ назвалъ перемиріе праздникомъ войны; то больше сказалъ пріятно, нежели ясно и исправно. Что же касается до Грековъ, то они сіе договорное перестатіе сраженія явственнѣе и вѣрнѣе назвали ἐκεχειρία т. е. *удержаніе рукъ*. Понеже тогда не бываетъ сраженія и удерживаются руки. Но Варрону не было подлинно нужды обстоятельно опредѣлять перемиріе, и наблюдать всѣ правила и способы опредѣленій. Ибо довольно показалось ему сдѣлать такое

кое объясненіе, какое Греки называютъ больше *τύπος* и *ὑπόγραφα*, т. е. *простое и несовершенное описаніе и изображеніе*, нежели *ὁρισμός* т. е. *опредѣленіе*. А какимъ образомъ сдѣлалось слово induciae, о томъ я давно изслѣдываю. Но изъ многаго мною уже слышаннаго и читаннаго, то, что я объявлю, кажется вѣроятнѣе. Я думаю, что слово *induciæ* сказано такъ, какбы было *inde uti iam* (*съ тѣхъ поръ чтобы уже*). Договоръ о перемиріи состоитъ въ томъ, чтобы до извѣстнаго дня не сражаться, и не дѣлать никакого зла: но съ того дня чтобы уже во всемъ поступать по праву войны. Что говорится опредѣленъ извѣстный день, и сдѣланъ договоръ, чтобы до того дня не сражаться, а какъ придетъ тотъ день, inde uti iam pugnetur (чтобы съ тѣхъ поръ уже вступать въ сраженіе): и потому изъ вышеобъявленныхъ словъ, какбы чрезъ какое нибудь сонтіе составлено имя induciae. А Аврелій Опилій, въ первой изъ книгъ называемыхъ, *Музы*, говоритъ: *Induciæ dicuntur, quum hoſtes inter ſeſe vtrimque vtroque alter ad alterum impune & ſine pugna ineunt.* т. е. *Перемиріе называется, когда непріятели взаимно между собою одинъ къ другому ходятъ безопасно и безъ сраженія.* Inde *ab eo*, inquit, *nomen eſſe factum videtur, quaſi initiæ, h. e. initus atque introitus*, т. е. *и оттуда, по видимому, произошло имя induciæ какбы initiæ* т. е. *вхожденіе.* Сихъ отъ Аврелія написанныхъ

словъ не опустилъ я для того, чтобы какому нибудь сихъ ночей хулителю попому только сіе не показалось лучшимъ, что будтобы я изыскивая произведеніе слова не зналъ о томъ.

ГЛАВА 26.

Какъ мнѣ отвѣчалъ Тавръ философъ, когда я спросилъ, гнѣвается ли мудрый человѣкъ.

Спросилъ я въ школѣ у Тавра, гнѣвается ли мудрый человѣкъ? Ибо онъ послѣ повседневнаго чтенія позволялъ спрашивать, о чемъ кто хочетъ. Онъ важно и пространно о болѣзни и страсти гнѣва разсуждавъ то, что и въ книгахъ древнихъ, и въ его запискахъ находилось, оборотился ко мнѣ, и сказалъ: *такъ я думаю о гнѣвѣ.* Но не худо тебѣ послушать и того, что нашъ Плутархъ, мужъ преученый и весьма благоразумный о томъ думалъ. Плутархъ, сказалъ онъ, съ своего слуги, человѣка негоднаго и упрямаго, но весьма наслушавшагося книгъ и разсужденій философскихъ, не знаю, за что приказалъ снять платье, и сѣчь онаго плѣтью. И какъ стали сѣчь, то онъ спорилъ говоря, что онъ не заслужилъ побой, и что ничего не сдѣлалъ худаго. Наконецъ во время сѣченія сталъ кричать голосомъ: и уже не жалобы произносить, стонать и плакать началъ, но и въ прав-

правду ругательныя употреблять слова: что Плутархъ непристойно поступаетъ, и что безчестно философу сердиться: что онъ часто разсуждалъ о худости гнѣва: и прекрасную написалъ книгу о томъ, что не должно гнѣваться; а поступаетъ совсѣмъ написаннымъ въ той книгѣ ни мало несогласно, потому что крайне разсердившись нещадно его бьетъ. То Плутархъ тихо и ласково сказалъ: „Что я тебя бью, то и „кажется тебѣ, что я сердитъ? По ли„ли ты моему, или по голосу, или по кр„скѣ въ лицѣ, или по словамъ узнаешь, „что я разсердился? Я думаю, что ни гла„за у меня страшны, ни лице смутно, ни „безобразно кричу, ни пѣну испускаю и „перемѣнный въ лицѣ имѣю цвѣтъ, ни срам„наго и раскаянія достойнаго не говорю, „ни дрожу отъ гнѣва и совсѣмъ сердита„го не показываю тѣлодвиженія. Ибо всѣ „сіи, когда ты не знаешь, обыкновенныя „суть признаки гнѣва. Притомъ оборо„тившись къ тому, который сѣкъ, ска„залъ: *Между тѣмъ, пока мы съ нимъ разсуждаемъ, ты дѣлай свое.* А сила всего Таврова мнѣнія состояла въ слѣдующемъ. Что онъ не за одно почиталъ *не имѣть гнѣва и быть безпечну*; и что иное есть *негнѣвливое сердце, иное безпечное и нечувствительное.* Ибо онъ какъ всѣхъ другихъ душевныхъ движеній, которыя отъ Латинскихъ философовъ называются affectus или affectiones,

по

по Гречески πάθη, такъ и сего, которое, по причинѣ мщенія будучи жесточаѣ, называется гнѣвомъ, не не имѣть, но наблюдать въ немъ умѣренность почиталъ за полезное.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ВТОРАЯ
ГЛАВА 1.

Какъ Сократъ философъ обыкновенно пріовучалъ себя къ тѣлесному терпѣнію: и о терпѣливости сего мужа.

Сказываютъ, что Сократъ между самопроизвольными трудами и упражненіями для укрѣпленія тѣла въ случаѣ, когда надобно будетъ терпѣть, обычай имѣлъ дѣлать слѣдующее. Обыкновенно сей философъ стаивалъ въ размышленіи, какбы въ какомъ нибудь восторгѣ, безъ отдыха во весь день и во всю ночь, отъ самаго восхожденія солнца до другаго восхожденія, не закрывая глазъ, и не двигаясь съ мѣста, на тѣхъ же самыхъ слѣдахъ, и на то же самое мѣсто устремивши взоръ. Когда Фаворинъ между многимъ разсужденіемъ о крѣпости сего мужа, дошелъ до сего; то сказалъ: *Отъ восхожденія солнца до другаго восхожденія стоялъ прямѣе пня.* Сверхъ сего, сказы-

зываютЪ, онЪ такЪ наблюдалЪ умѣренность, что вовсе почти время своей жизни не имѣлЪ никакой болѣзни. Да и вЪ ту заразу, которая вЪ началѣ Пелопоннезской войны самыя Аѳины опустошила, тѣмЪ, сказываютЪ, воздержности и умѣренности способомЪ и отЪ вредности сластолюбія предостерегся, и вЪ тѣлесномЪ здравіи остался, такЪ что ни мало не подпалЪ общему всегубительству.

ГЛАВА 2.

Какой разборЪ и наблюденіе чиновЪ должно быть между отцами и сыновьями вЪ позлежаніи при столѣ и сидѣніи, и вЪ другихЪ сему подобныхЪ домашнихЪ и общенародныхЪ дѣлахЪ; естьли сыновья будутЪ люди чиновные, а отцы простые гражданѣ: и разсужденіе о томЪ Тавра философа, и примѣрЪ взятый изЪ Римской исторіи.

Правитель Критской провинціи, человѣкЪ знатный, пріѣхалЪ сЪ своимЪ отцомЪ вЪ Аѳины, чтобы видѣться и познакомиться сЪ ТавромЪ философомЪ. ТаврЪ распустивЪ вЪ извѣстное время своихЪ учениковЪ, сидѣлЪ за дверьми своей комнаты, и сЪ нами стоявшими предЪ нимЪ разговаривалЪ. ВзошелЪ провинціи правитель и сЪ нимЪ его отецЪ. ТаврЪ сЪ учтивостію всталЪ; и по взаимномЪ поздравленіи опять сѣлЪ. ТотчасЪ принесенЪ былЪ одинЪ стулЪ, ко-

который былъ готовъ; и между тѣмъ, пока еще другіе были не поданы, поставленъ. Тавръ правителева отца просилъ садиться. Но онъ сказалъ: *Пусть лучше сядетъ сей, который есть человѣкъ чиновный въ Римскомъ народѣ. Безъ предразсужденія*, сказалъ Тавръ, *ты сядь, между тѣмъ, пока мы разсмотримъ и изслѣдуемъ, тебѣ ли лучше и пристойнѣе сѣсть, какъ отцу, или сыну, какъ человѣку чиновному*. Потомъ какъ отецъ сѣлъ, и поставленъ былъ другой стулъ сыну его; то о Боже мой! сколь со обстоятельнѣйшимъ говорилъ Тавръ о чинахъ и должностяхъ разсужденіемъ. Оныхъ словъ содержаніе было слѣдующее: „Въ мѣстахъ, „должностяхъ и дѣйствіяхъ общенародныхъ право отцовъ сравниваемое со властію сыновъ въ чинахъ находящихся нѣсколько уменьшается и пресѣкается: но „когда сверхъ общенародныхъ должностей „въ домашнихъ дѣлахъ и обращеніяхъ находимся, както сидимъ, ходимъ, и на „дружескихъ пирахъ (1) возлежимъ, то „ме-

(1) *Возлежимъ*] на ложахъ сдѣланныхъ для возлежанія при столѣ. А въ старину по большой части употребляли на пирахъ по три ложа. Иногда же было и по два только. Но наипаче употребляли по три ложа. Почтеннѣйшимъ мѣстомъ почиталось самое послѣднее средняго ложа, а хозяинъ занималъ первое мѣсто третьяго ложа. И такимъ образомъ хозяинъ и самый почтенный гость взаимно себя касались. Саллустій *въ неполныхъ книгахъ* объявляетъ, что Серторій Императоръ

„ между сыномъ человѣкомъ чиновнымъ и „ отцомъ простымъ гражданиномъ общественное почтеніе быть перестаетъ, но „ начинаетъ быть естественное. А какъ „ сіе, сказалъ онъ, что вы ко мнѣ пришли, „ что разговариваемъ теперь, что разсуждаемъ о должностяхъ, есть дѣло домашнее. То у меня ты прежде имѣй то почтеніе, которое и въ вашемъ домѣ тебѣ „ прежде имѣть надлежитъ. О семъ и о другомъ того же содержанія Тавръ разсуждалъ важно и кротко. А притомъ за пристой-

---

торъ на среднемъ ложѣ возлежалъ ниже другихъ, а хозяинъ пира Перперна на послѣднемъ ложѣ. Что же касается до женщинъ, то они сперва сидѣли, потому что женщинѣ возлежать казалось непристойно по свидѣтельству Исидора кн. 20. но и они послѣ возлежали, какъ видно изъ Валерія, который кн. 2. въ гл. 2. говоритъ такъ: *Женщины съ лежащими мущинами ужинали сидя; которое обыкновеніе отъ обращенія человѣческаго дошло и до божіяго: иво во время Юпитерова пира, его къ столу зовутъ на ложе, а Юнону и Минерву на стулья. Которая строгость въ нашемъ вѣкѣ больше наблюдается въ Капитоліи, нежели въ домахъ: понеже то есть наблюдать учтивость больше надлежитъ до богинь, нежели до женщинъ.* А о томъ, какимъ образомъ было возлежаніе у Римлянъ, пишетъ Липсій слѣдующее. *Возлежали оперши съ верхнюю частію тѣла на лѣвый локоть, а нижнюю протянувши вдоль, голову нѣсколько поднявши, и мало спину подперши небольшими подушками. Первый лежалъ въ головахъ ложа протянувъ ноги за спину втораго: вторый оборачивался затылкомъ къ чреву перваго, положивъ между онымъ и собою небольшую подушку, и протянувъ ноги за спину третьяго. Такимъ же образомъ дѣлалъ третій и четвертый.*

стойное почелъ я написать, что читалъ въ Клавдіи о таковой должности отца съ сыномъ. И для того положилъ здѣсь слова Квадригарія, выписанныя изъ шестой книги его лѣтописца: „Сдѣланы были „Консулами Семпроній Гракхъ вторично „да К. Фабій Максимъ сынъ того Фабія, „который (2) прошлаго года былъ Консуломъ. Оному (3) Консулу попался на встрѣчу отецъ его Проконсулъ ѣдучи на лошади, и не хотѣлъ сойти, потому что „былъ ему отецъ: а приставы зная, что „они между собою живутъ весьма согласно, не посмѣли велѣть сойти съ лошади. И какъ онъ уже близко подъѣхалъ; „то Консулъ сказалъ, вели сойти. Ближайшій приставъ какъ скоро сіе услышалъ, велѣлъ Проконсулу Максиму сойти. „Фабій послушался приказанія: и похвалилъ „сына за то, что онъ наблюдаетъ власть „принадлежащую народу.

ГЛАВА

---

(2) *Который прошлаго года*] обыкновенно тотъ, кто прошлаго года былъ Консуломъ, посылался въ Проконсулы для правленія провинціи.

(3) *Консулу*] ибо естьли кто встрѣтится съ Консуломъ ѣдучи на лошади, то долженъ сойти съ оной. Естьли же самъ не сойдетъ, то приставы сойти приказывали.

ГЛАВА 3.

Какимъ образомъ древніе въ нѣкоторыя слова вложили духъ буквы h.

Н букву, или лучше оную назвать должно (1) духомъ, нежели буквою, влагали древніе Латины во многія слова для твердости произношенія, чтобы оныхъ звонъ былъ живѣе и пріятнѣе, и то, какъ видно, дѣлали они по наблюденію и примѣру Аттическаго языка. Ибо довольно извѣстно, что Аттики или Аѳинянѣ ἱχθὺν, ἱρον и другія многія слова, не по обыкновенію другихъ Греческихъ народовъ говорили, произнося духомъ первую букву. Такимъ образомъ lachrymas, ſepulchrum, ahenum, vehemens, inchoare, helluari, hallucinari, honera, honeſtus говорили. Ибо нѣтъ другой причины во всѣхъ сихъ словахъ употреблять сей буквы или духа, кромѣ того чтобы твердость и живность голоса какбы какими нибудь жилами была натягиваема. Но понеже я положилъ въ примѣръ слово *ahenum*, то пришло мнѣ въ память, что Фидъ Оптатъ, славный Римскій Грамматикъ показывалъ мнѣ вторую книгу Енеидъ весьма старинную, купленную въ улицѣ называемой (2) Сигилларія за 20 червонцовъ, кото-

(1) *Духомъ*] понеже она ни движеніемъ губъ ниже зубовъ произносится.

(2) *Сигилларія*] была улица въ Римѣ, гдѣ продавались печати и другія вещи, и для того всегда великое множество людей собиралось туда, что особливо объявляетъ

рую онъ почиталъ за собственную Виргиліеву: въ которой написаны были два слѣдующіе стиха такъ:

Vestibulum ante ipsum primoque in limine Pirrbus
Exsultat telis & luce coruscus aena.

А на верху увидѣлъ я написанную букву *h*, и сдѣлано *ahena.* Равнымъ образомъ и въ слѣдующемъ Виргиліевомъ стихѣ нашелъ я въ книгахъ очень изрядныхъ написано:

Aut foliis undam tepidi dispumat aheni.

ГЛАВА 4.

По какой причинѣ Гавій Бассъ написалъ, что нѣкоторый родъ суда называется гаданіемъ; и какую иную причину того же слова объявляли другіе.

Когда производится дѣло о выборѣ обвинителя, и бываетъ разсужденіе, кому наипаче изъ двухъ или многихъ позволить быть обвинителемъ кого нибудь и подъ обвиненіемъ подписать свое имя; то оное дѣло и разсужденіе судейское называется *гаданіемъ*. (1) По какой причинѣ оное слово такъ

являетъ Светоній въ Неронѣ гл. 28. Были тамъ и книгопродавцы, гдѣ и куплена вышеобъявленная книга.

(1) *Гаданіемъ*] Гаданіемъ назывался судъ о будущемъ, кому надобно быть обвинителемъ, чрезъ которой судья одному другаго какбы отгадывая предпочитаетъ въ обвиненіи; или потому что дѣло производилось безъ свидѣтелей и безъ письменнаго представленія, и потому судьи какбы отгадывали. Что особливо дѣлалось

такъ названо. Габій Бассъ, въ третіей книгѣ *О произведеніи словъ*, сказалъ, *что судъ называется гаданіемъ потому, что нѣкоторымъ образомъ судъѣ надлежитъ отгадывать, какой онъ долженъ дать приговоръ.* Хотя въ словахъ Габія Басса положена причина весьма несовершенная, или больше недостаточная и сухая; однако онъ, по видимому, доказать хочетъ, что *гаданіемъ* называется для того; понеже въ другихъ дѣлахъ судья обыкновенно слѣдуетъ тому, что онъ узналъ, и что доказательствами и свидѣтелями доказано: а въ семъ дѣлѣ, когда надобно выбирать обвинителя, весьма мало находится такого, чемъ бы судья преклоненъ быть могъ; и потому какбы отгадывать должно, кто больше способенъ быть обвинителемъ. Доселѣ Бассъ. Но другіе нѣкоторые думаютъ, что *гаданіемъ* названо потому, что когда обвинитель и обвиняемый какбы двѣ вещи суть между собою сродныя и соединенныя, и одна безъ другой быть не можетъ; а въ семъ родѣ суда обвиняемый есть, а обвинителя еще

 нѣтъ:

лось тогда, естьли обвинители между собою были несогласны. Иначе бы многіе вмѣстѣ обвинять могли. Такимъ образомъ когда сумнительно было, Цицерону ли или Цецилію надобно было обвинять Верреса, то сдѣланъ обвинителемъ Цицеронъ. Ибо великая въ томъ нужда, кому быть обвинителемъ. Какимъ образомъ дѣлалось сіе гаданіе, смотри Асконія, Педіана, Цицерона и законоискусника Улпіана въ кн. 16. *О обвинителяхъ.*

нѣтъ: и для того то, чего еще нѣтъ и не видно, должно дополнять гаданіемъ, кто имѣетъ быть обвинителемъ.

ГЛАВА 5.

Какъ пріятно и основательно сказалъ Фаворинъ философъ, какая разность находится между рѣчью Платона и Лисіа.

Фаворинъ о Лисіи и Платонѣ обыкновенно говорилъ: „Естьли изъ Платоновой рѣчи отнимешь и перемѣнишь какое „нибудь слово, и сдѣлаешь то весьма пристойно, то уменшишь только красоты: „а естьли изъ Лисіевой, то уменшишь „разсужденія.

ГЛАВА 6.

Какія слова Виргилій, говорятъ, употребилъ неосторожно и подло; и что надлежитъ отвѣчать тѣмъ, которые симъ безчестятъ Виргилія.

Нѣкоторые прошедшаго вѣка Грамматики, въ числѣ которыхъ Корнутъ Анней, люди ученые и знаменитые, сочинившіе записки на Виргилія, охуждаютъ какбы неосторожно и подло употребленное слово въ слѣдующихъ стихахъ:

Candida ſuccinctam latrantibus inguina monſtris
Dulichias vexaſſe rates, & gurgite in alto
Ah timidos nautas canibus laceraſſe marinis.

по-

понеже они думают, что слово *vexasse* есть маловажно, и значит не большой вред или ущерб; и что несходно оно с толикою лютостію, когда люди вдруг от лютѣйшаго звѣря похищены и растерзаны. Также осуждают его и в другом таком же словѣ,

- - - Quis aut Eurysthea durum
Aut illaudati nescit Busiridis aras?

Они говорят, что слово *illaudati* не очень пристойно; и недовольно онаго для изъясненія мерзости нечестиваго человѣка, который за то, что пришельцов из всѣх народов обычай имѣл приносить в жертву, не похвалы недостоин, но достоин был омерзѣнія и проклятія от всего человѣческаго рода. Также порочили и другое слово:

Per tunicam squallentem auro latus haurit apertum.

Какбы непристойно было сказать, *auro squallentem*: потому что блеску и сіянію золота нечистота squalloris противна. Но я думаю, что о словѣ *vexasse* слѣдующим образом отвѣчать можно. *Vexasse* есть слово важное; и по видимому произведено от глагола *vehere*, который заключает в себѣ нѣкоторую уже постороннюю силу. Ибо тот, кто vehitur, сам в себѣ несилен. А глагол *vexare* произшедшій из онаго, без сумнѣнія большую имѣет силу и движеніе. Понеже тот, кто fertur и raptatur

или huc atque illuc distrahitur, называется собственно vexari: какъ глаголъ *taxare* сильнѣе и больше значитъ, нежели tangere, отъ котораго онъ безъ сумнѣнія произошелъ: и *iactare* гораздо пространнѣе и обширнѣе есть, нежели *iacere*, откуда тотъ глаголъ произведенъ: также *quassare*, важнѣе и сильнѣе, нежели *quatere*. Ибо для того, что просто обыкновенно говорится vexatum esse quem fumo aut vento aut puluere, не надлежитъ уничтожаться сущему и свойственному глагола знаменованію; которое отъ древнихъ, говорившихъ собственно и исправно, надлежащимъ образомъ было наблюдаемо. Находятся слова М. Катона въ рѣчи, которую онъ написалъ *Объ Ахеянахъ*: *Quumque Hannibal terram Italiam laceraret atque uexaret. Uexatam Italiam* сказалъ Катонъ отъ Аннибала, когда никакого рода бѣдствія или жестокости или безчеловѣчія найти не можно, котораго бы тогда не претерпѣла Италія. М. Туллій въ четвертой рѣчи на Верреса: *Quæ ab isto sic spoliata atque direpta est, ut non ab hoste aliquo, qui tamen in bello religionem & consuetudinis iura retineret, sed ut a barbaris prædonibus vexata esse videatur.* Что же касается до слова *illaudatus*, то объ ономъ кажется двоякимъ образомъ отвѣчать можно: первое. Нѣтъ никакого столь развращенныхъ нравовъ человѣка, который бы никогда не сдѣлалъ или не сказалъ чего нибудь достойнаго похвалы. Откуда слѣдующій

ющій весьма древній стихъ употребляемъ былъ вмѣсто пословицы:

Πολλάκι καὶ κηπωρὸς ἀνὴρ μάλα καίριον εἶπεν.

т. е. *Когда нибудь сказалъ и огородникъ кстатѣ.*

Но кто во всякомъ дѣлѣ и во всякое время лишенъ всякой похвалы, тотъ есть непохваленъ, и хуже всѣхъ почитается: какъ не имѣніе никакой вины дѣлаетъ человѣка невиннымъ. А невинный есть изображеніемъ совершенной добродѣтели; слѣдовательно и непохвальный есть конецъ крайней злости. Такимъ образомъ Омиръ обыкновенно великую похвалу изображаетъ не чрезъ упоминаніе добродѣтелей, но чрезъ отнятіе пороковъ. Ибо говоритъ онъ слѣдующимъ образомъ:

Ἦ ὕδα μάντις ἀμύμων.
Τὼ δ᾽ ὀκ ἄκοντε πετέσθην.
Говорилъ невинный предвѣщатель.
Непринужденно летали.

Также и оное:

Ἔνθ᾽ ὀκ ἂν βρίζοντα ἴδοις Ἀγαμέμνονα διον,
Οὐδὲ καταπτώσσοντ᾽, ὀδ᾽ ὀκ ἐθέλοντα μάχεσθαι.
Тогда недремлющаго увидѣлъ бы ты благороднаго Агамемнона,
Ни изнемогающаго, ниже отрекающагося отъ сраженія.

Подобнымъ образомъ и Епикуръ великое увеселеніе чрезъ неимѣніе и изъятіе всякой печали опредѣлилъ слѣдующими словами;

 Ὅρος

"Ὅρος τοῦ μεγέθους τῶν ἡδονῶν, ἡ παντὸς τοῦ ἀλγοῦντος ὑπεξαίρεσις т. е. *Предѣлъ великости увеселеній не имѣніе никакой печали.* Такимъ же образомъ и Виргилій назвалъ адъ *inamabilem*, т. е. *Недостойнымъ любви или нелюбезнымъ.* Ибо онъ какъ *illaudatum* по неимѣнію похвалы, такъ *inamabilem* по неимѣнію любви почелъ омерзительнымъ. Другимъ образомъ, *illaudatus*, защищается такъ. *Laudare*, значитъ на старинномъ языкѣ называть и упоминать. Такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ гражданскихъ говорится laudari auctor, что значитъ nominari. Ибо *illaudatus* есть какбы *illaudabilis*, который никакого никогда напоминанія недостоинъ. Какъ нѣкогда по общему приговору всей Азіи опредѣлено было, чтобы никто ни въ какое время не упоминалъ объ имени того, кто сожегъ (1) храмъ Діаны Ефесскія. Третіе изъ

(1) *Храмъ Діаны Ефес.*] разумѣетъ первый храмъ построенный отъ Херсифрона, по свидѣтельству Страбона, который говоритъ: „что храмъ Діаны первый „строилъ Херсифронъ; потомъ нѣкто другой построилъ „больше перваго; наконецъ, по сожженіи храма отъ „Иространа, новое и великолѣпнѣйшее храма построено „зданіе, иждивеніемъ собраннымъ то съ собственнаго „имѣнія, то съ женскихъ уборовъ. И такъ когда мы читаемъ, что оный храмъ строилъ Динократъ, то не о первомъ, но о послѣднемъ храмѣ разумѣть должно, который гораздо былъ великолѣпнѣе и удивительнѣе. Что касается до Плинія, то сумнительно, о первомъ ли его разумѣть надобно. Кажется, что должно разумѣть о послѣднемъ. Читай онаго кн. 36. гл. 14. *Истинное удивленіе великолѣпію находится храмъ*

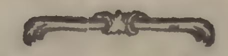

изъ охужденныхъ словъ остается то, что сказалъ *tunicam ſquallentem auro.* А сіе значитъ множество и частость золота вытканнаго на подобіе чешуи. Ибо *ſquallere* названо a ſquamarum crebritate aſperitateque т. е. отъ частости и шароховатости чешуи; которую мы видимъ на кожахъ рыбьихъ и змѣиныхъ. Что и другіе и сей стихотворецъ на нѣсколькихъ мѣстахъ доказываетъ:

(2) *Quem pellis*, говоритъ, *ahenis*
In plumam ſquamis auro conſerta tegebat.

храмъ Діаны Ефесскія чрезъ двѣсти двацать лѣтъ строенный отъ всей Асіи. Поставленъ оный на болотной землѣ для безопасности отъ землетрясенія и разсѣлинъ. Притомъ чтобы не на слизкомъ и нетвердомъ мѣстѣ толикой тяжести положено было основаніе, то насыпано подъ оное мѣлкое уголье и наложена шерсть. Долгота всего храма 31½ саж широта 22 сажени: 127 столповъ сдѣланы отъ каждаго царя высотою по 6 саженей. Изъ оныхъ 33 украшены рѣзбою отъ славнаго рѣщика Скопы. А на другомъ мѣстѣ кн. 16. гл. 40. говоритъ, что сей храмъ построенъ въ 400. лѣтъ. Но думаю, что тамъ вмѣсто CCCC. читать надобно CCXX. въ чемъ типографщики легко ошибиться могли. И такъ первый храмъ сожегъ Иростратъ во 106 Олимпіаду, въ ту самую ночь, въ которую родился Александръ Великій. Приложу наконецъ здѣсь мѣсто изъ Витрувія о разныхъ архитекторахъ: *Сперва храмъ Діаны Ефесской Іоническимъ родомъ застроенъ отъ Херсифрона Гносія и сына его Метагена, а послѣ, сказываютъ, привели оной къ окончанію Димитрій слуга самой Діаны и Пеоній. И такъ сей храмъ сожженный великолѣпнѣе потомъ возобновленъ отъ Динократа.* См. Салмас. къ Солин. стр. 814.

(2) Quem pellis etcet.] Сіи стихи находятся въ кн. 10. Енеид. ст. 770. и слѣд.

И на другомъ мѣстѣ,

Iamque adeo rutilum thoraca indutus abenis
Horrebat squamis.

Акцій въ Пелопидахъ пишетъ такъ:

Eius serpentis squamæ squallido auro & purpura prætextæ.

И такъ все то, что весьма чемъ нибудь было набито и обросло такъ, что при первомъ взглядѣ наводило на взирающихъ ужасъ, называлось *squallere.* Такимъ образомъ въ нечистыхъ и шароховатыхъ тѣлахъ множество нечистоты называется squallor: чрезъ частое и всегдашнее сего означенія употребленіе оное слово въ такое пришло презрѣніе, что уже squallor не стали говорить ни о какой другой вещи, кромѣ одной нечистоты.

ГЛАВА 7.

О должности дѣтей въ разсужденіи родителей: и мнѣнія о томъ предложенныя изъ философскихъ книгъ, въ которыхъ написано и изслѣдовано, всегда ли и всѣмъ ли отеческимъ повелѣніямъ повиноваться должно.

Обыкновенно предлагаемъ былъ вопросъ въ философскихъ разсужденіяхъ, всегда ли и во всѣхъ ли повелѣніяхъ должно повиноваться отцу? О семъ Греческіе и Латинскіе писатели, писавшіе о должностяхъ, предали, что три суть мнѣнія достой-

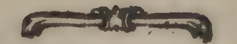

стойныя разсмотрѣнія и разсужденія; и объ оныхъ весьма остроумно разсудили. Одно изъ оныхъ есть сіе; *Всему, что приказываетъ отецъ, повиноваться должно.* Другое; *Въ нѣкоторомъ повиноваться, а въ нѣкоторомъ не быть послушну.* Третіе; *Совсѣмъ не должно имѣть послушанія и повиновенія къ отцу.* Сіе мнѣніе поелику съ перваго взгляда есть весьма безчестно: то прежде, что говорено было о немъ, объявимъ. Или правильно, говорятъ они, приказываетъ отецъ, или неправильно. Ежели правильно приказываетъ; то не потому должно повиноваться, что приказываетъ отецъ, но потому дѣлать должно, что того требуетъ справедливость: ежели неправильно; то не надобно дѣлать того, чего дѣлать не должно. И наконецъ заключаютъ такъ: Слѣдовательно никогда отцу не должно повиноваться въ томъ, что онъ приказываетъ. Но слышалъ я, что ни сего не хвалятъ мнѣнія; потому что оно, какъ вскорѣ объявимъ, есть только пустая и негодная хитрость. Ни то, которое сперва я объявилъ, справедливымъ и хорошимъ казаться можетъ; *Во всемъ то есть, что ни прикажетъ отецъ, повиноваться должно.* Такъ потому и въ томъ, когда предать отечество, когда убить мать, и когда другое что нибудь прикажетъ сдѣлать мерзкое и беззаконное. И потому среднее мнѣніе признано за самое лучшее и безопаснѣйшее; *Въ*

ко-

которомъ т. е. повиноваться; *а въ нѣкоторомъ не быть послушну*. Но говорятъ однако, что и отъ того, въ чемъ повиноваться не должно, кротко, скромно, безъ излишняго презрѣнія, и безъ огорчительнаго поношенія и укоризны помалу надлежитъ удаляться, а не совсѣмъ отвергать оное. Заключеніе, по которому, какъ вышеобъявлено, заключается, что ни въ чемъ не должно повиноваться отцу, есть несовершенное и можетъ опровергнуто быть слѣдующимъ образомъ. Все, что въ дѣлахъ человѣческихъ бываетъ, по мнѣнію ученыхъ, или честно есть или безчестно. Что само по себѣ справедливо или честно есть, какъ то наблюдать вѣрность, защищать отечество, любить друговъ, оное надлежитъ дѣлать, хотя будетъ приказывать отецъ, хотя не будетъ. Но что сему противно, и что худо и беззаконно есть; того, хотя бы приказывалъ отецъ, дѣлать не должно. А что посредственно есть, и называется отъ Грековъ ἀδιάφορον и μέσον (*неразнствующее и посредственное*) какъ то итти въ военную службу, упражняться въ землепашествѣ, получать чины, ходить за дѣлами, (1) вступать въ супружество, по при-

(1) *Вступать въ супружество*] въ разсужденіи супружества для многихъ причинъ можетъ сынъ со всякимъ почтеніемъ отречься отъ приказанія отцовскаго. Еще же больше отецъ не можетъ сына или дочь принудить къ супружеству. И такъ не всегда надобно

приказанію поѣхать, по зву притти; поелику и сіе и сему подобное само по себѣ ни честно, ни безчестно есть, но потому, какъ отъ насъ дѣлаемо бываетъ, такъ по самымъ дѣйствіямъ достойно бываетъ или одобренія или охужденія: для того разсуждаютъ, что во всѣхъ такихъ дѣлахъ должно повиноваться отцу; какъ то естьли онъ прикажетъ жениться или говорить суды за отвѣтчиковъ. Ибо сіе и то и другое въ самомъ родѣ само по себѣ ни честно ни безчестно есть; и потому, естьли прикажетъ отецъ, надобно повиноваться. Но ежели прикажетъ взять жену безчестную, позорную и порочную: либо ходатайствовать

добно повиноваться отцу приказывающему жениться, естьли безчестно, какъ послѣ говоритъ Геллій, будетъ супружество, естьли будетъ противъ склонности, и такъ далѣе. Союзомъ брака должно быть взаимное произволеніе, и любовь здѣсь не допускаетъ повелѣнія, но не пріемлется по произволенію. Супружества бывающія по приказанію весьма часто возращаютъ плодоносную ниву ссоръ и всегдашнія подаютъ причины къ жалобамъ, однако безъ всякаго упорства и честно должно отговариваться отъ того, отъ чего честно отговориться можно. Между тѣмъ надлежитъ замѣтить, что по древнему праву и не имѣла дочь совершенной власти не согласиться на отцово предложеніе, чего примѣры находятся у писателей забавныхъ зрѣлищъ и историковъ. По праву гражданскому дочь никакой не имѣла власти отговариваться отъ замужества кромѣ того, естьли отецъ изберетъ ей жениха худыхъ нравовъ и безчестныхъ поступокъ. кн. 12. §. 1. *О сгопор.*

вать за какого нибудь (2) Катилину, или Тубула, или П. Клодія: но не должно то есть повиноваться; потому что по приложеніи нѣкотораго знака безчестія перестаетъ уже сіе быть само по себѣ среднимъ и не разнствующимъ. Слѣдовательно тѣхъ, которые говорятъ, *То, что приказываетъ отецъ, или есть честно или безчестно*, предложеніе неполно, и не можетъ казаться здравымъ, правильнымъ и полнораздѣленнымъ. Потому что въ семъ раздѣленіи недостаетъ сего третьяго: *или ни честно, ни безчестно есть.* Что естьли приложено будетъ, то можно заключить такъ: Слѣдовательно иногда должно повиноваться отцу.

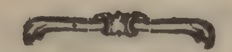
ГЛАВА 8.

О томъ, что несправедливо отъ Плутарха сдѣлано охужденіе Епикура въ наукѣ умословія.

Плутархъ во второй книгѣ изъ тѣхъ, которыя онъ написалъ *Объ Смирѣ*, говоритъ, что Епикуръ неполно, худо и неискусно употребилъ силлогизмъ, и полагаетъ самыя Епикуровы слова; ὁ θάνατος ὀυδὲν πρὸς ἡμᾶς. Τὸ γὰρ διαλυθὲν ἀναισθητεῖ. Τὸ δὲ ἀναισθητοῦν ὀυδὲν πρὸς ἡμᾶς. т. е. *Смерть для насъ ничего. Ибо разлученное ничего не чувствуетъ.* A

(2) *Катилину, или Тубула или П. Клодія*] трое сіи суть т.ѣ, которыхъ Цицеронъ во 2. кн. о должн. гл. 14. называетъ нечестивыми и беззаконными.

А что не чупствуетъ, то для насъ ничего. Потому что опустилъ, говоритъ, онъ то, что въ первой части положить былъ долженъ: ὁ θάνατος ψυχῆς καὶ σώματος διάλυσις. т. е. *Смерть есть разлученіе души отъ тѣла.* Потомъ то же самое, что опустилъ, какбы положенное и уступленное употребляетъ для утвержденія другаго. А сей, говоритъ, силлогизмъ, не положивъ онаго прежде, вдаль простираться не можетъ. Да и справедливо сіе написалъ Плутархъ о образѣ и порядкѣ силлогизма. Ибо ежели по ученому заключать и умствовать хочетъ, то надлежитъ говорить слѣдующимъ образомъ: ὁ θάνατος ψυχῆς καὶ σώματος διάλυσις. τὸ δὲ διαλυθὲν ἀναισθητεῖ. τὸ δὲ ἀναισθητοῦν οὐδὲν πρὸς ἡμᾶς. т. е. *Смерть есть разлученіе души съ тѣломъ. А что разлучено, то не чупствуетъ. А что не чупствуетъ, то для насъ ничего.* Но Епикуръ, каковъ онъ ни есть, кажется, что не по незнанію опустилъ оную часть силлогизма. Да и не было ему нужды такъ, какъ въ философскихъ словопрѣніяхъ говорить силлогизмъ совершенный и опредѣленный. И подлинно, поелику разлученіе души съ тѣломъ въ смерти явно, не почелъ онъ за нужное упоминать о томъ, что всѣмъ весьма было извѣстно. Какъ и то, что заключеніе силлогизма положилъ онъ не въ концѣ, но въ началѣ: ибо кто не видитъ, что и сіе не по неискусству сдѣлано? Да и у Платона во многихъ мѣстахъ

можно найти силлогизмы безъ наблюденія ученаго порядка съ достохвальнымъ нѣкоторымъ презрѣніемъ охужденія положенные.

ГЛАВА 9.

О томъ, что тотже Плутархъ съ явною клеветою опорочилъ слово сказанное отъ Епикура.

Тотже Плутархъ въ той же книгѣ того же Епикура порицаетъ, что онъ употребилъ несобственное и другое означеніе имѣющее слово. Ибо такъ написалъ Епикуръ: ὅρος τῦ μεγέθυς τῶν ἡδονῶν, ἡ παντὸς τῦ ἀλγῦντος ὑπεξαίρεσις т. е. *Предѣлъ великости увеселеній есть отнятіе всего печалющагося.* не παντὸς τῦ ἀλγῦντος. т. е. *всего печалющагося*, говоритъ, но παντὸς τῦ ἀλγεινῦ т. е. *всего печальнаго*, сказать надобно было. Ибо, говоритъ, должно означаемо быть отнятіе печали, а не печалющагося. Съ лишкомъ въ мѣлочи и почти не кстати Плутархъ ввязывается въ слова для обвиненія Епикура. Потому что Епикуръ не токмо не старается о такой обширности рѣчей и красотѣ словъ, но и порицаетъ оную.

ГЛАВА

ГЛАВА 10.

Что значитъ слово favissae Capitolinae: и что Сервію Сулпицію на вопросъ объ ономъ отписалъ въ отвѣтъ М. Варронъ.

(1) Сервій Сулпицій, сочинитель гражданскаго права, мужъ довольно ученый, писалъ къ М. Варрону, и просилъ, чтобы онъ отписалъ къ нему, что значитъ слово написанное (2) въ Ценсорскихъ книгахъ. Оное слово было *favissæ Capitolinæ.* Варронъ отписалъ, что онъ помнитъ слова К. Катула, попечителя о возобновленіи Капитоліи, что онъ хотѣлъ ниже сдѣлать дворъ Капитоліи, дабы по большему числу степеней всхо-

(1) *Серзій Сулпицій*] кромѣ всѣхъ честныхъ наукъ Цицеронъ и Квинтиліанъ признаютъ его первымъ въ знаніи гражданскаго права. Онъ былъ Преторомъ, Квесторомъ, Консуломъ. Что Консуломъ былъ съ М. Марцелломъ въ то время, когда между Цесаремъ и Помпеемъ произошла междоусобная война, о томъ Флоръ *въ Ливіевомъ сокращеніи* гл. 8. Діонъ и Плутархъ свидѣтельствуютъ. По свидѣтельству Помпоніеву написалъ онъ почти 180 книгъ. Разныя изъ оныхъ упоминаются въ гражданскомъ правѣ, также и отъ Грамматиковъ, и ниже сего кн. 4. гл. 1. и 4.

(2) *Въ ценсорскихъ книгахъ*] по которымъ какъ Римскіе граждане въ своемъ колѣнѣ, чинѣ, сотнѣ, такъ и имѣнія ихъ счислялись; и поелику должность Ценсоровъ была надзирать надъ храмами и общественными дѣлами, то для того въ ихъ книгахъ упоминается и о Фависсахъ Капитолинскихъ. О ценсорскихъ таблицахъ и о храненіи оныхъ смотри Діонисія Аликарнасскаго.

дить въ храмъ, и чтобы мѣсто, съ котораго говорятся рѣчи къ народу, по великости верха было выше; но сдѣлать того не могъ, потому что *fauissae* препятствовали. А оныя были нѣкоторые бывшіе на дворѣ подземные погреба, гдѣ обыкновенно клались (3) ветхіе знаки свалившіеся съ онаго храма, и другія нѣкоторыя вещи (4) изъ посвященныхъ даровъ. Но въ томъ же наконецъ письмѣ говоритъ, что хотя и не нашелъ онъ нигдѣ написаннаго, почему *fauissae* названы: однако говоритъ, что К. Ва-

(3) *Ветхіе знаки*] ибо и сіи мало помалу ржа съѣдала. Потому Лукретій ст. 309. *не разрушаются ли отъ долговременности храмы и изображенія божескія.* Каковыя видѣлъ онъ безъ сумнѣнія или положенныя въ погреба, или совсѣмъ уже въ оныхъ изгнившія. Откуда по видимому и Ювеналъ взялъ слѣдующее: *Древнее украшеніе Фекасіанскихъ Боговъ* Сат. 3. И такъ надобно думать, что остатки перваго сгорѣвшаго Капитолинскаго капища, которыя приказали провѣщатели развезти по болотамъ, имѣютъ съ сими различіе: потому что для вмѣщенія всѣхъ оныхъ развалинъ недовольно было погребовъ.

(4) *Изъ посвященныхъ*] Дары, по обыкновенію предковъ, правильно посвящаемы были чрезъ первосвященника или первосвященниковъ. И поелику имя первосвященниковъ приняли послѣ государи, по свидѣтельству Діона кн. 53. почему и право оное употребляли l. 9. D. A. R D. l. 8. de Relig. et fumpt. fun. l. ult. ut in poffefs. legat. Развѣ сіе такъ разумѣть надобно, что властію государей посвящали первосвященники, какъ древле по закону Папиріеву не можно было ничего посвящать безъ приказанія народа, какъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ *О домѣ.*

Валерій Соранъ обыкновенно говорилъ, что Греческимъ именемъ называемыя у насъ *thesauri (сокровища)* отъ древнихъ Латиновъ назывались *flauissæ:* потому что въ оныхъ непростая мѣдь и серебро, но дѣланныя (flata) деньги скрываемы были. И такъ онъ догадывается, что отъ того слова отнята вторая буква, и названы *fauissæ* нѣкоторыя ямы или погреба, которыя Капитолинскіе священныхъ вещей хранители употребляли для храненія священныхъ древностей.

ГЛАВА II.

О Сикціи Дентатѣ изрядномъ воинѣ многое достопамятное.

Въ лѣтописныхъ книгахъ написано, что Л. Сикцій Дентатъ, бывшій народнымъ Трибуномъ въ Консульство Сп. Тарпея и А. Атерія, до невѣроятности храбрый былъ воинъ, и по великой своей храбрости названъ Римскимъ Ахиллесомъ. Сказываютъ, что онъ на сто двадцати сраженіяхъ былъ противъ непріятелей, и сзади ни одной не имѣлъ раны, спереди сорокъ пять. Получилъ въ подарокъ (1) золотыхъ вѣнцовъ восемь, осадный одинъ, стѣнныхъ три, гражданскихъ четырнатцать.

 (2) це-

---

(1) *Золотыхъ вѣнцовъ*] о которыхъ разсуждаетъ Геллій въ кн. 5. гл. 6.

(2) цепѣй золотыхъ восемьдесятъ три. (3) Ожерельевъ больше ста шестидесяти. Копьевъ осмнатцать, также головныхъ конскихъ уборовъ дватцатьпять. Добычи получалъ многократно, въ томъ числѣ много и вызывательныхъ. Торжествовалъ съ своими полководцами девять торжествъ.

ГЛАВА 12.

Разсужденіе о нѣкоторомъ Солоновомъ законѣ, который съ перваго изгляда кажется несправедливъ, однако конечно для пользы и благосостоянія изобрѣтенъ.

Объявляетъ Аристотель, что между древнѣйшими оными Солоновыми законами, которые въ Аѳинахъ вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ, и которыя Аѳинянѣ по изданіи отъ онаго, для всегдашняго ихъ пребыванія, утвердили (1) кляшвою и

---

(2) *Цепѣй золотыхъ* 83.] Валерій Максимъ 183. но по Геллію и другимъ писателямъ надлежитъ вымарать сотенное число.

(3) *Ожерельевъ больше* 160] такъ и Валерій Максимъ. но Фульгентій въ кн. *О старинной рѣчи* положилъ CXL. но надлежитъ перемѣнить CLX по удобному переложенію буквъ. Онъ же объявляетъ, что Сикцій былъ на 120 поединочныхъ сраженіяхъ, а нашъ писатель упоминаетъ только сраженія не прибавляя поединочныя.

(1) *Клятвою*] ибо Солонъ принудилъ Сенатъ и по немъ всѣхъ Архонтовъ сдѣлать присягу къ своимъ законамъ, положивъ такое наказаніе, чтобы нарушитель оныхъ Аполлону Делфискому сдѣлалъ золотую статую вѣсомъ равную себѣ. Да и Аѳинейскій народъ обязалъ наблюдать оные законы чрезъ сто лѣтъ. И какъ сіи за-

и положеніемъ наказанія, написанъ законъ слѣдующаго содержанія: *Естьли по несогласію сдѣлается мятежъ и раздѣленіе народа на двѣ стороны, и, по раздраженіи тѣмъ сердецъ, съ обоихъ сторонъ примутся за оружіе и начнутъ биться: то кто въ такое время и въ такой несогласія гражданскаго случай не пристанетъ къ которой нибудь сторонѣ, но одинъ отъ общаго нещастія города удалится, того должно лишить дома, отечества и всего имѣнія, и отослать въ ссылку.* Когда я читалъ сей законъ Солона особенною премудростію одареннаго: то сперва въ нѣкоторое великое пришелъ удивленіе, изслѣдывая почему онъ тѣхъ почелъ наказанія достойными, которые отъ мятежа междоусобной битвы удалятся. Тогда тѣ, которые совершенно и обстоятельно разсматривали силу и употребленіе закона, говорили, что сей законъ служитъ не къ приращенію, но къ пресѣченію мятежа. Да и подлинно такъ. Ибо ежели почтенные гражданѣ, которые съ начала не въ силахъ были укротить мятежъ и разогнать возмущенный и обезу-

 мѣвшій

законы въ толикой были силѣ, что Писистратъ тираннъ не подумалъ уничтожить оныхъ. Хотя же 30. тиранновъ оныя уничтожили, однако по прошествіи не многихъ лѣтъ послѣ низверженія оныхъ опять приняты, и чрезъ многія вѣки были въ силѣ. И сколь долго былъ Солонъ во уваженіи, столь долго процвѣтала Аѳинейская республика.

мѣвшій народъ, раздѣлившись пристанутъ къ которой нибудь сторонѣ: то, когда они особенно будутъ обоихъ сторонъ сообщниками, и оныя стороны отъ нихъ какъ отъ важнѣйшихъ людей будутъ управляемы и приводимы въ порядокъ, сдѣлается, что чрезъ нихъ наипаче согласіе возвращено быть можетъ; когда и своихъ, у которыхъ они находятся, управляютъ и укрощаютъ, и противникамъ больше желаютъ быть сохраненнымъ, нежели погубленнымъ. Фаворинъ философъ разсуждалъ, что сему самому надлежитъ быть и между ссорющимися братьями и пріятелями; дабы доброжелательные и той другой сторонѣ посредственники, естьли въ произведеніи согласія, яко сумнительные друзья, мало силы имѣть будутъ, на двѣ стороны раздѣлялись, и чрезъ то приготовляли бы себѣ путь къ согласію обоихъ сторонъ. А нынѣ, говоритъ, многіе, обоихъ сторонъ пріятели, какбы за справедливое почитаютъ двоихъ ссорющихся оставлять, и отдавать ихъ зложелательнымъ или сребролюбивымъ стряпчимъ, чтобы они или изъ ненависти или изъ корысти воспаляли ихъ ссоры и души.

ГЛАВА

ГЛАВА 13.

Древніе и одного сына или дочь въ множественномъ числѣ называли дѣтьми.

Древніе витіи, писатели повѣстей и стихотворцы, одного сына или дочь называли въ множественномъ числѣ (1) *дѣтьми.* И я нѣсколько разъ примѣтивши въ книгахъ многихъ древнихъ, нашелъ и нынѣ такъ написанное въ пятой (2) Семпронія Азелліона книгѣ *О знатныхъ дѣлахъ.* Сей Азелліонъ при П. Сципіонѣ Африканскомъ былъ воинскимъ Трибуномъ у Нумантіи: и описалъ тѣ дѣла, при отправленіи которыхъ онъ былъ. Слова его о Тиберіи Гракхѣ народномъ Трибунѣ, сказанныя во время убіенія его въ Капитоліи, суть слѣдующія: *Когда Гракхъ выѣжжалъ изъ дома, то никогда меньше трехъ или четырехъ тысячь людей за нимъ не слѣдовало.* И потомъ ниже о томже Гракхѣ написалъ слѣдующее: *Началъ просить, чтобы его и дѣтей его защитили, и того сына, котораго онъ тогда имѣлъ одного, приказалъ вывесть, и почти со слезами поручилъ народу.*

(1) *Дѣтьми*] толкователи правъ говорятъ, что не безъ дѣтей тотъ, кто одного сына или дочь имѣетъ: потому что сіе всегда въ множественномъ числѣ говорится. А какъ иногда дѣти одного сына или дочь означали; такъ и о внучатахъ и правнучатахъ и другихъ низходящихъ въ законѣ XII таблицъ разумѣлось, какъ видно изъ гражданскихъ законовъ.

(2) *Семпронія Азелліона*] между краснорѣчивѣйшими повѣстей писателями считаетъ его Діонисій кн. 1. *Древност.*

ГЛАВА 14.

О томъ, что М. Катонъ въ книгѣ, которой надписаніе, ПРОТИВЪ ТИБЕРІЯ ИЗГНАННИКА stitisses vadimonium, *чрезъ букву* і *сказалъ, а не* stitisses: *и онаго слова предложена причина.*

Въ древней (1) книгѣ М. Катона, которой надписаніе, ПРОТИВЪ ТИБЕРІЯ ИЗГНАННИКА, написано было такъ, *quid si vadimonium capite obvoluto stitisses?* Хотя справедливо онъ написалъ *stitisses*: но ложные и дерзскіе поправщики, написавши въ книгахъ е, сдѣлали *stetisses*, какбы глаголъ *stitisses* былъ пустый и ни къ чему негодный. Не сами ли они лучше негодные и ничего нестоющіе, что не знаютъ, что stitisses сказано отъ Катона потому, что *sisteretur vadimonium*, а не *staretur*.

ГЛАВА 15.

О томъ, что древле великое почтеніе воздаваемо было старикамъ; и для чего послѣ то же самое почтеніе отнесено къ женатымъ людямъ и къ родителямъ: и нѣчто притомъ о главѣ седмой Юліева закона.

У древнѣйшихъ Римлянъ ни знатность рода, ни богатство обыкновенно такъ не были почитаемы, какъ старость: и стари-

(1) Книгѣ] разумѣетъ книгу М. Порція Катона Ценсора, котораго больше 150 рѣчей упоминаетъ Цицеронъ въ Брутѣ.

рики отъ молодыхъ почитались почти вмѣсто боговъ и родителей; и во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ видѣ почтенія имѣли первенство и преимущество. Притомъ, какъ написано въ древностяхъ, старики отъ молодыхъ домой провожаемы были съ пиршествъ, которое обыкновеніе, сказываютъ, приняли Римлянѣ отъ *Лакедемонянъ*: у которыхъ, по (1) законамъ *Ликурговымъ*, большее во всемъ почтеніе воздаваемо было старости. Но послѣ какъ за нужное для общества усмотрено дѣторожденіе, и для умноженія народнаго поколѣнія употреблена была прозьба и предложено награжденіе: то въ нѣкоторыхъ вещахъ имѣющіе жену и дѣтей предпочтены старикамъ ни жены, ни дѣтей не имѣющимъ. Такимъ образомъ въ силу (2) седьмой главы Юліева закона

не

(1) *По законамъ Ликурговымъ*] сіе примѣчено отъ многихъ. Смотри Ювенала въ сатирѣ 3.

За грѣхъ великій то и смертный почитали,
Когда предъ старыми младые не вставали,
И отрокъ не чинилъ бородатому сего:
Хотябъ во всемъ онъ былъ богатѣе его.

И Овидій кн. 5. Фаст. *Старѣйшій давалъ народу законы, и опредѣлены были законами извѣстныя лѣта, въ которыхъ получать почтеніе; онъ шелъ посредѣ младыхъ безъ всякаго ихъ негодованія* и проч. А Римлянѣ сіе, по видимому, приняли отъ Лакедемонянъ чрезъ Децемвировъ, естьли сего древнему Римлянъ установленію приписывать не должно.

(2) *Седмой главы Юліева закона*] Законъ Юліевъ данъ отъ Августа въ лѣто отъ созданія Рима 736. и названъ *О супружествахъ чиновъ*. А многіе Юліевы зако-

не тотЪ изЪ КонсуловЪ имѢлЪ право прежде (3) брать связки лозЪ, который старѢе былЪ лѢтами, но тотЪ, (4) который больше нежели его товарищь, имѢлЪ дѢтей

коны даны или подтверждены не отЪ Юлія Цесаря, но отЪ Августа. Хотя Цесарь послѢ Африканской войны, когда умалилось народа вЪ РимѢ, за множество дѢтей предложилЪ награжденіе, по свидѢтельству Діона кн. 43. Но законЪ далЪ АвгустЪ, который сЪ трудностію и принятЪ. И смѢшанЪ послѢ онЪ сЪ Папіевымъ Поппеевымъ. Да и обоихЪ законовЪ главы смѢшаны. ЗаконЪ ЮліевЪ и ПапіевЪ часто назывался отЪ толкователей правЪ.

(3) *Брать связки*] Когда Валерій Публикола принялЪ себѢ вЪ товарища Лукретія Лукретіина отца, то ему, какЪ старѢйшему, отдалЪ связки. Которая честь, по свидѢтельству Плутарха вЪ ПубликолѢ, послѢ всегда воздаваема была по старости, а не по дѢтямЪ. И такЪ когда разсудили имѢть только 12 связокЪ, то они помѢсячно у КонсуловЪ были: такЪ что вЪ первый мѢсяцЪ имѢлЪ ихЪ первый КонсулЪ, а во вторый другой, и такЪ далѣе попеременно, какЪ свидѢтельствуетЪ Діонисій кн. 5. и ДіонЪ Кассій кн. 54. А прежде оныя обыкновенно бралЪ старшій лѢтами, и сіе, по видимому, дѢлаемо было даже до закона Юліева, по которому сія честь отдана числу дѢтей.

(4) *Который больше имѢлЪ дѢтей*] Естьли хочешь знать нѢкоторыя главы сего закона; то вЪ силу его Кандидаты [просители чиновЪ] имѢвшіе больше дѢтей вЪ прошеніи чиновЪ имѢли преимущество, по свидѢтельству Тацита *ЛѢтопис.* 2. также и вЪ раздѢленіи провинцій предпочитаемы были. Иногда и мнѢніе отЪ нихЪ первыхЪ требуемо были кн. 9. Ц. О *Декур.* да и вЪ чины скорѢе произведены быть могли, и не взыскивались лѢта по числу дѢтей. Ибо какЪ младшіе 25 лѢтЪ чиновЪ получать не могли, такЪ дѢти невзыскиваніе такихЪ лѢтЪ заслуживали. По сему УлпіанЪ вЪ ПапіевомЪ ПоппеѢвомЪ законѢ кн. 2. О *младшихЪ* говоритЪ

слѢ-

тей или живыхъ, или убитыхъ на войнѣ. Но есть ли у обоихъ равное было число дѣтей, то женатый, или въ числѣ женатыхъ находящійся имѣлъ преимущество. Естьли же оба были женаты и равное имѣли число дѣтей, то прежнее почтеніе возобновлялось, и старшій лѣтами связки бралъ прежде. А о тѣхъ, которые или оба холостые, или равное число имѣютъ дѣтей, или женаты суть и не имѣютъ дѣтей, ничего въ законѣ не написано о лѣтахъ. Однако слышу, что тѣ, которые по закону были больше, связки въ первый мѣсяцъ уступали товарищамъ или гораздо лѣтами старшимъ, или гораздо знатнѣйшимъ, или тѣмъ, которые уже другой разъ Консулами

ГЛАВА 16.

О томъ, что Цеселлій Виндексъ отъ Сулпиція Аполлинара опороченъ въ изъясненіи Виргиліева смысла.

У Виргилія въ шестой книгѣ находятся слѣдующіе стихи:

Ille,

слѣдующее: *Чрезъ дѣтей своихъ прежде времени не должно брать отъ попечителя свое имѣніе; ибо что повелѣвается законами, дабы на каждаго по одному году изъ дѣтей оставлять, то, говоритъ божественный Северъ, надлежитъ до чиновъ, а не до того, чтобы брать свое имѣніе.* Такимъ образомъ кто пятерыхъ имѣлъ дѣтей, тотъ на двадцатомъ, кто троихъ, тотъ на двадцать второмъ годѣ, и такъ наконецъ всякой смотря по дѣтямъ могъ стараться о чинахъ.

Ille, vides, pura iuuenis qui nititur hasta
Proxima sorte tenet lucis loca. Primus ad auras
Ætherias Italo commistus sanguine surget
Siluius Albanum nomen, tua postuma proles;
Quem tibi longævo serum Lavinia conjux
Educet siluis regem regum que parentem.
Unde genus longa nostrum dominabitur Alba.

Казалось, что сіи слова,

Tua postuma proles

несходны съ слѣдующими,

Quem tibi longæuo serum Lauinia conjux
Educet siluis regem.

Ибо естьли сей Силвій, какъ во всѣхъ почти лѣтописцахъ написано, родился по смерти отца и потому прозванъ Постумомъ; то для чего придано слѣдующее?

Quem tibi longæuo serum Lauinia conjux
Educet siluis.

Ибо сіи слова, по видимому, могутъ значить, что еще при жизни и уже при старости у Енея родился и воспитался Силвій. И такъ Цеселлій думая, что въ такой силѣ сказаны сіи слова, *Въ запискѣ древнихъ чтеній* сказалъ: *Postuma proles non eum significat, qui patre mortuo, sed qui postremo loco natus est. Sicuti Siluius, qui Ænea iam sene, tardo seroque partu est editus.* Но никакого достовѣрнаго сей исторіи писателя не упоминаетъ. А что Силвій по смерти Енеевой, какъ мы объявили, родился, о томъ многіе писали. И по-

потому Аполлинаръ Сулпицій между прочимъ, въ чемъ порочитъ Цеселія, и въ семъ его какбы ошибку примѣтивъ сказалъ: „что сей ошибки причиною то, что „написано слѣдующее: quem tibi longaeuo, го„воритъ, не ſeni (ибо сіе означеніе несо„гласно съ вѣрностію исторіи) но полу„чившему долголѣтство и вѣчность, и сдѣ„лавшемуся безсмертнымъ. Ибо Анхизъ, „который сіе говоритъ къ сыну, зналъ, „что онъ по разлученіи съ человѣческою жиз„нію, будетъ безсмертенъ и обоготворенъ, „и получитъ долголѣтство и вѣчность. Остроумно правда сіе сказалъ Аполлинаръ. Но однако иное есть долголѣтство, иное вѣчность. И боги недолголѣтными называются, но безсмертными.

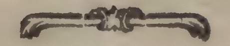
ГЛАВА 17.

Какое свойство нѣкоторыхъ предлоговъ примѣтилъ М. Цицеронъ, и разсужденіе о томъ самомъ, что примѣтилъ Цицеронъ.

М. Туллій тщательно и любопытно примѣтилъ, что предлоги *in* и *con* положенные предъ словами тогда протяжно выговариваются, когда такія же слѣдуютъ буквы, съ какихъ зачинаются слова *ſapiens* и *felix*: а во всѣхъ другихъ произносятся коротко. Слова Цицероновы суть слѣдующія: *Ничего нѣтъ изряднѣе того, что не дѣлается по естеству, но по нѣкоторому устано-*

установленію. Мы выговариваемъ indoctus (1) *съ сокращеніемъ первой буквы, а insanus съ протяженіемъ: inhumanus коротко, infelix протяжно, и не во многихъ словахъ зачинающихся съ тѣхъ буквъ, съ которыхъ sapiens и felix, протяжно выговариваются: а во всѣхъ прочихъ коротко. Также composuit, concrepuit, confecit, consule ueritatem, reprehendet, refer ad auris, probabunt. Спроси для чего сіе такъ? скажутъ, что для нихъ то пріятно. А рѣчь должна бытъ пріятна слуху.* Хотя причина пріятности явна въ сихъ словахъ, о которыхъ сказалъ Цицеронъ. Но что сказать о предлогѣ *pro?* который также и протяжно и коротко выговаривается, однако такимъ образомъ отъ М. Туллія не замѣченъ. Потому что не всегда онъ протяжно произносится тогда, когда слѣдуетъ такая бук-

(1) *Съ сокращеніемъ первой буквы*] не по мѣрѣ, но по звону буквы, потому что *i* иногда произносится какъ двоегласное *ei*, или двойное *ii*, и писалось должайшею буквою такимъ образомъ pIso. Въ древнихъ полевыхъ и судебныхъ таблицахъ у Урсина долгое *i* пишется и чрезъ *ei* въ слѣдующихъ словахъ, seine, quasei, и hei, и такъ накокецъ далѣе; иногда выговаривается какъ простое *i*. Такимъ образомъ и *e* иногда протяжно, иногда коротко выговаривается. Такъ нашъ писатель въ кн. 6. гл. 15. сказалъ, что въ словѣ *quiescit* *e* обыкновенно *выговаривается коротко.* И на другихъ подобныхъ мѣстахъ не о мѣрѣ, ниже объ удареніи говоритъ, но о свойствѣ буквы, а не о слогѣ. Иначе у древнихъ какъ Грековъ, такъ и Латиновъ часто въ произношеніи удареніе и долгій слогъ имѣли различіе. Который звонъ какъ они изображали, о томъ трудно сказать.

буква, съ какой зачинается слово *fecit*: которая, говоритъ Цицеронъ, ту имѣетъ силу, что для нея предлоги *in* и *con* произносятся протяжно. Ибо *proficisci* и *profundere*, и *profugere*, и *profanum*, и *profestum* говоримъ коротко; а *proferre*, и *profligare*, и *proficere* протяжно. И такъ для чего та буква, которая, по примѣчанію Цицерона, причинствуетъ протяженіе, не во всѣхъ подобныхъ словахъ одинакую имѣетъ силу или количества или пріятности: но иное слово дѣлаетъ долгимъ, иное короткимъ? да и частица *con* не тогда только выговаривается протяжно, когда слѣдуетъ та буква, о которой говоритъ Цицеронъ. Ибо и Катонъ и Саллустій, *fœnoribus*, говорятъ, *coopertus est*. Сверхъ сего *coligatus* и *conexus* выговариваются протяжно. Но однако можетъ казаться, что въ положенныхъ отъ меня словахъ сія частица выговаривается протяжно по той причинѣ, что выкидывается изъ нея буква *n*: ибо недостатокъ буквы протяженіемъ слога награждается. Что наблюдается и въ словѣ cogo, и не препятствуетъ, что *coegi* выговариваемъ коротко; ибо не безъ нарушенія сходства то говорится отъ глагола *cogo*.

ГЛАВА 18.

О томъ, что Федонъ Сократикъ былъ рабъ, и что многіе также другіе были въ рабствѣ.

Федонъ Елиденскій былъ изъ числа Сократовыхъ учениковъ, и великое имѣлъ дружество съ Сократомъ и Платономъ. Подъ именемъ его Платонъ издалъ (1) божественную оную книгу *О безсмертіи души.* (2) Сей Федонъ былъ рабъ вида и дарованій благородныхъ, и по объявленію нѣкоторыхъ, отъ своего господина содержавшаго непотребныя домы въ отрочествѣ принужденъ былъ отдавать себя на любодѣяніе. Сказываютъ, что Кевитъ Сократикъ, по совѣту Сократа, его купилъ, и обучилъ философіи. Который послѣ и былъ (3) знат-

(1) *Божественную оную книгу о безсмертіи души,*] которой надписаніе *Федонъ.* Въ ней предлагаетъ онъ Ехекратовы рѣчи говоренныя отъ Сократа въ тотъ самый день, въ которой онъ выпивши ядъ умеръ; и показываетъ съ коликимъ постоянствомъ онъ кончину смертную презрѣлъ, и божественныя о безсмертіи души разговоры сочинилъ.

(2) *Сей Федонъ рабъ*] Діогенъ *Лаертій* пишетъ, что онъ произошелъ отъ благороднаго поколѣнія, но по завоеваніи своего отечества будучи въ полону принужденъ былъ приняться за безчестный промыселъ, а Критонъ или Алкивіадъ по совѣту Сократову его выкупилъ. Однако Геллій приписываетъ сіе Кевиту, котораго жизнь читай у Лаертія. Сумнительно тотже ли сей Кевитъ, о которомъ упоминаетъ Платонъ въ *Федонѣ.* Смотри и Халкидія и Тимея, и Ксенофонтовы достопамятныя изреченія.

(3) знатный философЪ, и сочинилЪ очень изрядныя рѣчи о Сократѣ. Не мало и другихЪ было рабовЪ сдѣлавшихся послѣ знатными философами, изЪ которыхЪ былЪ тотЪ (4) МениппЪ, котораго книгамЪ М. ВарронЪ подражалЪ вЪ сатирахЪ, отъ другихЪ Циническими, а отЪ него самаго Менипповыми названныхЪ. Но и Өеофраста Перипатетика рабЪ ПомфилЪ, и Зинона Стоика рабЪ названный ПерсеемЪ, и ЕпикуровЪ именемЪ МисЪ, не незнатные были философы. Да и ДіогенЪ ЦиникЪ былЪ вЪ рабствѣ; но онЪ изЪ (5) свободныхЪ продался вЪ рабство: котораго когда КсеніадЪ Коринөскій хотѣвши купить спросилЪ, какое онЪ умѣетЪ художество: *Я*

(3) *Знатный философЪ*] Лаертій упоминаетЪ и различныя его разговоры, и утверждаетЪ, что по немЪ названы Еліаческіе философы. Кромѣ Исихія Милезскаго, Суида, и ОригенЪ противЪ Цельса вЪ кн. 3. о немЪ разсуждаетЪ. Нѣчто изЪ Федона приводитЪ и Сенека писм. 94.

(4) *МениппЪ*] Циническаго ученія философЪ, котораго смѣшныя рѣчи написалЪ ВарронЪ вЪ своихЪ сатирахЪ. ОнЪ и жизнію и сочиненіями слѣдовалЪ Циническому безстыдству. СтрабонЪ всячески, по видимому, его хвалитЪ кн. 16. и сравниваетЪ сЪ МелеагромЪ ГадаренскимЪ, но ДіогенЪ Лаертій онаго хулитЪ.

(5) *ИзЪ свободныхЪ продался вЪ рабство*] Знатный мужЪ вЪ книгѣ называемой *Разсѣянные цвѣты* подЪ заглавіемЪ *О правѣ лицЪ*, пишетЪ, что по праву Римскому никому прямо самаго себя продавать было не можно; а у ГрековЪ сіе было позволено. и потому говорится здѣсь, что ДіогенЪ *изЪ свободныхЪ продался вЪ рабство*.

умѣю, сказалъ Діогенъ, *повелѣвать свободными людьми*. То Ксеніадъ, удивившись его отвѣту, купивъ его отпустилъ на волю, и, отдавая ему своихъ дѣтей, сказалъ: *Возьми моихъ дѣтей себѣ въ повелѣніе*. (6) Всего же памятнѣе объ Епиктитѣ знатномъ философѣ, что и онъ былъ рабомъ. Онаго Епиктита находятся и два стиха о себѣ написанные, изъ которыхъ сокровенно разумѣть можно, что не всѣхъ конечно тѣхъ ненавидятъ боги, которые въ сей жизни съ различными борются бѣдствіями; но суть сокровенныя причины, которыхъ не многихъ любопытство постигнуть могло.

Δῦλος Ἐπίκτιτος γενόμην, καὶ σώματι πηρὸς,
Καὶ πενίην Ἶρος, καὶ Φίλος ἀθανάτοις.

то есть.

Я въ рабствѣ Епиктитъ рожденъ, и хромъ ногами,
И бѣдностію Иръ, притомъ любимъ богами.

ГЛАВА

(6) *Всего памятнѣе*] Слѣдовательно тогда уже умеръ Епиктитъ. Суидъ объявляетъ, что онъ жилъ до временъ М. Антонина. А Салмасій говоритъ, что сіе по большему числу доказательствъ не могло быть справедливо, когда по счисленію Липсіеву отъ Нероновой кончины до начала Маркова считается больше девяноста лѣтъ. Епиктитъ же былъ рабъ Епафродита тѣлохранителя Неронова.

ГЛАВА 19.

Что значитъ глаголъ rescire, *и какое имѣетъ сущее и собственное знаменованіе.*

Примѣтилъ я, что глаголъ *rescire* имѣетъ нѣкоторую собственную силу, не по общему знаменованію прочихъ глаголовъ, предъ которыми тожже предлогъ, *re*, полагается: и не такъ мы говоримъ *rescire*, какъ *rescribere*, *relegere*, *restituere*. Потому что тотъ собственно говорится *rescire*, кто познаетъ какое нибудь произшествіе тайно или сверхъ чаянія и надежды. Почему же, спрашиваю я, въ семъ одномъ глаголѣ частица *re* такой имѣетъ смыслъ? Ибо у тѣхъ, которые исправно говорили, я не нашелъ еще, чтобы *resciui* или *rescire* сказано было въ другомъ смыслѣ, нежели какъ говорится о тѣхъ вещахъ, которыя или въ сокровенности находятся или противъ чаянія и надежды случаются. Хотя самое *scire* говорится вообще о всѣхъ какъ нещастливыхъ такъ благополучныхъ или пріятныхъ приключеніяхъ. Невій написалъ въ Трифилѣ такъ:

Si unquam quicquam filium resciuero
Argentum amoris causa sumpse mutuum:
Extemplo illo te ducam, ubi non despuas.

Клавдій Квадригарій въ первомъ лѣтописцѣ: *Ea Lucani ubi resciuerunt, sibi per fallacias verba data esse.* Тожже Квадригарій въ той же книгѣ о печальномъ и нечаянномъ приключеніи употребляетъ сіе слово такъ: „Id ubi re-

 „sci-

„ sciuerunt propinqui obsidum, quos Pontio traditos „ supra demonstrauimus: eorum parentes cum propinquis capillo passo in uiam prouolarunt. M. Катонъ въ четвертой книгѣ *Началъ*: „ Deinde „ dictator iubet postridie magistrum equitum arcessi. „ Mittam te, si vis, cum equitibus. Sero est, inquit „ magister equitum: iam resciuere.

ГЛАВА 20.

Что просто называется uiuaria, того слова древние не говорили: и что о немъ П. Сципіонъ въ рѣчи къ народу, что потомъ М. Варронъ о употребленіи его написалъ въ книгахъ О скотоподстатѣ.

М. Варронъ въ третіей книгѣ *О скотоподстатѣ* говоритъ, что называемыя нынѣ *uiuaria* нѣкоторыя огороженныя мѣста, въ которыхъ содержатъ живыхъ звѣрей, назывались *leporaria*. Слова Варроновы суть слѣдующія: „ Villaticae pastionis genera sunt tria, „ ornithones, leporaria, piscinae. Nunc ornithones „ dico omnium alitum, quae intra parietes uillae so„ lent pasci. Leporaria te accipere volo, non ea, „ quae tritaui nostri dicebant, ubi soli lepores sint: „ sed omnia septa aedificia uillae quae sunt, et habent „ inclusa animalia quae pascuntur. Онъ также въ сей же книгѣ пишетъ ниже слѣдующее: „ Quum emisti fundum Tusculanum a M. Pisone, „ in leporario apri fuere multi. Что нынѣ простой народъ называетъ *uiuaria*, то Греки на-

называютъ (1) *παράδεισοι* (*сады*): а что Варронъ называетъ *leporaria*, того я никогда не видалъ въ древнихъ писателяхъ. Но что я у (2) Сципіона, всѣхъ въ свое время (3) чистотою словъ превосходившаго, читалъ *roboraria*, то слышалъ въ Римѣ отъ нѣсколькихъ ученыхъ мужей, что они значатъ то самое, что мы называемъ *uiuaria*: и названіе свое имѣютъ *a tabulis roboreis*, которыми огорожены были: который родъ оградъ видѣлъ я въ Италіи во многихъ мѣстахъ. Слова Сципіоновы изъ пятой его рѣчи противъ Клавдія Аселла суть слѣдующія: „Ubi „agros optime cultos atque uillas expolitissimas vi„disset, in his regionibus excellissimo locorum mu„rum statuere aiebat: inde corrigere viam, aliis per „uineas medias, aliis per roborarium atque piscinam, „aliis per uillam. А озера или пруды содержащія въ себѣ живую рыбу, собственнымъ своимъ именемъ назвали *piscinæ*. Да и *apiaria*

 про-

(1) *Παράδεισοι*] Ксенофонтъ въ 5 книгѣ *Достопамятностей* свидѣтельствуетъ, что сіе слово Персидское. Плутархъ въ Димитріи, какъ и Поллуксъ кн. 9. гл. 3. Не только же сады, но и другія огороженныя мѣста такъ называли, какъ видно изъ Филострата въ жизни Аполлонія Тіанейскаго, который объявляетъ, что львы, медвѣди и другія животныя въ нихъ заключены были.

(2) *У Сципіона*] котораго разумъ и краснорѣчіе весьма похваляетъ Цицеронъ въ Брутѣ и одобряетъ его рѣчи.

(3) *Чистотою словъ*] Понеже К. Лелій грубѣе и къ старинѣ привязаннѣе почитался по свидѣтельству Цицеронову въ Брутѣ, хотя тоже Цицеронъ въ прочемъ Лелія предпочитаетъ Сципіону.

простой народЪ называетЪ тѣ мѣста, вЪ которыхЪ поставлены ульи пчелЪ: но я почти не помню, чтобы кто нибудь изЪ говорившихЪ чисто, или написалЪ или сказалЪ сiе слово. А М. ВарронЪ вЪ третiей книгѣ *О скотоводствѣ* говоритЪ: Μελισσῶνας „ ita facere oportet, quae quidam mellaria appellant. Но слово сiе, которое ВарронЪ употребилЪ, есть Греческое: *μελισσῶνες* такЪ называются, какЪ *ἀμπελῶνες* и *δαφνῶνες* (*виноградные и лавровые сады.*)

ГЛАВА 21.

О томЪ созвѣздiи, которое Греки ἅμαξα (колесницею) *а Латины называютЪ* septemtriones: *и о причинѣ и произведенiи обоихЪ словЪ.*

Я со многими своими вЪ ученiи сотоварищами Греками и Римлянами ѣхалЪ вЪ одномЪ кораблѣ отЪ (1) Егины вЪ (2) Пирей. Было сiе вЪ лѣтнюю ночь, вЪ тихую погоду, и когда небо очень было ясно. И такЪ мы всѣ вмѣстѣ сидѣли на кормѣ, и примѣчали свѣтящiяся созвѣздiя. Тогда бывшiе

---

(1) *ОтЪ Егины*] ОстровЪ лежащiй при Пелопоннезѣ, и отстоящiй отЪ Аттики на тысячу двѣсти шаговЪ. Овидiй вЪ книгѣ 7. *Превращенiй* свидѣтельствуетЪ, что онЪ назывался Енопiею. *Древнiе называли Енопiею, но самЪ ЕахЪ назвалЪ Егиною по имени своей матери.* Кромѣ Страбона и другихЪ, смотри особливо Павсанiя о КоринеянахЪ.

(2) *ВЪ Пирей*] Самая безопасная Аѳинейская пристань, о которой написалЪ книжку Iо. Меурсiй.

вшіе съ нами ученые Греки искусно и разумно разсуждали, что такое ἄμαξα (колесница) что ἄρκτος (медвѣдица) что βοώτης (погонщикъ половъ), и которая ἄρκτος (медвѣдица) большая, которая меньшая, для чего они такъ названы, и въ которую сторону во время ночи имѣютъ движеніе: и почему говоритъ Омиръ, что одна медвѣдица не имѣетъ захожденія, когда и нѣкоторые другіе не заходятъ. Тутъ я оборотившись къ своимъ юношамъ сказалъ: „Что „вы невѣжды мнѣ говорите? Почему со„звѣздіе, называемое отъ Грековъ ἄμαξα, „мы Римлянѣ называемъ septemtriones? Ибо „недовольно того, что мы видимъ седмь „звѣздъ; но что значитъ все сіе, что мы „называемъ septemtriones, о томъ, говорю, „я обстоятельнѣе знать хочу. То нѣкто изъ нихъ читавшій древнія книги и записки сказалъ: „Искусные Грамматики дума„ютъ, что septemtriones названо по одному „числу звѣздъ. Понеже говорятъ triones са„мо по себѣ ничего не значитъ, но толь„ко есть дополненіе слова: какъ и въ сло„вѣ quinquatrus, которое есть число пяти „дней отъ идусовъ, atrus ничего не зна„читъ. Но я въ семъ согласенъ съ Л. Е.і..ъ „и М. Варрономъ, которые пишутъ, что „triones извѣстнымъ крестьянскимъ словомъ „названы были, какбы нѣкоторые teriones, „т. е. къ паханію или оранію земли спо„собные. Такимъ образомъ сіе созвѣздіе,

 „ко-

„ которое поелику самымъ видомъ и поло-
„ женіемъ подобно кажется колесницѣ, дре-
„ вніе Греки назвали ἅμαξα, а древніе Ла-
„ тины отъ сопряженныхъ воловъ наимено-
„ вали *septemtriones*, т. е. отъ седми звѣздъ,
„ которыя какбы сопряженныхъ воловъ
„ (triones) изображаютъ. Кромѣ сего, гово-
„ ритъ, мнѣнія, и то придаетъ Варронъ,
„ что сумнѣвается онъ, потому ли больше
„ сіи седмь звѣздъ названы *triones*, понеже
„ такъ расположены, что каждыя три звѣз-
„ ды въ близкомъ между собою разстояніи
„ дѣлаютъ треугольники т. е. треугольныя
„ начертанія. Изъ сихъ двухъ причинъ, ко-
„ торыя онъ предложилъ, послѣдняя усмо-
„ трена за лучшую и остроумнѣйшую. Ибо
„ когда мы смотрѣли на оное созвѣздіе, то
„ совсѣмъ почти казалось оно треугольнымъ.

ГЛАВА 22.

Разсужденія взятыя изъ Фаворитовыхъ рѣчей о вѣтрѣ Япиксѣ, и о названіяхъ и странахъ другихъ вѣтровъ.

На дружескомъ пирѣ у Фаворина (1) обыкновенно при столѣ читаемы были или древніе стихи какого нибудь стихотворца, или какая нибудь либо на Греческомъ либо на Латинскомъ языкѣ повѣсть. И такъ то-

(1) *обыкновенно читаемы были*] Ибо извѣстное было у древнихъ обыкновеніе къ дружескому столу приносить книги, и забавлять гостей чтеніемъ.

тогда въ (2) Латинскихъ стихахъ читаемъ былъ тамъ вѣтръ Япиксъ (ἴαπυξ); и вопрошено было, что это за вѣтръ, изъ какихъ мѣстъ онъ вѣетъ, и что значитъ толь рѣдкое сiе слово: и притомъ просили мы, чтобы онъ объявилъ намъ имена и страны другихъ вѣтровъ, потому что въ простонародствѣ ни названiя ихъ, ни предѣлы, ни число неизвѣстно. То Фаворинъ началъ разсказывать слѣдующимъ образомъ: „Довольно, говоритъ, извѣстно, что предѣловъ и странъ неба четыре, *востокъ*, *западъ*, *югъ*, *сѣверъ*. *Востокъ* и *западъ* движутся и перемѣняются; а *югъ* и *сѣверъ* стоятъ неподвижно. Ибо солнце невсегда восходитъ съ одного мѣста, но называется или *востокъ равноденственный*, когда солнце теченiе имѣетъ въ кругѣ называемомъ ἰσημερινὸς (*равноденственный*), или *лѣтнiй* или *зимнiй*, которыя суть θεριναὶ τροπαὶ καὶ χειμεριναὶ (3) (*лѣтнiя обращенiя и зимнiя*). Также солнце заходитъ не всегда въ одномъ мѣстѣ. Ибо *захожденiе* его равнымъ образомъ бываетъ или *равноденственное*, или *лѣтнее*, или *зимнее*. И потому вѣтръ приходящiй отъ востока

 „ве-

(2) *Въ Латинскихъ стихахъ*] можетъ быть Горацiевыхъ, который кн. 1. въ пѣсни 3. упоминаетъ о семъ вѣтрѣ.

(3) *Лѣтнiя и проч.*] Когда солнце лѣтомъ въ знакъ рака, а зимой вступаетъ въ знакъ козерога, то обращаетъ свое теченiе. И потому называется тропикъ рака и козерога.

„ весеннаго, т. е. равноденственнаго, на-
„ зывается *Eurus*, произведенным словом,
„ как производители слов говорят, *ἀπὸ*
„ *τῆς ἕω ῥέων* (*от востока текущій*). Он
„ и другим именем от Греков *ἀπηλιώτης*
„ (*отсолнечным*), а от Римских корабель-
„ щиков *Subsolanus* (*подсолнечным*) назы-
„ вается. Но от лѣтняго и солцевозврат-
„ наго востока приходящій, по Латински
„ *Aquilo*, а по Гречески называется *Boreas*;
„ и потому нѣкоторые говорят, что он
„ от Омира назван *αἰθρηγενέτης* (*производи-
„ тель ведра*): а Борей думают назван
„ *ἀπὸ τῆς βοῆς* (*от рева*), потому что он
„ сильно и громко вѣет. Третій вѣтр
„ от зимнаго востока вѣющій Римляне на-
„ зывают *Vulturnus*: многіе Греки смѣшен-
„ ным именем, поелику он есть между
„ Нотом и Евром средній, называют
„ *εὐρόνοτον* (*Евронот*). И так сіи суть
„ три восточные вѣтра, *Aquilo*, (4) *Uultur-
„ nus*, *Eurus*; между которыми средній *Eurus*.
„ Сим противоположены и противны суть
„ три другіе западные; (5) *Caurus* называ-
„ емый

---

(4) *Vulturnus*] так назван по Вултурну Щампанскому городку, откуда он с зимняго востока вѣет к Риму.

(5) *Caurus*] который называется Хаур и Хор или Кор. Вегетій называет его *λιβονότος*, и полагает в лѣвой сторонѣ полудня. Агеллій наш полагает его против Аквилона. Плиній пишет, что Африк противен Аквилону, а Хор Вултурну. Горацій в кн. I. пѣсн.

„емый отъ Грековъ ἀργέστης; онъ вѣетъ про-
„тивъ Аквилона: также другой *Favonius*
„называемый по Гречески ζέφυρος; онъ вѣетъ
„противъ *Еура*: третій *Africus* по Гречески
„λίψ; онъ вѣетъ противъ Вултурна. Оныя
„двѣ страны неба *востокъ и западъ* между
„собою противныя, по видимому, имѣютъ
„шесть вѣтровъ. А полдень, поелику въ из-
„вѣстномъ и неподвижномъ находится пре-
„дѣлѣ, одинъ имѣетъ полуденный вѣтръ,
„который по Латински Auster, а по Гречески
„νότος, поелику есть пасмуренъ и влаженъ;
„ибо νοτὶς по Гречески называется *влажность*
„или *сырость*. А сѣверъ по той же причинѣ
„имѣетъ одинъ вѣтръ. Онъ въ прямой чер-
„тѣ противополагается Аустру, и назы-
„вается по Латински *septemtrionarius*, а по
„Гре-

пѣсн. 3. по видимому полагаетъ и Африка противъ Аквилона: *Не убоялся стремительнаго Африка, борющагося съ Аквилонами, ни мрачныхъ Гіадъ, ни ярости Нота.* И такъ сіи вѣтры часто смѣшиваются. Смотри Вегетія кн. 4. О дѣл. воинск. гл. 28. однако разность мнѣній, по видимому, произошла отъ того, какъ Салмасій говоритъ, что Хоръ и Аквилонъ въ прямой чертѣ между собою противоположены. Хоръ стремится отъ лѣтняго запада, Аквилонъ приходитъ съ лѣтняго востока. Подобно Африкъ и Вултурнъ въ одной чертѣ взаимно себѣ противодышутъ, одинъ съ зимняго востока, а другой съ зимняго приходя запада. Сіе положеніе ихъ принимаетъ Фаворинъ утверждая, что Вултурнъ противодышетъ Африку, Аквилонъ Хору или Кауру. Впрочемъ Хоръ Вултурну, Африкъ Аквилону поперечно соотвѣтствуютъ. И такъ сіи вѣтры поперечно себѣ весьма противны, и взаимно въ весьма далекомъ находятся противостояніи.

„ Гречески *ἀπαρκτίας*. Изъ сихъ осми вѣт„ровъ нѣкоторые убавляя четыре вѣтра „говорятъ, что они дѣлаютъ то послѣ„дуя Омиру, который признаетъ только „(6) четыре вѣтра, *Евръ*, *Аустръ*, *Акви„лонъ*, *Фавоній*. (Стихи Омировы суть слѣ„дующіе:

Σὺν δ' εὖρος τ' ἔπεσε, ζεφυρός τε, νότος τε δυσαής,
Καὶ Βορέης αἰθρηγενέτης μέγα κῦμα κυλίνδων.

то есть.

Повѣялъ Евръ, Зефиръ и купно сильный Нотъ
И ведренный Борей волненье множа водъ.)

„ По четыремъ преждеупомянутымъ ча„стямъ неба, полагая т. е. востокъ и за„падъ пространнѣе и просто, а не на трое „раздѣляя: нѣкоторые же вмѣсто осми по„читаютъ (7) двенатцать, четыре третіи „помѣщая въ срединѣ около юга и сѣвера „такимъ же образомъ, какъ четыре дру„гіе положены между двумя первыми къ „востоку и западу. Находятся сверхъ се„го другія нѣкоторыя имена какбы осо„бенныхъ вѣтровъ, которыя жители всякъ „въ своей странѣ нарекли или по названію „, мѣстъ,

---

(6) *Четыре вѣтра*] да и два еще, Сѣверный и Южный по свидѣтельству Аристот. Pol. 4. c. 4. въ разсужденіи т. е. арктическаго и антарктическаго полуса.

(7) *Двенатцать*] Сенека въ 4. кн. *Ест. Вопрос.* старается доказать, что нѣтъ больше вѣтровъ. А нынѣ число весьма возрасло; входя же въ тонкое изслѣдованіе можно нащитать и больше по различнымъ наклоненіямъ оныхъ.

„ мѣстъ, въ которыхъ они обитаютъ, или по „ какой нибудь другой причинѣ побудившей „ выдумать слово. Ибо наши Галлы свирѣпѣйшій вѣтръ изъ своей земли вѣющій „ (8) называютъ Цирціемъ думаю отъ его „ вихря и круженія. Апулійсцы оный, изъ „ самой Япигіи какбы за границы простирающійся по своему имени называютъ Япиксомъ. Я думаю, что онъ тотже почти „ что

(8) *Называютъ Цирціем*] Фаворинъ, по видимому, смѣшиваетъ сей вѣтръ съ Япиксомъ, который тотже есть что и Аргестъ. А Цирцій или Церцій между Аргестомъ и Ѳрасціемъ есть средній, и тотже что и Ѳрасцій, какъ объявляетъ Салмасій. Гишпанцы же, по свидѣтельству Исидора, Цирцій называли Галлскимъ потому, что онъ вѣялъ съ стороны Галліи, Такимже образомъ и Витрувій назвалъ оный просто. Геллій, какъ и Ноній, думаетъ, что онъ называется отъ слова *circus* кругъ, вертѣніе или круженіе. Я думаю, что сіе слово Галлское такъ названное отъ кружащагося стремленія, что нынѣ у нидерландцовъ и въ старину у Галловъ называлось *Keren*, и нынѣ у Британцовъ *Kyreh* значитъ стремленіе. Хотя подобный вѣтръ у сочинителя книги О мірѣ называется κερκίας. Стремителенъ сей вѣтръ и собственен Галліи, будучи сжатъ горами, и заключившись въ тѣсныя мѣста съ великою свирѣпостію продолжается въ Нарбонской Галліи, разрушаетъ башни и ломаетъ крышки, и удивительно что наипаче неистовствуетъ между Пиренеемъ и Гебенною. О семъ вѣтрѣ Сенека въ кн. 5. Ест. вопрос гл. 17. говоритъ слѣдующее: *Хотя Цирцій разрушаетъ зданія, однако Галлскіе жители благодарятъ его, какбы они ему одолжены здоровостію отъ его воздуха. Августъ живучи въ Галліи обѣщался ему посвятить храмъ, и дѣйствительно посвятилъ.*

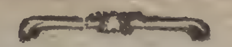
„что и *Caurus*: понеже онъ западный и (9)
„вѣетъ, по видимому, противъ *Евра*. И по-
„тому Виргилій говоритъ, что Клеопатра
„отъ морскаго сраженія бѣжавши во Еги-
„петъ несена была вѣтромъ Япиксомъ.
„Да и Апулійскаго коня тѣмже именемъ,
„которымъ и вѣтръ, называлъ онъ Япиксомъ.
„Есть также вѣтръ называемый (10) Цецій,
„который, по объявленію Аристотеля,
„такъ вѣетъ, что не вдаль облака про-
„гоняетъ, но къ себѣ притягиваетъ, по-
„чему слѣдующій, говоритъ Аристотель,
„сдѣланъ пословичный стихъ:

- - - - Κακὰ
Ἐφ' ἑαυτὸν ἕλκων ὡς ὁ Καικίας νέφος.
т. е. - - - - *притягая*.
Нещастія къ себѣ, какъ Цецій облака.

„Сверхъ же сихъ упомянутыхъ вѣтровъ
„суть и другіе многоразличные вымышлен-
„ные

(9) *вѣетъ по видимому противъ Евра*] Но выше ска-
залъ, что Коръ, который тожже есть что Аргестъ
и Япиксъ, вѣетъ противъ Аквилона. Непонятно здѣсь
говоритъ Фаворинъ, и сумнительно разумѣлъ ли онъ
самъ себя, или чрезъ Евра означалъ онъ Еуронота
или Вултурна. Но какое сообщеніе имѣетъ Вултурнъ
съ Аквилономъ? Въ прямой чертѣ Кауръ соотвѣт-
ствуетъ Аквилону, а въ поперечной Вултурну. Симъ
смѣшеніемъ соотвѣтствованій затемнѣно сіе мѣсто.

(10) *Цецій*] по Гречески καικίας. Исихій говоритъ, что
онъ такъ названъ отъ рѣки Каика. Θеофрастъ въ
книгѣ О *вѣтрахъ* объявляетъ, что нѣкоторые смѣши-
ваютъ съ Цеціемъ Апеліотъ, не такъ какъ ему
кажется. И подлинно Цецій и Апеліотъ суть различ-
ные вѣтры. Первый вѣетъ съ востока лѣтняго, а
послѣдній съ равноденственнаго.

„ные въ каждой странѣ, въ которой един-
„ственно бываетъ; какъ и Горацiевъ оный
„(11) *Атабулъ*, о которыхъ и я хотѣлъ
„говорить: и упомянулъ бы о тѣхъ, ко-
„торые называются (12) *Этесiи и Про-
„дромы*, въ извѣстное время года, при во-
„схожденiи пса, съ разныхъ странъ неба
„вѣющiе: и, поелику я нѣсколько подпилъ,
„расказалъ бы причины всѣхъ ихъ на-
„званiй, естьли бы и такъ уже не много,
„при общемъ всѣхъ васъ молчанiи, наго-
„ворилъ, какбы заставляя слушать себя
„изъ тщеславiя. А въ бесѣдѣ многихъ го-
„воришь только одному и нечестно и не-
„пристойно. О семъ намъ Фаворинъ въ выше-
объявленное время за столомъ своимъ съ
крайнимъ краснорѣчiемъ и благосклонно-
стiю въ словахъ расказалъ. „Но что, гово-
„ритъ вѣтръ вѣющiй изъ Галлiи назы-
вается

(11) *Атабулъ*] Горацiевымъ называетъ потому, что Горацiй въ сатирѣ 5. кн. 1. упоминаетъ о семъ вѣтрѣ. Ибо говоритъ такъ: *Начинаетъ показывать мнѣ Апулiйскiя горы изсушаемыя Атабуломъ.*

(12) *Этесiи и подромы*] Плин. кн. 2. гл. 47. *Осьмью почти днями восхожденiе* [*созвѣздiя*] *пса предупреждаютъ Аквилоны, называемые продромы* [*предшественники*]. *А по двухъ дняхъ восхожденiя постояннѣе вѣютъ чрезъ сорокъ дней тѣ же Аквилоны называемыя Этесiи.* Названы Этесiи какбы *годовые*. Смотр. Аристотел. Метеор. 2. и Колумеллу кн. 2. гл. 27. Иногда, по свидѣтельству того же Аристотеля, перемѣняются они въ зефиры, куда по видимому клонился Геллiй, когда, хотя сумнительно, сказалъ, что они съ разныхъ странъ неба вѣютъ.

„ вается *Цирціемъ*, то (13) М. Катонъ въ „ третіей книгѣ *Началъ* оный вѣтръ называетъ *Церціемъ*, а не *Цирціемъ*. Ибо „ онъ писавъ о Гишпанцахъ живущихъ по „ сю сторону Ибера положилъ слѣдующія „ слова: *Находятся въ сихъ странахъ и очень „ хорошие серебряные рудокопные заводы, ве„ликая гора изъ чистой соли: сколько отъ „ оной отнимешъ, столько опять наростетъ. „ Вѣтръ Церцій, когда станешъ говорить, „ набирается въ ротъ: поражаетъ вооружен„ныхъ людей и разбиваетъ.* А что я „ выше сказалъ, что Этесіи вѣютъ съ раз„ныхъ странъ, то не знаю небезразсудно „ ли я слѣдуя многихъ мнѣнію сказалъ. П. „ Нигидія во второй книгѣ изъ тѣхъ, ко„то-

(13) *Катонъ*] Мѣсто Катоново о вѣтрѣ Цирціи у Галловъ есть знаменито, и, по моему мнѣнію, надобно разумѣть оное о тѣхъ каменистыхъ поляхъ, которыя лежатъ между Массиліею или Марселью и устіемъ Родана, на которыхъ по свидѣтельству Страбона кн. 4. *Въ срединѣ находятся воды, соляныя варницы и соль*, и хотя во всей верхней странѣ бываютъ вѣтры, однако на семъ наипаче полѣ съ большимъ бываютъ усиліемъ, такъ что стаскиваютъ съ мѣстъ и ворочаютъ нѣкоторые камни, [которыми сіе поле наполнено, почему и называется оно *каменистымъ*] сбрасываютъ людей съ колесницъ [съ возовъ], обезоруживаютъ и обнажаютъ. Конечно они оба говорятъ объ одномъ. Потому что оба упоминаютъ о соли, о колесницахъ и о вооруженныхъ людяхъ. Сіи поля называются каменистыми въ память Геркулесовыхъ сраженій. Плиній кн. 3. гл. 4. о сраженіи въ сихъ мѣстахъ Геркулеса съ Лигурами, гдѣ Геркулесу неимѣвшему камней низпослалъ Юпитеръ каменный дождь.

„ торыя онъ написалъ *О вѣтрѣ*, находятся
„ слѣдующія слова: *Етесіи и Аустры годо-*
„ *вые вѣютъ по теченію солнца.*

ГЛАВА 23.

Разсужденіе и разсмотреніе мѣстъ изъ Менандрова и Цецилiева забавнаго зрѣлища, котораго надписаніе Plocium.

Часто читаю я забавныя зрѣлища нашихъ стихотворцовъ взятыя и переведенныя съ Греческихъ (1) Менандра и (2) Посидипа

(1) *Менандра*] который знаменитый забавныхъ зрѣлищъ писатель процвѣталъ въ Олимпіаду 115. *ниже* кн. 17. гл. 21. и многія сочинилъ басни, *той же* кн. гл. 4. кромѣ другихъ слѣдовалъ ему Терентій красотою и чистотою слога никому неуступающій. Онъ въ *Андріи* Менандровой того же имени басню и *Перинѳійское* сочинилъ *забавное зрѣлище*, какъ и Менандрова *Скопца* и *Ласкателя* въ одной баснѣ, также басню называемую *Мучащій самаго себя*, и *Братья* перевелъ на Латинскій языкъ. Такъ пишетъ Донатъ въ его жизни. Тоже Донатъ объявляетъ изъ Консентія, что Терентій возвращаясь изъ Греціи утонулъ въ мори съ 108 баснями переведенными съ Менандра; а другіе сказываютъ, что онъ съ печали о потерянныхъ басняхъ занемогши умеръ. И потому К. Цесарь назвалъ его половиною Менандра. Каковъ писатель былъ Менандръ, видно изъ Квинтиліана, который въ кн. 10. гл. 1. говоритъ: *Менандра, по моему разсужденію, довольно для прилѣжнаго исполненія всего того, чему мы учимъ. Такъ онъ всю описалъ жизнь; толикую онъ имѣлъ обильность въ изобрѣтеніи, и способность въ изреченіи, такъ онъ ко всѣмъ вещамъ, лицамъ и страстямъ примѣнился.* Скончался

па или (3) Аполлодора или (4) Алексида, и другихъ также нѣкоторыхъ писателей забавныхъ зрѣлищъ. И когда я читаю оныя одни, то нѣкоторымъ образомъ нравятся мнѣ, да и совсѣмъ кажутся пріятно и сладкорѣчиво написаны, такъ что почти ничего лучше сдѣлать не можно. Но естьли смѣнишь и сравнишь самыя Греческія, съ которыхъ они переведены, и каждое съ разсужденіемъ и вниманіемъ совокупно и попеременно станешь читать, то Латинскія весьма начинаютъ быть презрѣнны и худы: и такимъ образомъ Греческихъ, которымъ они подражать не могли, пріятность и ясность въ словахъ какбы вышедшія изъ употребленія теряютъ. Недавно такто сіе случилось мнѣ. Читалъ я Цециліевъ *Плоцій*, который мнѣ и бывшимъ со мною не непонравился. Разсудилось же мнѣ прочитать и Менандровъ *Плоцій*, съ котораго онъ сіе забавное зрѣлище (комедію) перевелъ. Но какъ

ся въ Пиреeѣ на караблѣ во 122 Олимпіаду. Цецилій обыкновенно ему слѣдовалъ кн. 3. гл. 10.

(2) *Посидиппа*] котораго комедіи упоминаются отъ Аѳенея, Поллукса и Гарпократіона. Сверхъ сего упоминаетъ о немъ Суидъ, и утверждаетъ, что онъ три года по смерти Менандровой писалъ басни.

(3) *Аполлодора*] комическаго писателя тогоже времени котораго Терентій списалъ въ комедіи называемой *Тѣща* и въ *Формiонѣ*. Разумѣется же Аполлодоръ Гелоусскій. Потому что были и другіе Комическіе писатели Аполлодоръ Каристійскій и Тарсскій.

(4) *Алексида*] на басни котораго часто ссылаются Аѳеней и Стобей.

какъ я сталъ читать Менандра, то съ самаго начала, Боже мой! сколько мнѣ показался (5) слабъ и неискусенъ Цецилій, и сколько онъ разнился отъ Менандра! (6) Діомидово подлинно оружіе не больше тутъ имѣло различія въ цѣнѣ съ Глауковымъ. Потомъ дочитался я до того мѣста, въ которомъ мужъ старикъ на богатую и безобразную жену жаловался въ томъ, что онъ свою служанку, дѣвочку умную и миловидную, подозрѣваемую отъ жены въ наложничествѣ принужденъ былъ продать. Я ничего не могу сказать, какая между ими находится разность, а приказалъ обоихъ стихи выписать, и предложить на разсужденіе другимъ. Менандръ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

Ἐπ' ἀμφοτέραν ἵν' ἐπίκληρος ἡ μέλλειν καθευδήσειν
Κατεργάσασα μέγα καὶ περιβόητον ἔργον,
Ἐκ τῆς οἰκίας ἐξέβαλε τὴν λυπȣ̃σαν, ἣν βȣ́λετο.
Ἵν' ἐπιβλέπωσι πάντες εἰς τὸ Κρεωβύλης πρόσωπον,
Ἥ γ' ἔυγνωστος εἶλε με γυνὴ δέσποινα,

 Καὶ

(5) *Слабъ и неискусенъ*] Справедливо, естьли кто младенчество Римскаго стихотворства сравнитъ съ краснорѣчіемъ Грековъ. Но какъ Римское стихотворство пришло въ совершенство, то нѣкоторые стихотворцы превзошли уже Греческихъ. Смотри Макробія 5. *Сатурн.* особливо гл. 9. и Юлія Цесаря Скалигера въ *Критикѣ.*

(6) *Діомидово оружіе съ Главковымъ*] Главкъ, Ипполоховъ сынъ, отецъ Беллерофонтовъ, въ Троянскую войну помогавшій Пріаму, человѣкъ столь глупый, что съ Діомидомъ Етолійскимъ царемъ перемѣнявшись оружіемъ взялъ мѣдное вмѣсто золотаго.

Καὶ τὴν ὄψιν ὧν ἐκτήσατο ὄνος ἐν πιθήκοις.
Τί τὸ λεγόμενον ἐςὶ; δὴ τȣ̃το σιππᾶν βȣ́λομαι
Τὴν νύκτα τὴν πολλῶν κακῶν ἀρχηγόν.
Οἴμοι Κρευβύλην λαβεῖν ἐμὲ, καὶ δέκα τάλαντα;
Γύναιον ȣ̃σα πηχέως. εἶτ' ἐςὶ τὸ Φρύαγμα
Εἴπως ἀνυπόςατον. Δία τὸν Ὀλύμπιον,
Καὶ Ἀθηνᾶν, ȣ̓δαμῶς παιδισκάριον, θαραπευτικὸν δὲ
Λόγȣ τάχιον ἀπαγέσθω δὲ τις ἢ ἄρ' ἀντεισαγάγοι.

то есть.

Она будетъ спокойно спать въ надеждѣ быть полною наслѣдницею
Учинивъ великое и превосходное дѣло.
Изъ дому выгнала огорченную ту, которую хотѣла.
Но пусть всѣ посмотрятъ на лице Креобулы,
[Сія то преизвѣстная жена повелѣваетъ мною какъ госпожа]
Да и на взглядъ! она какъ оселъ между обезьянами.
Но что я сказалъ? лучше объ этомъ молчать.
О ночь многихъ золъ началопинательница!
Увы! мнѣ ли было брать Креобулу и десять талантовъ?
Бабёнка съ локоть, а шумитъ до несносности.
Юпитеръ Олимпійскій и Минерва!
О есть ли бы никто или никогда дѣвушку служанку
Такъ скоро не отлучилъ, или бы кто такъ скоро возвратилъ.

А Цецилій такъ:

Is demum miser eſt, qui aerumnam ſuam nequit
Occultare. *Ma.* Fere ita me uxor forma et factis facit.
Si taceam; tamen indicium. Quae, niſi dotem, omnia
Quae nolis, habet. Qui ſapit, de me diſcet; qui quaſi
Ad hoſtes captus libere ſeruio, ſalua urbe atque arce.
Quae mihi quidquid placet: eo priuatu' vin' me ſeruatum?
Dum eius mortem inhio, egomet vivo mortuus

Inter

Inter vivos. Ea me, clam ſe, cum mea ancilla, ait,
Conſuetum. Id me arguit. Ita plorando, orando,
Inſtando atque obiurgando me obtudit, eam uti
Vendere . Nunc credo inter ſuas aequalis
Et cognatas ſermonem ſerit: quis ueſtrarum fuit
Integra aetatula, quae hoc itidem a viro
Impetrarit ſuo quod ego anus modo
Effeci, pellice ut meum priuarem virum?
Hæc erunt concilia hodie. Differor ſermone miſer.

то есть.

Тотъ бѣденъ, кто бѣдности своей не можетъ
Скрывать. Муж. Мня она своимъ лицемъ и поступками почти доводитъ до того.
Хотя бы я объ этомъ и молчалъ, однако оно видно. Она кромѣ богатства
Имѣетъ все, что тебѣ противно. Кто умîонъ, тотъ отъ меня научится; я какбы
Въ плѣну у непріятеля, при свободѣ нахожусь
въ неволѣ, когда ни города ни крѣпость не взяты непріятелями.
Она насильно и противъ воли моей лишаетъ меня всего того, что мнѣ пріятно.
Я желая ей смерти, самъ живу мертвъ
Между живыми. Она говоритъ, будто видѣла тайно, что я съ своею служанкою
Имѣлъ дѣло. Въ семъ меня уличаетъ. Слезами, прозьбою,
Убѣжденіемъ и укоризнами такъ мнѣ надокучила, что я
оную продалъ. Теперь думаю своимъ сверстницамъ
И сродницамъ говоритъ: которая изъ васъ
Въ молодыхъ лѣтахъ отъ своего мужа могла
Получить то, что нынѣ я будучи уже старуха
Сдѣлала, лишивъ своего мужа наложницы?
Такія сего дня будутъ бесѣды. Мучусь я бѣдный сими словами.

Сверхъ же неравной въ двухъ книгахъ вещей и словъ пріятности то подлинно я съ

 обы-

обыкновеннымЪ вниманіемЪ примѣчаю, что Цецилій того, что отЪ Менандра весьма ясно, пристойно и забавно написано, не могЪ да и не старался изобразить, но какбы непристойное опустилЪ; и другое не знаю что шутовское вмѣшалЪ, притомЪ оныя Менандровы простыя, справедливыя и увеселительныя слова взятыя изЪ общаго человѣческаго употребленія, не знаю, какимЪ образомЪ, опустилЪ. Ибо тотже мужЪ старикЪ сЪ другимЪ старикомЪ сосѣдомЪ разговаривая, и гордость богатой жены проклиная, говоритЪ слѣдующее:

Ἔχω δ' ἐπίκληρον Λαμίαν· οὐκ εἴρηκά σοι
Τοῦτ' οὐχί; κυρίαν τῆς οἰκίας καὶ τῶν ἀγρῶν,
Καὶ πάντων ἀντ' ἐκείνης ἔχομεν ἀφ' ὅλων χαλεπῶν
Χαλεπώτατον. ἅπασι ἐστὶν οὐκ ἐμοὶ μόνῳ,
Υἱῷ, πολὺ μᾶλλον θυγατρί. Πρᾶγμα ἄμαχον λέγεις.
εὖ οἶδα.

то есть.

Я имѣю полную наслѣдницу Ламію. Я не сказалЪ тебѣ,
Что госпожу надЪ домомЪ и надЪ деревнями,
И надЪ всѣмЪ: но напротивЪ имѣемЪ ея
ЗломЪ изЪ всѣхЪ золЪ злѣйшимЪ Она несносна не мнѣ одному
Сыну, а еще больше дочери. О неоспоримомЪ дѣлѣ ты говоришь.
Я довольно это знаю.

А Цецилій вЪ семЪ мѣстѣ хотѣлЪ казаться больше смѣшнымЪ, нежели сходнымЪ сЪ тѣмЪ лицемЪ, которое онЪ представлялЪ. Ибо сіе испортилЪ онЪ слѣдующимЪ образомЪ:

Sen.

Sen. Sed tua marosane uxor quaeso est? *Ma.* Quam me rogas?
Sen. Qui tandem? *Ma.* Taedet mentionis quae mihi,
Ubi demum adveni ac sedi, extemplo savium
Dat ieiuna anima. Sen. Nihil peccat de savio,
Ut devomas volt, quod foris potaveris.

Ст. Но твоя жена злонравна ли? М О какой женѣ ты меня спрашиваешь?
Ст. О какой спрашиваю? М. Мнѣ скучно воспоминать о той, которая,
Какъ скоро я приду домой и сяду, тотчасъ даетъ поцѣлуй
Имѣя тощій желудокъ. Ст. Она ни мало дѣлаетъ не худо, что цѣлуетъ тебя.
Ибо хочетъ, чтобъ ты дома выблевалъ то, что въ людяхъ выпилъ.

Изъ сего видно, что думать надобно и о томъ мѣстѣ находящемся въ обоихъ забавныхъ зрѣлищахъ, котораго содержаніе состоитъ почти въ слѣдующемъ. Человѣка убогаго дочь въ ночное бдѣніе растлѣна. О семъ не зналъ ея отецъ, и почитаема она была за дѣвицу. Отъ любодѣянія онаго дѣвица сдѣлавшись беременна, по прошествіи извѣстныхъ мѣсяцовъ, мучится родами. Слуга человѣкъ добрый, стоявъ за дверми дома, и не знавъ, что хозяйская дочь хочетъ родить, и что она конечно лишена дѣвства, слышитъ стенаніе и плачь дѣвицы мучащейся родами: боится, сердится, подозрѣваетъ, жалѣетъ, печалится. Всѣ сіи его страсти и душевныя движенія въ Греческой комедіи удивительно остры и живы: а у Цецилія все сіе вяло и несходно

съ качествомъ и пріятностію вещей. Потомъ; какъ слуга оный помѣдливъ узналъ о приключеніи, говоритъ у Менандра слѣдующія слова:

Ὁ τρὶς κακοδαίμων ὅςις ὢν πένης γαμεῖ,
Καὶ παιδοποιεῖ. Ὡς ἀλόγιςος ἐςʼ ἀνὴρ,
Ὃς μήτε φυλακὴν τῶν ἀναγκαίων ἔχει,
Εἰ μήτε ἀνατειχίσῃ εἰς τὰ κοινὰ τȣ̃ βίȣ,
Ἐπαμφιέσθαι δύναται τȣ̃το χρήμασιν,
Ἀλλʼ ἐν ἀκαλύπτῳ καὶ ταλεπώρῳ βίῳ
Χειμαζόμενος, ζητῶν μὲν, ἀνιαρὸν δʼ ἔχων τὸ μέρος
Ἁπάντων, ἀγαθῶν ȣ̓ δυνάμενος
Ὑπὲρ γὰρ ἑνὸς ἀλέγων, ἅπαντας νȣθετῶ.

то есть.

О пренещастливый человѣкъ! кто въ убожествѣ женится
И родитъ дѣтей. Сколь неразуменъ тотъ,
Кто не имѣетъ попеченія и о нужныхъ вещахъ,
И ежели онъ не огродитъ своего имущества,
То ниже возможетъ наградить того деньгами.
Но въ непокровенной и плачевной жизни
Бѣдствуя, и хотя будетъ искать, но во всемъ
Имѣя нещастную участь останется всегда бѣденъ.
Я объ одномъ разсуждая и о всѣхъ также заключаю.

Разсмотримъ же, сходно ли написалъ Цецилій съ чистотою и справедливостію сихъ словъ. Цецилія предлагающаго нѣкоторыя краткости изъ Менандра и примѣшивающаго слова наполненныя трагическимъ надмѣніемъ, стихи суть слѣдующіе:

— Is demum infortunatus eſt homo
Pauper, qui educit in egeſtate liberos;

Cui

Cui fortuna et res, ut est, continuo patet.
Nam opulento famam facile occultat factiso

то есть.

— Тотъ то вѣднякъ подлинно нещастливъ
Кто въ убожествѣ родитъ дѣтей:
Котораго нещастіе и состояніе всегда видно.
Ибо богатаго безславіе лехко закрывается богатствомъ.

И такъ, какъ я выше объявилъ, когда сіи Цециліевы слова читаю особливо, то не кажутся они мнѣ непріятны и неживы; а когда сравниваю ихъ съ Греческими, то думаю, что Цецилій не долженъ былъ гнаться за тѣмъ, чего достигнуть не могъ.

ГЛАВА 24.

О древней умѣренности въ расходахъ, и о старинныхъ расходныхъ законахъ.

(1) У древнихъ Римлянъ умѣренность въ расходахъ и простота въ пищѣ и содержаніи не по домашней только бережливости и учрежденію, но по общенародному надзиранію и установленію многихъ законовъ была наблюдаема. Такъ не давно я чи-

(1) *У древнихъ Римлянъ умѣренность*] Имѣемъ свидѣтелей Плинія и Плавта, что Римскій народъ чрезъ нѣсколько вѣковъ вообще не употреблялъ въ пищу кромѣ хлѣба ржанаго и каши. Естьли когда была свадьба, праздникъ, или веселый пиръ; то по большей мѣрѣ не много рыбокъ, и нѣсколько фунтовъ свинины для стола прибавлялось. Подобная была умѣренность и въ платьѣ; и всѣ какъ богатые такъ и бѣдные носили шерстяное платье изъ бѣловатой и некрашенной шерсти;

читалъ въ *Гадательной книгѣ* Капитона Атея древнее Сенатское опредѣленіе въ консульство К. Фаннія и М. Валерія Мессалы сдѣланное; въ которомъ градоначальникамъ, во время Мегаленскихъ игръ, по древнему обыкновенію дѣлавшимъ взаимныя между собою пиршества повелѣвается у Консуловъ предписаннымъ образомъ клясться, чтобы на каждый столъ не больше издерживать какъ по сту двадцати ассовъ (120 копѣекъ) кромѣ зелени, хлѣба и вина; и употреблять не вывозное, но въ отечествѣ дѣлаемое вино; также во время пиршества не вносить больше серебра, какъ сто фунтовъ. (Россійскимъ вѣсомъ пудъ тритцать пять фунтовъ, полагая Римскій фунтъ въ семдесятъ два золотника). Но послѣ онаго Сенатскаго указа изданъ Фанніевъ законъ, которымъ во время (2) Римскихъ игръ, также (3) игръ народныхъ и (4) Сатурно-

шерсти; развѣ что у богатыхъ было оное нѣсколько побѣлѣе и получше уваляно. Потому что шелкъ, бархатъ, и самыя полотны поздо уже извѣстны стали, и подъ опасностію штрафа вошли у немногихъ въ употребленіе Липс. *Вел. Рим.* кн. 4. гл. 5. см. и Валерія Максима кн. 2. гл. 5. и кн. 3. гл. 3. и 4.

(2) *Римскихъ игръ*] Они же называются и позорищныя, уставленныя отъ Тарквинія Приска, который построилъ великое позорище [ѳеатръ], а послѣ погодно оныя посвящались Юпитеру, Минервѣ и Юнонѣ, и отправляемы были четвертаго числа Сентября.

(3) *Игръ народныхъ*] Изъ Асконія Педіана видно, что они такъ названы потому, что Римлянѣ по низверженіи царей уставили оныя для вольности народа, или для

новыхЪ, и вЪ другіе нѣкоторые дни, позволено было на каждый день издерживать по сту ассовЪ, и вЪ другіе десять дней вЪ каждомЪ мѣсяцѣ по тритцати, а во всѣ прочіе дни по десяти. Сей законЪ означаетЪ Луцилій стихотворецЪ, говоря слѣдующее:

\- - - *Фанніевы сто бѣдненькихЪ ассовЪ.*

ВЪ чемЪ ошиблись нѣкоторые сочинители примѣчаній на Луцилія, понеже почли, что Фанніевымъ закономЪ всегда на всякій день положено по сту мѣдныхЪ ассовЪ. Ибо Енній по сту мѣдныхЪ ассовЪ, какЪ вышеобЪявлено, положилЪ на нѣкоторые праздничные дни, и наименовалЪ самые оные дни: всѣхЪ же другихЪ дней ежедневный расходЪ заключилЪ то вЪ тритцати, то вЪ десяти мѣдныхЪ ассахЪ. А (5) потомЪ изданЪ Ли-

ци-

для примиренія онаго, послѣ отлученія на Авентійскую гору. Эдилы представляли сіи игры народу шестагонадесять числа Октября по три дни.

(4) *СатурновыхЪ*] Которыя уставлены вЪ честь Сатурна, и, по свидѣтельству Макробія, за нѣсколько вѣковЪ были до построенія Рима. Тогда игра, шутка и вольность господствовали, а скромность вЪ рѣчахЪ и вЪ дѣйствіи на время уступали мѣсто.

(5) *ПотомЪ изданЪ ЛиціиніевЪ законЪ*] Который издалЪ П. Лициній КрассЪ КонсулЪ сЪ Кн. ЛентуломЪ вЪ лѣто Рима 666. Прежде Лициніева, по свидѣтельству Макробія, изданЪ законЪ ДидіевЪ, который спустя осмнатцать лѣтЪ послѣдовалЪ за закономЪ Фанніевымъ. О которомЪ тожже Макробій говоритЪ, „что „издать оный двоякая была причина: первая и главная та, чтобы вся Италія, а не одинЪ РимЪ былЪ „обязанЪ расходнымЪ закономЪ; поелику Италіанцы

„ду-

ціевъ законъ, который въ извѣстные дни, какъ и Фанніевъ, позволивъ издерживать по сту ассовъ, на свадьбу положилъ по двѣсти; а на прочіе дни опредѣлилъ по тритцати ассовъ; и на каждый день положивъ (6) извѣстный вѣсъ сушенаго и соленаго мяса, всякими земляными произрастѣніями, виноградомъ и плодами деревъ позволилъ довольствоваться безъ разбора и безпредписанной мѣры. О семъ законѣ упоминаетъ стихотворецъ Левій въ (7) Еротопегніахъ. Левіевы слова суть слѣдующія, которыми онъ означаетъ козла, который былъ принесенъ для пиршества, но отпущенъ, и столъ, попредписанію Лициніева закона, приготовленный изъ плодовъ зелени.

Впо-

„думали, что Фанніевъ законъ не для ихъ, но для „однихъ Римскихъ гражданъ написанъ. Вторая, что„бы не тѣ одни, которые столы и пиршества съ „большимъ иждивеніемъ дѣлали, но и тѣ, которые „къ онымъ званы, и были конечно при оныхъ, под„лежали наказанію закона.

(6) *Извѣстный вѣсъ сушенаго и соленаго мяса*] Опредѣляетъ оной Макробій, *чтобы не больше употреблять сушенаго мяса какъ три фунта, и одинъ фунтъ солонины.* Латины говорятъ, что сіе изображено въ Лициніевомъ законѣ, а о Фанніевомъ они не упоминаютъ. Но Аѳеней пишетъ, что Фанніевымъ закономъ позволено имѣющимъ домочадство ежегодно употреблять для стола по пятнатцати талантовъ солонины, которые составятъ 1000 фунтовъ или 40 пудовъ по Римскому вѣсу.

(7) *Въ Еротопегніяхъ*] Еротопегніи были любовныя игры, которому надписанію и въ своихъ стихахъ слѣдовали Невій и Пакувій, какъ Ноній Марцеллъ свидѣтельствуетъ.

Вводится, говоритъ онъ, *Лициніеԥъ законъ: Отдается козлу жизнь.*
И Луцилій о семъ законѣ упоминаетъ въ сихъ словахъ : *избѣжимъ Лициніепа закона.* Потомъ Л. Сулла Диктаторъ, когда, по обветшаніи сихъ законовъ отъ гнилости и времени многіе богатыя имѣя вотчины вдавались въ роскошь и расточали домы и имѣніе свое пиршествами, издалъ народу законъ, которымъ повелѣно было (8) въ Календы, Иды и Ноны, во дни игръ, и въ нѣкоторые обыкновенные (9) праздники издерживать на столъ по

(8) *Въ календы*] Которыя посвящены были Юнонѣ, по чему и названа она Календарною. Ибо думали они, что какъ годъ принадлежитъ Юпитеру, такъ мѣсяцы Юнонѣ Почему и Овидій: *Юнона въ свое попеченіе пріемлетъ календы.* Въ Иды было Идульное богослуженіе, въ которомъ Идульная агница закалаема была Юпитеру. А Ноны, по свидѣтельству Овидія, не имѣли попечителемъ бога.

(9) *Праздники*] Общенародные праздники, по объявленію Феста, были или *опредѣленные*, потому что въ извѣстное и опредѣленное время отправлялись, каковы были Сатурнальные, Луперкальные, Агональные, Карментальные или *зачинательные*, которые ежегодно отъ первосвященника или отъ правительства въ извѣстный день зачинались, какъ то Латинскіе, Сементивные [бывшіе въ время сѣва] Паганальные [сельскіе] Компитальные [перекресточные]. Были притомъ и *повелительные*, которые по своему произволенію объявлялъ Консулъ или Преторъ, или были *ярманки.* Цицероновы о праздникахъ слова суть слѣдующія изъ кн. *О зак..* „Въ праздники, говоритъ, ссоры да отлагаютъ, и по окончаніи дѣлъ да имѣютъ оныя и въ „рабахъ. И для того, чтобы въ годовыхъ переворотахъ происходило сіе безъ замѣшательства, да ро-

„спи-

по тритцати сестерціевъ (семдесятъ пять копѣекъ); А во всѣ прочіе дни не болѣе трехъ (седмь копѣекъ съ половиною). Кромѣ сихъ законовъ нашелъ я и законъ Емиліевъ, которымъ не расходъ на столы, но родъ и качество пищи опредѣлено. Потомъ Антіевъ законъ кромѣ расхода денежнаго установилъ и то, чтобы находящійся въ правительствѣ или имѣющій быть правителемъ никуда кромѣ извѣстныхъ лицъ на пиръ не ходилъ. Наконецъ въ государствованіе Цесаря Августа дошелъ до народа Юліевъ законъ, которымъ на будничные дни опредѣлено по двѣсти сестерціевъ (пять рублей); на Календы, Иды, Ноны и на другіе нѣкоторые дни праздничные по триста (седмь съ половиною рублей); а на свадьбу съ слѣдующимъ послѣ оной днемъ по тысячѣ

„ описываютъ оныя священники, притомъ извѣстныя „ плоды да вкушаютъ общенародно и въ извѣстныя „ дни и жертвоприношенія. Также довольно молока и „ плодовъ да хранятъ до другихъ дней: и чтобы въ „ томъ не погрѣшить, схадственно да окончаваютъ „ годовыя теченія, да смотрятъ какія которому богу „ приличны и пріятны жертвы. Въ каждомъ же мѣсяцѣ отъ первосвященника или претора провозглашаемы были праздники, въ которые никакого дѣла не позволялось дѣлать. См. Макроб. кн. 1. *Сатурн.* гл. 16. а чрезъ обыкновенные праздники не только опредѣленные, которые всему народу общи ежегодно въ извѣстные и опредѣленные дни и мѣсяцы, и въ мѣсяцословѣ опредѣленнымъ образомъ, какъ говоритъ Макробій, записаны были, и потому могли называться обыкновенными, но всякіе здѣсь разумѣй принятые, можетъ быть и домашніе.

сячѣ сестерцiевъ (дватцать пять рублей). Сверхъ сего Капитонъ Атей объявляетъ, что есть и еще, не упомню, Августа ли или Тиберiя Цесаря указъ, которымъ по различнымъ дней празднествамъ отъ трехъ сотъ сестерцiевъ (трехъ съ половиною рублей) столовый расходъ умноженъ даже до двухъ тысячь (пятидесяти рублей); чтобы въ сихъ по крайнѣй мѣрѣ предѣлахъ удержать стремленiе усиливающейся роскоши.

ГЛАВА 25.

Что Греки называютъ аналогiею, *и что напротивъ* аномалiею.

Какъ въ Греческомъ, такъ и въ Латинскомъ языкѣ иные разсуждали слѣдовать аналогiи, иные аномалiи. *Аналогiа* есть подобныхъ подобное склоненiе. Нѣкоторые Латины называютъ оную proportio. *Аномалiа* есть неравенство склоненiй бывающее отъ обыкновенiя. А два знатные Греческiе Грамматики (1) Аристархъ и Кратесъ

(1) *Аристархъ и Кратесъ*] Аналогiю изъ Грековъ не допускалъ Хрисиппъ, который, по свидѣтельству Варрона, написалъ шесть книгъ объ аномалiи. Дiогенъ Лаертiй въ жизни Хрисипповой приписываетъ ему только четыре книги. Изъяснилъ его Кратесъ знатный Грамматикъ, и противъ Аристарха защищавшаго противное написалъ книгу. А сей Кратесъ Маллонъ есть тотъ, о которомъ упомянулъ Светонiй въ книгѣ *О знатныхъ мужахъ*, гдѣ называетъ его оверстникомъ Ари-

тесъ съ крайнимъ усиліемъ одинъ защищалъ аналогію, а другой аномалію. М. Варрона къ Цицерону *О Латинскомъ языкѣ* книга осмая доказываетъ, что нѣтъ никакого наблюденія подобныхъ, и что во всѣхъ почти словахъ владычествуетъ обыкновеніе. *Такъ когда говоримъ мы lupus lupi, probus probi, и lepus leporis: также paro paraui, lauo laui, pungo pupugi, tundo tutudi, и pingo pinxi. И когда*, говоритъ, *отъ cæno и prandeo и poto, и cænatus sum, и pransus sum и potus sum говоримъ: и отъ adstringor однако и extergeor и lauor, adstrinxi и extersi и laui говоримъ. Также когда говоримъ отъ Oscus, Tuscus, Græcus, Osce, Tusce, Græce: однако отъ Gallus и отъ Maurus Gallice и Maurice говоримъ. Также отъ probus probe, отъ doctus docte; но отъ rarus не говорится rare, но иные говорятъ raro, иные rarenter.* Также М. Варронъ въ той же книгѣ пишетъ: *sentior никто не говоритъ, и оное ничего по себѣ не значитъ: однако assentior всѣ почти говорятъ. Одинъ Сисенна говорилъ въ Сенатѣ assentio; и послѣ мно-*

Аристарховымъ. И Страбонъ, по мнѣнію другихъ, объявляетъ, что Панетій былъ его ученикъ. И такимъ образомъ Кратесъ спорилъ съ Аристархомъ противъ Аналогіи, и многіе другіе въ томъ разумъ свой доказывали. Смотри Секста Емпирика гл. 10. *противъ Грамматиковъ*. Между Латинами, по свидѣтельству Светонія, написали объ Аналогіи книги, Юлій Цесарь и Теренцій Варронъ, котораго книги еще неполныя находятся, напослѣдокъ Боссій четырьмя книгами объ Аналогіи превзошелъ всѣхъ стараніе. Съ которымъ справляться конечно надобно.

многіе ему слѣдовали, однако обыкновенія побѣдить не могли. Но тожже Варронъ въ другихъ книгахъ многое написалъ въ защищеніе аналогіи. И такъ сіи какбы нѣкоторыя мѣста суть общія, говоритъ противъ аналогіи, и въ защищеніе аналогіи.

ГЛАВА 26.

Слова М. Фронтона философа о родахъ цвѣтовъ, и о названіяхъ ихъ Греческихъ и Латинскихъ: и притомъ каковъ естъ цвѣтъ ſpadix.

Фаворинъ философъ идучи навѣститъ М. Фронтона бывшаго Консула, который боленъ былъ ногами, разсудилъ и меня къ нему взять съ собою. И когда между прочимъ тамъ у Фронтона, въ присутствіи многихъ ученыхъ мужей, зашли разговоры о цвѣтахъ и о ихъ названіяхъ, что виды цвѣтовъ суть многоразличны, а названія неизвѣстны и не многи: то Фаворинъ сказалъ: „Цвѣты больше различаются чувством „вомъ зрѣнія, нежели словами и названіями. „Ибо не упоминая о другихъ красоразли- „чіяхъ ихъ, простые сіи цвѣты rufus и vi- „ridis [красный и зеленый] подъ однимъ на- „званіемъ многоразличные имѣютъ виды. „И сей недостатокъ названій больше я при- „мѣчаю въ Латинскомъ, нежели Греческомъ „языкѣ. Потому что хотя сей rufus [кра- „сный] цвѣтъ названъ отъ rubor [красно- „та]:

„ та]: но какъ иначе краснѣетъ огонь, иначе кровь, иначе пурпуръ, иначе шафранъ; то особливыя сіи различія краснаго Латинскій языкъ особливыми и собственными названіями не изъявляетъ, а означаетъ всѣ оныя однимъ названіемъ красноты [ruboris], заимствуя наименованія цвѣтовъ отъ самыхъ вещей; и называя иное igneum [огненнымъ,] иное flammeum [пламеннымъ,] иное sanguineum [кровавымъ,] иное croceum [шафраннымъ,] иное ostrinum [пурпуровымъ или багрянымъ,] иное aureum [золотымъ.] Понеже цвѣтъ russus и ruber ни мало отъ названія rufus не разнятся, ниже всѣ его свойства изъявляютъ; а ξανθὸς и ἐρυθρὸς и πυῤῥος и φοῖνιξ, по видимому имѣютъ нѣкоторое различіе краснаго цвѣта, или увеличивая оный или уменшая, и въ нѣкоторомъ смѣшанномъ видѣ представляя.

Тогда Фронтонъ сказалъ Фаворину: „Не споримъ, что Греческій языкъ, сколько я читая могъ понять, пространнѣе и изобильнѣе, нежели нашъ Латинскій; но однако въ наименованіи тѣхъ цвѣтовъ, о которыхъ ты теперь говорилъ, не такъ мы недостаточны, какъ тебѣ кажемся. Ибо не сіи только одни суть названія красный цвѣтъ означающія, которыя ты теперь сказалъ, *rufus* и *ruber*; но еще имѣемъ больше, нежели сколько ты упомянулъ по Гречески: понеже fuluus и flauus и rubidus и phaeniceus и rutilus и luteus и spadix суть

„ на-

„названія краснаго цвѣта или придающія „остроту и какбы жаръ, или смѣшиваю„щія съ зеленымъ цвѣтомъ, или чернымъ „потемняющія, или придающія нѣсколько „бѣлизны съ зеленостію. Ибо phaeniceus, ко„торый ты по Гречески назвалъ *Φοίνιξ*, и „rutilus и ſpadix то же значащій что phaeni„ceus, который съ Греческаго принятъ бу„дучи на нашемъ Латинскомъ языкѣ зна„читъ избыточество и блескъ красноты; „каковы суть плоды пальмоваго дерева не „очень отъ солнца засушенные, откуда на„зывается ſpadix и phaeniceus. Потому что „Дорянѣ Спадиксомъ называютъ отломлен„ный отъ палмоваго дерева сукъ съ плодомъ. „A fuluus кажется смѣшанъ изъ краснаго и „зеленаго, и иногда больше имѣетъ зелено„сти, иногда больше красноты: какъ весь„ма исправный въ словахъ (1) стихотво„рецъ, *fulua aquila*, говоритъ и *iaſpis*, *fului* „*galeri*, *fuluum aurum*, и *arena fulua* и *fuluus* „*leo*; такъ К. Енній въ лѣтописцѣ сказалъ „*fuluo ære*. Напротивъ *Flauus* кажется смѣ„шанъ изъ зеленаго и краснаго и бѣлаго, „такъ *flauentes comæ*, и, чему нѣкоторыхъ „вижу удивляющихся, *frondes olearum* отъ „Виргилія называются *flauæ*. Такъ гораздо „прежде Пакувій сказалъ *aqua flaua*, и *flauus* „*puluis*; котораго стихи, поелику великую „въ себѣ имѣютъ пріятность, съ охотою „я здѣсь прилагаю:

(1) Виргилій.

Cedo tamen pedem lymphis flauis; flauum vt puluerem
Manibus isdem, quibus Ulyssi sæpe permulsi, abluam;
Lassitudinemque minuam manuum mollitudine.

„ А *rubidus* есть красный гораздо смѣшанный съ чернотою. *Luteus* напротивъ есть красный цвѣтъ гораздо жидкій. И такъ, любезный Фаворинъ, виды краснаго цвѣта не больше имѣютъ названій у Грековъ какъ и у Латиновъ. Но и зеленый цвѣтъ не больше у васъ имѣетъ названій. И Виргилій означить хотя uiridem equum, не не могъ лучше назвать caeruleum equum, нежели glaucum; но разсудилъ лучше положить употребительное слово Греческое, нежели неупотребительное Латинское. А отъ древнихъ нашихъ Латинъ названа caesia, которая отъ Грековъ называется γλαυκῶπις (голубыя глаза имѣющая), по словамъ Нигидія, de colore caeli, (отъ небеснаго цвѣта) какбы caelia. По изреченіи сего отъ Фронтона, Фаворинъ полюбовавшись обильнымъ его знаніемъ вещей и красотою словъ, сказалъ: „Безъ тебя одного подлинно бы может быть Греческій языкъ гораздо былъ преимущественнѣе Латинскаго; но ты, любезный Фронтонъ дѣлаешь то, что находится въ Омировомъ стихѣ;

Καί νύ κεν ἢ παρέλασσας ἢ ἀμφήριστον ἔθηκας.

то есть.

Или ты побѣдилъ, или напелъ сумнѣнье.

„ Но

„Но какъ я все, что ты весьма искусно
„ни говорилъ, съ охотою слушалъ, такъ
„наипаче то, что ты расказывалъ о раз-
„ности желтаго цвѣта, и сдѣлалъ мнѣ
„понятными тѣ изъ четвертойнадесять
„книги Енніева лѣтописца прiятнѣйшiя
„слова, которыхъ я не понималъ:

Verrunt extemplo placide mare marmore flauo:
Cæruleum spumat mare conferta rate pulsum.

„Ибо, по видимому, синее море не сходно
„съ желтымъ моремъ. Но какъ, по твоимъ
„словамъ, желтый цвѣтъ смѣшанъ изъ зе-
„ленаго и бѣлаго; то онъ весьма изрядно
„пѣну зеленѣющагося моря назвалъ желтымъ
„моремъ.

ГЛАВА 27.

Что Т. Кастрицій разсуждалъ о слопахъ Саллустія и Димосѳена; которыми одинъ описалъ Филиппа, а другой Серторія.

Димосѳеновы о царѣ Филиппѣ важныя и знаменитыя слова суть слѣдующія: Ἑώρων δ᾽ αὐτὸν Φίλιππον, πρὸς ὃν ἡμῖν ὁ ἀγὼν ὑπὲρ ἀρχῆς καὶ δυναςείας, τὸν ὀφθαλμὸν ἐκκεκομμένον, τὴν κλεῖν κατεαγότα, τὴν χεῖρα, τὸ σκέλος πεπηρωμένον, πᾶν ὅτι ἂν βουληθῇ μέρος ἡ τύχη τοῦ σώματος παρελέσθαι, τοῦτο προϊέμενον, ὥςε τὸ λοιπὸν μετὰ τιμῆς καὶ δόξης ζῆν. т. е. *А я видѣлъ самаго Филиппа, съ которымъ мы спорили о начальствѣ и власти, лишеннаго глаза, съ переломленною ключевою костью, съ повр ежденною рукою и ногою,*

и всякій наконецъ тѣла членъ, который щастіе у него отнять хотѣло, самопроизвольно отдающаго, дабы въ прочемъ препровождать жизнь славно и почтенно. Сему подражать желая Саллустій о военачальникѣ Серторіи въ повѣстяхъ написалъ слѣдующее: *Славный воинскій Трибунъ въ Испаніи при генералѣ Т. Дидіи, въ великомъ былъ упражненіи во время войны Марсовой набирая войско и приготовляя оружіе: и многія тогда подъ его предводительствомъ учиненныя дѣла поверныхъ по незнатности, и напослѣдокъ по зависти писателей утаены: которыя онъ издали на лицѣ своемъ показывалъ, чрезъ нѣсколько полученныхъ спереди ранъ и выколотый глазъ. Которымъ обезображеніемъ тѣла онъ наипаче увеселялся: и не печалился о томъ, понеже прочее удерживалъ съ большею славою*, Т. Кастрицій разсуждая о вышереченныхъ словахъ обоихъ писателей, сказалъ: „Не превосходитъ ли „сіе мѣру человѣческаго естества, чтобы „увеселяться обезображеніемъ тѣла, когда „веселіемъ называется нѣкоторое играніе „духа восхищеннаго радостію о полученіи „желанныхъ вещей? Сколь чистосердечнѣе „и съ человѣческимъ состояніемъ согласнѣе „оное! Πᾶν ὅτι ἂν βελληθῇ μέρος ἡ τύχη τȣ͂ σώ„ματος παρελέσθαι, τȣ͂το προϊέμενον. т. е. *Отда„ющаго всякій тѣла членъ, который ща„стіе отнять хотѣло.* Которыми словами, „говоритъ, показывается Филиппъ, не, „какъ

„ какъ Серторій, увеселяющійся обезображеніемъ тѣла, что, говоритъ, необычайно и непомѣрно; но отъ любочестія и желанія хвалы тѣлесный ущербъ презирающій, который каждый свой членъ отдавалъ на расточеніе щастію для пріобрѣтенія славы.

ГЛАВА 28.

Не извѣстно которому богу надлежитъ молебствовать во время землетрясенія.

Не токмо общими человѣческими чувствами и мнѣніями не изведано, но ни въ естественной философіи довольно открыто, отъ чего бываютъ землетрясенія. Отъ силы ли вѣтровъ входящихъ въ ямы и разсѣлины земныя они произходятъ, или отъ ударовъ волнующихся водъ въ подземныхъ мѣстахъ, такъ какъ по видимому думали древнѣйшіе Греки, которые назвали Нептуна ἐννοσίγαιον καὶ σεισίχθονα *колебателемъ земли*, или отъ чего нибудь другаго, или отъ силы и изволенія какого нибудь другаго бога, не точно еще, какъ я выше сказалъ, найдено. Для того древніе Римлянѣ какъ во всѣхъ другихъ житейскихъ должностяхъ, такъ въ установленіи богослуженій и въ почитаніи безсмертныхъ боговъ будучи весьма наблюдательны, когда чувствовали землетрясеніе или объявлено то было, указомъ повелѣвали для того дѣлать праз-

 дне-

днество; но имя бога, которому по обычаю празднество быть долженствовало, определить и указать не отваживались; дабы одного имянуя въ мѣсто другаго не привчавать народъ къ ложному богослуженію. Естьли кто оное празднество (1) осквернялъ, и для того потребно было очищенія: то приносилъ жертву (2) или БОГУ или БОГИНѢ [*Si. Deo. Si. Deae.*] И сіе, говоритъ М. Варронъ, такъ наблюдаемо было по указу Первосвященниковъ: понеже (3) неизвѣстно было, какою силою, и чрезъ кого изъ боговъ или богинь дѣлалось землетрясеніе. Но не менше старались они найти и причину

„ сол-

---

(1) *Осквернялъ*] Естьли въ объявленный и начавшійся праздникъ что нибудь дѣлалъ, или какимъ нибудь другимъ образомъ нарушалъ богослуженіе.

(2) *Или БОГУ или БОГИНѢ*] Такимъ образомъ вызываемы были боги хранители городовъ сумнительнымъ именемъ, или БОГЪ, или БОГИНЯ. Также въ заклинаніяхъ городовъ сумнѣвались объ имени; которыхъ заклинаній былъ образецъ слѣдующій: *Dis. Pater Veiouis. Manes. Siue. Vos. Quos. Alio. Nomine. Fas. Est Nominare.* И не только о имени, но и полѣ сумнѣвались, какъ свидѣтельствуетъ Арнобій кн. 4. И потому то нѣкоторые боговъ въ обоемъ полѣ почитали. Такимъ образомъ назвали Луна и Луну, и Минерва подъ обоими видами была почитаема.

(3) *неизвѣстно было*] Кажется мнѣ, что сіе нѣкто разумѣетъ такъ, какбы того не почитали за должное объявлять народу, дабы не отвлечь его отъ обыкновеннаго богопочитанія, и чтобы боговъ отеческихъ, которыхъ онъ съ крайнимъ усердіемъ почиталъ, и которыхъ страхомъ укрощаемъ быть долженствовалъ, послѣ не презрѣлъ.

солнечнаго и луннаго затмѣнія. Потому что М. Катонъ хотя много упражнялся въ познаніи вещей, однако оное почелъ за неизвѣстное и нестоющее любопытства. Слова Катоновы изъ четвертой книги *Началъ* суть слѣдующія: *Я не хочу того писать, что на дскѣ у великаго первосвященника находится, коликократно дороговизна припасовъ, коликократно было затмѣніе луны или солнца, или вѣчемъ оное воспрепятствовало.* Столь онъ за маловажное почелъ знать или говорить о истинныхъ причинахъ солнечнаго и луннаго затмѣнія.

ГЛАВА 29.

Достопамятная басня Езопа Фригійскаго.

(1) Езопъ (2) оный Фригійскій баснословецъ по справедливости почтенъ мудрымъ; потому что въ полезныхъ наста-

(1) **Езопъ оный**] Который старѣе будучи Пиѳагора процвѣталъ въ сороковую Олимпіаду, и у Креза былъ въ почтеніи; безвинно отъ Делфійсцовъ будучи сброшенъ съ горы бѣдно скончался. Онъ былъ состояніемъ рабъ, природою свободный, тѣломъ безобразенъ, разумомъ превосходенъ. Платонъ нѣсколько разъ упоминалъ о немъ, и доказывалъ, что часто бываютъ законы противные природѣ; понеже природа сдѣлала Езопа свободнымъ, а щастіе рабомъ. Многіе то есть свободные находятся въ рабствѣ, а многіе рабы и невольники пороковъ и невѣжества, и всегда слѣдующіе своимъ страстямъ суть свободны. Смотри Аристотеля въ *Полит.* Жизнь его описалъ Максимъ Планудъ.

вленіяхъ и увѣщаніяхъ нестрогимъ и повелительнымъ поступалъ образомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ философы, но чрезъ сочиненіе забавныхъ и увеселительныхъ басенъ, здравыя и разумныя дѣла въ души и сердца человѣческія, заохочивая нѣкоторымъ образомъ къ слушанію ихъ, вливалъ. Какъ на примѣръ слѣдующая его басня о гнѣздышкѣ птички съ красотою и пріятностію словъ научаетъ, чтобы въ томъ, что самъ кто нибудь можетъ сдѣлать, не надѣяться и не полагаться на другихъ, но на самаго себя. „Есть, говоритъ онъ, ма„лая птичка называемая жаворонокъ. Жи„ветъ и гнѣздо вьетъ она въ нивахъ, и въ „то время, когда наступаетъ жатва, птен„цы ея уже оперяются. Оный жаворонокъ по „случаю свилъ гнѣздо въ хлѣбѣ ранѣе про„чихъ поспѣвающемъ. И потому когда со„зрѣлъ хлѣбъ, птенцы еще лѣтать не мо„гли. И такъ когда онъ отлѣталъ искать „птенцамъ пищи; то приказывалъ имъ, есть„ли что нибудь сдѣлается или говорено бу„детъ новое, примѣчать, и, когда возвратит„ся, ему сказывать. Спустя нѣсколько вре„мени хозяинъ онаго хлѣба, призвавъ юношу „своего сына, говорилъ, видишь ли, что сіе „со-

(2) *Оный Фригійскій баснослопецъ*] Изъ Аморія города великой Фригіи. Писатель прибавляетъ сіе для различія: ибо Езопъ былъ и Миѳридатовъ чтецъ, который писалъ о похвалѣ Миѳридата, и знатный оный печальныхъ зрѣлищъ представлятель жившій во время Цицерона.

„ созрѣло и требуетъ уже рукъ? для того
„ завтре на самомъ разсвѣтѣ сходи къ на-
„ шимъ пріятелямъ, и попроси, чтобы при-
„ шли и взаимно пособили намъ сжать сей
„ хлѣбъ. Сказавши же сіе ушелъ. И какъ
„ прилѣтелъ жаворонокъ, то птенцы всѣ въ
„ страхѣ стали кричать и просить мать,
„ чтобы скорѣе перенесла ихъ на другое мѣ-
„ сто: потому что хозяинъ, говорили они,
„ послалъ съ прозьбою къ своимъ пріятелямъ,
„ чтобы на разсвѣтѣ пришли жать. Мать
„ приказываетъ имъ быть безопаснымъ: по-
„ тому что естьли, говоритъ, хозяинъ от-
„ кладываетъ жатву до пріятелей, то зав-
„ тре хлѣбъ не будетъ сжатъ; и не для че-
„ го васъ переносить отсюда. И такъ на
„ другой день жаворонокъ отлѣтелъ промыш-
„ лять корму. Хозяинъ ждетъ тѣхъ, кото-
„ рыхъ просилъ. Солнце уже на полудни, а
„ ни пріятелей и ничего совсѣмъ нѣтъ. То
„ онъ опять сыну говоритъ, званные пріяте-
„ ли по большой части лѣнивы. Пойдемъ луч-
„ ше попросимъ сродниковъ и сосѣдовъ сво-
„ ихъ, чтобы завтре поранѣе пришли по-
„ жать. Птенцы также сего испугавшись
„ сказываютъ матери. Мать уговариваетъ
„ ихъ и тогда не бояться и не думать ни-
„ чего: никакіе почти сродники, говоритъ
„ она, такъ непослушливы, чтобы ни мало
„ отъ работы не отговаривались, и послуша-
„ лись одного слова. Вы только примѣчайте,
„ что опять говорено будетъ. На другой
„ день

„ день птица полѣтела за кормомъ. Сродни-
„ ки на работу, для которой были прошены,
„ не пришли. И такъ наконецъ хозяинъ ска-
„ залъ сыну, прощайте друзья и сродники. А
„ ты принеси на разсвѣтѣ два серпа: одинъ
„ возму я самъ, а другой ты; и будемъ зав-
„ тре сами жать хлѣбъ своими руками. Какъ
„ мать отъ птенцовъ услышала хозяиновы
„ рѣчи; то сказала, ну, пора перебираться от-
„ сюда: теперь уже безъ сумнѣнія сдѣлается
„ то, что сказалъ хозяинъ. Потому что онъ
„ самъ принимается за дѣло; а не другіе,
„ которыхъ онъ звалъ. И такимъ образомъ
„ жаворонокъ перенесъ свое гнѣздо. А хлѣбъ
„ сжатъ отъ самаго хозяина. Хотя сія Езо-
пова баснь есть о неосновательной по боль-
шей части и тщетной надеждѣ на пріяте-
лей и сродниковъ. Но не чему другому на-
учаютъ и важнѣйшія книги философскія,
какъ чтобы мы полагались на себя токмо
самихъ; все же другое отъ насъ и отъ на-
шего произволенія независящее ни за свое,
ни за себя не почитали. Сію Езопову баснь
К. Енній въ сатирахъ (въ обличительномъ
сочиненіи) весьма искусно и пріятно пере-
ложилъ на осмистопные стихи: изъ кото-
рыхъ два послѣдніе суть слѣдующіе, ко-
торые содержать въ сердцѣ и въ памяти
по справедливости почитаю за должное.

Hoc erit tibi argumentum ſemper in promptu ſitum;
Nequid expectes amicos, quod tute agere poſſies.

то есть.

Сіе должно тебѣ всегда служить примѣромъ;
Чтобъ не надѣяться въ томъ на силихъ друзей,
Что можешь сдѣлать самъ ты силою своей.

ГЛАВА 30.

Что примѣчено въ движеніи волнъ бывающемъ въ мори различнымъ образомъ, во время вѣянія южныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ.

Многократно въ движеніи волнъ, сѣверными вѣтрами и съ той же страны неба (1) текущимъ воздухомъ, и южными вѣтрами на мори производимыхъ примѣчено то: что волны, которыя въ вѣяніе сѣвернаго вѣтра бываютъ весьма велики и часты, какъ скоро утишится вѣтръ, уменшаются и опадаютъ, и тотчасъ перестаютъ быть волнами. Но противное сему бы-

---

(1) *Текущимъ воздухомъ*] Вѣтръ съ воздухомъ той же страны смѣшиваетъ нашъ писатель. Однако движеніе вѣтра и воздуха есть различно. Воздухъ есть тончайшій духъ теплый и сырый. А вѣтръ есть сухій но быстрый паръ, который когда до средней части воздуха дойдетъ, то отъ холоднаго и густаго воздуха будучи прогнанъ, съ отрывистымъ, упорнымъ и разбивчивымъ стремленіемъ относится въ сторону. Нѣкоторые философы думали, что вѣтръ есть движеніе воздуха. Такимъ образомъ и начальникъ врачей Иппократъ въ книгѣ *О вѣтрахъ* разсуждалъ, и Ѳеофрастъ въ книгѣ *О вѣтрахъ* то же, по видимому, утверждаетъ. Вѣтръ хотя движетъ и бьетъ воздухъ, однако весьма различествуетъ отъ воздуха. Смотри Аристотеля кн. 2. *Метеорол.* однако тотже философъ *въ*

бываетъ во время вѣянія южнаго вѣтра, который хотя ни мало уже не будетъ вѣять, однако сдѣлавшіяся волны продолжаются; и хотя море давно спокойно отъ вѣтровъ, однако не оставляетъ своего волненія. Догадываются, что причиною сего есть то, что сѣверные вѣтры съ вышшей части неба упадая на море какбы съ стремленіемъ входятъ во глубину водъ, и производятъ волны не поверхность водъ гоня, но силою своею приводя въ движеніе внутренность; которые вырвавшись изъ средины до тѣхъ поръ продолжаются, пока оное сверху излившееся дыханіе силу свою имѣетъ. А южные вѣтры, спустившись къ полуденному кругообращенію и къ самой нижней части оси, внизу идучи по поверхности моря больше гонятъ волны, нежели изнутри выбрасываютъ: и для того не сверху поражаемыя, но противно гонимыя воды и тогда еще, когда утихнетъ вѣтръ, нѣсколько отъ прежняго гоненія удерживаютъ свое стре-

---

по задачахъ дѣл. 23. задача 11. *вѣтръ*, говоритъ, есть *движеніе воздуха.* Но тамъ Аристотель подъ именемъ воздуха кажется разумѣетъ самые пары движущіе воздухъ. Вѣтреные пары суть таковы, что движутся по воздуху, и вмѣстѣ съ ними воздухъ. Однако не всякое движеніе воздуха само по себѣ есть вѣтръ. Справедливо Александръ Афродисійскій: „Хотя „иногда по какому нибудь случаю весьма много мо„жетъ имѣть движенія воздухъ, однако никто оное „не назоветъ вѣтромъ, не имѣя нѣкотораго начала „и какбы источника, отъ котораго бы происходило „теченіе вѣтра.

стремленіе. То же самое, что мы говоримЪ, и изЪ слѣдующихЪ Омировыхъ стиховЪ, естьли кто сЪ разбирательствомЪ оные прочтетЪ, подтвердить можно: ибо онЪ о вѣяніи южнаго вѣтра (аустра) написалЪ такЪ;

Ἔνθα νότος πόντοιο κλυδῶνα εἰς λάαν ὤθει

то есть.

Морскую волну аустрЪ о каменъ ударяетЪ.

НапротивЪ же о сѣверномЪ вѣтрѣ (бореѣ), которой Латины называютЪ aquilo, говоритЪ другимЪ образомЪ:

Καὶ Βορέης αἰθρηγενέτης μέγα κῦμα κυλίνδων.

то есть.

И ведренный борей спипая клубомЪ волну.

Ибо говоритЪ онЪ, что отЪ сѣверныхЪ вѣтровЪ, вѣющихЪ сверху, произведенныя волны какбы сЪ покатаго мѣста катятся: а отЪ южныхЪ вѣющихЪ низко сЪ большимЪ нѣкоторымЪ усиліемЪ то поднимаются кЪ верху, то опускаются внизЪ. Ибо сіе значитЪ глаголЪ ὤθει; какЪ на другомЪ мѣстѣ λάαν ἄνω ὤθει. Да и отЪ искуснѣйшихЪ вЪ знаніи вещей философовЪ сіе примѣчено, что вЪ вѣяніе южныхЪ вѣтровЪ море бываетЪ голубо и лазорево, а вЪ вѣяніе сѣверныхЪ вѣтровЪ дѣлается чернѣе и темнѣе: причину сего замѣтилЪ я, когда дѣлалЪ выписки изЪ АристотелевыхЪ книгЪ *Задачъ. Для чего вЪ вѣяніе южнаго вѣтра море бываетЪ голубо: а вЪ вѣяніе сѣвернаго черно и темно? Не для того ли что сѣверный вѣтрЪ*

вѣтръ менше возмущаетъ море? А все, что тихо и невозмущенно есть, кажется темнымъ.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ТРЕТІЯ
ГЛАВА 1.

Изслѣдованіе и разсужденіе о томъ, для чего сказалъ Саллустій, что сребролюбіе не токмо мужественный духъ, но и самое тѣло приводитъ въ слабость.

Въ концѣ уже зимы у (1) Ситіевыхъ бань ходили мы съ Фавориномъ философомъ днемъ по двору; и между прохаживаніемъ нашимъ читанъ былъ Саллустіевъ *Катилина*, который, увидѣвши онъ въ рукѣ у пріятеля, приказалъ читать. И когда въ оной книгѣ читались слѣдующія слова: *Сребролюбіе имѣетъ любовь къ богатству, котораго никто благоразумный не желалъ. Оно, каквы злымъ ядомъ напоено будучи, тѣло и му-*

(1) *У Ситіевыхъ бань*] Такъ названныхъ отъ Ситія построившаго оныя. Домашнихъ бань въ Римѣ было безчисленное множество. С. Руефъ оныхъ считаетъ въ Римѣ до осми сотъ. Общенародныя на подобіе городовъ, или, какъ Аммiанъ говоритъ, на подобіе провинцій были построены. Антониновы бани 1600. Діоклитіановы 3200. имѣли стульевъ. Роскошь и въ домашнихъ баняхъ весьма порицаетъ Сенека.

мужественный духъ приводитъ въ слабость: оно всегда безконечно и ненасытимо есть: и ни отъ довольства, ни отъ недостатка не уменшается. То Фаворинъ смотря на меня сказалъ: „Какимъ образомъ сребролюбіе тѣ„ло человѣческое приводитъ въ слабость? „Ибо, по видимому, я почти разумѣю, „что такое значитъ, что онъ сказалъ, „*сребролюбіе мужественный духъ приводитъ* „*въ слабость.* Но какимъ образомъ и тѣ„ло человѣческое въ слабость оно приво„дитъ, еще не понимаю. И я, говорю, „давно уже о томъ самомъ разсуждалъ; „и, естьли бы ты не предускорилъ, самъ „бы у тебя о семъ спросилъ. Лишь только я помедливъ сіе выговорилъ; то нѣкто изъ послѣдователей Фавориновыхъ, по видимому, состарѣвшійся въ ученіи, сказалъ; „Я слышалъ, что Валерій Пробъ „говорилъ, что Саллустій здѣсь употре„билъ нѣкоторую въ выговорѣ околичность „стихотворческую, и думая сказать, сребро„любіе повреждаетъ человѣка, сказалъ тѣ„ло и духъ, чтобы двѣ сіи вещи означи„ли человѣка: ибо человѣкъ состоитъ изъ „души и тѣла. Я подлинно знаю, сказалъ „Фаворинъ, что нашъ Пробъ никогда столь „непристойнаго и столь дерзкаго хитро„словія не имѣлъ, чтобы о Саллустіи то„чнѣйшемъ наблюдателѣ краткости ска„залъ, что онъ употреблялъ стихотворче„скую въ выговорѣ околичность. Проха-

живался тогда же съ нами одинъ человѣкъ подлинно ученый. И онъ, будучи отъ Фаворина вопрошенъ, что имѣетъ о томъ сказать, отвѣчалъ слѣдующее: „Которыхъ, „говоритъ, ослѣпило сребролюбіе, и которые углубились единственно въ собираніе „богатства, тѣхъ по большей части видимъ находящихся въ такомъ родѣ жизни; что для богатства какъ о всемъ другомъ, такъ и о мужескомъ трудѣ и объ „упражненіи тѣла не радятъ: по большей „же части вдаются въ уединенные труды „и сидѣлые промыслы; въ которыхъ вся „ихъ бодрость духа и тѣла изнемогаетъ, „и, какъ Саллустій говоритъ, въ слабость „приходитъ. Тогда Фаворинъ приказалъ снова читать тѣ же Саллустіевы слова; и по прочтеніи оныхъ сказалъ: „Такъ что „же мы скажемъ, когда многихъ видимъ „сребролюбивыхъ, однако бодрыхъ и здоровыхъ тѣломъ? То онъ отвѣчалъ такъ: „Это разумно. Всякъ, кто сребролюбивъ, и имѣетъ однако бодрое и здоровое „тѣло, непремѣнно долженъ имѣть или „стараніе или упражненіе и въ другихъ „дѣлахъ, и не также въ содержаніи себя „быть скупъ. Ибо естьли одно крайнее „сребролюбіе овладѣетъ всѣми частьми и „страстьми человѣческими, и естьли усилится даже до нерадѣнія о тѣлѣ, такъ „что чрезъ одно оное ни о добродѣтели, „ни о силахъ, ни о тѣлѣ, ни о душѣ не

„бу-

„ будетъ попеченія; то наконецъ тотъ по „ справедливости можетъ назваться имѣ„ющимъ приведенный въ слабость духъ „ и тѣло, кто ни о себѣ, и ни о чемъ дру„гомъ, кромѣ богатства не старается. То„гда Фаворинъ сказалъ: „Или сіе, что ты „ сказалъ, есть вѣроятно, или Саллустій „ изъ ненависти къ сребролюбію больше, „ нежели сколько надобно было, обвинилъ „ оное.

ГЛАВА 2.

Какой день М. Варронъ почитаетъ днемъ рожденія тѣхъ, которые прежде шестаго часа ночи, или послѣ онаго родились: притомъ предлагается о временахъ и предѣлахъ дней гражданскими называемыхъ, и во всѣхъ народахъ различно наблюдаемыхъ: и что сверхъ сего К. Муцій написалъ о той женщинѣ, которую мужъ неправильно почиталъ своею женою ненаблюдши гражданскаго года.

Обыкновенно предлагаемъ былъ вопросъ, который день долженъ называться и почитаться днемъ рожденія людей, въ третьемъ или въ четвертомъ или въ какомъ нибудь другомъ часу ночи родившихся, тотъ ли, за которымъ слѣдовала та ночь, или тотъ, который слѣдовалъ за тою ночью? М. Варронъ въ книгѣ *дѣлъ человѣческихъ* написанной *О дняхъ*, говоритъ: *Лю-*

ди, отъ полуночи до другой полуночи въ сіи 24 часа родившіеся, называются родившимимися въ одинъ день. Которыми словами такъ онъ, по видимому, (1) наблюденіе дней опредѣлилъ, что, по захожденіи солнца прежде полуночи, родившемуся тотъ день долженъ быть днемъ рожденія, съ котораго та ночь началась: напротивъ же въ послѣдніе шесть часовъ ночи родившійся въ тотъ день кажется родился, который наступалъ послѣ той ночи. А Аѳинейцы, какъ тожже Варронъ въ той же книгѣ написалъ, иначе наблюдали дни, и все среднее время отъ захожденія солнца до другаго захожденія почитали однимъ днемъ. Вавилонянѣ сверхъ сего иначе въ томъ поступали; ибо отъ восхожденія солнца до другаго восхожденія все то разстояніе времени называли однимъ днемъ: а многіе въ Умбріи одинъ и тотже день почитали отъ полудня до слѣдующаго полудня. *Что*, говоритъ, *весьма непристойно. Ибо кто родился у Умбровъ въ календы* [въ первый день мѣсяца], *того днемъ рожденія должна будетъ по-*

(1) *Наблюденіе дней опредѣлилъ*] Дни иные суть естественные, иные гражданскіе. Гражданскіе опредѣлялись 24 часами, въ которые небо или лучше земля обращается. Естественные дни раздѣлялись на двенатцать часовъ, и по качеству дней часы или прибавлялись или убавлялись. Впрочемъ въ древнѣйшія времена никакова не было употребленія часовъ какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ. Однако на 12 частей и въ Иродотово время день раздѣлялся, но только въ равноденствіе.

почитаться и половина дня календъ, и день слѣдующій за календами прежде шестаго часа того дня. А что Римскій народъ такъ, какъ объявилъ Варронъ, каждый день считалъ отъ полуночи, то многими доказательствами утверждается. Богослуженія Римскія иныя суть дневныя, иныя нощныя: но бывающія ночью причитаются ко днямъ, а не къ ночамъ. И такъ богослуженія бывающія въ послѣдніе шесть часовъ ночи, называются бывающими въ тотъ день, который послѣ той ночи наступаетъ. Притомъ обычай и обрядъ предначинанія [auſpicandi] тоже наблюденіе доказываетъ. Ибо градоначальники, когда имъ въ одинъ день и предначинать должно и предначатое дѣлать, по полуночи предначинаютъ, и по полудни дѣлаютъ; и почитаются предначавшими и дѣлавшими въ тотже день. Сверхъ сего народные Трибуны, которымъ (2) ни на одинъ день не позволено выѣжжать изъ Рима, по по-

(2) *Ни на одинъ день*] На ночь отлучиться Трибуны не могли потому, что ихъ должность была присутствіемъ и предстательствомъ своимъ не допускать народъ до обиды. И для того денно и нощно двери свои какъ убѣжища бѣдныхъ имѣли они отворены. Однако пишетъ Ливій, что Трибуны посыланы были въ Сицилію для привлеченія изъ того острова П. Сципіона. Развѣ тогда не изданъ еще былъ сей законъ, или лучше, какъ я думаю, свобождены они были отъ закона. Какбы оный законъ и Геллієвы слова гласили объ отлучкѣ, которую они имѣютъ для собственныхъ своихъ дѣлъ или отдохновенія, а не для общественной причины.

полуночи выѣжжая, и по первой свѣчѣ передъ другою полночью возвращаяся не почитаются, выѣжжавшими на одинъ день; когда передъ шестымъ часомъ ночи возвратившись нѣкоторую часть онаго находятся въ Римѣ. Да читалъ я, что и Квинтъ Муцій правоискусникъ обыкновенно говорилъ, что не почитается законно взятою въ супружество та женщина, которая съ Январскихъ календъ [перваго числа Января] начала быть у мужа для супружества, и передъ четвертымъ днемъ слѣдующихъ Январскихъ календъ пришла для вступленія въ супружество. Потому что не могутъ исполниться три ночи, на которыя она въ силу двенатцати таблицъ должна была отъ перваго мужа отлучиться для вступленія съ другимъ въ супружество. Понеже третіей ночи послѣдніе шесть часовъ были другаго года начинавшагося съ календъ. А какъ я все сіе о временахъ и предѣлахъ дней до наблюденія и учрежденія древнихъ правъ касающееся нашелъ въ книгахъ древнихъ писателей; то не сумнѣвался, что и Виргилій то же самое доказывалъ, хотя не яснымъ и открытымъ образомъ, но какъ пристойно было человѣку по стихотворчески о вещахъ разсуждающему, скрытно и какбы стороною означая древній обрядъ.

Torquet, говоритъ онъ, *medios nox humida cursus:*
Et me ſæuus equis oriens afflauit anhelis.

то

то есть.

. . . . полночь наступила:
И тѣнямъ страшный день меня ужъ застигаетъ.

Ибо сими словами скрытно, какъ я сказалъ, доказать онъ хотѣлъ, что день названный отъ Римлянъ гражданскимъ, начинается съ шестаго часа ночи.

ГЛАВА 3.

О томъ, какъ узнавать Плаутовы забавныя зрѣлища [комедіи]; *потому что подъ именемъ его находятся безъ разбору истинныя и ложныя: и притомъ что Плаутъ на мѣльницѣ, а Невій писалъ комедіи въ тюрмѣ.*

За справедливое признаю, что нѣкоторые довольно ученые люди, многія Плаутовы забавныя зрѣлища съ любопытствомъ и вниманіемъ читавшіе говорятъ, что они не Еліевымъ, ни Акціевымъ, ни Манилієвымъ на тѣ комедіи, которыя называются сумнительными, оглавленіямъ хотятъ вѣрить, но самому Плауту и свойству разума и роду рѣчи его. Ибо мы видимъ, что и Варронъ употреблялъ сей обрядъ разсужденія. Потому что кромѣ оныхъ двадцати одной называемыхъ Варроновыми, которыя онъ для того отъ прочихъ отдѣлилъ, что они несумнительны были, но по согласію всѣхъ почитались Плаутовыми, онъ нѣкоторыя другія одобрилъ, убѣжденъ

будучи слогомъ и забавностію рѣчей сходною съ Плаутомъ, и оныя, названныя уже именами другихъ, присвоилъ Плауту; какъ и ту, которую мы очень не давно читали, называемую *Boeotia*. Ибо хотя она въ числѣ оныхъ дватцати одной не находится, и почитается за Аквиліеву; однако Варронъ ни мало не усумнился, чтобы она не была Плаутова; да и всякъ другой часто читающій Плаута не будетъ сумнѣваться, естьли прочитаетъ хотя одни слѣдующіе изъ оной комедіи стихи, которые поелику, сказать по его, *песьма Плаутовы суть*, то я ихъ припомнилъ и приложилъ при семъ. Тамъ голодный объѣдало говоритъ слѣдующее:

Ut illum di perdant, primus qui horas repperit,
Quique adeo primus ſtatuit hic ſolarium.
Qui mihi comminuit miſero articulatim diem.
Nam me puero uterus erat ſolarium
Multo omnium iſtorum optumum et veriſſimum,
Ubi ubi iſte monebat eſſe, niſi quum nihil erat.
Nunc etiam quod eſt, non eſt, niſi ſoli lubet.
Itaque adeo oppletum eſt oppidum ſolariis.
Maior pars populi aridi reptant fame.

то есть.

Пропади тотъ, кто первый изобрѣлъ часы,
И кто первый поставилъ здѣсь солнечные часы,
Кто мнѣ бѣдному раздѣлилъ день на мѣлкія части.
Ибо въ ребячествѣ моемъ брюхо было часами
Всѣхъ сихъ гораздо лучшими и вѣрнѣйшими.
Когда оно хотѣло ѣсть, тогда и ѣли, развѣ кому нечего было.

А нынѣ хоть и есть что ѣсть, однако не ѣдятъ, когда солнце не хочетъ.
И такъ когда городъ сталъ весьма наполненъ часами.
Большая половина народа ползаетъ съ голоду отощавши.

И Фаворинъ нашъ, когда читалъ Плаутову *Нрпоӑарію*, почитавшуюся между неизвѣстными, и увидѣлъ въ оной комедіи слѣдующій стихъ,

Scrattæ, ſcrupedæ, ſtrictiuillæ, ſordidæ:

то любуясь забавною древностію словъ означающихъ пороки и безобразія любодѣицъ, сказалъ: *Одинъ сей стихъ дополно можетъ увѣрить, что сія комедія есть Плаутова.* Да и самъ я весьма не давно читавши *Fretum* [такъ называется комедія, которую не почитаютъ нѣкоторые за Плаутову] ни мало не усумнился, чтобы она не Плаутова была, и наипаче всѣхъ ему свойственнѣйшая. Изъ которой я слѣдующіе два стиха выписалъ для того, чтобы изыскать повѣсть о рогатомъ отвѣтѣ.

- - - - - *Nunc illud eſt.*
Quod arietinum reſponſum magnis ludis dicitur:
Peribo, ſi non fecero: ſi faxo, vapulabo.

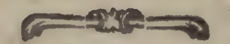
то есть.

- - - *Теперь то,*
Что съ великою шуткою называется рогатымъ отвѣтомъ:
Пропаду, ежели не сдѣлаю: естьли же сдѣлаю, то битъ буду.

А Маркъ Варронъ въ книгѣ первой о Плаутовыхъ забавныхъ зрѣлищахъ слѣдующія по-

полагаетъ Акціевы слова: *Ибо ни Gemini, ни Leones, ни Condalium, ни Anus, ни Bis, compressa, ни Bœotia, и ни Ἄγροικος, ниже Commorientes когда нибудь были Плаутіоны: но М. Акилія.* Въ той же Варроновой книгѣ написано и то, что былъ Плаутій нѣкоторый стихотворецъ комическій, котораго комедіи поелику надписаны были, *Комедіи Плаутіоны*, то и приняты были какбы Плаутовы, когда они не отъ Плаута были Плаутовы, но отъ Плаутіа Плаутіевы. Находятся же подъ именемъ Плаута около ста тритцати комедій: но весьма ученый человѣкъ Л. Елій принялъ за его только дватцать пять. Однако несумнительно, что и тѣ, которыя не отъ Плаута написанными кажутся, и ему приписываются, были древнихъ стихотворцовъ, и отъ него пересмотрены, и потому слогъ Плаутовъ показываютъ. Но что касается до *Сатуріона* и *Аддикта* и до нѣкоторой третіей, которой названія теперь я не упомню, то Варронъ и многіе другіе объявляютъ, что онъ писалъ ихъ на мѣльницѣ, когда все имѣніе, которое снискалъ трудами позорищныхъ представлятелей, истратившы въ торговляхъ, безденеженъ шелъ назадъ въ Римъ; и для пропитанія нанялся у мѣльника работать на мѣльницѣ называемой *ручною*: какъ и о Невіи я слышалъ, что онъ въ тюрьмѣ написалъ двѣ комедіи *Гаріола* и *Леонта*; когда за всегдашнее злословіе и

уко-

укоризны градоначальникамъ, по обыкновенію Греческихъ стихотворцевъ говоренныя, отъ (1) Тріумвировъ въ Римѣ посаженъ былъ въ тюрьму. Изъ которой послѣ отъ народныхъ Трибуновъ выпущенъ, когда въ вышеобъявленныхъ комедіяхъ свои погрѣшности и дерзкія слова, которыми онъ многихъ оскорблялъ, вычернилъ.

ГЛАВА 4.

О томъ, что П. Африканъ и другіе въ то время знатные мужи прежде старости обычай имѣли брить бороду и щеки.

Въ книгахъ, о жизни П. Сципіона Африканскаго сочиненныхъ, нашелъ я написано, что П. Сципіонъ Павловъ сынъ, послѣ своего надъ Карѳагенцами торжествованія и цензорства, на судъ былъ позванъ предъ народъ отъ Клавдія Аселла народнаго Трибу

бу

---

(1) *Тріумвировъ*] Которые судьями уголовныхъ дѣлъ отъ Саллустія называются, и сперва сдѣланы въ консульство М. Курія Дентата и П. Руфина, какъ видно изъ Ливіевой девятой книги. Они подозрительныхъ въ злодѣяніи сыскивали, и брали подъ стражу, были стражи темницъ, и отъ Претора осужденныхъ въ темницѣ предавали палачу на умерщвленіе. И притомъ сами о преступленіи тѣхъ, которые не будучи Римскими гражданами, однако жили въ Римѣ, также простыхъ людей судили, и обличенныхъ въ преступленіи наказывали, суды же оныя на Римской площади у Меніева столба отправляли. Они же собирали деньги налагаемыя на другихъ въ наказаніе.

буна, у котораго онъ (1) во время своего ценсорства отнялъ лошадь: и будучи виноватымъ не пересталъ бришь бороду, ни въ чистое платье одѣваться, (2) ниже обыкновенную виноватымъ употреблялъ одежду. Но какъ я узналъ, что въ то время Сципіонъ младшій былъ сорока лѣтъ, то удивлялся, что такъ (3) о бритіи бороды написано. Увѣдомился же, что въ тѣ же вре-

(1) *Во время своего ценсорства отнялъ лошадь*] При общенародномъ пересмотрѣ всадниковъ было въ обычаи, что всадники ведучи рукою каждый свою лошадь приходили къ стулу Ценсоровъ: естьли будетъ оная одобрена, то обыкновеннымъ словомъ приказывали проходить мимо; въ противномъ же случаѣ отнимали лошадь, и приказывали продавать.

(2) *Ниже обыкновенную виноватымъ употреблялъ одежду*] Ибо виноватые переодѣвшись въ рубище, и распустивши волосы обыкновенно преклоняли народъ къ милосердію. И такъ не брили бороды или волосъ, и не въ чистое, но въ худое платье сами виноватые и сродники ихъ во время вины одѣвались. И что здѣсь Геллій о Сципіонѣ Емиліанѣ, то Плутархъ о Макрѣ, Валерій Максимъ о Рутиліи объявляютъ, что они ни платья не перемѣняли, ни бороды не отпускали.

(3) *О бритіи бороды*] Въ древнія времена не брились Римлянѣ. Въ лѣто почти 454 отъ созданія Рима сперва допустили бритовщиковъ Сицилійскихъ, какъ пишетъ Плиній кн. 7. *Естест. Истор.* И такъ мущины были безъ бородъ, какъ видно изъ монетъ и изъ другихъ достопамятностей. Первый Адріанъ перемѣнилъ сей обычай, какъ явствуетъ изъ Ксифилина, Спартіана *въ Жизни Адріановой*, и на деньгахъ. А Цицеронъ объявляетъ, что молодые люди имѣли бороды. И такъ удивляется Геллій, что Сципіонъ будучи уже сорока лѣтъ брилъ бороду. Которые же не растили бороды, тѣ или брились, или мазью сгоняли волосы.

времена и другіе знатные мужи въ такія лѣта брили бороду: и потому мы многія изображенія древнихъ не очень старыхъ, но въ среднихъ лѣтахъ видимъ сдѣланныя безъ бородъ.

ГЛАВА 5.

Нѣкто отъ Арцесилая философа язвительно и притомъ забавно укоренъ въ порокѣ роскоши и въ нѣжности глазъ и тѣла.

Плутархъ объявляетъ, что Арцесилай философъ жестоко сказалъ о нѣкоемъ весьма нѣжномъ богачѣ, котораго однако чистымъ, непорочнымъ и весьма цѣломудреннымъ называли. Ибо онъ услышавъ его слабый голосъ, и увидѣвъ искусно убранныя волосы, рѣзвые и прелести и любострастія наполненные глаза, сказалъ: *Все равно, по которымъ вы членамъ вы любодѣйны ни были, хотя по заднимъ, хотя по переднимъ.*

ГЛАВА 6.

О силѣ и свойствѣ дерева пальмы; что оно противится положенной на себя тяжести.

Удивительное истинно дѣло Аристотель въ седмой книгѣ *Проблемъ* и Плутархъ въ осмой книгѣ *Симпосіаковъ* объявляютъ. Естьли, говорятъ они, на пальмовое дерево положишь великую тяжесть, и столь мно-

много обременишъ оное, что великость тяжести сдержаться не можетъ; то пальма не внизъ нагибается, и не преклоняется къ землѣ, но востаетъ противъ тяжести, и поднимается къ верху. „Для того, говоритъ „Плутархъ, въ сраженіяхъ разсудили пальмѣ „быть знакомъ побѣды; понеже свойство се„го дерева есть такое, что всему давящему „и угнѣтающему оное не уступаетъ.

ГЛАВА 7.

Повѣсть взятая изъ лѣтописца о К. Цедиціи воинскомъ Трибунѣ: и присоединенныя изъ книги Началъ М. Катона слова, которыми онъ храбрость Цедиція сравниваетъ съ храбростію Спартанскаго Леонида.

Превосходное, Боже мой! дѣло и величественности Греческаго краснорѣчія достойное, М. Катонъ въ книгахъ *Началъ* о К. Цедиціи воинскомъ Трибунѣ написалъ. Оное почти слѣдующаго есть содержанія. Главный военачальникъ Кареагенскій въ Сициліи, въ первую Кареагенскую войну, выходилъ противъ войска Римскаго, и прежде захватилъ холмы и мѣста способныя. Воины Римскіе по произшествіи семъ попадаютъ на мѣсто опасности и погибели подверженное. Трибунъ приходитъ къ Консулу; объявляетъ ему о наступающей погибели по невыгодности мѣста и по окруже-

нію

нію непріятелей. Я, говоритъ, естьли ты хочешь сохранить войско, думаю, что заблаговременно надобно тебѣ послать нѣкоторыхъ четыреста воиновъ къ тому холму, и приказать, чтобы они заняли оной: непріятели какъ скоро сіе подлинно увидятъ, то всякій самый храбрый и самый проворный изъ нихъ на сраженіе противъ ихъ вытти предускорятъ, и къ одному оному дѣлу себя привяжутъ: и безъ сумнѣнія оные четыреста человѣкъ всѣ побиты будутъ. А ты между тѣмъ, пока непріятели въ томъ сраженіи находятся, будешь имѣть время вывести войско изъ сего мѣста. Другаго кромѣ сего нѣтъ никакого способа ко спасенію. Консулъ Трибуну отвѣтствуетъ, что сей совѣтъ кажется ему надеженъ и предусмотрителенъ: но кто, говоритъ, сихъ четыреста воиновъ поведетъ къ тому мѣсту во многолюдное непріятельское сборище. Естьли другаго, говоритъ Трибунъ, никого не находишь, то хотя меня употреби въ сію опасность: я за тебя и за общество умираю. Консулъ Трибуна поблагодарилъ и похвалилъ. Трибунъ съ четырью стами идетъ на смерть. Непріятели удивляются ихъ смѣлости, и ждутъ, куда они пойдутъ. Но какъ увидѣли, что они идутъ занять тотже холмъ; то главный Карѳагенскій военачальникъ отправляетъ противъ ихъ самыхъ храбрыхъ воиновъ изъ конницы и пѣхоты своего вой-

ска.

ска. Римскихъ воиновъ окружаютъ; они окружены будучи отбиваются. Долго стоитъ сраженіе сумнительно. Потомъ превозмогаетъ множество. Четыреста человѣкъ всѣ на голову переколотые и стрѣлами засыпанные умираютъ. Между тѣмъ Консулъ въ продолженіе сего сраженія ушелъ на мѣста безопасныя и высокія. Но что съ онымъ Трибуномъ предводившимъ четыреста воиновъ боги сдѣлали въ томъ сраженіи, о томъ я не свои уже, но Катоновы слова предложилъ. Слова Катоновы суть слѣдующія: *Безсмертные боги воинскому Трибуну по его храбрости даровали щастіе. Ибо такъ случилось, что онъ многоразлично будучи раненъ, ни одной раны не получилъ въ голову: и какъ между мертвыми нашли его израненнаго и едва дыханіе имѣющаго, потому что онъ обагренъ былъ кровію, то подняли его. Послѣ чего онъ выздоровѣвши часто для общества оказывалъ сильные и мужественные подвиги: и чрезъ то, что онъ тѣхъ воиновъ подвергнулъ погибели, сохранилъ все прочее воинство. Но весьма нужно то, сколь за велико почесть оное благодѣяніе. Повѣствуютъ о Леонидѣ Лакедемонскомъ, что онъ сему подобное учинилъ при Ѳермопилахъ. За храбрость его отъ всей Греціи въ прославленіе и особенную благодарность поставлены для вѣчной памяти столпы и изваянныя изображенія, и украшены похвальными надписями, повѣстями*

и

и другими вещами доказывающими, что оное его дѣло Греція почла за самое пріятное. Но воинскому Трибуну за его дѣла малая оставлена похвала, который то же сдѣлалъ, и сверхъ того сохранилъ еще войско. Таковымъ свидѣтельствомъ М. Катонъ почтилъ сію К. Цедиція храбрость. А. Клавдій Квадригарій въ третіей книгѣ лѣтописца объявляетъ, что сей Трибунъ назывался не Цедиціемъ, но Валеріемъ.

ГЛАВА 8.

К. Фабриція и К. Емилія Консуловъ изрядное письмо къ царю Пирргу отъ К. Клавдія писателя повѣстей упоминаемое.

Когда царь (1) Пирргъ будучи въ Италіи, (2) два сраженія имѣлъ съ успѣхомъ, отъ чего Римлянѣ были въ безпокойствѣ и большая часть Италіи передалась къ царю: то нѣкто Амбраціанинъ Тимохаръ, другъ царя Пиррга, пришедши потаенно къ К. Фабрицію Консулу, просилъ награжденія; и

(1) *Пирргъ*] Который отъ Тарентинцовъ будучи позванъ въ Италію противъ Римлянъ, съ различнымъ успѣхомъ имѣлъ сраженія. Смотри Плутарха въ Пирргѣ, и Іустина кн. 18. гл. 1. и Флора кн. 1. гл. 18.

(2) *Два сраженія*] Сіе, по свидѣтельству Плутарха, случилось послѣ перваго, которое съ обоихъ сторонъ будучи весьма кровопролитно, Пирргу находившемуся въ опасности уступило побѣду. И такъ послѣ сего сраженія произошло Тимохарово злодѣяніе. Первое же сраженіе случилось между Пандосіею и Гераклеею у рѣки Сира. Другое у Аскула, гдѣ опять побѣдилъ Пирргъ.

естьли о томъ онъ договорится, то обѣщался царя отравить ядомъ: и говорилъ, что сіе легко сдѣлать можно, потому что его сыновья царю при столѣ подаютъ напитки. Фабрицій о семъ отписалъ въ Сенатъ. Сенатъ къ царю отправилъ пословъ; и приказалъ ничего не говорить о Тимохарѣ, а сказать только, чтобы царь поступалъ осторожнѣе, и охранялъ бы здравіе отъ подъисковъ своихъ ближнихъ. Такъ сіе, какъ я объявилъ, написано въ повѣсти Валерія Антіата. А Квадригарій въ третіей книгѣ написалъ, что не Тимохаръ, но Ницій пришелъ къ Консулу; и послы не отъ Сената отправлены, но отъ Консуловъ, и что царь народу Римскому писалъ похвалу и благодарность, притомъ всѣхъ плѣнниковъ, которыхъ онъ тогда имѣлъ, одѣвъ отпустилъ. Консулами тогда были К. Фабрицій и К. Емилій. Клавдій Квадригарій написалъ, что письмо, которое о томъ дѣлѣ послали Консулы къ царю Пирргу, было написано слѣдующимъ образомъ: *Консулы Римскіе царю Пирргу здравія желаютъ. Мы за твои обиды, никогда не оставляя своего мужества, непріятельски съ тобою воевать стараемся. Но для общаго примѣра и вѣрности разсудили сохранить твою жизнь; дабы было намъ кого побѣдить оружіемъ. Пришелъ къ намъ Ницій твой другъ просить у насъ себѣ награжденія за то, естьли тайно тебя умертвитъ. Мы сказали,*

ли, что не хотимъ того; и чтобы онъ за то никакого себѣ не ожидалъ прибытка: а притомъ разсудили тебѣ о семъ объявить; дабы, естьли что случится такое, не подумали города, что сіе нашимъ умысломъ сдѣлано. И что мы не хотимъ цѣною или наградою или коварствомъ побѣждать. Ежели ты не остережешся, то лишишся жизни.

ГЛАВА 9.

Кто и каковъ былъ употребляемый въ пословицѣ Сеевъ конь, и какой цвѣтъ коней называемыхъ spadices: *и о причинѣ сего названія.*

Гавій Бассъ въ своихъ запискахъ, также Юлій Модестъ во второй книгѣ *Смѣшенныхъ вопросовъ* объявляютъ о конѣ Сеевомъ повѣсть достопамятную и удивительную. Они пишутъ, что былъ нѣкто Кн. Сеій, и имѣлъ коня (1) въ Аргосѣ Греческомъ городѣ родившагося: о которомъ постоянный носился слухъ, что онъ былъ изъ рода коней (2) Діомида Ѳракійскаго; которыхъ Геркулесъ, убивъ Діомида, изъ Ѳракіи привелъ въ Аргосъ. Сказываютъ, что тотъ

Л 2 конь

---

(1) *Въ Аргосѣ*] Разумѣетъ Аргосъ Конскій славный городъ въ Пелопоннезѣ.

(2) *Діомида Ѳракійскаго*] Который Ѳракійскій царь кормивъ лошадей, какъ повѣствуется въ басняхъ, человѣческимъ мясомъ умерщвляя въ своей землѣ пришельцовъ, отъ Геркулеса брошенъ на съѣденіе лошадямъ.

конь былъ величины чрезвычайной, шею имѣлъ высокую, цвѣтомъ рудожелтъ [colore phaeniceo] съ цвѣтною косматою гривою; и всѣми другими конскими добротами гораздо былъ превосходенъ: но говорятъ, что сей конь такую имѣлъ нещастливую судьбу, что кто ни имѣлъ его у себя, со всѣмъ домомъ, поколѣніемъ и со всѣмъ имѣніемъ своимъ погибалъ и истребляемъ былъ. И такъ первый оный К. Сеій его хозяинъ отъ М. Антонія, бывшаго послѣ Тріумвиромъ правленія республики, осужденъ будучи на смерть жалостную принялъ казнь: въ то же время Корнелій Долабелла Консулъ, ѣдучи въ Сирію и побужденъ будучи славою о семъ конѣ заѣхалъ въ Аргосъ; и возгорѣвъ желаніемъ имѣть его у себя купилъ за сто тысячь сестерціевъ [двѣ тысячи рублей]; но и оный Долабелла въ Сиріи во время междоусобной войны осажденъ и убитъ: вскорѣ того же Долабеллина бывшаго коня взялъ Кассій осадившій Долабеллу. Потомъ довольно извѣстно, что тотъ Кассій по укрощеніи мятежниковъ и по разбитіи своего войска бѣдственную принялъ смерть: наконецъ Антоній по смерти Кассіевой одержавъ побѣду, отъискалъ знатнаго онаго Кассіева коня: и какъ получилъ его, то и самъ послѣ побѣжденъ, и оставленъ будучи отъ своихъ весьма нещастную имѣлъ кончину. Оттуда произошла и вошла въ обыкновеніе слѣдующая о нещастливыхъ людяхъ

дяхъ пословица; *Этотъ человѣкъ имѣетъ Сеѣва коня.* Въ такой же силѣ слышалъ я и слѣдующую древнюю пословицу: *Ѳолосанское золото.* Ибо когда К. Цепіонъ Консулъ разорялъ въ Галліи Ѳолосанскій городъ, въ храмахъ котораго много было золота, то кто во время того разоренія ни прикоснулся къ оному золоту, бѣдственною и мучительною погибъ кончиною. Габій Бассъ объявляетъ, что онъ въ Аргосѣ видѣлъ сего коня невѣроятной красоты, бодрости и цвѣта превосходнаго. Который цвѣтъ Латины, какъ я сказалъ, phaeniceum, а Греки иные *φοίνικα*, иные *σπάδικα* называютъ: понеже пальмовый сукъ отломленный съ плодомъ отъ дерева называется spadix.

ГЛАВА 10.

О томъ, что по многихъ естественныхъ вещахъ примѣчена нѣкоторая седмеричного числа сила и могущество, о которомъ М. Варронъ въ Седмицахъ [Hebdomadibus] *пространно разсуждаетъ.*

М. Варронъ въ первой книгѣ изъ тѣхъ, которыхъ надписаніе *Седмицы или о Изображеніяхъ*, объявляетъ, что седмеричное число, которое Греки *ἑβδομάδα* называютъ, многоразличную имѣетъ (1) силу и могущество. *Ибо сіе число*, говоритъ онъ, *про-*

(1) *Силу и могущество*] Понеже то есть Пиѳагоръ и Ариѳметики и музыканты почитали сіе число совершеннымъ, какъ и Цицеронъ подтверждаетъ въ *Снопи-*

производитъ на небѣ большее и меньшее седмозвѣздіе, также созвѣздіе называемое πλειάδες. Оно равнымъ образомъ производитъ и звѣзды называемыя блудящими. Притомъ, говоритъ, *круговъ на небѣ около долготы оси седмь: изъ которыхъ два самые малые касающіеся самаго края оси называются полусами; но оные на ша-*

видѣніи Сципіоновомъ, и для того отъ весьма многихъ заключено подобное. Сіе число называли и дѣвицею потому что ни оно раждаетъ изъ себя другое, ни само раждается отъ другаго. Орибасій на Иппократа Афорисмъ кн. 2. Афор. 22. Седмеричное число наипаче обращается въ счисленіи ариѳметическомъ и въ опредѣлительныхъ дняхъ, понеже содержитъ въ себѣ равное и неравное: и одно въ десяткѣ ни раждаетъ, ни раждается, когда другія либо раждаютъ, либо раждаются. Подобное сему имѣетъ Іероклъ на Золотые стихи, Филонъ о Строеніи міра и другіе. А по какой причинѣ оное число назвали Дѣвицею, по такой и Минервою, какъ Халцидій въ Толкованіи на Тимея Платонова, Евлогій въ Сновидѣніи Сципіоновомъ и другіе древніе свидѣтельствуютъ. Да и въ священномъ писаніи седмый день освященный и седмижды седмое лѣто называемое лѣтомъ оставленія, было въ почтеніи. И какъ въ седмый день совершенъ міръ, и почилъ Богъ отъ дѣлъ своихъ, почему онъ и священнымъ почтенъ; такъ Іосифъ противъ Аппіона, и Филонъ утверждаетъ, что сей день не въ одномъ городѣ или странѣ, но вездѣ у всѣхъ былъ праздникомъ. И Діонъ Кассій кн. 32. свидѣтельствуетъ, что обычай считать по седми днямъ отъ Египтянъ произшелъ во всѣ народы, и Иродотъ утверждаетъ его за самый древній кн. 2. И такъ почитаніе седмеричнаго числа, которое Бл. Іеронимъ называетъ таинственнымъ, по видимому получило свое начало по преданію изъ священнаго писанія, о чемъ изъ многихъ въ писаніи мѣстъ доказательства привести можно.

шарѣ называемомъ κρικώτη [изъ колецъ или круговъ составленный], для крѣпкости не находятся. Но и самый Зодіакъ имѣетъ седмеричное число. Ибо (2) въ седмомъ знакѣ отъ зимняго солнечнаго возврата бываетъ возвратъ лѣтній, въ седмомъ и отъ лѣтняго возврата бываетъ возвратъ зимній. Въ седмомъ отъ равноденствія равноденствіе. Напослѣдокъ, говоритъ, и тѣхъ дней седмь, въ которые Алкіоны зимою на водѣ вьютъ гнѣзда. Сверхъ сего, пишетъ, что теченіе луны совершается въ цѣлые четырежды седмь дней. Ибо, говоритъ, въ двадцать осмый день луна возвращается тудаже, откуда вышла. И что мнѣніе сіе первому приписывается Аристиду Самійскому: въ чемъ, говоритъ, не то только примѣчать должно, что въ четырежды седмь, т. е. въ двадцать восемь дней луна совершаетъ свое теченіе; но что седмеричное то число, когда начавшись съ

Л 4 еди-

(2) *Въ седмомъ знакѣ*] Надобно сіе разумѣть по древнему общенародному счисленію. Когда говорятъ; *въ седмомъ знакѣ отъ зимняго солнечнаго возврата бываетъ возвратъ лѣтній*, то означаютъ первый знакъ, въ которомъ бываетъ возвратъ лѣтній; последній, въ которомъ возвратъ зимній и на оборотъ. Лѣтній возвратъ бываетъ, когда солнце взойдетъ въ знакъ козерога. И такъ отъ возврата лѣтняго до зимняго знаки суть *Ракъ*, *Левъ*, *Дѣвица*, *Вѣсы*, *Скорпіонъ*, *Стрѣлецъ*, *Козерогъ*. Равнымъ образомъ отъ зимняго возврата до лѣтняго, *Козерогъ*, *Водолей*, *Рыбы*, *Овенъ*, *Телецъ*, *Близнецы*, *Ракъ*. Такимъ же образомъ могутъ считаться и мѣсяцы. И сіе всегдашнее было обыкновеніе у древнихъ.

единицы доходитъ до себя самаго, (3) естьли всѣ числа, по которымъ оно прошло, соединитъ и само будетъ приложено, сдѣлаетъ число двадцати осьми сколько есть дней, теченія луннаго. Да и до рожденія, говоритъ, людей сего числа сила простирается и касается: ибо когда въ чрево, говоритъ, женщины взойдетъ дѣтородное сѣмя; то въ первые седмъ дней свертывается и сгущается, и дѣлается способнымъ къ принятію вида. Потомъ въ четвертую седмицу, когда изъ онаго имѣетъ быть мужескій полъ, (4) голова и спинная кость изображается. А въ седмую

(3) *Всѣ числа и пр.*] И единицу, хотя она не есть число, но начало числа. Ибо единъ, два, три, и четыре дѣлаютъ десять: и пять, шесть, и седмь дѣлаютъ осмнатцать: которыя всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ двадцать восемь. Сіе также по случаю замѣтить надлежитъ, что во всякомъ счисленіи первые четыре составляютъ своего рода десятокъ, какъ 1. 2. 3. 4. десять; 10. 20. 30. 40. сто, 100. 200. 300. 400, тысячу и такъ далѣе.

(4) *Голова и спинная кость*] Думаетъ здѣсь Варронъ, что седмеричное число и въ рожденіи младенца имѣетъ силу и дѣйствіе, и что младенецъ раждается по частямъ. У древнихъ о рожденіи человѣка различныя были мнѣнія. Аристотель кн. 3. *о Част. живот.* кн. 4. думаетъ, что прежде всего производится сердце, которое содержитъ наипаче человѣческую жизнь. Иппонъ и Алкмеонъ доказываютъ, что голова, по свидѣтельству Плутарха кн. 5. *de Plac. Phil.* гл. 17. Галенъ *de Faet Form.* гл. 4. полагаетъ, что первое основаніе раждающагося младенца есть печень. Иппократъ гл. 1. περὶ Διαίτης и съ нимъ Стоики утверждаютъ, что всѣ члены вмѣстѣ производятся, по свидѣтельству Цицерона.

седмую почти седмицу, т. е. въ сорокъ девятый день весь, говоритъ, человѣкъ во чревѣ совершается. Притомъ, объявляетъ, *что и такая сего числа примѣчена сила, что прежде седмаго мѣсяца ни мужескій полъ, ни женскій здраво и по естеству родиться неможетъ; и что тѣ, которые самое настоящее время выпаютъ во чревѣ, во двухъ стахъ седмидесяти трехъ дняхъ своего зачатія, въ сороковую седмицу такъ раждаются.* Также утверждаетъ онъ, *что вся-кія тягчайшія для жизни и благополучія человѣческаго опасности, отъ Халдеевъ называемыя* (5) *Климактерами [по степенямъ восходящими], выпаютъ въ седмеричныя числа. Сверхъ сего*, говоритъ, *самая большая мѣра человѣческаго роста есть седмь стопъ.* Я сіе больше почитаю за справедливое, нежели то, что (6) Иродотъ человѣкъ басно-

Л 5 сло-

(5) *Климактерами*] Климактеровъ суть два рода: ибо они суть либо ἑβδοματικοὶ, [состоящіе изъ седмеричнаго числа] либо ἐννεατικοὶ, [состоящіе изъ числа девятичнаго.] Фирм. кн. 4. гл. 14. О годѣ Климактерическомъ шестьдесятъ третьемъ разсуждаетъ и Геллій кн. 15. гл. 7. въ которомъ, по свидѣтельству Юлія Матерна, особенныя усматриваются опасности, поне-же оба числа седмь и девять суть опредѣлительныя и вредительныя, и имѣя силу прекращать жизнь какбы въ едино стекаются. Но сіе можно почесть за сумозбродство древнихъ. Богъ властію своею все управляетъ.

(6) *Иродотъ человѣкъ баснословный*] Такъ древніе и многіе новѣйшіе его почитали. Елій Гарпократіонъ древле о вымышленномъ Иродотовомъ повѣствованіи на-

[illegible]енный въ первой книгѣ повѣстей написалъ, будто найдено подъ землею (7) Орестово тѣло долготою въ седмь локтей; которые дѣлаютъ двенатцать стопъ съ чет-

написалъ цѣлую книгу по свидѣтельству Суида. Да и Страбонъ обличаетъ его во лжи въ посл. кн. своей Географіи. Іосифъ кн. 1 противъ Аппіона почитаетъ его больше ошибавшимся. Однако смотри Г. Стефаново защищеніе Иродота.

(7) *Орестово тѣло*] Не надобно было здѣсь Иродота обвинять во лжи, когда изъ древней и новѣйшей исторіи несумнительно, что были люди великотѣлесны. Однако многое смѣшано съ баснями. Священное писаніе Числ. гл. 13. ст. 29. 34. утверждаетъ, что сыновья Анаковы были исполины, и земля Васанъ называлась землею исполиновъ, какъ пишетъ *Второзак.* гл. 3. ст. 13. Тоя же гл. въ ст. 11. описывается и величина одра царя Васанскаго. *Се одръ его, одръ желѣзенъ, се той есть въ краеградіи сыновъ Аммановыхъ: девять локотъ долгота его, и четыре лакти широта его лактемъ мужескимъ.* Сверхъ сего многое другое несосвоятельное о семъ же исполинѣ объявляютъ Іудеи, о которомъ скучно и напоминать. Да несправедливѣе и то, что нѣкоторые древніе писатели упоминали. Ибо о найденныхъ костяхъ великихъ исполиновъ многаго допустить не можно. Потому что оныя кости по большей части выкапываются изъ песковъ и изъ другихъ приморскихъ мѣстъ, которыя можетъ быть были кости морскихъ звѣрей по какому нибудь случаю тамъ зарытыя. И не можно найти человѣка достовѣрнаго, который бы самъ видѣлъ сдѣланныя могилы. Светоній въ нѣкоторомъ мѣстѣ сказалъ, что на островѣ Капреѣ подлинно находятся великихъ звѣрей очень большіе члены, которые назывались костями великановъ. Такую же ошибку нашелъ Пейресцій, когда къ нему коренной, какъ онъ думалъ, человѣческой зубъ изъ Туниса прислалъ Іо. Аркосій, какъ свидѣтельствуетъ Гассендъ кн. 4. въ жизни Пейресція Сенатора Аквы Секстіенской.

четвертью: развѣ, по мнѣнію Омирову, древнихъ людей тѣла были больше и длиннѣе: а нынѣ какбы уже въ старости свѣта вещи и люди уменшились. *Притомъ*, говоритъ, *и зубы въ первые седмь мѣсяцовъ и по седми на обоихъ сторонахъ родятся и падаютъ на седмомъ году, и настоящіе выростаютъ почти на дважды седмомъ году. Также*, говоритъ, *врачующіе музыкою сказываютъ, что кровообращательныя и бьющіяся жилы* [venae et arteriae] *седмеричнымъ числомъ приводятся въ движеніе: которое они называютъ* τὴν διὰ τεσσάρων συμφωνίαν *согласіемъ по четыремъ, выводящимъ по сношеніи четверичнаго числа. При семъ думаетъ, что различныя опасности въ болѣзняхъ съ большимъ выпадаютъ усиліемъ по дни седмеричные: и что оные дни больше всѣхъ, по званію врачей*, κριτικοὶ ἢ κρισιμοὶ *судебными и опредѣлительными всякому кажутся, первая седмица и вторая и третія. Да и то принадлежитъ къ умноженію силы и мощности сего числа, что тѣ, которымъ опредѣляется съ голоду умирать, въ седмый наконецъ день умираютъ.* Сіе Варронъ о седмеричномъ числѣ написалъ весьма тщательно, но и другое къ тому жъ придаетъ нѣсколько слабое; както что седмь удивительныхъ дѣлъ находится въ свѣтѣ, и что древнихъ мудрецовъ было седмь, также разстояній на позорищныхъ играхъ обыкновенно было седмь, и для осады Ѳивъ выбраны бы-

были седмь предводителей. ПотомЪ придаетЪ, что и онЪ на двенатцатую уже лѣтЪ вступилЪ седмицу, и до того дня написалЪ книгЪ седмьдесятЪ седмицЪ: изЪ которыхЪ нѣкоторыя, когда онЪ посланЪ былЪ вЪ ссылку, по разграбленіи его книгохранительницы, пропали.

ГЛАВА II.

Какія и сколь неосновательныя Акцій вЪ учебныхЪ книгахЪ употребляетЪ доказательства, которыми старается доказать, что Исіодъ старѣе лѣтами Омира.

О лѣтахЪ Омира и Исіода говорятЪ несогласно. Иные, между которыми (1) ФилохорЪ и (2) КсенофанЪ, написали, что ОмирЪ лѣтами былЪ старѣе Исіода: другіе, между которыми Л. Акцій стихотворецЪ и (3) ЕфорЪ писатель исторіи, говорятЪ, что онЪ былЪ моложе. А МаркЪ ВарронЪ вЪ первой книгѣ о *ИзображеніяхЪ* говоритЪ, что

---

(1) *ФилохорЪ*] О которомЪ повсюду упоминаютЪ древніе писатели СтрабонЪ, ПлутархЪ, Лаертій вЪ Протагорѣ, ЕліанЪ и другіе. ОнЪ написалЪ повѣствованіе о *ДѣлахЪ АттическихЪ*, двѣ книги *Олимпіадъ* и нѣкоторыя другія.

(2) *КсенофанЪ*] Разумѣется, какЪ я думаю, КсенофанЪ Колофонискій, который противЪ Омира и Исіода написалЪ печальные Ямбическіе стихи. Смотри Діогена Лаертія.

(3) *ЕфорЪ*] ИсторикЪ, ИсократовЪ ученикЪ. СочинялЪ вЪ 30 книгахЪ Греческую исторію.

что мало извѣстно, кто прежде изъ нихъ родился; но безъ сумнѣнія жили они въ одно какое нибудь время; что доказывается изъ надписи положенной на треножникѣ, который, сказываютъ, на горѣ Геликонѣ отъ Исіода поставленъ. А Акцій въ первой *Учебной книгѣ* весьма слабыя приводитъ доказательства, которыми доказываетъ, что Исіодъ былъ лѣтами старѣе. *Понеже*, говоритъ, *Омиръ въ началѣ стиховъ объявляя, что Ахиллесъ былъ сынъ Пелеевъ, не сказалъ кто таковъ былъ Пелей. О чемъ*, говоритъ, *безъ сумнѣнія сказалъ бы онъ, естьли бы сіе отъ Исіода объявлено не было. Также и о Циклопѣ, и что наипаче онъ былъ одноглазый, не опустилъ бы онъ*, говоритъ, *толь знатной вещи, естьли бы подлинно сіе въ Исіодовыхъ стихахъ объявлено было.* Да и объ отечествѣ Омировомъ весьма много было несогласія. Иные говорятъ, что онъ былъ Колофонянинъ, иные, что Смирнянинъ, нѣкоторые почитаютъ его Аѳинейцомъ, а другіе Египтяниномъ; Аристотель объявляетъ, что онъ родился на островѣ Іосѣ. М. Варронъ въ первой книгѣ о *Изображеніяхъ*, къ Омирову изображенію слѣдующую приложилъ надпись:

Capella Homeri candida haec tumulum indicat:
Quod hac Ietae mortuo faciunt ſacra.

то есть.

Показываетъ гробъ сія коза Омировъ:
Что ею жертвуютъ умершему Іосцы.

Ἑπτὰ πόλεις διερίζουσι περὶ ῥίζαν Ὁμήρου.
Σμύρνα, Ῥόδος, Κολοφῶν, Σαλαμὶν, Ἴος Ἄργος,
Ἀθῆναι.

то есть.

Седмь спорятъ городовъ о произхожденіи Омира, Смирна, Родосъ, Колофонъ, Саламинъ, Iосъ, Аргосъ, Аѳины.

ГЛАВА 12.

Многопьющій и охотникъ пить отъ П. Нигидія весьма ученаго мужа новымъ и почти неупотребительнымъ словомъ названъ bibosus.

П. Нигидій въ грамматическихъ запискахъ охотника пить называетъ *bibacem* и *bibosum*. Я читалъ, что *bibax*, такъ какъ *edax* и отъ многихъ другихъ названъ. А слова *bibosus* нигдѣ еще не нашелъ, кромѣ Лаберія; да и другаго нѣтъ такого слова, которое бы подобнымъ образомъ говорилось. Ибо сему неподобно слово *vinosus* или *vitiosus*, и другія, которыя такимъ образомъ выговариваются: потому что они отъ именъ, а не отъ глаголовъ произведены. Лаберій въ забавномъ представленіи, надписанномъ *Salinator*, слово сіе употребляетъ слѣдующимъ образомъ:

Non *mammosa*, *non annosa*, *non bibosa*, *non procax*.

ГЛАВА

ГЛАВА 13.

О томъ, что Димосѳенъ въ юношествѣ учась у Платона философа, и по случаю услышавъ Каллистрата ритора въ собраніи народа говорившаго, отсталъ отъ Платона, и сталъ учиться у Каллистрата.

(1) Гермиппъ написалъ, что Димосѳенъ будучи очень молодъ ходилъ въ Академію, и учился у Платона. „Оный, говоритъ, Димосѳенъ когда вышедши изъ дому по обыкновенію своему шелъ къ Платону, и видѣвъ многихъ изъ народа стекающихся, спросилъ о причинѣ того, и увѣдомился, что они стекаются слушать Каллистрата. Сей Каллистратъ въ Аѳинахъ былъ общенароднымъ ораторомъ. Такихъ ораторовъ Греки называютъ δημαγωγοί [народоводители]. Разсудилось ему нѣсколько поворотить съ дороги и извѣдать, достойно ли то слушанія, къ чему съ толикимъ усердіемъ поспѣшали. Пришелъ, говоритъ, и слушалъ Каллистрата говорившаго, о знатномъ ономъ дѣлѣ, касающемся до города Оропа: чемъ такъ тронутъ, усражденъ и плѣненъ былъ, что съ тѣхъ поръ уже оставивъ Академію съ „Пла-

(1) *Гермиппъ*] Который написалъ *Жизни славныхъ мужей*, какъ изъ Лаертія въ Ѳалесѣ, и изъ Аѳенея во многихъ мѣстахъ видно. Плутархъ *въ Жизни Димосѳеновой* упоминаетъ, о чемъ и Гермиппъ изъ другихъ книгъ свидѣтельствуетъ, что Димосѳенъ Платоновъ былъ ученикъ.

„ Платономъ, сталъ учиться у Каллистра-
„ та.

ГЛАВА 14.

Кто говоритъ dimidium librum legi *или* dimidiam fabulam audiui *и другое сему подобное; тотъ говоритъ погрѣшительно, и погрѣшности сей М. Варронъ даетъ причины: притомъ никто изъ древнихъ сихъ словъ такимъ образомъ не употреблялъ.*

Варронъ почитаетъ, что худо и порочно говорить dimidium librum legi,
„ или dimidiam fabulam audiui: oportet enim, го-
„ воритъ онъ, dicere dimidiatum librum: non,
„ dimidium, et dimidiatam fabulam, non dimidiam.
„ Contra autem ſi ſextario hemina fuſa eſt, non di-
„ midiatum ſextarium fuſum dicendum: et qui ex
„ mille nummum, quod ei debebatur, quingentos
„ recepit, non dimidiatum recepiſſe dicemus, ſed di-
„ midium. At ſi ſcyphus, говоритъ, argenteus
„ mihi cum alio communis in duas partes diſſectus
„ ſit; dimidiatum eum dicere eſſe ſcyphum debeo,
„ non dimidium: argenti autem, quod in eo ſcypho
„ ineſt, dimidium meum eſſe, non dimidiatum. Притомъ весьма тонко разсуждаетъ и раздѣляетъ, какая разность есть между *dimidium* и *dimidiatum.* И объявляетъ, что разумно К. Енній въ лѣтописцѣ сказалъ слѣдующее:

Sicuti ſi quis ferat vas vini dimidiatum.

Какъ

Какъ часть, которой нѣтъ въ упоминаемомъ отъ него сосудѣ, не *dimidiata* должна названа быть, но *dimidia*. Всего же разсужденія его, которое онъ хотя искусно, но нѣсколько темно предлагаетъ, сила есть слѣдующая; *Dimidiatum* есть какбы *dismediatum*, et in partis duas pares diuisum. Слѣдовательно кромѣ того, что раздѣлено, непристойно называть dimidiatum. A *dimidium* не то, что само *dimidiatum* есть, но что есть другая часть *ex dimidiato*. И потому когда мы хотимъ сказать, что прочитали partem libri dimidiam, или partem dimidiam fabulae слышали: естьли *dimidiam fabulam*, или *dimidium librum* говоримъ, то погрѣшаемъ; понеже все то, что *dimidiatum* и раздѣлено есть, называешь dimidium. И такъ сему же слѣдуя Луцилій,

Uno oculo, говоритъ, *pedibusque duobus dimidiatus*
Ut porcus.

И на другомъ мѣстѣ.

Quidni? & scruta quidem ut vendat scrutarius laudat
Præfractam strigilem, soleam improbus dimidiatam.

A въ двадцатой книгѣ явнѣе уже старается избѣжать отъ изреченія *dimidia hora*: но вмѣсто *dimidia*, полагаетъ *dimidium* въ слѣдующихъ стихахъ.

Tempestate sua atque eodem uno tempore & horæ
Dimidio, & tribus confectis dumtaxat eamdem
Et quartam.

И когда скоро и близко надобно было сказать:

\- - - *Et hora*
Dimidia tribus confectis:
осторожно и внимательно неисправное слово переменилъ. Изъ чего довольно видно, что не право говорится и *hora dimidia*, но или *dimidiata hora*, или *dimidia pars horæ.* По сему Плаутъ *въ Вакхидахъ dimidium auri* говоритъ, не *dimidiatum aurum.* Также *въ Аплуларіи dimidium obſonii*, не *dimidiatum obſonium* въ слѣдующемъ стихѣ:

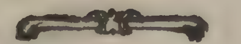
Ei adeo obſonii hinc iuſſit dimidium dari.

А *въ Менехмахъ dimidiatum diem*, не *dimidium* въ слѣдующемъ стихѣ:

Dies quidem iam ad umbilicum dimidiatus mortuu'ſt.

М. Катонъ въ книгѣ *о Землепашествѣ*: „Semen cupreſſi ſerito crebrum, ita uti linum ſeri „ſolet. Eo cribro terram inſternito, dimidiatum di„gitum. Iam id bene tabula aut pedibus aut ma„nibus complanato. Dimidiatum autem, говоритъ, „digitum, не dimidium. Ибо digiti *dimidium*, а ipſum digitum *dimidiatum* говорить должно. Также М. Катонъ о Карѳагенцахъ написалъ слѣдующее: „Homines defoderunt in terram di„midiatos, ignemque circumpoſuerunt. Ita inter„fecerunt. Да и никто изъ исправно говорившихъ не употреблялъ сихъ словъ иначе, нежели какъ я сказалъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 15.

Находится въ книгахъ и отъ памятующихъ объявляется, что нечаянная великая радость скоропостижную многимъ причинила смерть, когда захваченъ будетъ духъ и не стерпитъ силы великаго и новаго движенія.

Аристотель философъ объявляетъ, что на островѣ Haксѣ благородная женщина (1) Поликрита скоропостижно лишилась жизни услышавъ нечаянную радость. Да и Филиппидъ знатный комическій стихотворецъ, когда уже въ старости на споръ стихо-

 твор-

(1) *Поликрита*] Плутархъ въ книгѣ о *Доброд. жен.* повѣсть о сей женщинѣ пишетъ слѣдующимъ образомъ. „Когда была война между Милезцами и Наксіанцами, „Діогнетъ изъ крѣпости стоящей противъ Наксіанскаго города великую досталъ добычу, въ томъ числѣ благородныхъ женщинъ и дѣвицъ. Изъ оныхъ Поликриту, плѣненъ будучи любовію, имѣлъ онъ вмѣсто жены. Какъ въ стану Милезскомъ отправляемъ былъ праздникъ; то Поликрита, съ позволенія Діогнетова, послала къ братьямъ пироги, и между оными положила свинцовую дощечку, чрезъ которую дала знать Наксіанцамъ, чтобы они ночью напали на погребенныхъ въ піянствѣ и во снѣ непріятелей. „Сдѣлано сіе. И такъ по овладѣніи Наксіанцами крѣпости, и по умерщвленіи многихъ изъ непріятелей, „Поликрита прозьбою изпросила у гражданъ Діогнету жизнь. А сама при встрѣчаніи у воротъ гражданъ, „при подношеніи вѣнковъ, и при многой себѣ похвалѣ отъ великой радости въ самыхъ воротахъ пала „мертва. Такъ Наксійскіе повѣствописатели упоминаютъ. Но Аристотель, по свидѣтельству Плутарха, утверждаетъ, что Поликрита не была взята въ полонъ,

творцевъ сверхъ чаянія одержалъ побѣду, и весьма обрадовался; то въ оную самую радость скоропостижно умеръ. О Родійскомъ также Діагорѣ повѣсть извѣстна. Сей Діагоръ трехъ имѣлъ молодыхъ сыновъ одного бойца, другаго панкратиста, третьяго борца: и всѣхъ ихъ видѣлъ въ одинъ день побѣдившихъ и увѣнчанныхъ въ Олимпіи: и какъ тогда сіи три юноши его обнявши, и возложивъ вѣнцы свои на голову отца цѣловали, также народъ поздравляя со всѣхъ сторонъ бросалъ на него цвѣты. то онъ на томъ же самомъ мѣстѣ въ глазахъ народа, въ обьятіяхъ и цѣлованіяхъ сыновъ лишился жизни. Сверхъ сего читалъ я въ своемъ лѣтописцѣ, что въ то время, когда войско Римскаго народа разбито было при Каннахъ, одна старуха мать услышавъ вѣсть о смерти своего сына, печалилась и плакала, но сія вѣсть была несправедливая, и юноша оный спустя нѣсколько послѣ съ той войны возвратился въ Римъ: то старуха вдругъ увидѣвъ сына, множествомъ и силою и какбы стремленіемъ нечаянно нападшей радости подавлена будучи сдѣлалась бездыханна.

ГЛАВА

лонъ, но Діогнетъ, горя любовію къ ней, съ клятвою ей обѣщалъ все, чего она ни потребуетъ, ежели ея получитъ. Она попросила Делосскую крѣпость. Діогнетъ обѣщанное исполнилъ. И такимъ образомъ съ Милезцами заключенъ миръ.

ГЛАВА 16.

Какая разность времени отъ врачей и отъ философовъ примѣчена въ родинахъ женщинъ: при семъ древнихъ стихотворцовъ о томъ мнѣнія: сверхъ того многое другое слышанія и припамятованія достойное, и самыя слова Иппократа врача изятыя изъ его книги надписанной περὶ τροφῆς [*о Кормленіи.*]

Знатные врачи и философы о времени человѣческаго рожденія предлагали слѣдующій вопросъ, Πόσος ὁ τῆς τῶν ἀνθρώπων κυήσεως χρόνος. т. е. *Коликое время есть ношенія людей по чревѣ?* По мнѣнію многихъ, которое уже принято за истинное, человѣкъ, по принятіи женщиною сѣмени, рѣдко въ седмый, никогда въ осмый, часто въ девятый, а чаще въ десятый мѣсяцъ родится; и что главнымъ концемъ рожденія человѣка есть не начавшійся, но совершившійся десятый мѣсяцъ. Мы видимъ, что и Плаутъ древній стихотворецъ въ забавномъ зрѣлищи называемомъ *Cistellaria* говорилъ о семъ слѣдующими словами:

- - *Tum illa, quam compresserat,*
Decimo post mense exacto hic peperit filiam.

то есть.

- - *Тогда та, съ которою онъ имѣлъ соитіе,*
По прошествіи десяти мѣсяцовъ здѣсь родила дочь.

Сіе же самое объявляетъ и Менандръ стихотворецъ древнѣйшій, и въ человѣческихъ

мнѣніяхъ искуснѣйшій. Слова его о семъ изъ комедіи называемой *Plotium* я здѣсь положилъ:

Γυνὴ κυεῖ δεκάμηνος.

то есть.

Женщина раждаетъ въ десятый мѣсяцъ.

Но Цецилій сочинивъ подъ тѣмже именемъ и того же содержанія забавное зрѣлище, и многое взявъ изъ Менандра, въ счисленіи однако родинныхъ мѣсяцовъ не опустилъ осмаго, который пропустилъ Менандръ. Цециліевы слова суть слѣдующія:

Insoletne mulier decimo mense parere?
Pol nono, etiam septimo, atque octauo.

то есть.

Обыкновенно ли женщина раждетъ въ десятый мѣсяцъ?
Нѣтъ, иногда въ девятый, также въ седмый и осмый.

М. Варронъ увѣряетъ, что Цецилій небезосновательно сіе сказалъ, и небезразсудно не послѣдовалъ мнѣніямъ многихъ. Ибо онъ въ четвертой надесять книгѣ о *Дѣлахъ Божественныхъ* написалъ, что нѣкогда въ осмый мѣсяцъ родился младенецъ. Въ оной же книгѣ говоритъ онъ, что и въ одиннатцатый мѣсяцъ иногда человѣкъ родиться можетъ; и мнѣніе сіе, какъ объ осмомъ такъ и одиннатцатомъ мѣсяцѣ, первому приписываетъ Аристотелю. Но причину сего объ осмомъ мѣсяцѣ несогласія видѣть

мож-

можно (1) въ книгѣ Иппократовой, надписанной περὶ τροφῆς; изъ которой книги слова суть слѣдующія: ἐςὶ δὲ καὶ ὀυκ ἔςιν οκτάμηνος γένεσις. т. е. *А осмимѣсячное рожденіе и есть и нѣтъ.* Сіе столь темно, коротко, и столь противно сказанное Сабинъ врачь, весьма изрядныя на Иппократа сдѣлавшій примѣчанія, изъяснилъ слѣдующими словами: ἔτι μὲν Φαινόμενα ὡς ζῶα μετὰ τὴν ἔκτρωσιν. ὀυκ ἔςι δὲ, ὡς θνήσκοντα μετὰ ταῦτα. καὶ ἔςιν ὀυν Φαντασία μὲν παραυτίκα ὄντα, δυνάμει δὲ ὀυκ ἔςι. т. е. *Младенцы по изверженіи хотя кажутся быть живоπными, однако не сутъ. Ибо немѣдленно умираютъ послѣ того. И слѣдовательно только по мнѣнію нашему они существуютъ,*

 а

(1) *въ книгѣ Иппократовой, надписанной* περὶ τροφῆς] Иппократова книга περὶ τροφῆς, или о *Кормленіи* весьма коротка, и нѣтъ въ оной сихъ словъ, на которыя здѣсь ссылается Геллій. Предлагалъ Иппократъ различныя мнѣнія о времени рожденія, и говорилъ, что иные почитаютъ сего времени 210 дней; которые и дѣлаютъ седмь мѣсяцовъ, естьли кто по обыкновенію Египтянъ, которому всѣ почти тогда слѣдовали, положитъ каждый день въ 30 дней: иные 300, которые по тому же численію составляютъ десять мѣсяцовъ; иные наконецъ 240, которые по тому же численію дѣлаютъ восемь мѣсяцовъ. Потомъ къ послѣднему сему мнѣнію обращаясь говоритъ ἐςὶ καὶ ὀυκ ἐςὶ. Что значатъ сіи слова, того ни Мопсъ ниже Едипъ отгадать могъ. Но надобно читать по Геллію нашему ἐςὶ δὲ καὶ ὀυκ ἐςὶ, οκτάμηνος γένεσις т. е. *а осмимѣсячное рожденіе есть и нѣтъ,* и разумѣть такъ, что нѣкоторымъ образомъ осмимѣсячное рожденіе есть, и нѣкоторыхъ нѣтъ. Ибо можетъ женщина родить въ осмый мѣсяцъ, но младенецъ не живъ есть.

а самою пещію не суть. А древніе Римляне, говоритъ Варронъ, не приняли такихъ какбы чудовищныхъ рѣдкостей; и почитали что въ девятый мѣсяцъ или въ десятый а не въ другіе кромѣ сихъ какіе по естеству женскія роды бываютъ: и для того они имена тремъ судьбамъ дали отъ рожденія и отъ девятаго и десятаго мѣсяца. Ибо *Парка*, говоритъ, *съ перемѣною одной буквыназвана отъ partus [роды]: также Нона и Децима отъ времени рожденія въ надлежащую пору.* А Цеселлій Виндексъ въ книгѣ, называемой *Древнія чтенія*, говоритъ: *Три суть имени Паркъ, Нона, Децима, Морта*, и полагаетъ изъ *Одиссеи* Ливія древнѣйшаго стихотворца слѣдующій стихъ:

Quando dies adueniet, quem profata Morta est?

то есть.

Когда придетъ тотъ день, кой предсказала Морта?

Но Цеселлій человѣкъ добрый слово *Морта* принялъ за имя смерти, когда долженъ бы былъ принять за слово Maera [судьба]. Притомъ я, сверхъ мною о рожденіи человѣческомъ читаннаго въ книгахъ, слышалъ, что и въ Римѣ сдѣлалось слѣдующее приключеніе: Женщина добрыхъ и честныхъ нравовъ, и несумнительнаго цѣломудрія родила въ одиннатцатый мѣсяцъ по смерти своего мужа. По причинѣ счисленія времени заведено было слѣдствіе, какбы она зачала уже по смерти своего мужа; понеже написали

сали Децемвиры, что человѣкъ раждается въ десять мѣсяцовъ, а не въ одиннатцатомъ. Но Императоръ Адріанъ расмотрѣвъ дѣло рѣшилъ, что и въ одиннатцатомъ мѣсяцѣ можно родить, и самое то его рѣшеніе о семъ я читалъ. Въ ономъ обьявляетъ Адріанъ, что онъ послѣдуя мнѣніямъ древнихъ философовъ и врачей сіе узаконилъ. Да и нынѣ въ сатирѣ М. Варрона, которая надписана *Testamentum* [завѣщаніе], случилось мнѣ читать слѣдующія слова: *Ежели у меня одинъ сынъ или больше родятся въ десять мѣсяцовъ, и будутъ глупы; то да будутъ лишены наслѣдства. Естьли же кто и въ одиннатцатомъ мѣсяцѣ, по Аристотелю, родился; то Акцій у меня да имѣетъ то же право, которое и Титій.* Чрезъ сіе Варронъ означаетъ древнюю пословицу, какъ простонародно вошло въ обычай говорить о вещахъ никакого между собою различія не имѣющихъ, *Idem Accii quod Titii* т. е. *То же имѣетъ Акцій, что Титій*: и такимъ образомъ какъ въ десять, такъ и въ одиннатцать мѣсяцовъ родившіеся равное и тоже имѣютъ право. Естьли же такъ, и недалѣе десятаго мѣсяца время отъ зачатія до рожденія проститаться можетъ: то спросить надобно, для чего написалъ Омиръ, что Нептунъ дѣвочкѣ, съ которой онъ лишь только тогда учинилъ соитіе, сказалъ:

Χαῖρε γυνὴ φιλότητι. Περιπλομένȣ δ' ἐνιαυτȣ̃
Τέξεις ἀγλαὰ τέκν', ἐπεὶ ȣ̓κ ἀποφώλιοι εὐναὶ
Ἀθανάτων.

то есть.

Радуйся жено о любви! По окончаніи же года
Родиши знаменитыхъ чадъ; понеже нетщетны суть
Безсмертныхъ. соитія

Когда я сіе ко многимъ приносилъ грамматикамъ; то нѣкоторые изъ оныхъ разсуждали, что и въ Омировы времена, такъ какъ въ Ромуловы, годъ былъ не въ двенатцать, но въ десять мѣсяцовъ; иные говорили, что сходственно было съ Нептуномъ и съ величествомъ его, чтобы плоду отъ него возрасти въ должайшее время: другіе болтали нѣчто другое. Но Фаворинъ мнѣ сказалъ, что *περιπλομένȣ ἐνιαυτȣ̃* значитъ не по окончаніи, но близъ окончанія года. А Иппократъ въ вышеобъявленной книгѣ и число дней, въ которые зачатое во чревѣ сѣмя принимаетъ человѣческій видъ, и время самаго рожденія опредѣливъ девятымъ или десятымъ мѣсяцомъ сказалъ: Не всегда „ однако сіе въ одно время бываетъ, но иногда „ ранѣе, иногда позднѣе; и наконецъ „ слѣдующія сказалъ слова: *Γίνεται δὲ ἐν τȣ́τῳ „ καὶ πλείω καὶ ἐλάσσω καὶ ὅλȣ κατὰ μέρος, καὶ „ εἴπομεν δὲ καὶ πλείω πλειόνων, καὶ ἐλάσσω ἐλασσόνων.* „ т. е. *Раждается же иногда въ большее число „ дней, а иногда въ меньшее, а иногда почти „ точно; и потому мы говоримъ, что „ младенецъ гораздо большихъ, или гораздо*

мен-

„*меншихъ дней.* Которыми словами означаетъ онъ, что не много ранѣе бываетъ то, что иногда бываетъ ранѣе, и не много позднѣе, что позднѣе бываетъ. Помню я, что въ Римѣ обстоятельно и прилѣжно было сіе изслѣдываемо, въ случаѣ не малой тогда нужды; младенецъ въ осмый мѣсяцъ родившійся живъ и скоро умершій можетъ ли дополнять право троихъ дѣтей; поелику неблаговременность осмаго мѣсяца казалась нѣкоторымъ выкинутіемъ, а не рожденіемъ. Но понеже я объ Омировомъ годовомъ рожденіи и объ одиннатцатомъ мѣсяцѣ сказалъ; то разсудилось мнѣ не опустить и того, что я читалъ въ седмой книгѣ *Естественной исторіи* Плинія Секунда. А поелику оное можетъ казаться невѣроятно, то я самыя Плиніевы слова написалъ: *Массурій объявляетъ, что Л. Папирій Преторъ, по прозьбѣ въ судѣ другаго наслѣдника, въ противность ему отдалъ имѣніе иному, когда объявила мать, что она имъ беременна была тринатцать мѣсяцовъ; понеже казалось ей, что никакого нѣтъ извѣстнаго времени для рожденія.* Въ той же книгѣ Плинія Секунда написаны слѣдующія слова: *Зѣвота при рожденіи есть смертельна, такъ какъ чиханіе во время соитія означаетъ, что женщина выкинетъ.*

ГЛАВА

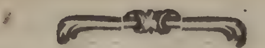

ГЛАВА 17.

Отъ важнѣйшихъ мужей и то предано памяти, что Платонъ три книги Филолая Пиѳагорика, и Аристотель не большее число книгъ Спеусиппа философа купили невѣроятною цѣною.

Предано памяти, что Платонъ философъ былъ весьма недостаточенъ: однако три книги Филолая Пиѳагорика купилъ за десять тысячь денаріевъ [1000 рублей]. Нѣкоторые написали, что оныя деньги подарилъ ему (1) другъ его Діонъ Сиракузскій. Также сказываютъ, что и Аристотель не большее число книгъ Спеусиппа философа, по смерти его, купилъ за три Аттическіе таланта. Сіе число нашими деньгами составляетъ тысячу восемь сотъ рублей. Тимонъ Язвительный написалъ весьма ругательную книгу, которой надписаніе Σίλλος [*насмѣшка или ругательство.*] Въ оной книгѣ Платона фило-

(1) *Другъ его Діонъ*] Лаертій объявляетъ, что Діонисій подарилъ ему восемдесятъ талантовъ, ничего не упоминая о Діонѣ, кромѣ того что онъ ему былъ другъ; то есть упоминаетъ сей писатель, что когда Діонисій за свободныя о тиранствѣ слова хотѣлъ убить Платона, то упрошенъ былъ отъ Діона и Аристомена. Потомъ проданъ былъ Платонъ на островѣ Егинѣ; и какъ смертная казнь была положена, естьли кто изъ Аѳинянъ взойдетъ на тотъ островъ; то Анницеридъ Киринейскій, или, какъ другіе думаютъ, Діонъ послалъ деньги для искупленія его. Находится и надпись Платонова на Діона, о которой тожже Лаертій упоминаетъ, что она въ Сиракузахъ вырѣзана на его гробѣ.

философа, который, какЪ я сказалЪ, былЪ весьма недостаточенЪ, ругаетЪ онЪ за то, что онЪ за великую цѢну купилЪ Пиѳагорическаго ученія книгу, и по оной сочинилЪ (2) знатный оный разговорЪ *Тимея.* Стихи Тимоновы о томЪ суть слѢдующіе:

Καὶ σὺ Πλάτων. καὶ γὰρ σε μαθητὴν ὁ πόθος ἔχε.
Πολλῶν δ' ἀργυρίων ὀλίγην ἠλλάξαο βίβλον.
῞Οθεν ἀπαρχόμενος γράφειν ἐδιδάχθης.

то есть.

И ты ПлатонЪ желая быть ученымЪ,
За многіе сребренники купилЪ малую книгу,
СЪ которой начавЪ научился писать.

ГЛАВА 18.

Что суть Pedarii Senatores, *и для чего такЪ названы: и какое сіи слова имѢютЪ начало отЪ обыкновеннаго изреченія КонсуловЪ: Senatores. Quibus. Q. In. Senatu. Sententiam. Dicere. Licet.*

Многіе думаютЪ, что *pedarii Senatores* названы тѢ, которые мнѢніе вЪ СенатѢ не словесно предлагали, но на чужое мнѢніе соглашались ходьбою ногЪ. И такЪ чтожЪ? когда сенатское опредѢленіе дѢлалось чрезЪ то, что всѢ расходились; то не всѢ ли се-

---

(2) *Знатный оный разговорЪ Тимея*] вЪ которомЪ разсуждаетЪ онЪ о началѢ мира, и естествѢ всего свѢта. ПиѳагорЪ многое принялЪ отЪ ІудеевЪ по свидѢтельству Климента Александрійскаго кн. 1. περὶ στρωμάτων, и Оригена кн. 1. противЪ Цельса.

сенаторы подавали мнѣніе ногами? И слѣдующая также предлагается сего слова причина, которую Габій Бассъ написалъ въ своихъ запискахъ. Ибо, говоритъ онъ, въ древнія времена Сенаторы имѣвшіе Курульный чинъ, въ знакъ чести своей обыкновенно ѣздили въ Сенатъ въ коляскѣ. Въ оной коляскѣ былъ стулъ, на которомъ они сидѣли; и который потому назывался Курульнымъ [curulis]: но тѣ Сенаторы, которые не имѣли еще Курульнаго чина, ходили въ Сенатъ пѣши: и потому не имѣвшіе большихъ чиновъ Сенаторы названы *pedarii.* А Маркъ Варронъ *въ Сатирѣ Мениппеѣ*, которой надписаніе Ἱπποκύων, говоритъ, что нѣкоторые и всадники названы pedarii: и по видимому значатъ тѣхъ, которые отъ Ценсоровъ еще въ Сенатъ не выбраны; они хотя и не были Сенаторами, но поелику были въ почтеніи у народа, то приходили въ Сенатъ, и имѣли право предлагать мнѣніе. Ибо и Курульные чины имѣвшіе, естьли не выбраны еще были отъ Ценсоровъ въ Сенатъ, не были Сенаторами: и поелику написаны были въ самыхъ послѣднихъ, то не требовали отъ нихъ мнѣнія, но на тѣ, которыя предлагали первые, они расходились. Сіе означало изреченіе, которое и нынѣ Консулы при созываніи Сенаторовъ въ Сенатъ, послѣдуя обыкновенію употребляютъ. Слова изреченія суть слѣдующія: *Senatores. Quibus. Q. In.*

Se-

Senatu. Sententiam. Dicere. Licet. Да и Лаберіевъ стихъ, въ которомъ оное слово положено, приказалъ я замѣтить; сей стихъ читалъ я въ смѣшной баснѣ, которой надписаніе, *Scriptura*:

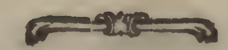
Caput ſine lingua pedaria ſententia eſt.

Примѣтилъ я, что сіе слово многіе грубо говорятъ. Ибо вмѣсто *pedarii*, называютъ *pedanei*.

ГЛАВА 19.

Какимъ образомъ Габій Бассъ написалъ parcus homo *назпанъ, и какую онъ сего назпанія почелъ причину; и какъ напротивъ и какими слопами Фапоринъ насмѣялся сему преданію.*

За ужиномъ у Фаворина философа, когда всѣ садились по мѣстамъ, и начинали подавать кушанье, слуга стоя при столѣ его начиналъ читать какую нибудь либо Греческую либо Латинскую книгу: какъ и въ тотъ день, въ которой я былъ, читана была Габія Басса ученаго мужа книга *о Произпеденіи слопъ и реченій.* Въ которой такъ было написано: „Parcus compoſito vocabulo dictus „eſt, quaſi par arcae: quoniam ſicut in arca omnia „reconduntur, eiusque cuſtodia ſeruantur et conti„nentur; ita homo tenax paruorumque contentus „omnia cuſtodita et recondita habet ſicut arca. Quam „ob cauſam parcus, quaſi par arcae nominatus eſt. Тогда Фаворинъ, услышавъ сіе, сказалъ: „Скуч-

„Скучно, и весьма досадно Габій сей Бассъ
„больше выдумалъ и вновь сдѣлалъ произ-
„веденіе сего слова, нежели изъяснилъ. Ибо
„естьли можно говорить вымышленныя ве-
„щи, то для чего достовѣрнѣе не при-
„нять, что *parcus* названъ потому, что
„деньги издерживать и тратить arceat et
„prohibeat, какбы *pecuniarcus*. Да и мы, ска-
„залъ, лучше говоримъ то, что простѣе
„и справедливѣе. Понеже parcus ни отъ arca,
„ниже отъ arcendo, но отъ того, что
„*parum* и *paruum*, названъ.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА 1.

Нѣкоторый Фаворина философа съ хвастливымъ грамматикомъ разговоръ сдѣланный Сократическимъ образомъ: въ которомъ разговорѣ упомянуто, какими словами К. Сцевола опредѣлилъ слово penus.

Въ прихожей комнатѣ (1) Палатинскаго дворца всѣ почти чиновные люди ожидая

(1) *Палатинскаго дворца*] Палатій или Палатинская гора древнее жилище царей не токмо Евандра и Ромула, но и отъ временъ Октавія Августа бывшихъ Императоровъ, нынѣ на подкопахъ и подземныхъ проходахъ какбы повѣшена, развалинами обезображена и занята садами.

дая (2) поздравленія Цесаря стояли. Тамъ при собраніи ученыхъ людей, въ бытность Фаворина философа, нѣкто знающій грамматику, хвасталъ нѣкоторыми школьными враками, о родахъ и падежахъ словъ разсуждая съ гордостію и съ притворною важностію вида и словъ, какбы толкователь и разбиратель Сивиллиныхъ прорицаній. Потомъ смотря на Фаворина, хотя ему и не очень еще былъ знакомъ, сказалъ: *И penus въ разныхъ родахъ говорится, и различно склоняется. Ибо и hoc penus и hæc penus, и huius peni и peneris и peniteris и penoris древніе говорили. Также mundum muliebrem Луцилій въ шестойнадесять книгѣ Сатиръ, не мужескаго, какъ прочіе, но средняго рода почелъ въ слѣдующихъ стихахъ:*
Legauit quidam uxori mundum omne penumque.
Quid mundum? quid non? nam quis diiudicet isthuc?
И на все сіе приводилъ примѣры и свидѣтельства. И какъ онъ весьма нестерпимо хвалился, то Фаворинъ тихимъ образомъ вступившись сказалъ: „Почтенный учитель, „не знаю какъ твое имя, ты довольно „уже многому научилъ, чего хотя мы не „знали, однако и знать не хотѣли. Ибо „что мнѣ и тому, съ кѣмъ я говорю, за „нужда, въ какомъ родѣ говоришь слово „*penus*, или какъ оное склонять; естьли

 „ни-

(2) *Поздравленія*] для котораго у знатныхъ опредѣлены были первый и вторый часъ поутру.

„никто не поступитъ въ семъ слишкомъ „грубо? Но я желаю знать о томъ, что „значитъ *penus*, и въ какомъ смыслѣ слово „сіе говорится, чтобы всегда употребляемую вещь, такъ какъ изъ дальнихъ „странъ привезенные на продажу начинаютъ по Латински говорить, другимъ, нежели какимъ надобно словомъ не назвать. „На сіе сказалъ онъ: Ты спрашиваешь о „вещи всякому извѣстной. Ибо кто не „знаетъ, что *penus* значитъ вино и пшеницу и масло и чечевицу и бобъ и другое сему подобное? Не уже ли, сказалъ „Фаворинъ, пшено и боръ и жолуди и „ячмень есть *penus?* потому что и сіе почти то же. И какъ онъ замолчавъ остановился: то не хочу, сказалъ, чтобъ ты „надъ симъ трудился, можно ли то, что „я сказалъ, назвать *penus.* Но можешь ли „мнѣ не видомъ какимъ нибудь изъяснить „слово penus, но явнымъ родомъ и пристойными различіями опредѣлить, что есть *penus?* „О какихъ ты родахъ и о какихъ различіяхъ „говоришь, я подлинно, сказалъ, не разумѣю. „Ты, сказалъ Фаворинъ, требуешь, чтобы о „вещи сказанной ясно, что весьма трудно, сказано было яснѣе. Ибо хотя весьма извѣстно „то, что всякое опредѣленіе состоитъ изъ рода и разности. Но естьли ты у меня, какъ „говорятъ, жеванаго просишь; то я для „тебя сіе сдѣлаю. И потомъ началъ слѣдующимъ образомъ: „Естьли я тебя по-

„про-

„прошу теперь, чтобы ты сказалъ и какбы описалъ словами, что есть *человѣкъ*; „то не думаю, чтобъ ты отвѣчалъ, что „человѣкъ есть ты и я. Ибо чрезъ сіе показывается, кто человѣкъ; а не объявляется, что есть человѣкъ. Но ежели, говорю, попросилъ бы я, чтобы самое то, „что есть человѣкъ, ты опредѣлилъ; то „конечно бы ты сказалъ мнѣ, что человѣкъ есть животное смертное разума и „вѣденія причастное, или бы какимъ нибудь другимъ образомъ сказалъ, дабы различить его отъ всѣхъ прочихъ животныхъ. И потому я теперь тебя прошу „сказать, что есть *penus*, а не что нибудь „назвать *ex penu*. На сіе хвастливецъ оный „тихимъ уже и кроткимъ голосомъ сказалъ: Я философіи не учился и учиться „не хотѣлъ; и естьли не знаю ех *penu* ли „есть ячмень, или какими словами *penus* „опредѣляется; то не потому и другихъ „наукъ не знаю. Знать, смѣючись уже „сказалъ Фаворинъ, что есть *penus*, не „больше надлежитъ до нашей философіи, „какъ до твоей грамматики. Ибо помнишь, „думаю, ты, что было изслѣдываемо, что „такое сказалъ Виргилій, *penum instruere* или „*longam* или *longo ordine*. Понеже знаешь, „что и то и другое читается. Но я, стараясь сдѣлать тебя равнодушнымъ, сказываю; что ниже тѣ самые древнихъ „правъ учители, которые названы мудры-

„ми, совсѣмъ прямо не опредѣлили, что „есть *penus*. Ибо слышу, что К. Сцевола, „дабы изъяснить, что есть *penus*, употре„билъ слѣдующія слова: *Penus est*, говоритъ, „*quod esculentum aut poculentum est. Quod ipsius patris„familias, aut liberum patrisfamilias eiusque familiae, „quae circum eum aut liberos eius est et opus eorum facit, „causa paratum est, ut Mucius ait, penus videri debet. „Nam quae ad edendum bibendumque in dies singulos „prandii aut caenae causa parantur, penus non sunt: sed „ea potius, quae huiusce generis longae usionis gratia „contrahuntur et reconduntur, ex eo quod non inpromptu „sint, sed intus et penitus habeantur, penus dicta sint.* „Я обучаясь и философіи, не за излишнее „почелъ сему учиться: понеже Римскимъ „гражданамъ по Латински говорящимъ озна„чать вещь не собственнымъ названіемъ не„менше бы было безчестно, какъ и чело„вѣка не своимъ называть именемъ. Такъ Фаворинъ всѣ вообще рѣчи отъ маловажныхъ и мало полезныхъ вещей доводилъ до того, что слушать и чему научиться было полезнѣе, не съ стороны бравъ оное, и не для самохвальства, но производя изъ тѣхъ же самыхъ рѣчей. Сверхъ сего о словѣ *penus* разсудилъ я придать и слѣдующее. Серній Сулпицій *въ Охужденныхъ главахъ Сцеволы* написалъ, что Сексту Елію разсудилось не токмо съѣстныя и питейныя вещи, но ладанъ, восковыя свѣчи и все почти къ тому принадлежащее означить словомъ *penus*.

А Массурій Сабинъ во второй книгѣ *Гражданскаго прапа* подъ словомъ *penus* разумѣетъ и то, что хозяинъ приготовляетъ и для своего скота. Притомъ нѣкоторые причисляютъ къ слову *penus* дрова, хворостъ и уголье, посредствомъ которыхъ дѣлается *penus*. А изъ того, что въ тѣхъ мѣстахъ находится для всегдашняго употребленія приготовленное и продажное, то только означаетъ словомъ *penus*, что потребно на одинъ годъ.

ГЛАВА 2.

Какая разность есть между болѣзнію и порокомъ, и какую силу имѣютъ сіи слопа пъ указѣ Эдилей: и могутъ ли eпнухъ и неплодныя женщины проданные назадъ отданы быть, и различныя о томъ мнѣнія.

Въ указѣ Курульныхъ Эдилей, въ той части, гдѣ положено учрежденіе о продажѣ невольниковъ, написано было слѣдующее: *Titulus. Scriptorum. Singulorum. Utei. Scriptus. Sit. Coerato. Ita. Utei. Intelligi. Recte. Possit. Quid. Morbi. Vitii. Ve. Quoi. Q. Sit. Quis. Fugitiuus. Erro. Ve. Sit. Noxa. Ve. Solutus. Non. Sit.* то есть, *Старайся, чтобы каждаго раба сдѣлана была* (1) *надпись такъ, чтобы прямо разумѣть было*

 мо-

(1) *Надпись*] Сія надпись привѣшивалась къ шеѣ невольниковъ.

можно; какую кто имѣетъ болѣзнь или порокъ, кто бѣглецъ или бродяга, или несвобожденъ отъ наказанія. Для того древніе правознатели изслѣдывали, какого *непольника больнымъ* и какого *порочнымъ* прямо назвать можно: и сколько различествуетъ болѣзнь отъ порока. Цецилій Сабинъ въ книгѣ *объ Указѣ Курульныхъ Эдилей*, объявляетъ, что Лабеонъ слѣдующими словами опредѣлилъ, что есть *болѣзнь*: *Болѣзнь есть противоестественный каждаго тѣла навыкъ, который употребленіе его дѣлаетъ хуждшимъ.* Но иногда говоритъ *болѣзнь* случается во всемъ тѣлѣ, иногда въ части тѣла. *Болѣзнь* всего тѣла есть, както чахотка или лихорадка: а части тѣла, както слѣпота или слабость въ ногахъ. *А заикоиатый*, говоритъ, *и съ трудностію говорящій больше почитаются порочными, нежели больными. Такъ какъ кусающаяся или бьющая ногами лошадь порочна а не больна. Но кто боленъ, тотъ и порочень. Однако не напротивъ. Потому что порочный можетъ не быть боленъ. И для того когда бы*, говоритъ, *о человѣкѣ больномъ дѣло было, то неговорено бы было слѣдующее:* Quanti. Ob. Id. Vitium. Minoris Erit. т. е. *Сколько за сей порокъ цѣны убавишь.* И о евнухѣ было изслѣдываемо, противъ ли указа Эдилей онъ проданнымъ казался, естьли бы купецъ не зналъ, что онъ евнухъ? Лабеонъ, сказываютъ, отвѣчалъ, что можно его назадъ отдать,

дать, какъ больнаго. Притомъ написалъ Лабеонъ, что и съ свиньями, естьли они будутъ неплодны и проданы будутъ, можно поступать по указу Эдилей. А о неплодной женщинѣ, естьли она неплодна отъ природы, Требатій, сказываютъ, отвѣчалъ въ противность Лабеону. Ибо когда Лабеонъ разсудилъ оную, яко не здоровую, назадъ возвращать: то Требатій сказалъ, что не можно поступать по указу, *естьли та женщина съ природы неплодна будетъ.* Но ежели она была въ болѣзни, и отъ того сдѣлалась къ дѣторожденію неспособною; то не почитается здоровою, и подаетъ причину къ возвращенію себя назадъ. Также о близорукомъ, называемомъ по Латински *luſcitioſus*, и о беззубомъ различно думаютъ; ибо иные говорятъ, что непремѣнно должно отдавать назадъ, а другіе напротивъ говорятъ, что отдавать назадъ не должно, естьли тотъ порокъ произошелъ не отъ болѣзни. А Сервій отвѣчалъ, что того, у кого нѣтъ зуба, можно купленнаго назадъ возвращать. Лабеонъ напротивъ сказалъ, что такой не подлежитъ возвращенію. *Ибо и многіе*, говоритъ, *какого нибудь зуба не имѣютъ: но неболны потому большая часть людей. И весьма непристойно сказать, что люди нездоровы родятся; понеже не вмѣстѣ съ младенцами родятся зубы.* Притомъ не должно опустить, что и то въ книгахъ древ-

нихъ

нихъ правоискусниковъ написано, что болѣзнь и *порокъ* между собою различествуютъ: понеже *порокъ* есть навсегда, а болѣзнь и приходитъ и отходитъ. Но естьли сіе принять; то ни слѣпый, ни евнухъ не боленъ, противъ Лабеонова вышереченнаго мнѣнія. Слова Массурія Сабина изъ второй книги *Гражданскаго права* я здѣсь приложилъ: *Бѣшеный и нѣмый, и у котораго какой нибудь членъ поврежденъ, или которымъ онъ владѣть не можетъ, суть больны. Кто не далеко видитъ, также есть здоровъ какъ и тотъ, кто нескоро бѣгаетъ.*

ГЛАВА 3.

О томъ, что никакихъ до супружества касающихся дѣлъ въ Римѣ не было прежде Карвиліева развода: и притомъ что собственно значитъ pellex: и какая сего названія причина.

Сказываютъ, что чрезъ пятьсотъ почти лѣтъ по созданіи Рима, никакихъ до супружества касающихся дѣлъ ни предосторожностей въ Римѣ и въ Латіи не было: потому что оныя ни мало подлинно были не надобны, когда въ то время не было никакихъ разводовъ. Да и Сервій Сулпицій въ книгѣ о *Приданомъ* написалъ, что впервые тогда предосторожности до супружества касающіяся усмотрены за нужныя, когда Сп. Карвилій прозваніемъ Руга, человѣкъ

вѣкъ знатный, развелся съ женою за то, что отъ нея, по причинѣ тѣлеснаго порока, не родились дѣти, въ лѣто отъ созданія Рима 523 при М. Атиліи, и П. Валеріи Консулахъ. Оный Карвилій, сказываютъ, жену свою, которую отпустилъ, довольно любилъ, и за ея нравы почиталъ себѣ весьма милою; но святость клятвы предпочелъ любви и увеселенію; понеже онъ отъ Ценсоровъ принужденъ былъ поклясться, что что онъ женится для дѣторожденія. А что *pellex* называлась и за безчестную почиталась та женщина, которая имѣла совокупленіе и сжилась съ тѣмъ мущиною, у котораго была въ рукахъ и во власти супружеской другая, то доказывается слѣдующимъ весьма древнимъ закономъ, который, сказываютъ, данъ былъ отъ царя Нумы: *Pelex. Asam. Iunonis. Ne. Tagito. Si. Taget. Iunoni. Crinibous. Demissis. Arnum. Feminam. Caidito.* т. е. *Наложница къ жертвеннику Юноны да не прикоснется; естьли же прикоснется, то разпустивши волосы, да принесетъ Юнонѣ въ жертву овцу.* А *pellex* quasi πάλλαξ, т. е. какбы παλλακίς [молодица]: какъ другія многія, такъ и сіе слово произведено отъ Греческаго.

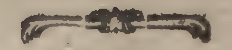

ГЛАВА 4.

Что Серпій Сулпицій въ книгѣ о Приданыхъ написалъ о правѣ и обычаи древнихъ сговоровъ.

Сервій Сулпицій въ книгѣ *о Приданыхъ* написалъ, что сговоры въ той части Италіи, которая называется Латіемъ, дѣлались по слѣдующему праву и обыкновенію: *Тотъ*, говоритъ, *кто хотѣлъ жениться, тому, у кого надобно было брать жену, давалъ обязательство, что ея возметъ; равнымъ образомъ и тотъ, кто хотѣлъ выдавать, обѣщался, что за него выдастъ. Сей договоръ обязательствъ и обѣщаній назывался сговоромъ. Тогда та, которая была обѣщана въ супружество, называлась невѣстою; а тотъ, кто обѣщался взять, женихомъ. Но естьли послѣ тѣхъ обязательствъ жена была не отдаваема, или невзята; то въ силу обязательства за неисполненіе обѣщанія производилась прозьба въ судъ. Судьи производили судъ, и изслѣдывали, для чего недана или невзята жена. Естьли никакой правильной причины не усматривали, то тяжбу оцѣнивали деньгами: и смотря потому, сколько надобно было ту жену взять или отдать, того, кто обѣщался, или того, кто далъ обязательство, обвиняли.* Сіе право сговоровъ, говоритъ Сервій, наблюдаемо было до того времени, когда по закону Юліеву право гражданства дано всему Латію. То же самое написалъ и Нератій въ книгѣ *о Бракахъ*.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

Повѣсть объявляемая о вѣроломствѣ Етрурійскихъ утровозрителей [haruſpicum]: *и что для того въ Римѣ по всему городу малые робяты пѣли слѣдующій стихъ:*

Malum conſilium conſultori peſſimum.

Въ Римѣ на мѣстѣ народнаго сходбища [in comitio] поставленная статуя Горація Коккла, весьма храбраго мужа, поражена была громомъ. Для принесенія умилостивительныхъ жертвъ, по причинѣ сего громоваго разбитія, призванные изъ Етруріи утробозрители, непріятельское и враждебное на Римскій народъ имѣя умышленіе, вознамѣрились оное дѣло отправлять противнымъ обрядомъ. И неправедно присовѣтовали оную статую переставить на нижшее мѣсто, котораго солнце, по причинѣ отвсюду оную окружающихъ другихъ зданій, никогда не освѣщало. О семъ ихъ совѣтѣ донесено народу, и обличены оные въ вѣроломствѣ: и какъ они признались въ ономъ, то были умерщвлены. Притомъ дознано было, что оную статую, какъ послѣ найденныя справедливыя причины показывали, надобно было перенести на высокое мѣсто, и поставить такимъ образомъ на Вулкановой площади въ мѣстѣ возвышенномъ: которое постановленіе щастливо и благоуспѣшно было для республики. И такъ, сказываютъ тогда, поелику Етрурій-

рійскимъ утробозрителямъ зло совѣтовавшимъ учинено было мщеніе и наказаніе, разумно сдѣланъ и пѣтъ былъ отъ малыхъ робятъ по всему городу слѣдующій стихъ:

Malum consilium consultori pessimum.

то есть.

Худой совѣтъ самимъ совѣтующимъ вреденъ.

Повѣсть сія объ утробозрителяхъ и о шестистопномъ семъ стихѣ написана въ одиннатцатой книгѣ *Великаго лѣтописца*, и въ первой книгѣ Веррія Флакка *о Достопамятныхъ дѣлахъ.* А кажется, что стихъ сей переведенъ съ Греческаго онаго Исіодова стиха:

Ἡ δὲ κακὴ βουλὴ τῷ βουλεύσαντι κακίστη.

ГЛАВА 6.

Слова древняго Сенатскаго указа, въ которомъ опредѣлено большія умилостивительныя жертвы приносить о томъ, что въ божницѣ копья Марсовы тряслися: притомъ положено изъясненіе, что суть hostiæ succidaneæ: *что также* porca praecidanea: *и что Капитонъ Атеій нѣкоторые праздники* ferias praecidaneas *назвалъ.*

Какъ обыкновенно дѣлается объявленіе о бывшемъ землетрясеніи, и по причинѣ того приносятся умилостивительныя жертвы. Такъ читаемъ въ древнихъ запискахъ сдѣланное объявленіе Сенату, что въ божницѣ

во

во дворцѣ было трясеніе Марсовыхъ копьевъ. Для сего учиненъ былъ Сенатскій указъ при М. Антоніи и А. Постуміи Консулахъ, и списокъ съ онаго есть слѣдующій: *Quod. C. Iulius. L. F. Pontifex. Nuntiauit. In. Sacrario. In. Regia. Hastas. Martias Mouisse. De. Ea. Re. Ita. Censuerunt. Uti. M. Antonius. Consul. Hostiis. Maioribus. Ioui. Et. Marti. Procuraret. Et. Ceteris. Dis. Quibus. Videretur. Placandis. Uti. Procurasset. Satis. Habendum. Censuerunt. Si. Quid. Succidaneis. Opus. Esset. Robigus. Accederet.* т. е. *Понеже К. Юлій Луціевъ сынъ священноначальникъ объявилъ, что въ божницѣ во дворцѣ тряслися Марсовы копья: то въ разсужденіи сего опредѣлили сдѣлать слѣдующее; чтобы М. Антоній Консулъ Юпитеру и Марсу приносилъ большія умилостивительныя жертвы. Притомъ опредѣлили, чтобы и прочимъ богамъ, которыхъ умилостивлять усматривалось за нужное, приносилъ умилостивительныя жертвы. Естьли же потребны будутъ жертвы называемыя* succidaneae; *то бы присоединилъ и Робига.* Понеже Сенатъ упомянулъ *succidaneas hostias*, то спрашивается, что значитъ сіе слово. Да и въ Плавтовомъ забавномъ зрѣлищѣ, котораго надписаніе *Epidicus*, изслѣдывается о томъ же самомъ словѣ въ сихъ стихахъ:

Men' piacularem oportet fieri ob stultitiam tuam.
Ut meum tergum stultitiæ tuæ subdas succidaneum?

A *ſuccidaneæ hoſtiæ* называются, букву, *е*, по обыкновенію сложнаго слова перемѣнивъ на *і*. Ибо названы какбы *ſuccædaneæ*: понеже естьли первыя жертвы приносимы не были, то другія послѣ ихъ приведенныя на жертву животныя закалались. Которыя какбы по закланіи уже первыхъ, для очистительной жертвы придаваемы и закалаемы были [ſubdebantur et ſuccidebantur]; и потому названы *ſuccidaneæ* съ произношеніемъ т. е. долгаго *і*. Ибо я слышу, что нѣкоторые оную букву въ семъ словѣ грубо сокращаютъ. А по сей же причинѣ жертвы называются и *præcidaneæ*, которыя за день до обыкновенныхъ жертвоприношеній закаляются. *Porca* также *præcidanea* названа, которую для очищенія предъ собираніемъ земныхъ плодовъ Церерѣ обыкновенно закалали тѣ, которые не дѣлали погребенія умершему, или отправляли оное не такъ, какъ должно было. Но извѣстно, какъ я объявилъ, что простонародно porca и нѣкоторыя hoſtiae называются præcidaneæ; а что называются *feriæ præcidaneæ*, того думаю простой народъ не знаетъ. Для того слова Атея Капитона изъ пятой книги Перпосвященническихъ правъ я написалъ: *Тиб. Корунканію великому Перпосвященнику feriæ præcidaneæ посвящены въ нещастливый день. Собраніе опредѣлило не почитать за нарушеніе закона, естьли не будутъ въ тотъ день feriæ præcidaneæ.*

ГЛАВА

ГЛАВА 7.

О письмѣ Валерія Проба Грамматика писанномъ къ Марцеллу о удареніи нѣкоторыхъ Карѳагенскихъ именъ.

Валерій Пробъ грамматикъ въ свое время былъ превосходнаго ученія. Онъ имена Hannibal и Hasdrubal и Hamilcar произносилъ выговаривая передпослѣдній слогъ протяжно: какъ свидѣтельствуетъ его письмо писанное къ Марцеллу, въ которомъ онъ утверждаетъ, что Плаутъ и Енній и другіе многіе древніе такимъ образомъ произносили. Однако одного Еннія одинъ стихъ полагаетъ изъ книги, которой надписаніе *Scipio*; оный четверостопный стихъ я при семъ приложилъ, въ которомъ естьли бы третій слогъ изъ Ганнибалова имени не положенъ былъ за долгій, то бы число стопъ было недостаточно. Енніевъ стихъ, о которомъ я объявилъ, читается такъ:

Qui propter Hannibalis copias considerant.

ГЛАВА 8.

Что сказалъ К. Фабрицій о Корнеліи Руфинѣ человѣкѣ сребролюбивомъ, съ которымъ онъ имѣя вражду и ненависть, старался однако чтобы назначили его въ Консулы.

Фабрицій Лусцинъ былъ мужъ славный и многія учинилъ знатныя дѣла. П. Корнелій Руфинъ хотя храбрый и хорошій воинъ,

и весьма искусный въ воинской наукѣ; но человѣкъ былъ хищный и весьма сребролюбивый. Сего Фабрицій не хвалилъ, и не имѣлъ съ нимъ дружества: притомъ за его нравы и ненавидѣлъ его. Но когда въ труднѣйшія для Республики времена надобно было сдѣлать Консуловъ; и сей Руфинъ просилъ Консульства, а тѣ, которые съ нимъ вмѣстѣ просили, были люди немужественные и непостоянные: то крайнее употребилъ стараніе Фабрицій, чтобы Руфину быть Консуломъ. Когда многіе сему дивились, что онъ просилъ, дабы человѣка сребролюбиваго, которому онъ былъ великій непріятель, сдѣлали Консуломъ: то сказалъ Фабрицій, *Не чему вамъ удивляться, когда я лучше захотѣлъ быть разграбленъ, нежели проданъ.* Сего Руфина, бывшего дважды Консуломъ и Диктаторомъ, Фабрицій въ бытность свою Ценсоромъ за роскошь отрѣшилъ послѣ отъ Сената; понеже онъ имѣлъ десять фунтовъ дѣланнаго серебра. А что Фабрицій о Корнеліи Руфинѣ сказалъ вышеписанное, какъ во многихъ повѣстяхъ находится, то М. Цицеронъ во второй книгѣ *объ Ораторѣ* объявляетъ, что сіе отъ Фабриція не другимъ, но самому Руфину благодарившему за то, что онъ по старанію его назначенъ въ Консулы, сказано. Слова Цицероновы суть слѣдующія. *Остроумное также есть означеніе, когда малою вещію и часто словомъ*

однимъ

однимъ темная и сокровенная вещь дѣлается ясна: такъ когда К. Фабриція П. Корнелій человѣкъ, какъ почитаютъ его, сребролюбивый и хищный, но довольно храбрый и изрядный полководецъ благодарилъ за то, что онъ будучи ему непріятелемъ сдѣлалъ его Консуломъ, а особливо въ великую и важную войну: то не за что, сказалъ онъ, тебѣ благодарить меня, когда я лучше захотѣлъ быть разграбленъ, нежели проданъ.

ГЛАВА 9.

Что собственно значитъ, religiosus, и какія перевороты знаменованіе сего слова имѣетъ, и слова о томъ Нигидія Фигула взятыя изъ его записокъ.

Нигидій Фигулъ человѣкъ, какъ я думаю, по М. Варронѣ преученый въ одиннатцатой книгѣ *Грамматическихъ* записокъ объявляетъ достопамятный подлинно стихъ изъ древняго стихотворенія:

Religentem esse oportet; religiosum nefas.

А чье оное стихотвореніе, о томъ не упоминаетъ. И въ томъ же мѣстѣ Нигидій, „ Hoc, говоритъ, inclinamentum semper huiuscemodi „ verborum, ut, vinosus, mulierosus, religiosus, „ nummosus, signat copiam quamdam immodicam „ rei, super qua dicitur Quocirca religiosus is appel- „ labatur, qui nimia et superstitiosa religione sese „ alligauerat, eaque res uitio assignabatur. Но кромѣ сего, что говоритъ Нигидій, въ дру-

томъ нѣкоторомъ переворотѣ знаменованія слово *religiosus* за цѣломудреннаго, наблюдательнаго и удерживающаго себя въ извѣстныхъ законахъ и предѣлахъ говорить начали. Подобнымъ же образомъ и слѣдующія слова, отъ того же начала произшедшія, по видимому значатъ различное, *religiosi dies*, и *religiosa delubra*. Ибо *religiosi dies* называются печальнымъ прознаменованіемъ обезчесченные и воспрепятствованные; въ которые надлежитъ воздерживаться и отъ богослуженія и отъ начинанія всякаго новаго дѣла: сіи дни отъ неискусныхъ людей худо и неправильно называются *nefasti*. И такъ М. Цицеронъ въ девятой книгѣ *Писемъ къ Аттику*, „Maiores, говоритъ, nostri funcstiorem „diem esse voluerunt Alliensis pugnae, quam urbis „captae; quod hoc malum ex illo. Itaque alter re„ligiosus etiam nunc dies, alter in uulgus ignotus. Однако тотже М. Туллій въ рѣчи *о Выборѣ обпинителя*, *religiosa delubra* называетъ, не худое прознаменованіе имѣющія ниже печальныя, но величества и почитанія наполненныя. А Массурій Сабинъ въ запискахъ, сочиненныхъ отъ него на книгу священныхъ обрядовъ и божескихъ именъ, „Religiosum, „говоритъ, est, quod propter sanctitatem aliquam „remotum ac sepositum a nobis est, verbum a re„linquendo dictum, tanquam caerimoniae a carendo. По сему Сабинову толкованію храмы и капища, поелику множество ихъ не подлежитъ охужденію, какъ тѣхъ вещей, ко-

торыхъ похвала состоитъ въ умѣренности, называются *religiosa*, въ которыя непросто и безпристрастно, но съ честностію и благоговѣніемъ надлежитъ приходить и больше со страхомъ почитать, нежели за подлыя вмѣнять ихъ должно: а дни *religiosi* названы тѣ, которые мы по противной причинѣ для нещастливаго прознаменованія оставляемъ. Потому Терентій говоритъ въ *Еаутонтиморуменѣ*:

Tum, quod dem ei, recte est. Nam, nihil esse mihi, religio est dicere.

Естьли, какъ говоритъ Нигидій, всѣ такимъ образомъ оканчивающіяся слова значатъ неумѣренность и чрезмѣрность, и для того подлежатъ предосужденію, какъ *vinosus*, *mulierosus*, *verbosus*, *morosus*, *famosus*: то для чего *ingeniosus*, *formosus* и *officiosus* и *speciosus*, которыя равнымъ образомъ приняли окончаніе отъ ingenium, отъ forma, отъ officium; и для чего *disciplinosus*, *consiliosus*, *victoriosus*, которыя М. Катонъ такъ изобразилъ; для чего также *facundiosa*, что Семпроній Аселліонъ въ третiейнадесять книгѣ *Достопамятныхъ дѣлъ* такъ написалъ, „Facta sua „spectari oportere; non dicta, si minus facundiosa „essent: для чего, говорю, всѣ сіи слова никогда не говорятся въ предосужденіе, но въ похвалу, хотя по справедливости они означаютъ въ себѣ излишество? не для того ли, что и въ томъ, что онъ выше положилъ, должно наблюдать нѣкоторую нуж-

ную умѣренность? Ибо и *gratia*, естьли неумѣренна и чрезмѣрна, и *mores*, естьли многи и различны, и *verba*, естьли безпрестанны и безконечны и скучны, и *fama*, естьли велика и безпокойна и завидна есть, то непохвальны и неполезны суть. А *ingenium* и *officium* и *forma* и *disciplina* и *consilium* и *victoria* и *facundia*, такъ какъ самыя пространнѣйшія дарованія никакими предѣлами не ограничиваются; но тѣмъ похвальнѣе суть, чемъ больше и сугубѣе.

ГЛАВА 10.

Какой наблюдаемъ былъ порядокъ во время требованія мнѣній въ Сенатѣ, и о ссорѣ въ Сенатѣ К. Цесаря Консула и М. Катона чрезъ цѣлый день рѣчь говорившаго.

До закона, въ разсужденіи собранія Сената нынѣ наблюдаемаго, (1) порядокъ въ требованіи мнѣнія былъ различенъ. Иногда требовали сперва отъ того, кто первый выбранъ былъ въ Сенаторы, иногда отъ тѣхъ, которые назначены были въ Консулы: нѣкоторые изъ Консуловъ по

---

(1) *Порядокъ въ требованіи мнѣнія и пр.*] Діонисій Аликарнасскій на многихъ мѣстахъ свидѣтельствуетъ, что древле у Римлянъ былъ обычай сперва спрашивать старшихъ, а потомъ младшихъ лѣтами. И сіе такъ разумѣть надобно, что они по порядку чиновъ давали мнѣніе. Въ первомъ мѣстѣ старые Консулы, во второмъ старые Преторы, въ третьемъ старые Эдили, въ четвертомъ старые Трибуны, въ пятомъ Квесторы.

по любви или по какой нибудь нуждѣ для почтенія непорядочно требовали мнѣнія отъ того перваго, отъ кого имъ заблагоразсудилось. Однако при непорядочномъ требованіи мнѣнія наблюдаемо было, чтобы кромѣ того, кто былъ уже Консуломъ, никто ни отъ кого сперва мнѣнія не требовалъ. Сказываютъ, что К. Цесарь будучи Консуломъ съ М. Бибуломъ, отъ четверыхъ только не по порядку требовалъ мнѣнія: изъ тѣхъ четверыхъ перваго спрашивалъ М. Красса; но послѣ какъ дочь свою сговорилъ за Кн. Помпея, то началъ перваго спрашивать Помпея. Что Цесарь причину сего поступка объявилъ Сенату: о томъ Тиронъ Туллій М. Цицерона отпущенникъ объявляетъ, и пишетъ, что онъ сіе слышалъ отъ бывшаго своего господина. То же самое Капитонъ Атей написалъ въ книгѣ о *Должности Сенатора*. Въ оной же Капитоновой книгѣ написано и слѣдующее: *Кай Цесаръ Консулъ отъ М. Катона потребовалъ мнѣнія. Катонъ не хотѣлъ, чтобы то дѣло, о которомъ требованъ отъ него совѣтъ, было сдѣлано, потому что оно казалось неполезно для республики. Для продолженія сего дѣла говорилъ онъ долгую рѣчь, и говоря оную сокращалъ день. Ибо Сенаторъ, когда требовали отъ него мнѣнія, имѣлъ право говорить прежде все, что онъ ни хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Цесаръ Консулъ призвалъ пристава; и какъ*

 Ка-

Катонъ не оканчивалъ еще рѣчи, то въ самое сказываніе приказалъ его взять и отвести въ тюрьму. Сенаторы встали и пошли за Катономъ въ тюрьму. Царь увидѣвъ, что навлекъ на себя ненависть другихъ, остановился и приказалъ отпустить Катона.

ГЛАВА II.

Что и каково то, которое Аристоксенъ какъ извѣстнѣйшее объявляетъ о Пиѳагорѣ. И что Плутархъ написалъ о томъ же Пиѳагорѣ.

Вселилось и усилилось древнее ложное мнѣніе, что Пиѳагоръ философъ (1) не употреблялъ въ пищу животныхъ, также не ѣлъ бобовъ, называемыхъ отъ Грековъ κύαμοι. По сему мнѣнію Каллимахъ стихотворецъ написалъ:

Καὶ κυάμων ἄπο χεῖρας ἔχειν ἀνιώντων ἔδεσθαι,
Κἀγὼ, Πυθαγόρας ὡς ἐκέλευε, λέγω.

то есть.

Какъ Пиѳагоръ велѣлъ, такъ я и говорю,
Дабы не ѣсть бобовъ для вкуса непріятныхъ.

По

---

(1) *Неупотреблялъ въ пищу животныхъ*] Сіе общее было мнѣніе древнихъ. Лаертій полагаетъ, что отъ того происходитъ здоровье тѣла и быстрота ума. Между древними отцами Тертулліанъ *о Пищѣ Іудейской*, и Іеронимъ въ книгѣ *ко Іовин.* заподлинно думаютъ, что до потопа не позволено было ѣсть мяса. См. Быт. гл. 1. ст. 29. и гл. 9. ст. 3. Многими причинами сіе доказываетъ Манассія Бен-Ісраель. Вопр. 9. на Быт.

По сему также мнѣнію М. Цицеронъ въ первой книгѣ *о Гаданіи*, слѣдующія написалъ слова: *Платонъ приказываетъ отходить ко сну такъ расположивъ тѣло, чтобы ничего не было причиняющаго душамъ заблужденіе и смущеніе. Почему, думаютъ, и запрещено Пиѳагорикамъ ѣсть бобъ; понеже сія пища дѣлаетъ великое надменіе противное ищущимъ спокойствія мысли.* Хотя сіе и написалъ М. Цицеронъ. Однако Аристоксенъ музыкантъ, къ древнему ученію мужъ весьма прилѣжный, Аристотеля философа слушатель, въ книгѣ, написанной о *Пиѳагорѣ*, объявляетъ, что Пиѳагоръ никакого овоща не употреблялъ чаще, какъ бобовъ: понеже сія пища по немногу слабитъ и чиститъ желудокъ. Самыя Аристоксеновы слова при семъ я написалъ: Πυθαγόρας δὲ τῶν ὀσπρίων μάλιϛα τὸν κύαμον ἐδοκίμασε. Λίαν κινητικόν τε γὰρ εἶναι, καὶ διαφορητικόν. Διὸ καὶ μάλιϛα κέχρηται αὐτῷ т. е. *Пиѳагоръ изъ огородныхъ овощей наипаче похвалилъ бобъ. Ибо онъ имѣетъ движущую и развивающую силу. И потому больше всего употреблялъ оной.* Тожже Аристоксенъ объявляетъ, что Пиѳагоръ ѣлъ маленькихъ поросятъ и молодыхъ козлятъ. Сіе, по видимому, онъ слышалъ отъ Ксенофила Пиѳагорика своего друга, и отъ нѣкоторыхъ другихъ лѣтами старшихъ, которые жили не много позднѣе временъ Пиѳагоровыхъ.

А о животныхъ и (2) Алексидъ стихотворецъ въ забавномъ зрѣлищѣ, котораго надписаніе *Пиѳагорова жизнь*, объявляетъ. А видно, что была причина къ заблужденію (3) въ разсужденіи неяденія бобовъ; понеже въ стихотвореніи Емпедокла, описавшаго Пиѳагорово ученіе, находится слѣдующій стихъ:

Δειλοί, πάνδειλοι, κυάμων ἄπο χεῖρας ἔχεσθαι.

то есть.

Не прикасайтеся, о бѣдные, къ бобамъ.

Ибо многіе думали, что *κύαμος* простонародно называется огородный овощь. Но тѣ, которые прилѣжнѣе и искуснѣе разбирали Емпедокловы стихи, говорятъ, что *κύαμοι* въ семъ мѣстѣ значатъ ядра; и оныя, по обыкновенію Пиѳагорову, сокращенно и знаменовательно названы *κύαμοι*, понеже суть εἰς τὸ κυεῖν δεινοὶ καὶ αἴτιοι τοῦ κυεῖν. т. е. *Имѣютъ силу наполнять чрево, и слѣдовательно суть причиною дѣторожденія*; и потому Емпедоклъ симъ стихомъ хотѣлъ отвести лю-

---

(2) *Алексидъ*] Суидъ свидѣтельствуетъ, что сей Алексидъ написалъ двѣсти сорокъ пять комедій. Плутархъ пишетъ, что и правила сластолюбія отъ Алексида преданы. Діогенъ Лаерцій свидѣтельствуетъ, что Алексидъ Платона философа обнесъ въ своихъ забавныхъ зрѣлищахъ.

(3) *Въ разсужденіи неяденія бобовъ*] Лукіанъ представленъ Пиѳагора говорящаго во адѣ, что употреблять въ пищу бобы столь же беззаконно, какъ беззаконно ѣсть головы своихъ родителей.

людей не отъ яденія бобовъ, но отъ нечистоты любодѣянія. Да и Плутархъ, человѣкъ ученіемъ важный, въ первой изъ книгъ сочиненныхъ *объ Омирѣ* написалъ, что Аристотель философъ то же самое писалъ о Пиѳагорикахъ; что они не воздерживались отъ яденія животныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ не многихъ частей. Самыя Плутарховы слова, понеже сіе дѣло есть сверхъ чаянія, я здѣсь приложилъ: Ἀριϛοτέλης δὲ μήτρας, καὶ καρδίας, καὶ (4) ἀκαλήφης, καὶ τοιέτων ἄλλων ἀπέχεσθαι φησὶ τὲς Πυθαγορικὲς· χρῆσθαι δὲ τοῖς ἄλλοις. т. е. *Аристотель говоритъ, что Пиѳагорики отъ матки, отъ сердца, отъ кропивы и отъ нѣкотораго сему подобнаго воздерживались, а употребляли другое.* Но что и отъ нѣкоторыхъ рыбъ Пиѳагорики воздерживались, о томъ Плутархъ объявляетъ *въ Симпозіакахъ* [сопиршествах]. А самъ Пиѳагоръ, какъ сказываютъ, говорилъ, что онъ сперва былъ (5) Еуфорбомъ; такимъ образомъ сіе отдаленнѣе есть объявляемаго (6) Клеархомъ и (7) Дицеархомъ,

О 5 что

(4) *Акалѵфи* есть морское животное называемое кропивою.

(5) *Еуфорбомъ*] Ираклидъ Понтійскій объявляетъ у Лаертія, что Пиѳагоръ сказалъ, что онъ былъ нѣкогда Еѳалидомъ, потомъ Еуфорбомъ, потомъ Гермотимомъ и Пирргомъ, послѣ котораго сдѣлался Пиѳагоромъ.

(6) *Клеархъ*] Сей былъ Солянинъ, Аристотелевъ ученикъ, на котораго книги о *Житіяхъ* нерѣдко ссылается Аѳеней. Въ которыхъ безъ сумнѣнія описана была и Пиѳагорова жизнь.

(7) Ди-

что онъ послѣ былъ (8) Пирандромъ, потомъ Калликлеею, потомъ пригожею любодѣйцею, которая называлась Алкою.

ГЛАВА 12.

Достопамятныя безчестія и наказанія налагаемыя отъ Ценсоровъ, въ древнихъ книгахъ найденныя.

Естьли кто запускалъ свое поле, и неприлѣжно за нимъ смотрѣлъ, и ниже пахалъ, ниже чистилъ оное; или кто свой садъ и виноградъ оставлялъ безъ присмотра: тотъ не былъ безъ наказанія, но Ценсоры, по должности своей, лишали таковаго гражданскихъ правъ. Также естьли кто, будучи Римскимъ Всадникомъ, усмотренъ будетъ, что имѣетъ худую или невычищенную лошадь, таковый безчещенъ былъ *неопрятствомъ или нерадивостію*. Оба сіи безчестія были важны: о чемъ и М. Катонъ многократно свидѣтельствовалъ.

ГЛАВА

(7) *Дицеархъ*] Мессенскій, который кромѣ другихъ сочиненій, по свидѣтельству Лаертіеву, написалъ *Житія*.

(8) *Пирандромъ*] Суидъ объявляетъ, что онъ былъ человѣкъ коварный и негодный. Откуда *Пирандрово ремесло* говорилось въ пословицѣ за хитрѣйшие обманы.

ГЛАВА 13.

О томъ, что нѣкоторыя извѣстнымъ образомъ сдѣланныя наигрыванія свирѣлей могутъ лѣчить стражзущихъ ломомъ въ бедрахъ.

Многіе въ томъ увѣрились и предали памяти, что страждущіе ломомъ въ бедрахъ въ самую большую боль чувствуютъ отъ болѣзни облехченіе, естьли свирѣльщикъ тихо заиграетъ на свирѣли. Я весьма недавно читалъ въ Ѳеофрастовой книгѣ, что играніе на свирѣли искусно употребленное излѣчаетъ угрызеніе ехиднъ. То же самое объявляется и въ Демокритовой книгѣ, которой надписаніе περὶ λοιμῶν ἢ λοιμικῶν κακῶν. т. е. *о Заразахъ или Правило для зараженныхъ*, въ которой онъ доказываетъ, что весьма многія человѣческія болѣзни излѣчаемы были играніемъ свирѣлей. Такой то человѣческія тѣла имѣютъ союзъ съ душами, и слѣдовательно поврежденія или излѣченія душевныя и тѣлесныя.

ГЛАВА 14.

Повѣсть о Гостиліи Манцинѣ Эдилѣ и любодѣйцѣ Мамиліи: и опредѣленіе Трибуновъ, къ которымъ отъ Мамиліи была прозьба.

Читавъ Капитона Атея сборныхъ сочиненій девятую книгу, которой надписаніе *о Судахъ общенародныхъ*, увидѣлъ я опредѣленіе Трибуновъ наполненное древней важ-

важности. Для того оное и запомнилъ; а оно было написано въ слѣдующемъ дѣлѣ и слѣдующаго содержанія. А. Гостилій Манцинъ былъ Курульнымъ Эдилемъ. Онъ любодѣицу Мамилію позвалъ на судъ предъ народъ за то, что ночью съ верху ея дома ушибенъ былъ камнемъ, и показывалъ рану камнемъ сдѣланную. Мамилія просила на него народныхъ Трибуновъ и объявила предъ ними, что Манцинъ послѣ ужина пришелъ пьяный къ ея дому: и ей не можно было пустить его въ свой домъ; но какъ онъ силою хотѣлъ ворваться, то прогнанъ былъ каменьемъ. Трибуны разсудили, что Эдиль правильно прогнанъ оттуда, куда ему (1) въ вѣнцѣ ходить было непристойно: и для того не допустили, чтобъ онъ имѣлъ судъ предъ народомъ.

ГЛАВА 15.

Оправданіе Саллустіева въ повѣсти своей изреченія, которое соперники его съ злобою и ругательствомъ охуждали.

Красота Саллустіевой рѣчи и охота къ вымышленію и введенію новыхъ словъ многихъ подлинно имѣли завистниковъ; и многіе довольно разумные мужи старались многое въ немъ похулить и опорочить: между чемъ большее неискусно и съ злобою по-

(1, *Въ вѣнцѣ*) Ибо пиршествующіе обыкновенно надѣвали на голову вѣнцы.

порицаютЪ. Однако нѢкоторое казаться можетЪ не недостойнымЪ охужденія; таково есть найденное вЪ повѢсти о КатилинѢ, которое кажется выговореннымЪ не очень внимательно. Слова Саллустіевы суть слѢдующія: „ Ac mihi quidem, tametſi haudquaquam „ par gloria ſequatur ſcriptorem et auctorem rerum, „ tamen inprimis arduum videtur res geſtae ſcribere: „ primum quod facta dictis exaequanda ſunt; dein, „ quod plerique, quae dicta reprehenderis, maliuolentia et inuidia dicta putant. Ubi de magna virtute atque gloria bonorum memores; quae ſibi „ quisque facilia factu putat, aequo animo accipit: „ ſupra ea veluti ficta pro falſis ducit. т. е. *Хотя писатель дѣлъ никакимъ образомъ не можетъ имѣть славу равную съ тѣмъ, кто учинилъ оныя, однако особливо трудно кажется писать учиненныя дѣла: вопервыхъ потому, что надобно употреблять слова равныя дѣламъ; вовторыхъ потому, что многіе, естьли въ повѣсти обличаемы будутъ какія худыя поступки, почитаютъ сіе завистію и зложелательствомъ. Когда о великой добродѣтели и славѣ добрыхъ дѣлъ объявлять будешь; всякой равнодушно принимаетъ только то, что себѣ признаетъ къ учиненію нетруднымъ: а то, что превышаетъ его мѣры, какъ вымышленное почитаетъ за ложное.* Возмѣрился, говоритъ, онЪ представлять причины, почему трудно ему кажется описывать учиненныя дѣла: и вскорѢ послѢ первой причины вмѢсто другой про-

произносить жалобы. Ибо не должно то почитать за причину, для чего повѣствованіе писать трудно, что читающіе или неправо толкуютъ написанное, или не почитаютъ оное за истинное. Потому что надобно, говорятъ, сказать, что оное дѣло больше подвержено неосновательнымъ мнѣніямъ, нежели есть трудно; понеже трудное по собственному своему неудобству есть трудно, а не по неосновательности чужаго мнѣнія. Такъ говорятъ злобные оные поносители. Но Саллустій слово *arduum* не за трудное только полагаетъ, но и за то, что Греки называютъ δυςχερὲς или χαλεπὸν: что и трудно и скучно и невыгодно и неспособно есть. Отъ означенія которыхъ словъ Саллустіево вышеписанное изреченіе не отстаетъ.

ГЛАВА 16.

О нѣкоторыхъ словахъ, которыя Варронъ и Нигидій склоняли противъ употребленія въ повседневныхъ разговорахъ: и притомъ нѣчто сему подобное объявляется съ примѣрами древнихъ.

Извѣстно, что М. Варронъ и П Нигидій, мужи изъ Римскаго народа весьма ученые, неиначе говорили и писали, какъ *Senatuis*, и *domuis*, и *fluctuis*; который есть родительный падежъ отъ именъ *Senatus*, *domus* и *fluctus*: посему *Senatui*, *domui*, *fluctui* и другія симъ подобныя слова равнымъ обра-

разомъ говорили. И Терентіевъ комическій стихъ въ древнихъ книгахъ также написанъ:

Eius anuis, opinor, causa, quæ est mortua.

Сіе ихъ употребленіе нѣкоторые изъ древнихъ Грамматиковъ старались доказать и причиною, что всякій дательный падежъ единственнаго числа кончащійся на букву, *i*, естьли не на то же имѣетъ кончащійся родительный единственный, по приложеніи буквы *s* дѣлаетъ родительный единственный, какъ *patri patris, duci ducis, cædi cædis.* И такъ когда, по словамъ ихъ, въ дательномъ падежѣ говоримъ мы *huic Senatui*; то родительный единственный потому есть *Senatuis*, а не *Senatus*. Но не всѣ позволяютъ въ дательномъ падежѣ говорить больше *Senatui*, нежели *Senatu.* Какъ Луцилій въ томъ же падежѣ говоритъ *victu* и *anu*, а не *victui* и *anui* въ слѣдующихъ стихахъ: *Quod sumtum atque epulas victu præponis honesto.* И на другомъ мѣстѣ, *anu noceo*, говоритъ. Да и Виргилій въ дательномъ падежѣ говоритъ *aspectu*, а не *aspectui.*

- - - *Te aspectu ne subtrahe nostro.*

И въ Георгикахъ:

Quod nec concubitu indulgent.

Кай также Цесарь, писатель на Латинскомъ языкѣ важный, въ *Антикатонѣ*, *Unius*, говоритъ, *arrogantiæ superbiæque, dominatuque.* Также *въ третіемъ прошеніи на Долабеллу*:

„Ibi

„ Ibi isti quorum in aedibus fanisque posita et ho-
„ nori erant et ornatu. И въ Аналогическихъ книгахъ разсуждаетъ онъ, что всѣ таковыя слова должно говорить безъ буквы *i*.

ГЛАВА 17.

Разсужденіе по многимъ примѣрамъ и причинамъ о свойствѣ нѣкоторыхъ частицъ, которыя, положены будучи передъ глаголами, грубо и неискусно, по видимому, съ напряженіемъ и протяженіемъ выговариваются.

Слышу я, что изъ одиннатцатой книги Луцилія въ слѣдующихъ стихахъ

Scipiadæ magno improbus objiciebat Asellus
Lustrum, illo censore, malum infelixque fuisse.

objiciebat многіе читаютъ съ протяженіемъ буквы, *o*, и говорятъ, что они сіе дѣлаютъ для того, чтобы не нарушить свойства стопы. Въ той же книгѣ ниже:

. . . . . *et iam*
Conjicere in versus dictum præconis volebam
Grani.

и въ семъ стихѣ первый предлогъ глагола по той же причинѣ выговаривается протяжно. Также въ пятойнадесять книгѣ

Subjicit hinc humilem & suffercius posteriorem

subjicit читаютъ съ протяженіемъ буквы *u*, понеже первому слогу короткому въ стихѣ Ироическомъ быть непристойно. Также у

Пла-

Плаута въ *Епидикѣ* слогъ, *con*, выговариваютъ протяжно,

Age nunc iam, orna te, Epidice, & pallium in collum conjice.

Я слышу сверхъ сего, что и у Виргилія глаголъ *ſubiicit* многіе говорятъ протяжно.

- - - Et iam Parnaſia laurus
Parua ſub ingenti matris ſe ſubiicit umbra.

Но ни *ob*, ниже *ſub*, предлоги имѣютъ свойство протяженія, ни также, *con*; развѣ когда за нимъ слѣдуютъ тѣ буквы, которыя въ глаголахъ *conſtituit* и *conficit* по немъ суть первыя, или когда выкидывается изъ онаго буква, *n*: какъ Саллустій, *facinoribus*, сказалъ, *coopertus*. А въ вышеположенныхъ словахъ и мѣра ненарушима быть можетъ, и сіи предлоги можно негрубо выговаривать съ протяженіемъ: ибо вторую букву въ сихъ глаголахъ должно писать не чрезъ одно, но чрезъ два *ii*. Понеже тотъ глаголъ, передъ которымъ вышеобъявленныя частицы положены, не есть *icio*, но iacio, и прошедшее имѣетъ не *icit*, но *iecit*; притомъ, будучи сложенъ изъ буквы *a*, перемѣняетъ *a* на *i*, какъ бываетъ въ глаголахъ *inſilio* и *incipio*; и такимъ образомъ получаетъ силу согласной буквы. Почему тотъ слогъ, нѣсколько протяжнѣе и продолжительнѣе произносимъ будучи, не терпитъ, чтобы первый слогъ былъ короткій, но дѣлается онъ долгимъ по положенію; по сему и число въ

стихѣ и свойство въ произношеніи не нарушается. Сіе отъ меня сказанное способствуетъ къ тому, чтобы знать, что въ находящихся у Виргилія въ шестой книгѣ стихахъ

Eripe me his inuicte malis, aut tu mihi terram
Iniice:

глаголъ *iniice* такъ читать и писать надлежитъ, какъ я выше сказалъ: развѣ кто такъ непонятенъ, что и въ семъ глаголѣ предлогъ *in* будетъ выговаривать протяжно для стопы. И такъ спрашиваю я, для чего въ словѣ *obicibus* буква, *o*, говорится съ напряженіемъ, когда сіе слово происходитъ отъ глагола, *obicio*; и ни мало неподобно тому, что отъ глагола *moueo* говорится *motus* съ протяженіемъ буквы *o*. Правда помню я, что Сулпицій Аполлинаръ, мужъ превосходнаго ученія, *obicis* и *obicibus* говорилъ съ сокращеніемъ буквы *o*; да и въ Виргиліи читаетъ онъ слѣдующимъ образомъ;

- - - *qua vi maria alta tumescant*
Obicibus ruptis.

но такъ, какъ я сказалъ, букву *i*, которая и въ имени должна быть двойная, произноситъ нѣсколько протяжнѣе и вольнѣе. По сему не безпристойно сказать, что и слово *subices*, которое равно какъ и *obices* есть сложное, должно произносить сокращая букву *u*. Енній въ печальномъ зрѣлищи,

щи, котораго надписаніе *Ахиллесъ*, *ſubices* полагаетъ вмѣсто поднебеснаго воздуха, въ слѣдующихъ стихахъ:

Per ego Deum ſublimes ſubices, humidus
Unde oritur imber ſonitu ſæuo & ſpiritus.

Однако можно слышать, что многіе люди читаютъ *ſubices* съ протяженіемъ буквы *u*. Сіе же самое слово М. Катонъ подъ другимъ предлогомъ употребляетъ въ рѣчи, которую онъ говорилъ о своемъ Консульствѣ. „Ita hos, говоритъ, fert ventus ad pri„orem Pyrenaeum, quos proiicit in altum. И Пакувій также *въ Хризѣ*: „Promontorium, cuius „linguam in altum proiicit.

ГЛАВА 18.

О П. Африканѣ старшемъ нѣчто весьма достопамятное взятое изъ лѣтописца.

Сципіонъ Африканскій старшій коликое имѣлъ превосходство въ славѣ своихъ добродѣтелей, сколь былъ великодушенъ и благороденъ, и сколь твердъ въ своей совѣсти; то премногими его словами и дѣлами доказано. Изъ которыхъ суть слѣдующіе два примѣра его великости духа и превосходства. Когда М. Невій, народный Трибунъ, обвинялъ его предъ народомъ, и говорилъ, что онъ отъ царя Антіоха взялъ деньги за то, чтобы на милостивыхъ и

снисходительныхъ договорахъ именемъ народа Римскаго заключить съ нимъ миръ; и нѣкоторое также другое недостойное такого мужа на него доносилъ: то Сципіонъ не много напередъ поговоривъ, чего достоинство и слава его жизни требовала, сказалъ: *Я помню, Римлянѣ, что нынѣшній день есть тотъ, въ который я Аннибала Кароагенскаго, великаго непріятеля нашей имперіи, на великомъ сраженіи побѣдилъ въ Африкѣ: и пріобрѣлъ вамъ миръ и побѣду неожидаемую. Для того не должно намъ быть предъ богами неблагодарнымъ: но оставимъ сего бездѣльника, и пойдемъ немѣдленно отсюда благодарить всеблагаго и превеликаго Юпитера.* Сказавши же сіе отворотился и пошелъ въ Капитолію. Тогда народъ собравшійся для учиненія о Сципіонѣ приговора, оставивъ Трибуна, пошелъ провожать Сципіона въ Капитолію, и оттуда шелъ за нимъ до его дома съ веселіемъ и торжественнымъ поздравленіемъ. Носится и рѣчь, которая кажется говоренною въ тотъ день отъ Сципіона, и тѣ, которые называютъ ея неподлинною, не спорятъ въ томъ, чтобы сіи сказанныя мною слова не были Сципіоновы. Другое также есть преславное его дѣло. Нѣкоторые Петиліи, Трибуны народные, отъ Марка, какъ говорятъ, Катона, непріятеля Сципіонова, подговорены и наущены будучи, съ великимъ усиліемъ просили въ Сенатѣ, чтобы Сципіонъ

піонъ въ деньгахъ Антіохійскихъ, и (1) въ добычѣ на той войнѣ полученной далъ отчетъ. Ибо онъ у Л. Сципіона Азіатскаго, своего брата, главнаго военачальника былъ въ той провинціи Легатомъ [Генералъ поручикъ.] Тогда Сципіонъ всталъ; и вынувъ изъ пазухи книгу сказалъ, что въ ней написаны расчеты во всѣхъ деньгахъ и во всей добычѣ. Они потомъ стали требовать, чтобы онъ прочиталъ ея въ слухъ, и отдалъ въ казну. *Сего то*, сказалъ онъ, *я не сдѣлаю, и не обезчещу самъ себя.* И немѣдленно оную книгу при всѣхъ своими руками передралъ и изорвалъ, досадуя на то, что отъ того, кого должно было благодарить за спасеніе имперіи и республики, требуютъ отчета въ полученныхъ въ добычу деньгахъ.

(1) *въ добычѣ*] Добыча получаемая въ общенародныхъ военныхъ дѣйствіяхъ принадлѣжала народу Римскому. Нѣкоторое позволеніе употреблять ея давалось главнымъ на войнѣ полководцамъ, однако такъ, что они должны были давать отчеты. Въ противномъ же случаѣ обвиняемы были въ похищеніи государственной казны.

ГЛАВА 19.

Что М. Варронъ въ Логисторикѣ [въ книгѣ содержащей повѣствованіе о знатныхъ изреченіяхъ] написалъ о содержаніи въ умѣренности молодыхъ отроковъ.

Извѣдано, что молодые отроки, естьли весьма много употребляютъ пищи и чрезмѣрно спятъ, бываютъ тупы и медлительны на подобіе похмѣльныхъ и сонною болѣзнію одержимыхъ, притомъ и ростомъ не бываютъ высоки. Сіе самое многіе другіе врачи и философы, и М. Варронъ написалъ въ Логисторикѣ, котораго надписаніе *Катъ* или *о Воспитаніи дѣтей.*

ГЛАВА 20.

О томъ, что наказываемы были отъ Ценсоровъ тѣ, которые имъ въ слухъ говорили нѣкоторыя непристойныя шутки; и разсужденіе выпшее о наказаніи того, который случившись при нихъ стоятъ зѣвалъ.

Между Ценсорскими строгостями находятся въ книгахъ три слѣдующіе примѣры весьма строгаго наказанія. Одинъ естъ таковъ. Ценсоръ въ разсужденіи женъ приводилъ мужей къ обыкновенной клятвѣ. Образъ клятвы былъ слѣдующій: *Ut. Tu. Ex. Animi. Tui. Sententia. Uxorem. Habes.* Приводимъ былъ къ клятвѣ одинъ насмѣшникъ,

никъ, досадчикъ и великій смѣхотворъ. Онъ вздумавъ, что пристойно ему тутъ сказать шутку, когда Ценсоръ по обыкновенію сказалъ: *Ut. Tu. Ex. Animi. Tui. Sententia* (1) *Uxorem. Habes.*? „Habeo equidem, сказалъ, uxorem, ſed non hercle ex animi mei ſententia. То Ценсоръ за непристойное своевольство лишилъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ, (2) и подписалъ сію вину сказанной при себѣ неприличной шутки. Другая строгость такая же. Разсуждаемо было о наказаніи того, который будучи отъ пріятеля позванъ къ Ценсорамъ, и стоя на судѣ весьма громко зѣвнулъ: и какъ приговоренъ уже былъ къ наказанію за то, что будто бы сіе было знакомъ разбродчиваго и невнимательнаго ума, и явной и распутной безопасности.

 Но

(1) *Uxorem habes*] Ценсоры наипаче старались о супружествѣ, дабы никакой Римскій гражданинъ не былъ холостъ и безженёнъ, понеже дѣторожденіе касалось до достоинства и вѣчности города. И такимъ образомъ безженная жизнь законами была запрещаема, а супружества особливыми правами и общественною милостію были подкрѣпляемы. Почему холостые подъ именемъ наказанія платили деньги, которыя у Феста называются *Женилими*, и которыя по видимому сперва начали собирать Ценсоры М. Фурій Камиллъ и М. Постумій въ лѣто отъ соз. Рим. 350. которыхъ находятся достопамятныя слова противъ безженной жизни.

(2) *И подписалъ сію вину*] Подъ сими наказаніями всегда были писаны вины, кромѣ обойденія чиномъ Сенаторовъ, при которомъ, по объявленію Ливія въ кн. 39. по силѣ древняго уложенія не писали причины.

Но какъ онъ божился, что совсѣмъ по неволѣ и удерживаясь отъ того принужденъ былъ зѣвнуть, и что онъ одержимъ тою слабостію, которая называется *зѣвотою*; то тогда уже свобожденъ былъ отъ опредѣленнаго наказанія. П. Сципіонъ Африканскій, Павловъ сынъ, обѣ сіи повѣсти положилъ въ рѣчи, которую будучи Ценсоромъ говорилъ, совѣтуя народу наблюдать обыкновенія предковъ. Другой такой же строгой поступокъ Сабинъ Массурій объявляетъ въ седмой *Записной книгѣ*: *Ценсоры*, говоритъ онъ, *П. Сципіонъ Насика и М. Попиллій, осматривая имѣніе всадниковъ, увидѣли чрезмѣрно сухую и худую лошадь, а всадника ея весьма толстаго и тучнаго. И спросили, почему ты тучнѣе своей лошади? Потому*, отвѣчалъ онъ, *что о себѣ стараюсь я самъ, а о лошади негодный слуга Статій. Показалось, что сей отвѣтъ сказанъ неучтиво, и для того по обыкновенію лишили онаго всадника гражданскихъ правъ и преимуществъ.* Что же касается до имени *Статій*, то оно было рабское. Потому что многіе у древнихъ рабы назывались симъ именемъ. Да и Цецилій оный знатный комическій стихотворецъ былъ рабъ: и потому назывался *Статіемъ*. Но послѣ сіе имя превращено какбы въ прозванье; и назывался онъ *Цециліемъ Статіемъ*.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ПЯТАЯ
ГЛАВА 1.

О томъ, что Мусоній философъ за предосудительное и порочное дѣло почиталъ разсуждающему философу хвалиму быть отъ восклицающихъ, и при похвалѣ дѣлающихъ тѣлодвиженіе.

Слышалъ я, что (1) Мусоній философъ обыкновенно говорилъ: когда философъ уговариваетъ, увѣщаваетъ, совѣтуетъ, обличаетъ, или какоенибудь другое въ своей рѣчи дѣлаетъ наставленіе; и естьли слушатели отъ всей внутренности и усердія безразсудно произносятъ простыя и обыкновенныя похвалы; естьли восклицаютъ, естьли пріятностію его произношенія, мѣрностію словъ, и какбы нѣкоторою трелью въ рѣчи движимы и возбуждаемы бываютъ, и изъявляютъ свое удовольствіе тѣлодвиженіемъ; то знать надобно что и тотъ, кто говоритъ, и тѣ, которые слушаютъ, желаемаго успѣха не имѣютъ: и тогда не философъ говоритъ, но свирѣльщикъ играетъ.

(1) *Мусоній философъ*] О которомъ упоминаетъ Филостратъ въ *Жизни Аполлонія*; его же, какъ я думаю, суть тѣ, неполныя книги, которыя упоминаются у Стобея. И другой былъ Мусоній въ время Іуліаново, о которомъ Евнапій упомянулъ въ *Жизни Проересія*.

Духъ, говоритъ, того, кто слушаетъ философа, ежели говоримое есть здраво, полезно и цѣлительно въ разсужденіи пороковъ и заблужденій, празднаго и свободнаго времени на пространную и изобильную похвалу не имѣетъ. Всякой слушатель, ежели онъ не совсѣмъ есть человѣкъ развращенный, въ самую философа рѣчь непремѣнно долженъ и страшиться и молча стыдиться и сожалѣть и радоваться и удивляться. Даже до того что долженъ имѣть перемѣну въ лицѣ и въ чувствахъ; равно какбы философово разбираніе обоихъ души частей цѣлыхъ или поврежденныхъ чувствительно касалось до него и до его совѣсти. Сверхъ сего говорилъ, что великая похвала не разнится отъ удивленія: а великое удивленіе раждаетъ не слова, но молчаніе: и потому премудрый стихотворецъ оныхъ слушателей Уликса о трудахъ своихъ весьма ясно повѣствующаго, по окончаніи повѣствованія, представляетъ не скачущими отъ радости, ни шумящими, ниже восклицающими, но говоритъ, что всѣ замолчали, какбы устрашенные и изумленные услажденіемъ слуха коснувшимся самаго языка.

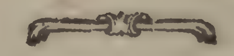
ГЛАВА

ГЛАВА 2.

О конѣ царя Александра, который названъ Вукефаломъ.

Конь Александра царя и по головѣ и по имени былъ *Букефалъ*. Харесъ написалъ, что онъ купленъ за тринатцать талантовъ [7800 рублей] и подаренъ царю Филиппу. О семъ конѣ показалось достопамятно то, что онъ приготовленъ и вооруженъ будучи на сраженіе, никогда никого садиться на себя не допустилъ кромѣ царя. О семъ конѣ упоминается и то, что въ Индійскую войну, когда Александръ на немъ сидя и производя храбрыя дѣла по неосторожности попался въ непріятельскій строй; то конь пущенными со всѣхъ сторонъ въ Александра стрѣлами глубоко въ шею и въ бокъ раненъ: однако, умирая и почти бездыханенъ уже будучи, весьма быстрымъ бѣгомъ вынесъ царя изъ средины непріятелей: и какъ скоро довезъ до мѣста отъ стрѣлъ безопаснаго, тотчасъ упалъ, и въ безопасности уже о жизни своего господина, какбы съ человѣческимъ чувствіемъ удовольствія умеръ. То царь Александръ, одержавъ на оной войнѣ побѣду, на томъ же мѣстѣ построилъ городъ; и въ честь своего коня назвалъ оный Вукефаломъ.

ГЛАВА 3.

Какая была причина Протагору учиться философiи, и какъ онъ началъ учиться.

Сказываютъ, что Протагоръ, мужъ ученiемъ превосходный, котораго именемъ (1) Платонъ надписалъ оную свою знаменитую книгу, будучи въ юношествѣ отданъ былъ въ работу, и носилъ на себѣ тяжести. Такiе люди у Грековъ называются ἀχθοφόροι [*бременосцы*]. Когда онъ изъ ближней деревни (2) въ городъ Авдиру, котораго былъ уроженецъ, множество деревянныхъ досокъ связавъ короткою веревкою несъ: то (3) Димокритъ того же города житель, человѣкъ по добродѣтели и искуству въ философiи предъ прочими почтенный, вышедши по случаю за городъ, увидѣлъ его съ тою трудностiю и неудобносимою тяжестiю лехко и проворно идущаго: и близко подошедши разсматривалъ свя-

(1) *Платонъ оную знаменитую книгу*] Разговоръ, котораго надписанiе *Протагоръ* или *Софисты*.

(2) *Въ городъ Авдиру*] Ѳракiйскiй городъ неподалеку отъ устья рѣки Нисса находящiйся, который, по свидѣтельству Иродота въ 1. книгѣ, былъ поселѣнiемъ Теѣвъ.

(3) *Димокритъ*] Который училъ, что все составлено изъ нераздѣлимыхъ существъ безчисленныя виды имѣющихъ, и что всякое движенiе производится отъ нихъ. Сiе мнѣнiе содержалъ и Епикуръ. Тоже Димокритъ думалъ, что кругообращенiе сихъ нераздѣлимыхъ существъ есть причиною всякаго рожденiя, и что самое солнце изъ такихъ кругообращенiй составлено, и что безчисленное есть множество мiровъ.

связаніе и положеніе досокъ искусно и разумно сдѣланное, и просилъ его не много остановиться. Какъ Протагоръ по прозьбѣ его сіе учинилъ, и Димокритъ еще усмотрѣлъ, что оная груда и какбы кругъ изъ досокъ коротокою веревкою связанный, какбы нѣкоторымъ геометрическимъ образомъ сравненъ и расположенъ: то спросилъ, кто оныя доски такъ сложилъ? и какъ онъ сказалъ, что сложилъ ихъ самъ; то Димокритъ попросилъ ихъ развязать и опять такимъ же образомъ сложить. Но какъ онъ развязалъ и по прежнему сложилъ: то Димокритъ удивившись остроумію человѣка неученаго, сказалъ: *Любезный юноша, когда ты имѣешь способность дѣлать хорошее, то можешь со мною дѣлать лучшее и большее:* и тотчасъ взялъ его съ собою, и при себѣ имѣлъ, давалъ на содержаніе, училъ философіи, и сдѣлалъ его такимъ, каковъ онъ былъ послѣ. Однако сей Протагоръ (4) хотя не настоящій былъ философъ, но весьма острый софистъ; ибо онъ ежегодно получая отъ учениковъ (5) великое число денегъ, обѣщался учить то-

(4) *Хотя не настоящій философъ*] Онъ первый оставивъ прямыя и чистыя правила философіи, прилѣпился къ Софисмамъ, непристойнымъ хитростямъ и къ темнымъ и затруднительнымъ вопросамъ. Примѣръ такихъ хитростей находится у нашего писателя кн. 5. гл. 16. Платонъ *въ Зинонѣ* свидѣтельствуетъ, что онъ, будучи шестидесяти лѣтъ отъ роду, хвалился, что чрезъ сорокъ лѣтъ изпортилъ юношество.

(5) *Ве-*

тому, какъ чрезъ хитрость словъ слабую причину дѣлать сильнѣйшею. И сіе по Гречески называлъ слѣдующимъ образомъ, τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν. т. е. *Слабую причину сдѣлать сильнѣйшею.*

ГЛАВА 4.

О словѣ duoetuicesimo, *которое въ простомъ народѣ неизвѣстно, а отъ ученыхъ мужей въ книгахъ многократно писано.*

Я и Юлій Павелъ стихотворецъ, мужъ въ наше время весьма ученый, сидѣли въ книжной лавкѣ состоящей въ улицѣ называемой (1) Сигилларія. Тамъ выложенъ былъ для продажи старинный хорошій и исправный Фабіевъ лѣтописецъ, о которомъ книгопродавецъ спорилъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ погрѣшностей. Нѣкто же знатный Грамматикъ, котораго покупщикъ привелъ съ собою для смотренія книгъ, говорилъ, что онъ въ книгѣ нашелъ одну погрѣшность; но книгопродавецъ напротивъ хотѣлъ о всемъ биться объ закладъ, естьли хотя въ одной буквѣ гдѣнибудь есть ошибка. Грамматикъ показывая слѣдующія въ четвертой книгѣ написанныя слова, „Qua-
„ propter

(5) *Великое число денегъ*] Лаертій утверждаетъ, что онъ съ каждаго ученика бралъ по сту минъ, то есть по 1000 рублей. Онъ первый былъ философъ, который училъ за мзду, и великое имѣлъ богатство, какъ пишетъ Платонъ *въ Зинонѣ.*

(1) *Сигилларіа*] Смотри выше кн. 2. гл. 3.

„ propter tum primum ex plebe alter consul factus „ ect, duoetuicesimo anno, postquam Romam Galli „ ceperunt, говорилъ, что не duoetuicesimo написать было надобно, но *duodeuicesimo*; ибо къ чему тутъ *duoetuicesimo*? И въ другомъ мѣстѣ написалъ онъ слѣдующее: „ Mortuus „ est anno duoetuicesimo. Rex fuit annos viginti et „ unum.

ГЛАВА 5.

Какою шуткою Карѳагенскій Аннибалъ насмѣялся Антіоху царю.

Написано въ книгахъ записокъ, что Аннибалъ Карѳагенскій весьма забавно насмѣялся царю Антіоху. Оная несмѣшка была слѣдующая. Антіохъ показывалъ ему въ полѣ великое войско, которое онъ, вознамѣрившись съ народомъ Римскимъ воевать, собралъ: и обращалъ войско серебряными и золотыми знаками украшенное. Представлялъ также колесницы съ косами, слоновъ съ башнями, и конницу уздами, попонами, ожерельями и головными уборами блистающую. И когда царь смотря на толикое и толь украшенное войско, съ величавостію взглянулъ на Аннибала, и сказалъ: *Какъ ты думаешь, можетъ ли сіе сравниться съ силою Римскою, и доволно ли всего сего для Римлянъ?* То Карѳагенецъ, смѣясь боязливости и неискусству его воиновъ драгоцѣнно вооруженныхъ, сказалъ: *Доволно конечно,*

нечно, довольно думаю всего сего для Римлянъ, хотя они и очень сребролюбивы. Ничего подлинно ни такъ забавно, ни такъ язвительно сказать не можно. Царь спрашивалъ о числѣ и о сравненіи своего войска: отвѣтствовалъ Аннибалъ о добычѣ.

ГЛАВА 6.

О вѣнцахъ воинскихъ; какой изъ нихъ торжественный, *какой* осадный, *какой* гражданскій, *какой* стѣнный, *какой за* вшествіе въ непріятельскій станъ, *какой* за взбѣжаніе на непріятельское судно даваемый, *какой* малаго торжества [ovalis], *какой* масличный.

Воинскіе вѣнцы суть многоразличны. Изъ которыхъ о превосходнѣйшихъ я слышалъ, что они суть слѣдующіе: *Торжественный, осадный, гражданскій, стѣнный, за вшествіе въ непріятельскій станъ, за взбѣжаніе на непріятельское судно даваемый.* Есть притомъ вѣнецъ называемый *малаго торжества* [ovalis]. Есть также послѣдній *масличный*, который обыкновенно употребляютъ на сраженіи не бывшіе, но вмѣсто другихъ торжество отправляющіе. (1) *Торжественные* вѣнцы суть золотые, присылаемые полководцамъ въ честь торже-

---

(1) *Торжественные вѣнцы*] Которые отъ союзныхъ народовъ полководцамъ были присылаемы, и въ торжествѣ напереди носимы были во многомъ числѣ.

жества. Сіе просто называется *вѣнечное золото* [aurum coronarium]. Сіи вѣнцы встарину были лавровые; а послѣ стали ихъ дѣлать изъ золота. *Осадный* тотъ, который свобожденные отъ осады даютъ свободившему полководцу. Сей вѣнецъ есть травяный: притомъ наблюдаемо было, чтобы вѣнецъ сдѣланъ былъ изъ травы росшей на томъ мѣстѣ, въ которомъ заключены были осажденные. Сей травяный вѣнецъ Сенатъ и народъ Римскій во вторую Пуническую войну далъ К. Фабію Максиму за то, что онъ городъ Римъ свободилъ отъ непріятельской осады. *Гражданскій* вѣнецъ называется, который гражданинъ гражданину сохранившему его на сраженіи даетъ въ засвидѣтельствованіе полученія жизни и здравія. Онъ дѣлается изъ дубовой вѣтви, понеже у древнихъ обыкновенная была пища дубовыя желуди: также изъ ясени; который родъ вѣнцовъ весьма близокъ къ вышепоказанному, какъ писано въ нѣкоторой Цециліевой комедіи:

Припозятся, говоритъ онъ, *въ ясенномъ вѣнцѣ Боже мой!*

А Массурій Сабинъ въ одиннатцатой изъ записныхъ своихъ книгъ говоритъ, что гражданскій вѣнецъ тогда обыкновенно былъ даваемъ, когда сохранившій гражданина въ то же самое время убивалъ и непріятеля; и не сходилъ съ мѣста въ томъ сраженіи: а иначе право гражданскаго вѣнца да-

ваемо не было. Однако говоритъ, когда къ Тиберію Цесарю присланъ былъ докладъ о томъ, можетъ ли тотъ получить гражданскій вѣнецъ, который хотя гражданина на сраженіи сохранилъ и тамъ же убилъ двухъ непріятелей, но не удержалъ того мѣста, на которомъ имѣлъ сраженіе, и онымъ мѣстомъ завладѣли непріятели; то онъ отписалъ, что и тотъ гражданскаго вѣнца достоинъ быть кажется; понеже по видимому сохранилъ онъ гражданина въ такомъ трудномъ мѣстѣ, котораго храбро сражающимся удержать было не можно. Сей гражданскій вѣнецъ Л. Геллій, бывшій Ценсоръ, принудилъ въ Сенатѣ отъ республики дать Консулу Цицерону; понеже его стараніемъ прежестокій оный Катилининъ заговоръ былъ открытъ и наказанъ. *Стѣнный* вѣнецъ тотъ, который отъ полководца дается тому, кто первый подошелъ подъ стѣну, и силою взошелъ въ непріятельскій городъ. Потому оный какбы зубцами городовой стѣны украшенъ. *За шествіе въ непріятельскій станъ даваемый* вѣнецъ, который полководецъ даетъ тому, кто первый сражаясь взошелъ въ непріятельскій станъ. Сей вѣнецъ имѣетъ знакъ вала. *За взъѣжаніе на непріятельское судно даваемый* вѣнецъ, который обыкновенно дается тому, кто во время морскаго сраженія первый вооруженъ перескочилъ на непріятельское судно. На немъ изображены какбы корабель-

бельные носы. А притомъ *стѣнный* и *за пшествіе въ станъ и за избѣжаніе на судно* даваемые вѣнцы обыкновенно дѣлаются изъ золота. *Малаго торжества* вѣнецъ есть миртовый. Оный употребляли полководцы въѣзжавшіе въ городъ съ малымъ торжествомъ. Причина малаго торжества а не большаго [ovandi ac non triumphandi] есть слѣдующая; когда или война неправильно объявленная, и не съ настоящимъ непріятелемъ учинена; или имя непріятелей низко и неславно, какъ то рабовъ и морскихъ разбойниковъ; или по причинѣ сдѣлавшейся вдругъ сдачи безъ сраженія и безъ кровопролитія одержана побѣда. Къ сей удобности за пристойную почли (2) вѣтьвь Венерину; потому что сіе не Марсово, но какбы нѣкоторое было торжество Венерино. Сей миртовый вѣнецъ М. Крассъ съ гордостію презрѣлъ, когда, по окончаніи войны съ бѣглецами, въ маломъ торжествѣ возвратился: и старался, чтобы изъ милости Сенатскимъ указомъ опредѣлено ему было дать лавровый, а не миртовый вѣнецъ. М. Катонъ укорялъ М. Фулвія Нобиліора за то, что онъ изъ тщеславія давалъ воинамъ вѣнцы за маловажнѣйшія дѣла. О чемъ самыя приложилъ я здѣсь Катоновы слова: *Съ начала кто видѣлъ, чтобы данъ былъ комунибудь*

 пѣ-

(2) *Вѣтьвь Венерину*] Ибо миртъ посвященъ былъ Венерѣ.

вѣнецъ такому, кто не взялъ города, или не сожетъ непріятельскаго стана? А Фулвій, на котораго сіе отъ Катона сказано, давалъ воинамъ вѣнцы за то, что они починивали валъ, или что старательно рыли колодезь. Не должно опустить того, что касается до малыхъ торжествъ [ouationes]: въ чемъ, знаю, что древніе писатели несогласны. Ибо нѣкоторые написали, что имѣющій малое торжество обыкновенно въѣжжалъ на лошади: но Сабинъ Массурій говоритъ, что имѣющіе малое торжество входили пѣшіе, и за ними шли не воины, но весь Сенатъ.

ГЛАВА 7.

Сколь изрядно Гавій Бассъ изтолковалъ слово persona, *и откуда произвелъ сіе слово.*

Изрядно поистиннѣ и искусно Габій Бассъ въ книгахъ *о Произхожденіи словъ* толкуетъ, откуда имѣетъ названіе *persona*: ибо онъ догадывается, что слово сіе произведено отъ *personando*. „Nam caput, говоритъ, et os cooperimento personae tectum undique, una que tantum vocis emittendae via peruium; quoniam non vaga neque diffusa est, in unum tantum modo exitum collectam coactamque vocem ciet, et magis claros canorosque sonitus facit. Quoniam igitur indumentum illud oris clarescere et resonare vocem facit; ob eam causam persona dicta est, o littera propter vocabuli formam productiore.

ГЛАВА 8.

Оправдание погрѣшности въ Виргиліевыхъ стихахъ, которыя порочилъ Юлій Гигинъ Грамматикъ: и притомъ, что такое есть LITUUS, *и о произведеніи сего слова.*

(1) *Ipſe Quirinali lituo paruaque ſedebat*
Succinctus trabea; læuaque ancile gerebat.

Гигинъ написалъ, что Виргилій въ стихахъ погрѣшилъ, будто бы не усмотрѣвъ, что есть нѣкоторый недостатокъ въ сихъ словахъ:

Ipſe Quirinali lituo.

Ибо естьли, говоритъ, усмотримъ, что никакого нѣтъ недостатка, то кажется сказано такъ, чтобы было *lituo & trabea ſuccinctus*, а сіе, говоритъ, весьма непристойно: потому что когда *lituus* есть короткій жезлъ съ того конца, который толще, изогнутый, употребляемый отъ птицегадателей [augures]; то какимъ образомъ быть можетъ *ſuccinctus lituo*? Да и самъ Гигинъ не очень примѣтилъ, что сіе сказано, какъ и многое говорится, недостаточно. Такъ когда говорится: „M. Cicero homo magna elo„quentia, et, Q. Roſcius hiſtrio ſumma venuſtate. Сіе и то и другое неполно и несовершенно: но говорится вмѣсто полнаго и совершеннаго. Виргилій на другомъ мѣстѣ:

Victorem Buten immani corpore,

(1) Ipſe Quirinali lituo] Находятся сіи стихи въ кн. 7. Энеид. ст. 187

то есть corpus immane habentem. Также на другомъ мѣстѣ:

In medium geminos immani pondere cæstus
Projecit.

и сему подобно:

- - - *Domus sanie dapibusque cruentis,*
Intus opaca, ingens.

По сему такъ сказаннымъ казаться долженствуетъ и сіе, *Picus Quirinali lituo erat:* какъ говоримъ: *statua grandi capite erat.* А *est*, *erat* и *fuit* по большей части изрядно опускаются безъ недостатка. И поелику мы упомянули о словѣ *lituus*, то не должно опустить и того, о чемъ кажется можетъ предложенъ быть вопросъ; птицегадательскій ли жезлъ названъ *lituus* отъ *трубы* называемой *lituus*, или труба отъ птицегадательскаго жезла названа *lituus*. И тотъ и другая равнаго вида и равно сверху изогнуты. Но естьли, какъ нѣкоторые думаютъ, труба отъ звука названа lituus, по оному Омирову слову λίγξε βιός т. е. *Возгремѣла изогнутая труба*: то надобно такъ принимать, что птицегадательскій жезлъ отъ подобія трубы называется *lituus.* Виргилій же слово сіе употребляетъ и вмѣсто трубы:

Et lituo pugnas insignis obibat & hasta.

ГЛАВА

ГЛАВА 9.

Взятая изъ Иродотовыхъ книгъ повѣсть о Крезовомъ сынѣ.

Сынъ царя Креза, по лѣтамъ своимъ могши уже говорить, былъ безсловесенъ; и когда уже довольно выросъ, то также говорить не могъ. Такимъ образомъ почитался нѣмымъ и безъязычнымъ. Когда на отца его въ великую войну побѣжденнаго, по взятіи города, въ которомъ онъ находился, непріятель, не зная что онъ царь, напалъ съ обнаженною шпагою: то юноша стараясь закричать разверзъ уста, и симъ усиліемъ и стремленіемъ духа недостатокъ и узолъ языка разорвавъ, ясно и порядочно выговорилъ, крича на непріятеля, чтобы онъ не умерщвлялъ царя Креза. Тогда и непріятель опустилъ шпагу, и царь не лишился жизни, и юноша совершенно наконецъ говорить началъ. О семъ пишетъ Иродотъ въ своихъ повѣствованіяхъ. Первыя слова, которыя, по объявленію его, Крезовъ сынъ выговорилъ, суть слѣдующія: Ἄνθρωπε μὴ κτεῖνε Κροῖσον. т. е. *Человѣкъ не убивай Креза.* Но и нѣкто Самосскій боецъ именемъ Еглисъ, сперва будучи нѣмъ, по подобной, сказываютъ, причинѣ говорить началъ. Ибо, когда на священномъ сраженіи между ими и соперниками ихъ недобросовѣстно дѣлано было жребометаніе, примѣтивъ онъ, что ложный подкинутъ на его имя жеребей, вдругъ на сдѣлавшаго сіе гром-

ко закричалъ, что онъ видитъ его обманъ! И такимъ образомъ отъ узъ безсловесія разрѣшившись, съ той поры чрезъ все время жизни ясно и некосноязычно говорилъ.

ГЛАВА 10.

О доказательствахъ, которыя по Гречески ἀντιςρέφοντα (*оборотныя*), *а по Латински* reciproca *назваться могутъ.*

Кажется, что между пороками доказательствъ самый большій порокъ есть въ тѣхъ, которыя у Грековъ ἀντιςρέφοντα (*оборотными*) называются. Оныя отъ нѣкоторыхъ изъ Латинъ не очень подлинно непристойно названы *reciproca* (*позвратительными*). А порокъ оный случается слѣдующимъ образомъ. Когда предложенное доказательство противъ того и на того обращено быть можетъ, отъ кого оное употреблено; и притомъ то и другое равную имѣетъ силу: каково есть оное весьма извѣстное, которое, сказываютъ, Протагоръ преострый софистъ употребилъ противъ Еваѳла своего ученика. Ибо между ими о договорной цѣнѣ слѣдующая была ссора и споръ. Еваѳлъ юноша богатый имѣлъ желаніе научиться краснорѣчію и говорить суды. Онъ пошелъ въ науку къ Протагору, и обѣщалъ дать столь великую плату, сколь великой требовалъ Протагоръ; и не начавъ еще учиться далъ уже половину

оной;

оной: притомъ уговорился оставшуюся половину отдать въ тотъ день, въ который онъ предъ судьями въ первые проговоритъ судъ и одержитъ верхъ. Потомъ когда долго учившись у Протогора, и довольно успѣвши въ краснорѣчіи, въ суды однако, по прошествіи многаго уже времени, не входилъ, и видно было, что онъ сіе дѣлаетъ для того, чтобы не отдать оставшейся платы; то Протагоръ хитрое, какъ онъ тогда думалъ, принялъ намѣреніе. А имянно, вознамѣрившись просить по договору платы, вступилъ съ Еваѳломъ въ судъ. И когда они для предложенія дѣла пришли къ судьямъ; то Протагоръ началъ говорить слѣдующимъ образомъ: *Знай преглупый юноша, что хотя по обвиненіе, хотя по оправданіе твое сдѣланъ будетъ приговоръ; то и потому и по другому долженъ ты будешь отдать мною требуемое. Ибо, ежели по обвиненіе твое приговоръ будетъ сдѣланъ, то плату долженъ ты будешь мнѣ отдать по приговору, понеже я одержу верхъ: а ежели произведенъ будетъ судъ по оправданіе твое, то ты долженъ будешь мнѣ дать плату по договору, понеже ты одержишь верхъ.* На сіе отвѣтствовалъ Еваѳлъ: *Могъ бы я сей толь двоякій твой обманъ опровергнуть, естьли бы не самъ говорилъ судъ, но вмѣсто себя имѣлъ бы какогонибудь стряпчаго. Но я не въ дѣлѣ только, но и въ доказательствѣ семъ тебя побѣждая, больше въ сей*

 по-

побѣдѣ нахожу удовольствіе. И такъ знай же и ты, премудрый учитель, что хотя по обвиненіе, хотя по оправданіе мое сдѣланъ будетъ приговоръ, то и потому и по другому не отдамъ тобою требуемаго. Ибо, ежели судьи сдѣлаютъ приговоръ въ мою пользу, то ничего тебѣ давать не долженъ буду по приговору: понеже я одержу верхъ. А ежели сдѣлаютъ въ противность мнѣ: то я ничего не долженъ буду давать по договору, понеже не одержу верха. Тогда судьи съ обоихъ сторонъ предлагаемое почетши за сумнительное и нерѣшимое, дабы приговоръ ихъ, въ которую бы сторону былъ ни сдѣланъ, самъ по себѣ не былъ недѣйствителенъ, дѣло не рѣшивъ оставили, и отложили оное на весьма продолжительное время. Такимъ образомъ отъ молодаго человѣка, своего ученика, знатный краснорѣчія учитель собственнымъ своимъ доказательствомъ былъ побѣжденъ, и въ хитровымышленномъ обманѣ обманулся.

ГЛАВА 11.

Віантовъ силлогизмъ о женидьбѣ не можетъ казаться оборотнымъ.

Нѣкоторые думаютъ, что и слѣдующій Віанта, мужа мудраго и знатнаго, отвѣтъ подобенъ оному Протагорову, о которомъ я выше упомянулъ, оборотному доказательству. Ибо когда нѣкто спросилъ Віанта, надобно ли ему жениться, или без-

безженную имѣть жизнь, то онъ сказалъ: Ἤτοι καλὴν ἕξεις, ἢ αἰσχράν. καὶ εἰ καλὴν, ἕξεις κοινήν. εἰ δὲ αἰσχρὰν, ἕξεις ποινήν. ἑκάτερον δὲ οὐκ ἀγαθὸν· οὐ ληπτέον ἄρα. т. е. *Или пригожую ты возмешь, или дурную. Ежели пригожую, то будешь имѣть общую; а ежели дурную, то будешь имѣть себѣ наказаніе. А и то и другое не хорошо. Слѣдовательно не надобно жениться.* А сей отвѣтъ обращаютъ такъ: Εἰ μὲν καλὴν ἕξω, οὐχ ἕξω ποινήν. εἰ δὲ αἰσχρὰν, οὐχ ἕξω κοινήν. γαμητέον ἄρα. т. е. *Естьли пригожую возму, то не буду имѣть наказанія, а естьли дурную, то не буду имѣть ея общую. Слѣдовательно надобно жениться.* Но кажется, что сей отвѣтъ не есть *оборотный*, понеже онъ съ другой стороны будучи обращенъ есть слабѣе и безсильнѣе. Ибо Віантъ предложилъ, что не надобно жениться для которой нибудь изъ сихъ двухъ невыгодъ, которою тому, кто женится, претерпѣть непремѣнно надобно будетъ. А тотъ, кто переворотилъ сей отвѣтъ, не отвращаетъ отъ себя настоящей невыгоды: но говоритъ, что онъ не имѣетъ одной, которой нѣтъ. Для защищенія же сказаннаго Віантомъ изреченія довольно того, что женившемуся надобно претерпѣть одну изъ двухъ невыгодъ, то есть или имѣть *общую*, или имѣть *наказаніе*. Но Фаворинъ нашъ, когда по случаю упомянутъ былъ сей Віантовъ силлогизмъ, котораго первое предложеніе есть, ἤτοι καλὴν ἕξεις, ἢ αἰσχράν, т. е. *или пригожую возмешь,*

или

или дурную. Сказалъ, что онъ раздѣленъ неосновательно и неправильно; понеже ненужно одному изъ двухъ раздѣляемыхъ быть истинному. что въ выговорѣ раздѣлительномъ нужно. Ибо кажется, что дурныя и пригожія лица означаются по нѣкоторому превосходству. А между сими двумя раздѣляемыми есть и третіе, чего Віантъ не разсудилъ и не разсмотрѣлъ. Ибо между самою пригожею и самою дурною женщиною есть нѣкоторое среднее лице; которое ни опасности, каковая отъ чрезвычайной красоты, ни отвращенію, каковое отъ крайняго безобразія бываетъ, не подлежитъ. Такое лице отъ К. Еннія *въ Меналиппѣ* прекраснымъ словомъ называется *stata*; и имѣющая оное женщина не будетъ ни *общею*, ни *наказаніемъ*. Такое женское лице не неискусно подлинно Фаворинъ назвалъ посредственнымъ и скромнымъ. А Енній въ упомянутой трагедіи говоритъ, что женщины посредственнаго лица [stata forma] суть тверды въ цѣломудріи.

ГЛАВА 12.

О именахъ боговъ Римскаго народа Діописа и Веіописа.

Примѣтилъ я, что въ древнихъ надписяхъ находятся сіи имена боговъ *Діописъ и Веіописъ*. А въ Римѣ между крѣпостію и Капитоліею есть и храмъ *Веіописовъ*. Увѣдомился я, что причина сихъ именъ

именъ есть слѣдующая. Древніе Латины *Iовиса* назвали отъ Iuuo: и его же приложивъ другое слово назвали pater. Ибо какъ съ выпущеніемъ и перемѣною нѣкоторыхъ словъ Юпитеръ, такъ полнымъ и цѣлымъ именемъ называется *Iouispater*. Такимъ же образомъ и *Neptunuspater* сложенно названъ, и *Saturnuspater* и *Ianuspater* и *Marspater* [ибо сіе значитъ *Marspiter*] также Iовисъ названъ *Diespiter*, т. е. diei и lucis pater. И для того подобнымъ именемъ названъ *Diiouis* и *Lucetius*, понеже онъ намъ diem и lucem какъ бы самую жизнь дарствуетъ и онымъ спомоществуетъ. А *Lucetium Iouem* Кн. Невій въ книгахъ *Карѳагенской войны* упоминаетъ. И такъ когда Iouem и Dijouem назвали отъ iuuo [помогаю]; то и того бога, который имѣлъ власть не iuuandi [помогать], но силу вредить [ибо нѣкоторыхъ боговъ почитали для того, чтобы они дѣлали пользу, а нѣкоторыхъ умилостивляли для того, чтобы не дѣлали вреда] назвали *Ueijouem* отнявъ способность помогать. Ибо частица *ue*, которая въ различныхъ словахъ различно чрезъ двѣ сіи буквы, съ *a*, и со вложеніемъ средней буквы выговаривается, двоякое и между собою различное имѣетъ означеніе: ибо оно служитъ и ко увеличенію и ко уменшенію вещи, какъ и другія премногія частицы; почему случается, что нѣкоторыя слова, предъ которыми сія частица полагается, суть обоюдны и на обѣ

сто-

стороны говорятся: какъ *uescum*, *uehemens* и *uegrande*; о которыхъ на другомъ мѣстѣ съ пространнѣйшимъ разсужденіемъ я упомянулъ: а *uesani* и *uecordes* изъ приложенія одной только недостаточной частицы, называемой отъ Грековъ *κατὰ ςέρησιν*, составляются. И такъ изображеніе бога Веіовиса, находящееся въ вышеупомянутомъ храмѣ, держитъ стрѣлы, которыя то есть готовы вредить. По сей причинѣ многіе его называютъ Аполлономъ; и приносится ему въ жертву, по Римскому чиноположенію, коза: сего животнаго и изображеніе стоитъ при кумирѣ Веіовисовомъ. По сему, говорятъ, и Виргилій, человѣкъ по справедливости во многихъ древностяхъ искусный, сихъ вредительныхъ боговъ умоляетъ въ книгахъ о *Земледѣліи*, означая, что сіи боги нѣкоторую имѣютъ силу могущую больше вредить, нежели дѣлать добро. Стихи Виргиліевы суть слѣдующіе:

Во легкомъ пещи трудъ, но слава есть велика,
Когда противные кому дозволятъ боги,
И призываніе ихъ Аполлонъ внимаетъ.

А въ числѣ тѣхъ боговъ, которыхъ надобно умилостивлять для того, чтобы они отъ насъ или отъ родившихся плодовъ отвратили зло, полагаются *Аперрункъ* и (1) *Ровигъ*. ГЛАВА

---

(1) *Ровигъ*] Котораго почитали отвращающимъ ржу отъ хлѣба, какъ пишетъ Варронъ. Праздникъ его называемый *Ровигалга* отправляемъ былъ 25 Апрѣля: поне-

ГЛАВА 13.

О степени должностей и о порядкѣ по обыкновенію Римскаго народа наблюдаемомъ.

При моей бытности и слухѣ, у благородныхъ Римскихъ стариковъ, древнія обыкновенія и порядки очень довольно знающихъ и помнящихъ, было нѣкоторое разсужденіе о степени и порядкѣ должностей; и когда предложенъ былъ вопросъ, въ разсужденіи кого намъ прежде и лучше оныя исполнять должно, естьли надобно будетъ во споможеніи и во исполненіи должности однихъ предпочесть другимъ. А съ обычаями Римскаго народа сходно и согла-

сно

же тогда почти ржа садится на хлѣбъ, какъ свидѣтельствуетъ Плиній кн. 18. гл. 29. Сему богу приносили въ жертву внутренния части собаки и овцы. Овид. кн. 4. о *Празд.*

Во рощу древняго Робига шли жрецы,
Чтобъ внутренность сожечь собаки и овцы.

Сіе жертвоприношеніе уставилъ Нума Помпилій. О приношеніи въ жертву сосущаго молоко щенка говоритъ и Колумелла слѣдующее:

Чтобъ злачныхъ злая ржа не поядала травъ,
Сосущаго млеко приносятъ въ жертву кровь
И внутренность щенка.

Также созвѣздію псу прино или въ жертву рыжую собаку, какъ говоритъ Фестъ: *Вороты въ Римѣ назывались собачьими, понеже недалеко отъ нихъ для умилостивленія созвѣздія пси вреднаго хлѣбу приносимы были въ жертву рыжыя собаки, что бы начинающія желтѣть нивы пришли въ зрѣлость.* Какъ Римлянѣ, такъ и Родосцы имѣли бога отгонавшаго ржу. Ибо у нихъ былъ храмъ Аполлона Ериѳивія то есть ржу отвращающаго.

ско было, чтобы первое по родителяхъ мѣсто занимали сироты, на наши руки и попеченіе отданные, ближайшее по нихъ мѣсто имѣли бы покровительствуемые [clientes], которые также въ наше отдались попеченіе и покровительство; потомъ въ третьемъ мѣстѣ были бы (1) странные, въ послѣднемъ родственники и сродники. Сего обычая и наблюденія многія находятся свидѣтельства и доказательства въ древностяхъ написанныя, изъ которыхъ между прочимъ одно слѣдующее, о покровительствуемыхъ и родственникахъ, которое у меня готово, положу. М. Катонъ въ рѣчи, говоренной предъ Ценсорами на Лентула, написалъ такъ: *Предки за большее свято почитали защищать сиротъ, нежели не обманывать покровительствуемаго. Противъ сродниковъ за покровительствуемаго пойдетъ кто нибудь по свидѣтели; а (2) противъ покровительствуемаго никто не свидѣтельствуетъ*

---

(1) *Странные*] Сіе обязательство было не только между частными людьми, но и между цѣлыми народами и городами. Ливій въ кн. 7. пишетъ, что между царемъ Евменомъ и народомъ Римскимъ общенародное было страннопріимство, котораго знакомъ была четвероугольная косточка [tessera], и Юпитеръ мстилъ за нарушеніе страннопріимнаго обязательства.

(2) *Противъ покровительствуемаго*] На обоихъ какъ на покровителя, такъ и на покровительствуемаго сей законъ наложилъ Ромулъ, чтобы ни взаимной другъ на друга дѣлать прозьбы, ни обижать свидѣтельствомъ или подаяніемъ голоса, ниже имѣть вражду было не позволено. см. Діон. Аликарн. кн. 1.

ствуетъ: отецъ первое имѣетъ мѣсто, а по немъ ближайшее покровитель. А Массурій Сабинъ, въ третіей книгѣ *Гражданскаго права*, первѣйшее мѣсто даетъ странному, нежели покровительствуемому. Слова изъ оной книги суть слѣдующія: *Должности у предковъ слѣдующимъ образомъ были наблюдаемы; первая была въ разсужденіи сироты, вторая въ разсужденіи страннаго, третія въ разсужденіи покровительствуемаго, четвертая въ разсужденіи (3) родственника, а послѣдняя въ разсужденіи сродника. По сей причинѣ женщины предъ мущинами почиталисъ преимущественнѣйшими, и попеченію о сиротахъ было предпочитаемо попеченіе о женщинахъ: притомъ тѣ, которые сироту по суду противъ когонибудъ защищали, будучи оставлены защитниками его сына въ томже дѣлѣ, за сироту вступались.* Твердо и ясно сіе доказываетъ важность К. Цесаря великаго первосвященника, который рѣчь говоренную за Виѳинійсцовъ слѣдующими началъ словами: *Или для страннопріимства царя Никомидійскаго, или для союза тѣхъ, которыхъ дѣло производится, не могъ я, М. Виній, избѣжать сей должности. Ибо ни смертію людей память долженствуетъ*

 истре-

(3) *Родственника*] Подъ именемъ родственниковъ разумѣются единокровные; а подъ именемъ сродниковъ мужнины и женнины родственники между собою; потому что два родства между собою различныя чрезъ бракосочетаніе соединяются и какбы сродняются.

истреблена быть такъ, чтобы оной не удержали ближніе, ни покровительствуемые безъ крайняго безчестія оставлены быть не могутъ: которымъ также опредѣлили мы вспомоществовать прежде нашихъ сродниковъ.

ГЛАВА 14.

Аппіонъ человѣкъ ученый, называнный Плистоникомъ, написалъ, что онъ видѣлъ въ Римѣ взаимное между собою обозпаніе по старому знакомству человѣка и льва.

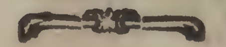
(1) Аппіонъ называвшійся Плистоникъ; былъ человѣкъ во многихъ наукахъ искусный, и Греческихъ дѣлъ премногое и различное имѣлъ знаніе. Его не незнатныя носятся книги, въ которыхъ о всѣхъ почти видимыхъ и слышимыхъ въ Египтѣ удивительностяхъ содержится повѣствованіе. Но въ томъ, что, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, слышалъ или читалъ, можетъ быть по хвастовству и честолюбію дѣлается многословнѣйшимъ; ибо онъ разказывая о своей учености очень много хвастаетъ. А о семъ, которое онъ написалъ въ пятой книгѣ *Египетскихъ повѣстей*, утверждаетъ, что онъ ни слышалъ, ни читалъ, но самъ сво-

---

(1) *Аппіонъ*] Жилъ во время Тиберія и далѣе, ибо отъ Александрійсцовъ къ Калигулѣ былъ посломъ, какъ Филонъ отъ Іудеевъ. Написалъ пять книгъ о дѣлахъ Египетскихъ, какъ свидѣтельствуетъ Татіанъ *въ рѣчи къ народамъ.*

своими глазами видѣлъ въ Римѣ. Въ великомъ, говоритъ онъ, Амфитеатрѣ сдѣлана была для народа превеликая травля, которую я случившись въ Римѣ смотрѣлъ. Многіе тамъ были лютые и превеликіе звѣри, и всѣ необычайнаго вида или свирѣпости. Но сверхъ всего другаго, говоритъ, удивительна была свирѣпость львовъ, и больше всѣхъ прочихъ одного. Оный одинъ левъ стремительностію и огромностію тѣла, страшнымъ и громкимъ рыканіемъ, толстотою шеи и волнистою гривою всѣхъ зрѣніе и умы на себя обращалъ. Между другими многими для битвы со звѣрьми введенъ былъ Датчанинъ, слуга бывшаго Консула, именемъ Андроклъ. Сего левъ оный увидѣвъ издалека, вдругъ, говоритъ, какбы во удивленіи остановился: и потомъ потихоньку какбы узнавая къ нему подошелъ: и по обычаю ласкающихся собакъ тихо и ласково вертѣлъ хвостомъ, и почти терся объ его тѣло; притомъ ноги и руки его почти отъ страха безъ души бывшаго съ ласковостію лизалъ языкомъ. Андроклъ между оными лютаго звѣря ласковостьми опамятовался: и помалу обращаетъ глаза для обозрѣнія льва. Тогда какбы по учиненіи взаимнаго обознанія, веселыхъ, говоритъ, и взаимно другъ друга поздравляющихъ увидѣлъ бы ты человѣка и льва. Отъ онаго, говоритъ, совсѣмъ толь удивительнаго произшествія произошелъ въ

народѣ превеликій крикъ, и Андроклъ призванъ былъ отъ Цесаря и спрашиванъ о причинѣ, почему лютѣйшій оный левъ пощадилъ его одного. Андроклъ разсказалъ тогда о чудномъ и удивительномъ семъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ. „Когда, говоритъ, господинъ мой въ чинѣ Проконсула правилъ Африкою, тогда я напрасными его и всегдашними побоями принужденъ былъ отъ него убѣжать, и, чтобы отъ господина надъ оною землею начальствующаго безопаснѣйшее имѣть убѣжище, ушелъ въ степныя и пещаныя мѣста: и вознамѣрился, ежели нѣчего будетъ ѣсть, какимъ нибудь образомъ искать смерти. Тогда въ жаркій, говоритъ, полдень нашедши я нѣкоторую отдаленную пещеру, вошелъ въ оную и скрылся. Спустя мало въ ту же пещеру пришелъ сей левъ съ одною ногою больною и окровавленною, издая стенанія приводящія въ жалость о болѣзни его и мученіи отъ раны: и хотя съ перваго, говоритъ, взгляда на идущаго льва сердце у меня ужаснулось. Но послѣ какъ взошедши левъ, что изъ самаго дѣла видно было, въ оное свое жилище, увидѣлъ меня вдали кроющагося; то тихо и смирно подошелъ, и поднявъ ногу показывалъ и протягалъ, какбы для изпрошенія помощи. Тогда я, говоритъ, большую щепу въ подошву ноги его вонзившуюся вытащилъ: сдѣлавшій-

„ ся гной выдавилъ изъ глубокости раны:
„ и щательно безъ большаго уже страха со-
„ всѣмъ осушилъ и обтеръ кровь. Тогда
„ онъ чрезъ стараніе и врачеваніе мое по-
„ лучивши облехченіе, положивъ ногу на мои
„ руки легъ и уснулъ. И съ того дня цѣ-
„ лые три года я и левъ въ одной пещерѣ
„ жили и одною пищею питались. Ибо онъ
„ лучшія части ловимыхъ звѣрей приносилъ
„ ко мнѣ въ пещеру, которыя, за неимѣні-
„ емъ огня, я въ полдни пекши на солнцѣ
„ влѣ. Но когда, говоритъ, наскучила уже
„ мнѣ оная звѣрская жизнь, то по отше-
„ ствіи льва на ловлю, оставилъ я пещеру:
„ и почти три дни бывши въ пути, отъ
„ воиновъ усмотренъ и пойманъ, и отве-
„ денъ изъ Африки въ Римъ къ господину,
„ который тотчасъ приказалъ меня осудить
„ на смерть и отдать на травлю со звѣрь-
„ ми. А вижу, говоритъ, что и сей левъ
„ по моемъ тогда съ нимъ разлученіи пои-
„ манный, теперь приноситъ мнѣ благо-
„ дарность за благодѣяніе и за излѣченіе.
Сіи Андрокловы слова объявляя Аппіонъ сказываетъ, что все сіе на таблицѣ написанное обносится въ народѣ: и что по прозьбѣ всѣхъ Андроклъ отпущенъ и свобожденъ отъ казни, и левъ по приговору народа ему отданъ. Послѣ, говоритъ, видѣли мы, что Андроклъ и левъ на тонкомъ ремнѣ привязанный по всему городу около лавокъ ходили: Андроклу давали день-

ги; льва осыпали цвѣтами: и всѣ почти повсюду встрѣчающіеся говорили: *Вотъ левъ гостепріимствовавшій человѣка, вотъ человѣкъ излѣчившій льва.*

ГЛАВА 15.

Различно философы думаютъ, тѣло ли есть голосъ или безтѣлесное что нибудь.

Старинный и всегдашній между знатнѣйшими философами предлагается вопросъ о томъ, тѣло ли есть голосъ или безтѣлесное чтонибудь? А тѣло есть то, что или дѣйствуетъ или страждетъ: сіе Греки опредѣляютъ τὸ δρώμενον ἢ πάχον σῶμά ἐςι. т. е. *Дѣйствующее или страждущее тѣло есть.* Которое опредѣленіе означить имѣя намѣреніе Лукретій написалъ такъ:

Прикосновенія ни дѣлать, ни терпѣть ничто кромѣ тѣла не можетъ.

И другимъ образомъ Греки называютъ тѣло τὸ τριχῇ διαςατόν. т. е. (1) *Три разстоянія имѣющее.* Но Стоики спорятъ что голосъ есть тѣло; и говорятъ, что онъ есть (2) ударенный воздухъ: а Платонъ думаетъ, что

(1) *Три разстоянія имѣющее*] Ибо оно состоитъ изъ долготы, широты и высоты.

(2) *Ударенный воздухъ*] Діогенъ Лаертій въ Жизни Зинона: Ἐςὶ φωνὴ ἀὴρ πεπληγμένος т. е. *Голосъ есть ударенный воздухъ.* То же опредѣленіе Сенека во второй книгѣ *Ест. вопр.* Діомидъ во второй книгѣ и При-

что голосъ не есть тѣло. Ибо, говоритъ, онъ не есть ударенный воздухъ, но (3) самое удареніе и пораженіе. Οὐχ ἁπλῶς πληγὴ ἀέρος

Присціанъ повторяютъ. Слова Лаертіевы въ Зинонѣ слѣдующія: Καὶ σῶμα ἐςὶν ἡ φωνὴ κατὰ τὰς Στωϊκὰς, ὥς φησιν Ἀρχέδημος τε ἐν τῇ περὶ φωνῆς, καὶ Διογένης, καὶ Ἀντίπατρος καὶ Χρύσιππος ἐν τῇ δευτέρᾳ τῶν φυσικῶν. Πᾶν γὰρ τὸ ποιοῦν σῶμά ἐςι. Ποιεῖ δὲ ἡ φωνὴ προσιοῦσα τοῖς ἀκούουσιν ἀπὸ τῶν φωνούντων. т. е. *но голосъ есть и тѣло по мнѣнію Стоиковъ; какъ говоритъ Архедимъ въ книгѣ о Голосѣ, и Діогенъ, и Антипатръ, и Хрисиппъ во второй книгѣ Фисики. Ибо все, что дѣйствуетъ, есть тѣло. дѣйствуетъ же голосъ переходя отъ говорящихъ къ слушающимъ.* То же читай у Плутарха въ кн. 4. *de Placit. Philoſ.* гл. 20. и Галена *in Tractatu de Praecogn.* гл. 5. и Евстаѳія II. В. Да они и все почитали за тѣла, не выключая и случайныхъ, какъ свидѣтельствуетъ Секстъ Емпирикъ противъ Маѳем. и Лукіанъ въ Гермотимѣ.

(3) *Самое удареніе и пораженіе*] Онъ первый изъ философовъ, по свидѣтельству Лаертія, голосъ назвалъ удареніемъ воздуха. Сюда надлежитъ мѣсто Платоново, на которое ссылается Плутархъ *de Placitis Philoſ.* кн. 4. гл. 10. Πλάτων, говоритъ, τὴν φωνὴν ὁρίζεται, πνεῦμα διὰ ςόματος ἀπὸ διανοίας ἠγμένον καὶ πληγὴν ὑπὸ ἀέρος δι' ὤτων καὶ ἐγκεφάλου, καὶ αἵματος μέχρι ψυχῆς διαδιδομένην, т. е. *Платонъ тако опредѣляетъ голосъ, что онъ есть духъ чрезъ уста отъ мысли произведенный, и ударъ отъ воздуха чрезъ уши и мозгъ и кровь даже до самой души перенесенный.* Иное безъ сумнѣнія есть самый ударъ и пораженіе, нежели ударенный воздухъ. Подобно говоритъ Аристотель въ кн. 2. *de Anim.* гл. 8. Ὥςε ἡ πληγὴ τοῦ ἀναπνεομένου ἀέρος ὑπὸ τῆς ἐν τούτοις τοῖς μορίοις ψυχῆς πρὸς τὴν καλουμένην ἀρτηρίαν φωνή ἐςι. т. е. *Голосъ есть удареніе объ артерію воздуха происходящаго отъ души чрезъ сіи частицы.* Между ударенным воздухомъ и удареніемъ справедливо дѣлаетъ раздѣленіе Оригенъ въ кн. 2 и 4 про-

ἀέρος ἐςὶν ἡ φωνή. πλήττει γὰρ τὸν ἀέρα καὶ δάκτυλος παραγόμενος, καὶ ὀυδέπω ποιεῖ φωνήν. ἀλλ' ἡ ποσὶ πληγὴ, καὶ σφόδρα, καὶ τόση δὲ ὥς τε ἀκȣςὴν γενέϑαι. т. е. *Не просто удареніе воздуха естъ голосъ. Ибо и палецъ движимый ударяетъ воздухъ, однако никакъ не производитъ голоса. Но чемъ удареніе будетъ больше и сильнѣе, тѣмъ онъ будетъ слышнѣе:* (4) **Димокритъ и наконецъ Епикуръ говорятъ,**

противъ Целса, и Немесій *de Nat. Hom.* гл. 4. притомъ они голосъ и за тѣло не почитали. Заключу сіе словами Плутарха въ кн. 4. гл. 10. „Пиѳагоръ, Платонъ, Аристотель почитаютъ голосъ безтѣлеснымъ; „ибо, говорятъ, не воздухъ, но фигура прилѣпляющаяся къ воздуху и поверхность извѣстнымъ нѣкоторымъ удареніемъ сдѣлавшаяся есть голосъ. А всякая поверхность есть безтѣлесна. Хотя она движется съ тѣлами, однако сама ни изъ какого совсѣмъ „не состоитъ тѣла, какъ въ согнутой палкѣ поверхность ни мало не страждетъ, а вещество сгибается. И такъ голосъ не есть ударенный воздухъ, но удареніе воздуха и другаго тѣла. Которое удареніе, по примѣчанію людей искусныхъ въ дѣлахъ естественныхъ, бываетъ такъ. Воздухъ отъ лехкаго привлеченный ударяется объ горло, [котораго часть, называемая языкомъ, есть самый ближайшій и совершенный органъ] которое есть жестковато, и чрезъ мускулы различно отворяется и затворяется, и дѣлающееся тутъ удареніе бываетъ голосомъ или звукомъ, для произведенія котораго служитъ наипаче языкъ, небо во рту, зубы и губы. Смотри Галена, Аристотеля и другихъ древнихъ врачей и философовъ.

(4) *Димокритъ и наконецъ Епикуръ*] О которыхъ такъ говоритъ Плутархъ въ кн. 4. *Περὶ τῶν ἀρεσκ.* гл. 19. *Ἐπίκȣρος τὴν φωνὴν εἶναι ῥεῦμα ἐκπεμπόμενον ἀπὸ τῶν φωνȣ́ντων, ἢ ἠχȣ́ντων, ἢ ψοφȣ́ντων. τȣ̃το δὲ τὸ ῥεῦμα*

εἰς

рятъ, что голосъ состоитъ изъ нераздѣлимыхъ тѣлъ, и называютъ оной *ῥεῦμα λόγων* т. е. *Теченіе словъ*. Когда я сіи и другія симъ подобныя остроумной и увеселительной праздности тонкія разсужденія слышалъ или читалъ; и въ сихъ трудностяхъ или никакой истинной до обстоятельствъ жизни касающейся пользы, или никакого во изысканіи не видалъ конца: то хвалилъ Енніева Неоптолема, который говоритъ слѣдующее: *Философствовать надобно не много. Ибо по всемъ философствовать непристойно.*

εἰς ὁμοιοσχήμονα θρύπτεσθαι. ὁμοιοσχήμονα δὲ λέγεται τὰ στρογγύλα τοῖς στρογγύλοις, καὶ σκαληνὰ καὶ τρίγωνα τοῖς ὁμοιογενέσι. Τούτων δὲ ἐμπιπτόντων ταῖς ἀκοαῖς, ἀποτελεῖσθαι τὴν αἴσθησιν τῆς φωνῆς. Φανερὸν δὲ τοῦτο γίγνεσθαι ἀπὸ τῶν ἀσκῶν ἐκρεόντων, καὶ τῶν ἐκφυσάντων κναφέων τοῖς ἱματίοις. Δημόκριτος καὶ τὸν ἀέρα φησὶν εἰς ὁμοιοσχήμονα θρύπτεσθαι σώματα καὶ συγκαλινδεῖσθαι τοῖς ἐκ τῆς φωνῆς θραύσμασι. т. е. „Епикуръ, говоритъ, что голосъ „есть изпущенный отъ говорящихъ или кричащихъ потокъ. А сей потокъ на мѣлкія сообразныя раздѣляется „отрывки. Сообразными же называются долгокруглыя „фигуры долгокруглымъ, равносторонныя и неравносторонныя треугольники фигурамъ своего рода. При „вхожденіи сихъ отрывковъ во уши дѣлается чувствіе „голоса. Видно сіе изъ дующихъ мѣховъ, и изъ валяльщиковъ выдувающихъ сукна. И Димокритъ говоритъ, что воздухъ на однообразныя тѣла отрывается, „и съ отрывками или частицами голоса вмѣстѣ обращается.

ГЛАВА 16.

О силѣ глазъ и о свойствѣ зрѣнія.

Примѣтилъ я, что (1) о способѣ видѣнія и о свойствѣ зрѣнія различно думаютъ философы. Стоики говорятъ, что причинами зрѣнія суть изпущеніе изъ глазъ лучей на то, что видѣть можно, и напряженіе притомъ воздуха. А Епикуръ думаетъ, что изъ всѣхъ тѣлъ изтекаютъ нѣкоторыя самыхъ тѣлъ изображенія, и входятъ въ глаза, и такимъ образомъ дѣлается чувство зрѣнія. Платонъ почитаетъ, что нѣкоторый родъ огня и свѣта изходитъ изъ глазъ, и чрезъ продолженіе соединившись или съ свѣтомъ солнца или съ свѣтомъ другаго огня, подкрѣпленъ своею и посторонней силою дѣлаетъ, что мы все имъ освѣщенное и озаренное видимъ. Но о семъ говорить надобно не много, и принять совѣтъ тогоже вышеупомянутаго Енні-

(1) *О способѣ видѣнія*] Смотри и Плутарха кн. 4. *de Plac. Philos* гл. 13. гдѣ предлагаетъ онъ мнѣнія древнихъ, и Галена кн. 7. *de Placitis Platonis et Hippocratis*, и Макробія кн. 7. *Sat.* гл. 14. Не неосновательно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что зрѣніе чрезъ принятіе видовъ и притомъ чрезъ изпущеніе изъ глаза лучей на нѣкоторое разстояніе дѣлается. Сего мнѣнія былъ Емпедоклъ. Подобно сему и Платоново *лученспущеніе*. Смотри его *въ Тимеѣ*. И такимъ образомъ виды лучами соединенные дошедши до глаза въ решетчетой перепонкѣ наконецъ познаются; понеже тамъ въ темномъ тѣлѣ представляются, а не сперва въ хрустальномъ, какъ думалъ Галенъ. См. Племпіево описаніе глаза.

Енніева Неоптолема, который думаетъ, что начатки философіи знать, а не совсѣмъ углубляться въ оную должно.

ГЛАВА 17.

Почему первые дни послѣ Календъ, Нонъ и Идовъ почитаются чорными: и для чего перваго по Календахъ, Нонахъ и Идахъ дня многіе какъ нещастливое предзнаменованіе имѣющаго боятся.

Веррій Флаккъ въ четвертой книгѣ *о Знаменованіи словъ* пишетъ, что дни за Календами, Нонами и Идами слѣдующіе, которые простой народъ неискусно называетъ *nefasti*, по слѣдующей причинѣ названы и почтены чорными. *По обратномъ*, говоритъ, *взятіи города у Галловъ Сеноновъ, Л. Атилій говорилъ въ Сенатѣ, что К. Сулпицій воинскій Трибунъ, при Алліи намѣреваясь вступить въ сраженіе съ Галлами, учинилъ жертвоприношеніе о сраженіи на другой день Идовъ: тогда войско Римскаго народа побито на голову, и на третій день того дня городъ кромѣ Капитоліи взятъ: притомъ многіе Сенаторы сказали, что они вспомнили, что сколько разъ для учиненія войны богослуженіе на другой день Календъ, Нонъ и Идовъ отъ правительства Римскаго народа ни было отправляемо, всегда въ первое той войны сраженіе случалась неудача и нещастіе. То Сенатъ оное дѣло отдалъ перво-*

свя-

священникамъ, дабы они по благоразсмотрѣнію своему сдѣлали о томъ опредѣленіе. Первосвященники опредѣлили никакому въ сіи дни не быть правильному жертвоприношенію. Четвертаго также предъ Календами или Нонами или Идами дня, какъ злопредзнаменующаго, многіе боятся. Спрашиваютъ, находится ли какая правильная причина того наблюденія? Что до меня, то я ничего не нашелъ о томъ написаннаго кромѣ того, что К. Клаудій въ пятой книгѣ лѣтописца объявляетъ, что превеликое оное разбитіе во время сраженія при Каннахъ сдѣлалось въ четвертый день до Нонъ мѣсяца Августа.

ГЛАВА 18.

Чемъ и сколько различествуетъ исторія отъ лѣтописца: и слова о томъ написанныя изъ первой книги учиненныхъ дѣлъ Семпронія Аселліона.

Нѣкоторые думаютъ, что исторія отъ лѣтописца тѣмъ различествуетъ, что, хотя и та и другой есть повѣствованіе учиненныхъ дѣлъ, однако исторія есть повѣствованіе тѣхъ собственно дѣлъ, при учиненіи которыхъ былъ повѣствующій. И что нѣкоторые держатся сего мнѣнія, о томъ Вергій Флаккъ объявляетъ въ четвертой книгѣ о *Знаменованіи словъ*; притомъ говоритъ, что онъ о семъ сумнѣвается: а ду-

думаетъ, что можно видѣть въ семъ мнѣніи нѣкоторое сходство, потому что исторія по Гречески зрачитъ знаніе дѣлъ настоящихъ. Но я обыкновенно слышу, что лѣтописцы то же самое суть, что и исторіи; а исторіи не то же конечно суть, что лѣтописцы; такъ какъ что человѣкъ есть, то конечно есть животное; а что животное, то не непремѣнно есть человѣкъ. Такимъ образомъ говорятъ, что исторія есть учиненныхъ дѣлъ или изложеніе или показаніе, или какимъ другимъ именемъ сіе назвать должно; а лѣтописецъ есть, когда чрезъ многія лѣта учиненныя дѣла съ наблюденіемъ порядка каждаго года сочиняются. А когда непогодно, но повседневно учиненныя дѣла пишутся, то сія исторія Греческимъ словомъ называется ἐφημερίς, котораго слова изтолкованіе написано въ первой книгѣ Семпронія Аселліона; изъ которой книги многія слова я здѣсь приписалъ, дабы притомъ показать, какое онъ тамъ положилъ различіе между исторіею и лѣтописцомъ: *Между тѣми*, говоритъ онъ, *которые лѣтописцы сочинить разсудили, и тѣми, которые исторію всѣхъ учиненныхъ отъ Римлянъ дѣлъ написать старались, слѣдующее было различіе. Лѣтописцы только то, что сдѣлано и въ которомъ годѣ сдѣлано, показывали, то есть какъ бы дневную записку, называемую отъ Грековъ ἐφημερίς. А я думаю, что недовольно объявить только то, что сдѣлано,*

но и показать съ какимъ намѣреніемъ и по какой причинѣ сдѣлано. Нѣсколько ниже тотже Аселліонъ въ той же книгѣ: *Ни охоты къ защищенію общества возбудить, ни отъ беззаконій удержать лѣтописныя книги ни мало не могутъ. А писать какимъ Консуломъ начата война, какимъ образомъ окончана, кто торжественно въѣхалъ въ городъ, и что на оной войнѣ учинено упоминать, а не объявлять между тѣмъ, что опредѣлилъ Сенатъ, или какой законъ и народное установленіе сдѣлано, ниже съ какимъ намѣреніемъ оное учинено, значитъ разсказывать ребятамъ скаски, и не исторіи писать.*

ГЛАВА 19.

Что есть adoptatio, *что также есть* arrogatio, *и сколько сіи слова между собою разнятся; и какія слова того, кто въ дѣланіи усыновленія о томъ проситъ народъ.*

Когда посторонніе въ чужое поколѣніе и въ мѣсто дѣтей принимаются, то сіе дѣйствіе производится или чрезъ Претора или чрезъ народъ. Производимое чрезъ Претора называется adoptatio, а производимое чрезъ народъ arrogatio. Adoptantur же дѣти тогда, когда отъ родителя, во власти котораго находятся, (1) чрезъ третію продажу от-

---

(1) *Чрезъ третію продажу*] „Сія продажа была только „воображеніемъ, и право сіе собственное есть Рим„скихъ

отдается надъ ними право другому; и когда они отъ того, кто adoptat, притомъ, кто оное дѣйствіе по закону производитъ, присвояются. Arrogantur тѣ, которые будучи вольны отдаются въ чужую власть, и сами сіе дѣло производятъ. Но arrogationes не безъ разсужденія и не безъ изслѣдованія дѣлаются. Ибо бываютъ собранія называемыя *curiata*, въ которыхъ засѣдаютъ первосвященники, и разсуждаемо бываетъ, способны ли къ дѣторожденію лѣта того, кто хочетъ arrogare, и чтобы имѣніе того, кто arrogatur, нековарно было захвачено: притомъ in arrogando читается присяга отъ К. Муція великаго Первосвященника сочиненная. Но arrogari не можетъ, какъ только уже взрослый. А названа arrogatio потому что сей родъ перехожденія въ чужое поколѣніе быва-

„скихъ гражданъ. Дѣлается же продажа такъ; не мень„ше какъ при пяти свидѣтеляхъ Римскихъ ггражда„нахъ взрослыхъ, и сверхъ того еще при одномъ та„комъ же, который держитъ мѣдные вѣсы и назы„вается *libripens* вѣсодержецъ. Тотъ, кто покупаетъ, „держа мѣдь говоритъ слѣдующее. Я сего человѣка „по праву Римлянъ признаю своимъ, и купленъ онъ „отъ меня за сію взвѣшенную на вѣсахъ мѣдь; потомъ „мѣдью ударяетъ объ вѣсы и даетъ мѣдь тому, у „кого покупаетъ. И такъ случались три продажи, и два отпуска. Ибо ежели сынъ въ третій разъ отпущенъ былъ, то дѣлался никому неподвластнымъ. А третіею продажею такъ продавался усыновителю, что ему право надъ нимъ было уступаемо, и онъ его такъ какъ своего признавалъ сына, и по праву Римлянъ присвоялъ нѣкоторымъ образомъ на подобіе раба.

бываетъ per populi rogationem, въ которой употребляемыя слова суть слѣдующія: *Velitis. Iubeatis. Quirites. Uti. Lucius. Valerius. Lucio. Titio. Tam. Iure. Lege. Q. Filius. Sibi. Siet. Quam. Si. Ex. Eo. Patre. Matre. Q Familias. Eius. Natus. Esset. Uti. Q. Ei. Vitae. Necis. Q. In. Eo. Potestas. Siet. Uti. Patri Endo. Filio. Est. Haec. Ita. Uti. Dixi. Ita. Vos. Quirites. Rogo.* т. е. *Благополите и повелите, Римлянѣ, чтобы Луцій Валерій почитался правильнымъ и законнымъ сыномъ Луцію Титію, какбы онъ отъ него и отъ жены его рожденъ былъ, и чтобы онъ надъ нимъ имѣлъ* (2) *власть живота и смерти, какъ имѣетъ отецъ надъ сыномъ. О семъ я васъ, Римлянѣ, по вышереченному прошу.* А ни сирота, ни женщина подъ властію отца ненаходящаяся arrogari не могутъ: понеже и до женщинъ общенародныя собранія никакого дѣла не имѣютъ; и опекунамъ надъ сиротами такой власти имѣть не можно, чтобы они свободную голову на попеченіе ихъ отданную подвергали чужему владѣнію. Объ отпущенничьихъ же дѣтя-

(2) *Власть живота и смерти*] По закону Ромулову подтвержденному отъ Децемвировъ. А по новому праву позволено только наказывать и исправлять сына; а естьли онъ сдѣлаетъ какое нибудь важное преступленіе, то законы повелѣваютъ представлять о семъ правительству.

дѣтяхъ Массурій Сабинъ написалъ; что они по праву могутъ adoptari отъ свободнорожденныхъ. Но сіе, говоритъ, не позволяется, да и позволять, думаетъ, никогда не должно, чтобы дѣти отпущенниковъ per adoptionem вступали въ права свободнорожденныхъ. Въ противномъ случаѣ, естьли наблюдать сію древность права, то и слуга отъ господина чрезъ Претора можетъ быть отданъ in adoptionem. И что сіе можно сдѣлать, о томъ, говоритъ, многіе древняго права сочинители написали. Примѣтилъ я въ рѣчи П. Сципіона, въ бытность его Ценсоромъ говоренную къ народу о нравахъ, что онъ, охуждая дѣлаемое противъ установленія предковъ, опорочилъ и то, что filius adoptiuus patri adoptatori чрезъ награжденіе даваемое отцамъ былъ полезенъ. Слова изъ оной рѣчи слѣдующія: *Въ иномъ колѣнѣ отцу, въ иномъ сыну подавать голосъ; сыну пріемному столько пажить, сколько сынъ родный; приказать отсутствующихъ включать въ поголовную перепись, чтобы никому для переписи пріѣжжать нужды не было.*

ГЛАВА 20.

Какое Латинское названіе Solaecismo было у Капитона Синнія. Какъ тоже самое называли древніе Латины, и какими словами тотже Капитонъ Синній опредѣлилъ Solaecismum.

Solaecismus отъ Синнія Капитона и его современниковъ Латинскимъ словомъ названъ imparilitas, а отъ древнихъ Латинъ назывался stribligo, отъ переворота то есть и худости изкривленной рѣчи, какбы нѣкоторая sterobligo. Сей порокъ Синній Капитонъ въ письмѣ, писанномъ къ Клодію Туску, опредѣляетъ сими словами: *Solaecismus*, говоритъ, *есть неравное и несходное сложеніе частей рѣчи.* А поелику Solaecismus есть слово Греческое; то спрашивается, употребляли ли оное Аѳинянѣ говорившіе красиво? Но я у хорошихъ Греческихъ писателей не нашелъ еще ни solaecismum, ни barbarismum. Ибо они говорили *βάρβαρον* и *σόλοικον*. И древніе Латины часто говорили Solaecum, а Solaecismum не знаю, говорили ли когда. И естьли это правда; то solaecismus и въ Греческомъ и въ Латинскомъ худо говорится.

ГЛАВА 21.

О томъ, что кто говоритъ pluria *и* compluria *и* compluries, *не грубо говоритъ, но чисто по Латински.*

Нѣкто человѣкъ довольно ученый, мой пріятель, разговаривая по случаю сказалъ *pluria*; не для подлинно хвастовства, и не изъ того будто бы онъ думалъ, что *plura* говорить не должно. Ибо онъ человѣкъ ученія важнаго, съ должностями жизни связаннаго и ни мало о словахъ нестарающагося. Но, думаю, отъ всегдашняго чтенія древнихъ писателей приросло къ языку его слово, часто ему попадавшееся въ книгахъ. Былъ притомъ, когда онъ сіе сказалъ, дерзкой охуждатель словъ, который очень не многія и простому народу весьма извѣстныя читалъ сочиненія: и зналъ нѣкоторыя наслышкою перенятыя грамматическія правильца, отчасти грубыя и несовершенныя, отчасти несправедливыя; и оныя какбы пыль въ глаза бросалъ всякому, на кого нападалъ. Какъ и тогда моему пріятелю сказалъ; Ты грубо выговорилъ *pluria.* Ибо сіе слово ни сходства, ни примѣровъ не имѣетъ. Тогда оный пріятель смѣючись сказалъ: Пожалуй, государь мой, поелику мнѣ теперь отъ важнѣйшихъ дѣлъ досужно, скажи мнѣ, почему *pluria* или *compluria* (ибо все равно) нечисто по Латински, но грубо говорили М. Катонъ, К. Клаудій, Валерій Антій, Л.

Елій, П. Нигидій, М. Варронъ; которыхъ я подтвердителями и одобрителями сего слова имѣю, выключая великое множество древнихъ стихотворцовъ и ораторовъ. На что онъ весьма спѣсиво отвѣчалъ: Вольно тебѣ имѣть сіи примѣры взятые (1) изъ вѣка Фауновъ и Аборигиновъ, и сему сходству соотвѣтствовать. Ибо никакое слово средняго рода, сравнительнаго степени, числа множественнаго, въ прямомъ падежѣ предъ послѣднею, *a*, не имѣетъ буквы, *i*; какъ *meliora*, *maiora*, *grauiora*. И для того вошло въ обычай говорить *plura* а не *pluria*; чтобы и противъ всегдашняго образа въ сравнительномъ степени, *i*, буква была передъ послѣднею, *a*. Тогда оный мой пріятель, дерзкаго сего человѣка почетши недостойнымъ многихъ словъ, сказалъ: Синніа Капитона человѣка преученаго есть многія письма въ одной книгѣ: думаю, что положены они (2) въ храмѣ Мира. Первое письмо писано къ Пакувію Лабеону, котораго заглавіе, PLURIA NON PLURA DICI DEBERE. Въ ономъ письмѣ положилъ онъ причины грамма-

---

(1) *Изъ вѣка Фауновъ и Аборигиновъ*] Что касается до Фауновъ, то самый древній оный и баснословный вѣкъ разумѣетъ, въ которомъ Фаунъ Сатурновъ внукъ владѣлъ Латіемъ. Аборигины же самые древніе Италіянскіе народы, которые какбы *αὐτόχθονες* т. е. *самобытными* названы.

(2) *Въ храмѣ Мира*] Ибо въ немъ отъ Веспасіана построена была и библіотека.

грамматическія, по которымъ доказываетъ, что *pluria* есть чистое Латинское, а *plura* грубое слово. И такъ я тебя отсылаю къ Капитону. Отъ него притомъ ты узнаешь и то, ежели только понять можешь, что въ томъ письмѣ написано, что *pluria* или *plura* есть слово самостоятельное или простое, а не сравнительное, какъ тебѣ кажется. Къ подтвержденію сего Синніева мнѣнія служитъ и то, что, когда говоримъ мы *compluries*, говоримъ не сравнительно. А отъ *compluria* произведено и присловіе *compluries*. Притомъ поелику сіе неупотребительно, то приложилъ я стихъ Плаутовъ, изъ комедіи называемой *Persa*:

Quid metuis? Metuo hercle vero, ſenſi ego compluries.

Также М. Катонъ, въ четвертой книгѣ *Началъ*, въ одномъ мѣстѣ трижды сіе слово положилъ: „Compluries eorum milites mercenarii inter ſeſe multi alteri alteros occidere; compluries multi ſimul ad hoſtes transfugere; compluries in imperatorem impetum facere.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ШЕСТАЯ
ГЛАВА 1.

Какъ отвѣчалъ Хрисиппъ противъ тѣхъ, которые говорили, что нѣтъ промысла.

Говорятъ, что людей создало . . . . (1) что толикое есть множество бѣдствій и злоключеній. На сіе Хрисиппъ, разсуждая *о Промыслѣ* въ четвертой книгѣ сказалъ: Нѣтъ ничего безумнѣе, нѣтъ ничего безразсуднѣе тѣхъ, которые думаютъ, будто можно было быть добру, хотя бы не было съ нимъ купно и зла. Ибо когда добро злу противно, то слѣдуетъ, чтобы и то и другое, будучи въ противномъ другъ другу положеніи, и какбы взаимно каждое противнымъ между собою усиліемъ поддерживаясь бытіе свое имѣло: никакое же противное не бываетъ безъ другаго себѣ противнаго. Какое бы можно было имѣть понятіе о правосудіи, естьли бы обидъ не было? или въ чемъ другомъ состоитъ правосудіе, какъ не въ отлученіи неправды? откуда бы можно было разумѣть о великодушіи, какъ не изъ противоположенія малоду-

---

(1) Сія глава въ подлинникѣ безъ начала; потому сей недостатокъ и здѣсь означенъ точками. А изъ надписи видно, по примѣчанію Асценсія, что было разсуждаемо о промыслѣ; и думаю утверждаемо было, что первыхъ людей въ свѣтъ произвелъ случай, или судьба; когда они толь многими обременяются бѣдствіями. Или лучше по случаю бываетъ обращеніе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

душія? откуда о невоздержаніи, какъ не изъ противоположенія умѣренности? какимъ бы образомъ также могло быть благоразуміе, естьли бы не было напротивъ того глупости? Наконецъ сказалъ: Для чего несмысленные люди не требуютъ и того, чтобы истинна была, а ложь не имѣла бы своего бытія? потому же что есть добро и зло, щастіе и нещастіе, печаль и веселіе. Ибо одно съ другимъ, какъ говоритъ Платонъ, противными между собою оборотами сопряжено; упраздни одно, не будетъ и другаго. Тотже Хрисиппъ въ той же книгѣ пишетъ, и разсуждаетъ, и за достойное почитаетъ предложить запросъ о томъ, *Естественно ли людямъ приключаются болѣзни?* то есть самая ли природа вещей, или промыслъ (2) сотворившій сію

(2) *Сотворившій сію связь міра*] Всѣ разумнѣйшіе Философы (кромѣ Аристотеля) и стихотворцы утверждаютъ, что міръ сей созданъ богомъ. Но нѣкоторые изъ послѣднихъ говорятъ, будто міръ сей создала любовь. По чему Орфей или другой кто-то слѣдующіе написалъ стихи.

Πρεσβυτατόντε καὶ αὐτοτελῆ πολυμῆτιν ἔρωτα
Ὅσατ᾽ ἔφυσεν ἅπαντα, διέκρινε τ᾽ ἄλλα ἀπ᾽ ἄλλȣ.

то есть.

Отъ вѣкъ любовь въ себѣ совершенну и векущусь,
Что все произвела, и порознь раздѣлила.

Евсевій изъ богословіи Финикіянъ кн. , пишетъ, что духъ возбужденъ былъ любовію къ своимъ началамъ, почему и сотворено было такое слитіе, и что оному слитію дано было имя любви [cupido]. Да и Моисей упоминаетъ о духѣ; и Еврейское слово מרחפת *мерахефетъ*, значитъ любовь.

сїю связь мїра и родЪ человѢческїй, создалЪ купно болѢзни и слабости и припадки тѢлесныя, людьми нынѢ претерпѢваемыя. Разсуждаетъ же онЪ, что не было то главнымЪ намѢренїемЪ природы, чтобы создать людей подверженными болѢзнямЪ: ибо сїе никогда не было прилично природѢ, виновницѢ и создательницѢ всѢхЪ благихЪ вещей. Но когда, говоритЪ, раждала она многое и великое, и производила пристойнѢйшее и полезнѢйшее; то купно родились и другїя невыгоды, сЪ тѢми произведенїями сопряженныя: и говоритЪ, что оныя не природою произведены, но произошли по нѢкоторымЪ необходимымЪ слѢдствїямЪ, что онЪ называетЪ *κατὰ παρακολȣ́θησιν.* т. е. *по послѣдствіямъ.* Подобно, говоритЪ, когда природа производила тѢла человѢческїя; то тонкость искусства и самая польза дѢла требовали, чтобы голову составить изЪ тончайшихЪ и мѢлкихЪ косточекЪ. Но за сею важнѢйшею пользою воспослѢдовала внѢшняя нѢкоторая невыгодность; что голова стала слабо укрѢплена, и отЪ легкихЪ ударовЪ и прикосновенїй удобосокрушаема. По сему сЪ произшествїемЪ здравїя произошли купно болѢзни и припадки. ТакЪ по истиннѢ, говоритЪ онЪ, когда по намѢренїю природы раждалась людямЪ добродѢтель, то по причинѢ сопротивной близкости родились и пороки.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

Какимъ образомъ онже и допустилъ силу и необходимость судьбы, и утверждалъ однакожъ, что есть въ насъ свобоодность въ разсужденiи намѣренiя и мыслей.

Судьбу, которую Греки называютъ πεπρωμένη или εἱμαρμένη, слѣдующимъ почти образомъ опредѣляетъ Хрисиппъ Стоической философiи начальникъ. Судьба, говоритъ онъ, есть вѣчный нѣкоторый и неуклоняемый вещей порядокъ, и цѣпь свертывающаяся сама собою, и спутывающаяся по вѣчнымъ порядкамъ слѣдствiй, изъ которыхъ она связана и составлена. А самыя Хрисипповы слова, сколько я могъ припомнить, здѣсь приложилъ; дабы, ежели кому мое объясненiе покажется темновато, могъ самъ сличить съ его словами. Ибо въ четвертой книгѣ о *Промыслѣ*, говоритъ онъ, что εἱμαρμένη ἐςὶ Φυσικὴ σύνταξις τῶν ὅλων ἐξ ἀϊδίȣ τῶν ἑτέρων τοῖς ἑτέροις ἐπακολȣθȣ́ντων, καὶ μετὰ πολὺ μὲν ȣ̃ν ἀπαραβάτȣ ἔσης τῆς τιαύτης συμπλοκῆς. т. е. *Судьба есть естественное сочиненiе всѣхъ вещей однихъ за другими отъ вѣка послѣдующихъ при сохраненiи сего союза всегда ненарушимымъ.* А другихъ мнѣнiй и ученiй изобрѣтатели сему опредѣленiю такъ противорѣчатъ. Естьли, говорятъ они, думаетъ Хрисиппъ, что все движетъ и управляетъ судьба, и что движенiя оной и обращенiя необходимы и ненарушимы: то и грѣхи людей и проступки не должно имъ

вмѣнять, ниже приписывать самымъ ихъ соизволеніямъ, но нѣкоторой необходимости и бываемому отъ судьбы принужденію; которое должно управлять и владычествовать надъ всѣми вещьми, чрезъ что всему случиться имѣющему должно быть необходимо: и потому напрасно опредѣлено наказаніе преступникамъ, естьли люди къ злодѣянію не самопроизвольно приступаютъ, но судьбою влекомы бываютъ. Противъ сего Хрисиппъ много тонко и доказательно разсуждаетъ. Но всѣхъ его о томъ сочиненій содержаніе есть слѣдующее: „Пусть такъ будетъ, говоритъ онъ, что по нужноглавнѣйшей нѣкоей причинѣ все судьбою собрано и совокуплено; однако самыя врожденныя нашихъ душъ склонности подвержены судьбѣ только такъ, какъ требуетъ ихъ свойство и качество. Ибо естьли они съ самаго начала отъ природы устроены спасительно и полезно: то тѣмъ безвреднѣе и удобнѣе всего принужденія судьбою извнѣ наносимаго избываютъ. Естьли же они грубы, неразумны и непросвѣщенны, и никакими пособіями добрыхъ наукъ неподкрѣпленны: то хотя бы малѣйшимъ или и никакимъ роковой невыгоды бореніемъ не были побуждаемы; однако по развратности своей и самопроизвольному стремленію впадаютъ во всегдашнія преступленія и заблужденіе. А сіе самое и есть дѣйствіе естественнаго и неминуемаго вещей слѣд-

слѣдствія; которое называютъ судьбою. Ибо чтобъ злымъ врожденнымъ склонностямъ быть причастными грѣхопаденію и заблужденіямъ, есть дѣло по самому своему началу роковое и послѣдственное. Сіе наконецъ доказываетъ онъ примѣромъ по истиннѣ много пристойнымъ и не непріятнымъ. Такъ какъ, говоритъ, ежели продолговатокруглый камень пустишь по покатой и стремнистой землѣ, то хотя ты и будешь причиною и началомъ его внизъ стремленія; но что онъ однакожъ и еще продолжаетъ оное, тому не ты уже дѣйствующею причиною, но то, что его расположеніе и каткость того требуетъ: подобно сему порядокъ и расположеніе и необходимость судьбы движетъ самыя роды и начала причинъ, а стремленія намѣреній и мыслей нашихъ и самыя дѣйствія управляетъ каждаго собственная воля и врожденныя склонности душъ. Наконецъ прилагаетъ вышереченнымъ подобныя слова слѣдующія: Διὸ ὑπὸ τῶν Πυθαγορείων ὅτως εἴρηται,

Γνώσῃ δ' ἀνθρώπȣς αὐθαίρετα πήματ' ἔχοντας. ὡς τῶν βλαβῶν ἑκάστοις παρ' αὐτοῖς γινομένων, καὶ καθ' ὁρμὴν αὐτῶν, ἁμαρτανόντων τε και βλαπτομένων, καὶ κατὰ τὴν αὐτῶν διάνοιαν καὶ πρόθεσιν.

то есть.

Для чего Пифагоровы послѣдователи такъ говорили:

Смотри, какъ смертныхъ родъ въ бѣдѣ-
ни самъ впадаетъ.

По-

Поелику, то есть, всякъ самъ своего вреда бываетъ причиною, и всѣ грѣшатъ и сами себѣ наносятъ вредъ, по собственному къ тому стремленію, и по своему произволенію и намѣренію.

По сему, говоритъ, не должно прощать и слушать тѣхъ какъ негодныхъ, такъ нерадивыхъ, преступниковъ и продерзкихъ людей, которые будучи обличены въ какомъ либо проступкѣ и злодѣяніи прибѣгаютъ къ необходимости судьбы, какбы къ нѣкоему убѣжищу храма (1) и говорятъ, что гнусныя ихъ дѣйствія не безразсудности ихъ, но судьбѣ приписать должно. А Омиръ первый премудрѣйшій и древнѣйшій изъ всѣхъ стихотворцевъ сказалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Ὢ πόποι! οἷον δή νυ θεοὺς βροτοὶ αἰτιόωνται.
Ἐξ ἡμέων γάρ, φασί, κακ' ἔμμεναι οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ
Σφῇσιν ἀτασθαλίῃσιν ὑπὲρ μόρον ἄλγε' ἔχουσιν.

то есть.

О боги! по чему родъ смертныхъ насъ винитъ?
За тѣмъ, что всѣхъ золъ насъ виною почитаетъ:
Но самъ скорбь на себя чрезъ грѣхъ онъ навлекаетъ.

И такъ М. Цицеронъ въ книгѣ *о Судьбѣ* сказавъ, что сей вопросъ есть весьма теменъ и труденъ, также и о томъ, что и Хрисиппъ философъ сего не рѣшилъ, упоми-

(1) *Убѣжищу храма*] Были храмы, въ честь которыхъ узаконено было, чтобы какимъ нибудь образомъ прибѣгшаго къ нимъ преступника уже подъ стражу не брать, хотя бы онъ и смерти былъ достоинъ.

минаетъ слѣдующими словами: *Хрисиппъ колебляcь сумнѣніемъ и стараясь доказать и то, что все есть управляемо судьбою, и то, что есть нѣчто отъ насъ самихъ зависящее, запутывается.*

ГЛАВА 3.

Повѣсть взятая изъ книгъ Тубероновыхъ о змѣѣ длины чрезвычайной.

Туберонъ написалъ въ повѣствованіяхъ, что Аттилій Регулъ Консулъ, въ первую Карѳагенскую войну въ Африкѣ, расположивъ станъ при рѣкѣ Баградѣ, великое и жестокое имѣлъ сраженіе съ однимъ змѣемъ, въ тѣхъ мѣстахъ обитавшимъ, чрезвычайно лютымъ, и что при великомъ всего войска сраженіи долго было на него дѣлано нападеніе каменометными и стрѣлометными орудіями: по убіеніи же его кожа его длиною во сто двадцать стопъ (футовъ) отослана въ Римъ.

ГЛАВА 4.

Какую тожъ Туберонъ написалъ новую повѣсть объ Аттиліи Регулѣ плѣненномъ Карѳагенцами, и что о томже Регулѣ пишетъ Тудитанъ.

Что много славы дѣлаетъ Аттилію Регулу, о томъ весьма недавно читалъ я въ книгахъ Тудитана: Регулъ будучи плѣненъ, къ тѣмъ словамъ, которыя онъ сказалъ

валъ въ Сенатѣ Римскомъ, совѣтуя плѣнныхъ не размѣнивать съ Карѳагенцами, придалъ еще и то, что ему данъ былъ отъ Карѳагенцовъ ядъ, не въ тотже часъ дѣйствующій, но со дня на день смерть отлагающій, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ему живу быть только до тѣхъ поръ, пока совершится размѣнъ; а потомъ чтобы оный ядъ усиливаясь мало помалу изъѣлъ сердце. О томже Регулѣ повѣствуетъ Туберонъ, что онъ возвратясь въ Карѳагенъ новоизобрѣтенными отъ Карѳагенцовъ умерщвленъ муками. *Заключили его, говоритъ онъ, въ страшную и глубочайшую темницу; и державъ тамъ долго, во время самаго чистѣйшаго сіянія солнечнаго, вдругъ выводили и противъ лучей солнечныхъ поставивъ держали, принуждая устремить глаза свои на небо. Да и вѣки его, чтобы не можно было ему мигать, внизъ и вверхъ развѣдши пришили.* А Тудитанъ говоритъ, что онъ умеръ отъ того, что ему долго не давали спать; и какъ о семъ только провѣдали въ Римѣ, то Сенатъ всѣхъ знатнѣйшихъ Карѳагенскихъ плѣнниковъ отдалъ дѣтямъ Регуловымъ, которые ихъ въ ящикѣ шипами острыми набитомъ поставивши также безсонницею поморили.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

О томъ, что Алфенъ законоискусникъ ошибся въ истолковании словъ старинныхъ.

Алфенъ законоискусникъ, ученикъ Сервія Сулпиція, до древностей не нелюбопытный, въ тритцать четвертой книгѣ (1) *Дигестовъ*, а во второй книгѣ из называемыхъ (2) *Конъектанеа* говоритъ, что *Въ мирномъ договорѣ между Римлянами и Карѳагенцами написано, что Карѳагенцы Римлянамъ давали ежегодно извѣстный вѣсъ argenti puri puti. А какъ спрошено было, что значитъ argentum purum putum, то отвѣчая на я,* говоритъ онъ о себѣ, *что purum putum значитъ то же, что valde purum, такъ какъ говоримъ novum novicium, proprium propicium желая увеличить означение слова novus и proprius.* (3) Я читавъ сіе удивился, что Алфенъ свойство слова сего *purum putum* почелъ за подобное слову *novum novicium.* Ибо естьли бы было *puricium*, то бы можно было сказать, что оно похоже на слово *novicium.* А притомъ и то мнѣ удивительно было, что онъ почелъ, будто слово *novicium* сказа-

---

(1) *Дигестовъ*] Дигестами у законоискусниковъ называется часть права гражданскаго, иначе называемая Пандекты.

(2) *Конъектанеа*] Книги, въ которыхъ наши догадки записываемъ.

(3) Слово *novus* значитъ по руски новый. А *proprius* собственный. И потому *novum novicium* нѣкоторымъ образомъ похоже на общенародный выговоръ: новымъ новіохонько. подобно разсуждай и о другомъ словѣ.

зано было для увеличенія; когда *novicium* не новѣйшее что означаетъ, но только что оно произведено отъ слово *novus*. И потому я согласенъ съ тѣми, которые говорятъ, что *putum* произведено *a putando*; и потому первый слогъ почитаютъ за короткій, а не за долгій: какъ по видимому думалъ Алфенъ, когда написалъ, что оно произведено отъ слова *purus*. А древніе слово *putare* брали въ такомъ смыслѣ, что все во всякой вещи лишнее и ненадобное или и мѣшающее и постороннее отнимать и отсѣкать, а оставлять что кстати и въ своемъ совершенствѣ быть кажется. Почему такимже образомъ слово *putari* придается къ деревамъ и винограднымъ лозамъ, также и къ щетамъ. Да и самый глаголъ *puto*, что къ лучшему служитъ объясненію нашего мнѣнія, ничего не означаетъ другаго, какъ только въ сомнительномъ и темномъ дѣлѣ поступать такъ, чтобы, отсѣкши и отрѣшивши ложныя мнѣнія, принять то, что кажется истиннымъ, точнымъ и неповрежденнымъ. По чему и серебро въ мирномъ Карѳагенскомъ договорѣ названо *putum*, равно какбы *exputatum*, перетопленное, и безпримѣсное, и по отнятіи всѣхъ отъ него несовершенствъ вычищенное и выжженное. А слово сіе *purum putum* не только въ Карѳагенскомъ мирномъ договорѣ находится, но какъ во многихъ другихъ книгахъ древнихъ пи-

писателей, такъ и въ печальномъ представленіи К. Еннія, названномъ *Александръ*, также въ Сатирѣ М. Баррона, надписанной Δὶς παῖδες οἱ γέροντες. то есть *Старики дважды робята.*

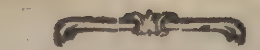
ГЛАВА 6.

О томъ, что безразсудно и не кстати Юлій Гигинъ порицалъ Виргилія, что онъ говоря о крыльяхъ Дедаловыхъ приложилъ къ нимъ слово praepetes: *да также что суть птицы называемыя* praepetes, *и какія то суть тѣ птицы, которыхъ Нигидій называлъ* inferas.

(1) *Dædalus, ut fama est, fugiens Minoia regna*
Præpetibus pennis ausus se credere cælo.

Въ сихъ Виргиліевыхъ стихахъ Гигинъ порочитъ слова, *præpetibus alis*, яко несобственно и неискусно сказанныя. Ибо, говоритъ, птицегадатели придаютъ слово сіе *præpetes* ко птицамъ, которыя или щастіе предвѣщаютъ своимъ полетомъ, или на выгодныхъ мѣстахъ садятся. И потому думалъ онъ, что не кстати употреблено слово въ лѣтаніи Дедаловомъ, ни мало до знанія птицегадателей некасающемся. Но Гигинъ по истиннѣ весьма много ошибся, думая, что онъ означеніе слова *præpetes* знаетъ: а Виргилій и Кн. Маттій, мужъ ученый не зналъ, который въ седмой кни-

(1) *Dædalus, ut fama est*) Стихи сіи находятся въ 6. кн. Енеид.

гѣ *Иліады* скорую побѣду назвалъ *praepetem* въ слѣдующемъ стихѣ:

Dum det vincenti praepes victoria palmam.

Для чего же онъ и К. Еннія не порочитъ, который въ лѣтописцѣ не къ крыльямъ Дедаловымъ придаетъ слово *praepetes*, но гораздо еще къ отдаленнѣйшему слову:

- - - - Quid
Brundusium pulchro praecinctum praepete portu?

и, естьли бы лучше о силѣ и свойствѣ слова сего разсудилъ, и не на то бы только смотрѣлъ, что въ употребленіи у птицегадателей; то бы конечно не взыскалъ на стихотворцахъ, что они употребляютъ подобіе и пренесеніе словъ, а не собственное означеніе. Ибо, поелику не только птицы щастливый полетъ имѣющія, но и мѣста, на которыхъ они садятся, почитаемыя за выгодныя и благополучныя, называются симъ словомъ *praepetes*, то и назвалъ онъ крылья Дедаловы *praepetes*: поелику онъ изъ мѣстъ, бѣдствіемъ ему грозившихъ, переправился въ бѣзопаснѣйшія. А къ мѣстамъ слово *praepetes* какъ птицагадатели придаютъ, такъ и Енній въ первой книгѣ *лѣтописца* сказалъ:

Praepetibus hilares sese pulchrisque locis dant.

А что птицамъ именуемымъ *praepetes* противныхъ птицъ называютъ *inferas*, о томъ Нигидіи Фигулъ въ первой книгѣ *Домашняго птицегаданія* такъ говоритъ: *Discrepat dextra*

dextra sinistræ, præpes inferæ. Откуда можно догадываться, что *præpetes* назывались тѣ птицы, которыя выше лѣтаютъ; когда Нигидій *præpetibus* противополагаетъ *inferas.* А я въ молодыхъ лѣтахъ въ Римѣ, когда еще хаживалъ къ учителямъ Грамматики, слышалъ, что Аполлинаръ Сулпицій, которому я наипаче слѣдовалъ, какъ спрошено у него было о словѣ *præpetes aves*, и упомянуто о правахъ птицегадателей Еруцію Клару градоначальнику [praefecto urbi] отвѣчалъ; что по его мнѣнію *præpetes* суть тѣ птицы, которыхъ Омиръ назвалъ *τανυπτέρυγας* [*крылья простершими*]: потому что птицегадатели на тѣхъ по большой части птицъ смотрѣли, которыя распустивъ широко крылья и протянувшись лѣтали. И привелъ тогда слѣдующіе Омировы стихи:

Τύνη δ' οἰωνοῖσι τανυπτερύγεσσι κελεύεις,
Πείθεσθαι, τῶν ὄτι μετατρέπομ' ὀδ' ἀλεγίζω.

то есть.

Простершимъ крылья ты велишь мнѣ вѣрить птицамъ;
А я ихъ за ничто щитаю, презираю.

ГЛАВА 7.

О Аккѣ Ларентіѣ и Каѣ Тарратіѣ, и о началѣ священства братьевъ полевыхъ, [*fratrum arvalium*] (1)

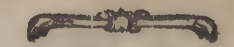
Акки Ларентіи и Каи Тарратіи, или иначе Фуфетіи, имена въ древнихъ лѣтописцахъ суть славны; первой изъ нихъ по смерти, а Тарратіѣ при жизни ея великія отъ Римскаго народа были воздаваемы почести. И что Тарратія была дѣвица Вестальная, (2) то видно изъ закона Гораціева, который о ней былъ обнародованъ, по силѣ котораго великія ей приписуются почести, между которыми дано ей право вступать и во свидѣтельство; и только она одна изъ всѣхъ женщинъ за способную къ свидѣтельству [testabilis] почтена. Слово сіе положено въ самомъ законѣ Гораціевомъ; а противное тому находится въ 12 таблицахъ (3), IMPROBUS INTESTABILISQUE ESTO. Сверхъ того, ежели она

---

(1) *Братьевъ полевыхъ*] Братья сіи были жрецы Вакха, бога винъ или пьянства, и Цереры, богини плодовъ. Полевыми названы потому, что назначенное въ жертву животное прежде приношенія трижды обводили около поля.

(2) *Дѣвица Вестальная*] О Вестальныхъ дѣвицахъ смот. кн. 1. гл. 12.

(3) *Въ 12 таблицахъ*] На сихъ таблицахъ были изображены Римскіе законы.

она (4) будучи сорока лѣтъ захочетъ оставить священство и итти за мужа; то дано ей право и позволеніе оставить священство и итти за мужа, по причинѣ оказанной щедрости и того благодѣянія, что подарила она Римскому народу поле Тиберізво или Марсово. Но Акка Ларентіа всякому позволяла имѣть съ собою дѣло, и такимъ промысломъ великое множество собрала денегъ. Она, какъ пишется въ повѣствованіи Антіатовомъ, имѣнію своему наслѣдникомъ по завѣщанію сдѣлала царя Ромула, а какъ нѣкоторые другіе обьявляютъ, Римскій народъ. За сіе одолженіе общенародно совершается ей жертвоприношеніе чрезъ жреца Квиринскаго (5), и день во имя ея вписанъ въ мѣсяцословъ. Но Сабинъ Массурій въ первой изъ записныхъ своихъ книгъ, слѣдуя нѣкоторымъ повѣстей писателямъ, говоритъ, что Акка Ларентіа была кормилица Ромулова. *Сія*, говоритъ онъ, *женщина одного изъ двенатцати сыновей лишилась по причинѣ его смерти, а*

 пѣ-

(4) *Будучи сорока лѣтъ*] Вестальнымъ дѣвицамъ на отправленіе ихъ служенія было опредѣлено 30 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы въ первые десять лѣтъ тому учиться, во вторые оное самой отправлять, въ третіи другихъ тому учить; а браны были въ оное служеніе не старѣе какъ отъ шести до десяти лѣтъ; по прошествіи же 30 лѣтъ отъ вступленія въ служеніе позволялось каждой оставя званіе свое выходить за мужа; по чему каждой почти доводилось выходить за мужа около 40 лѣтъ.

(5) *Чрезъ жреца Квиринскаго*] То есть Марсова: ибо Марсъ иначе онымъ называется именемъ

вмѣсто онаго Ромулъ пошелъ въ усыновленіе къ Аккѣ Ларентіѣ; и какъ себя, такъ и прочихъ ея сыновей назвалъ полевыми братьями. Съ того времени продолжалось общество полевыхъ братьевъ, состоящее изъ двенатцати человѣкъ. Сего чина жрецы имѣли знакъ состоящій изъ колосянаго вѣнца и (6) бѣлой шапки. Но когда, при всеобщемъ для всѣхъ Вестальныхъ дѣвицъ позволеніи, по прошествіи 40 лѣтъ, итти за мужа Тарратіѣ почтено было за особенное нѣчто; то заключаютъ, что ей первой изъ всѣхъ дано было сіе право, которымъ по ней и другіе пользовались; а прежде ея всякой изъ нихъ вѣчно надлежало быть въ дѣвствѣ.

ГЛАВА 8.

Нѣкоторыя достопамятныя примѣчанія о Царѣ Александрѣ и о П. Сципіонѣ.

Аппіонъ родомъ Грекъ, по прозванью Плистоникъ, имѣлъ способность и охоту ко краснорѣчію. Онъ, описывая похвалы Александра царя, говоритъ: Побѣдивъ непріятеля, жену его весьма краснаго лица запре-

(6) *Бѣлой шапки*] Шапки сіи были дѣланы на образецъ повязокъ женскихъ; тканы или изъ льна, или изъ бѣлой шерсти. Былъ же сей знакъ почести столь важенъ; что не можно было онаго у жрецовъ отнять, хотя бы имъ за свои проступки и въ ссылку посланнымъ, или отъ непріятелей плѣненнымъ быть случилось.

претилъ къ себѣ на глаза приводить: дабы не коснуться ея ниже своимъ взоромъ. Почему пріятный можетъ быть предложенъ запросъ, который изъ двухъ по видимому долженъ почесться за воздержнѣйшаго, Публій ли Африканскій вышепомянутый, который завоевавъ великій въ Гишпаніи городъ Карѳагенъ, дѣвицу уже въ совершенномъ возрастѣ, лицемъ прекрасную, дочь одного благороднаго Гишпанца, плѣненную и предъ него представленную отослалъ ко отцу ея ненарушивъ ея цѣломудрія; или царь Александръ, который на главномъ сраженіи плѣнивъ жену и купно сестру царя Дарія, о превосходной красотѣ которыя уже слыхалъ, видѣть не хотѣлъ, и не приказалъ предъ себя приводить? Но сіе объ Александрѣ и Сципіонѣ разсужденіе пусть пишутъ тѣ, которые довольно имѣютъ разума, досуга и словъ. А для меня довольно сказать изъ повѣствованія то, что о Сципіонѣ ономъ, правда ли то или ложь, неизвѣстно, однако въ юношествѣ его былъ слухъ не совсѣмъ неподозрительный; и почти извѣстно, что слѣдующіе стихи Кн. Невіемъ стихотворцемъ были написаны на него:

Кто храбро славныя дѣла производилъ;
О чьихъ поступкахъ свѣтъ до нынѣ не забылъ;
Единъ кто прочихъ всѣхъ въ народахъ превосходитъ:
Съ двора любовницы того отецъ выводитъ
Въ единой епанчѣ.

Сими то, я думаю, стихами былъ возбужденъ Валерій Антіатъ противъ всѣхъ писателей о нравахъ Сципіона принять противныя мысли; и написать, что онъ плѣнную ту дѣвицу, о которой мы говорили прежде, отцу не возвращалъ; но удержавъ при себѣ ею утѣшался и любилъ.

ГЛАВА 9.

Мѣсто взятое изъ Лѣтописца Л. Писона, представляющее весьма пріятную и красноречиво написанную повѣсть.

Поелику дѣло Кн. Флавіемъ Анніевымъ сыномъ, Эдилемъ Курульнымъ, по объявленію Л. Писона въ третіей книгѣ лѣтописца, учиненное показалось достопамятнымъ, и поелику оное Писонъ весьма чисто и красиво изобразилъ: то я все оное мѣсто изъ лѣтописца Писонова сюда внесъ. *Кн.* говоритъ онъ, *Флавій, сынъ нѣкоего отпущенника, былъ писаремъ, и въ то время, какъ смѣнялись Эдили, служилъ при Эдилѣ Курульномъ. Его въ собраніи по трибамъ [pro tribu] избрали Эдилемъ Курульнымъ. Но Эдилъ, имѣвшій собраніе, сей выборъ принять отрицается, и говоритъ, что неугодно ему то, чтобы Эдилемъ сдѣланъ былъ подьячій. Сказываютъ, что Кн. Флавій, Анніевъ сынъ, бросилъ бумагу, отказался отъ должности писарской, и потомъ сдѣланъ былъ Эдилемъ Курульнымъ. О томже Кн. Флавіѣ*

Анні-

Анніевомъ сынѣ сказываютъ, что когда онъ пришелъ къ больному своему товарищу для посѣщенія; и какъ онъ пошелъ въ покой, гдѣ много сидѣло благородныхъ юношей его презиравшихъ: то ни одинъ передъ нимъ встать не хотѣлъ. Кн. Флавій, Анніевъ сынъ, будучи Эдилемъ на то разсмѣялся. Приказалъ себѣ принести стулъ Курульный, (1) *и поставилъ оный на порогѣ, чтобы никому изъ тѣхъ юношей выттти было не можно, и чтобы всѣ видѣли его сидящаго на стулѣ Курульномъ.*

ГЛАВА 10.

Повѣсть о Евклидѣ ученикѣ Сократовомъ, котораго примѣромъ Тавръ философъ обыкновенно увѣждалъ своихъ учениковъ къ прилѣжному упражненію въ философіи.

Философъ Тавръ, мужъ на нашей памяти въ ученіи Платоновомъ славный, какъ другими многими хорошими и полезными примѣрами убѣждалъ приняться за философію, такъ наипаче ревность въ юношахъ возбуждалъ расказываемою поступкою Евклида ученика Сократова. *Былъ*, говоритъ онъ, *законъ у Аѳинянъ, чтобы, еже-*

(1) *Стулъ Курульный*] Былъ сдѣланъ изъ слоновой кости, на которомъ позволялось и дома сидѣть, и въ присутственныя мѣста поставя въ коляску всенародно ѣздить, и въ другихъ мѣстахъ употреблять нѣкоторымъ чиновнымъ людямъ въ знакъ отмѣнной чести.

ли кто изъ граждань Мегарскихъ хоть на одинъ шагъ вступитъ въ Аѳины и пойманъ будетъ, того казнить за сіе смертію. Такою то, продолжаетъ онъ, Аѳинейцы пылали ненавистію къ соседямъ своимъ Мегарянамъ. Въ то время Евклидъ, будучи тамошній же Мегарскій житель, прежде сего опредѣленія обыкновенно хаживалъ въ Аѳины учиться у Сократа; а по изданіи сего узаконенія, подъ вечеръ въ сумерки одѣвшись въ долгое исподнее женское платье, и сверху надѣвъ пеструю епанчу, и покрывъ голову покрываломъ, изъ дому своего въ Мегарахъ хаживалъ въ Аѳины къ Сократу, дабы хотя ночью на нѣсколько времени быть участникомъ его наставленій и разговоровъ: а на разсвѣтѣ, слишкомъ двадцать тысячь шаговъ, въ томъ же уборѣ ходилъ обратно. А нынѣ, говоритъ, случается, что философы для ученія сами бѣгаютъ по дворамъ богатыхъ юношей, и сидя тамъ дожидаются почти до полудни, пока ихъ ученики проспятъ все выпитое прошедшей ночи пьянство.

ГЛАВА II.

Слова изъ рѣчи К. Метелла Нумидійскаго, которыя разсудилось мнѣ запомнить, яко ведущія къ должностямъ до важности и достоинства жизни касающимся.

Какъ изъ рѣчи К. Метелла Нумидійскаго, мужа мудраго, такъ и изъ книгъ и ученій философскихъ познать можно, что съ негоднѣйшими людьми не должно въ ругательствахъ препираться, и противъ безстыдныхъ и безсовѣстныхъ людей бранными вооружаться словами: ибо ты по толику имъ сдѣлаешся равенъ и подобенъ, по колику равное и подобное станешь говорить и слушать. Слова сіи суть Метелловы противъ Кн. Манлія Трибуна народнаго, отъ котораго онъ при народѣ въ собраніи былъ озлобленъ и обруганъ поносными словами: *Теперь что до него касается Римлянѣ, поелику онъ большую себѣ чрезъ то думаетъ получить честь, когда будетъ себя называть врагомъ моимъ, а я ни дружбы его не желаю, ни вражды не уважаю: то болѣе и говорить о немъ не намѣренъ. Ибо я почитаю его какъ весьма недостойнымъ того, чтобы добрые люди о немъ говорили хорошо, такъ нестоющимъ и того, чтобы честнымъ людямъ говорить о немъ худо. Ибо естьли о такомъ мужичонкѣ будешь говорить тогда, когда его наказать не можно; то тѣмъ больше ему сдѣлаешь чести, нежели безчестія.*

ГЛАВА 12.

О томъ, что ни testamentum, *какъ думалъ Серпій Сулпицій; ни* sacellum, *какъ думалъ К. Требатій, не суть слова сложныя; но первое произведено* a testatione, *а другое уменьшительное* a sacro.

Я не нахожу причины, по чему Сервій Сулпицій законоискусникъ, мужъ въ свое время весьма ученый, во второй книгѣ (1) о *Завѣщаніяхъ богослуженій* написалъ, что *testamentum* есть слово сложное. Ибо онъ сказалъ, что оно сложено *a mentis contestatione*. Такъ, что *calceamentum*, что *paludamentum*, что *pauimentum*, что *vestimentum*, что тысяча другихъ такое же окончаніе имѣющихъ словъ; не уже ли всѣ оныя назвать надобно сложными? а кажется, что Сер-

(1) О *завѣщаніяхъ богослуженій*] Въ древнемъ первосвященническомъ правѣ повелѣвается, чтобы домашнее богослуженіе сохраняемо было, и наконецъ предавалось бы оставшемуся поколѣнію. И такъ наслѣдники имѣнія были наслѣдниками и богослуженія. По нѣсколькѣ времени выдуманы способы, чрезъ которые дѣлался обманъ въ разсужденіи закона, и отмѣнялось богослуженіе. А сіе дѣлалось или по воображательной продажѣ чрезъ мѣдь и вѣсы при вѣсодержцѣ, или по другому роду воображательной продажи называющейся coëmtio [*сопокупаніе*] при старикахъ вмѣстѣ съ другими покупавшихся [senes coëmtionales], которые, трижды взявъ сестерцій и обратно отдавъ, дѣлали наслѣдника свободнымъ, какъ свидѣтельствуетъ о семъ Цицеронъ въ рѣчи за Мурену; или наконецъ отмѣнялось богослуженіе по завѣщанію, которое чрезъ обыкновенныя сава въ собраніи первосвященниковъ дѣлаемо было, какъ объявляетъ нашъ Геллій кн. 16 гл. 27.

Сервій, или кто другой прежде его сіе сказавшій ошибся въ ономъ хотя и ложномъ, однако непротивномъ и не непристойномъ нѣкоторомъ какбы mentis означеніи въ семъ словѣ; какъ и (2) К. Требатій подлинно въ той же пристойности ошибся. Ибо во второй книгѣ о *Богопочитаніяхъ* говоритъ: „Sacellum est locus paruus deo sacratus cum ara. Потомъ придаетъ сіи слова: „Sacellum ex „duobus verbis arbitror compositum sacri et cellae; „quasi sacra cella. Хотя и написалъ сіе Требатій: но кто не знаетъ, что *sacellum* есть и слово простое, и не изъ *sacer* и *cella* сложено, но отъ *sacer* уменшено.

ГЛАВА 13.

О попросцахъ у Тавра философа на пиру задаванныхъ, называемыхъ пирушечными.

Въ Аѳинахъ отъ тѣхъ, которые гораздо были близки Тавру философу, дѣлано и наблюдаемо было слѣдующее. Когда онъ звалъ насъ къ себѣ въ домъ; то, чтобы не совсѣмъ, какъ говорится, приходить праздным

---

(2) К. *Требатій*] Который во время Юлія Цесаря и Августа былъ славенъ; великую имѣлъ дружбу съ Цицерономъ, какъ письмо его къ Требатію и Топическія книги показываютъ. Въ правѣ гражданскомъ въ свое время имѣлъ начальство и великую силу; такъ что Августъ съ нимъ и съ другими знающими людьми совѣтовался о употребленіи завѣщательныхъ писемъ (de usu codicillorum.)

нымъ и съ пустыми руками, складываясь приносили на ужинъ не нѣжныя кушанья, но остроумныя вопросы. И такъ всякъ изъ насъ шелъ подумавъ и приготовившись какой бы сдѣлать вопросъ: и началомъ нашихъ разговоровъ было окончаніе стола. Предлагаемы же были неважные и глубокомысленные вопросы, но нѣкоторыя веселыя и мѣлкія и духъ отъ вина развеселившійся возбуждающія умствованія. Каковъ почти есть и слѣдующій шуточной тонкости вопросъ. Спрашивано было, когда (1) умирающій умираетъ; тогда ли, когда уже онъ въ смерти, или и тогда, когда въ жизни находится? и когда встающій встаетъ; тогда ли, когда уже стоитъ, или и тогда (2) когда сидитъ? и, кто учится художеству, когда дѣлается художникомъ; когда уже онъ есть, или и тогда, когда нѣтъ еще? Ибо естьли одно изъ сихъ скажешь, то скажешь смѣшно и непристойно: а еще покажет-

(1) *Умирающій умираетъ*] Бываетъ въ ту краткость времени, которая есть средняя между смертію и жизнію.

(2) *Когда сидитъ*] Что тѣ, которые отрицали движеніе, или лучше говорили, что *есть* ничемъ не больше какъ и *нѣтъ*, употребляли сей родъ вопросовъ: то видимъ изъ словъ Герофила врача сказанныхъ Діодору философу, когда онъ вывихнувъ плечо пришелъ къ нему для излѣченія: *Или изъ того мѣста плечо выпало, въ которомъ оно было, или изъ того, въ которомъ не было: но ни изъ того, въ которомъ было, ни изъ того, въ которомъ не было: слѣдовательно оно не выпало.*

жется непристойнѣе, естьли или и то и другое скажешь, или ни того ни другаго. Но когда нѣкоторые все сіе называли пустыми и бездѣльными уловками; то Тавръ сказалъ: „Не презирайте сихъ какбы нѣ„которыхъ шуточныхъ вракъ. Знатнѣйшіе „изъ философовъ о семъ не въ шуткахъ „разсуждали: и иные думали, что слово и „мгновеніе умиранія при продолженіи еще „жизни говорится и бываетъ; иные ниче„го въ то время жизни не оставили; и „все то, что называется умереть, припи„сали смерти. Также и о другомъ подоб„номъ въ различныя времена и въ против„ныя разошлись мнѣнія. Но Платонъ нашъ, „сказалъ притомъ онъ, ни жизни, ни смер„ти не отдалъ того времени; и то же „сдѣлалъ во всякомъ разсужденіи о подоб„ныхъ вещахъ. Понеже видѣлъ онъ, что „и то и другое противно; и не можно „изъ двухъ противныхъ въ бытность од„ного утвердить другаго; и что вопросъ „дѣлается чрезъ совокупность различныхъ „между собою предѣловъ смерти и жизни: „и для того самъ выдумалъ и изобрѣлъ „другое нѣкоторое новое въ смѣжности „время, которое собственными и вновь „выдуманными словами назвалъ *τὴν ἐξαίφνης* „*φύσιν* т. е. *внезапною природою*; и сіе са„мое такъ, какъ я говорю, найдете отъ „него написанное въ книгѣ, которой над„писаніе *Парменидъ*: *τὸ γὰρ ἐξαίφνης τοιῦτον*

„τι

„ τι ἔοικε σημαίνειν, ὡς ἐξ ἐκείνȣ μεταβάλλον εἰς „ ἑκάτερον. т. е. *Ибо внезапное по видимому „ значитъ что нибудь такое, которое изъ „ одного перебрасываетъ на другое.* Такова „ у Тавра была складчина, и таковы, какъ „ онъ самъ говорилъ, τραγήματα [*закуски*]

ГЛАВА 14.

Три причины наказанія за грѣхи положены отъ философовъ, и для чего Платонъ упоминаетъ только о двухъ изъ нихъ.

Почиталось, что три должны быть причины наказанія за грѣхи. Одна называемая (1) νȣθεσία или κόλασις или παραίνεσις; когда употребляется наказаніе для обличенія и исправленія, дабы тотъ, кто погрѣшилъ случайно, былъ осторожнѣе и исправнѣе. Другая, которую обстоятельнѣе слова сіи раздѣлившіе называютъ τιμωρία [*мщеніе*]. Сія причина наказанія бываетъ, когда достоинство и важность того, противъ кого погрѣшено, сохранены быть должны, дабы опущеніе наказанія не произвело къ нему презрѣнія и не сдѣлало ущерба чести: потому думаютъ и названіе оному [на Греческомъ языкѣ] дано отъ сохраненія че-

---

(1) Nȣθεσία *и пр.*] Удивительно, что писатель нашъ νȣθεσίαν и παραίνεσιν, которыя слова собственно означаютъ *увѣщеваніе и увѣщаніе* смѣшалъ съ *наказаніемъ* называемымъ κόλασις, когда сіе не больше имѣетъ сходства, какъ и слова съ побоями.

чести. Третія причина наказанія, называемая отъ Грековъ *παράδειγμα* [*примѣръ*], когда наказаніе нужно для примѣра, дабы другіе отъ подобныхъ преступленій, которыя общенародно запрещать должно, страхомъ извѣстнаго наказанія отводимы были. По сему и древніе Римлянѣ примѣры за превеликія и тягчайшія наказанія почитали. И такъ когда или великая есть надежда, что погрѣшившій безъ наказанія самъ себя добровольно исправитъ; или напротивъ ни малой нѣтъ въ немъ надежды ко исправленію; или ущерба чести, противъ которой погрѣшено, нѣтъ нужды бояться; или не въ томъ дѣлѣ погрѣшено, котораго примѣръ надобно предварить неотмѣннымъ страхомъ: то при всякомъ такомъ погрѣшеніи стараніе о наказаніи почтено не очень за справедливое. О сихъ трехъ причинахъ мщенія и другіе философы многоразлично, и нашъ Тавръ въ первой книгѣ *Записокъ на Платонова Горгія* написалъ. А самъ Платонъ явно говоритъ, что двѣ только причины наказанія: одна, которую въ первомъ мѣстѣ для исправленія; а другая, которую въ третіемъ положилъ я для боязни примѣра. Платоновы въ Горгіи слова суть слѣдующія: *Προσήκει δὲ παντὶ τῷ ἐν τιμωρίᾳ ὄντι ὑπ᾽ ἄλλου ὀρθῶς τιμωρουμένῳ ἢ βελτίονι γίνεσθαι, καὶ ὀνίνασθαι, ἢ παράδειγμά τι τοῖς ἄλλοις γίνεσθαι, ἵνα ἄλλοι ὁρῶντες πάσχοντα, ἃ ἂν πάσχοι, φοβούμενοι βελτίους γίνονται.* т. е. *Прилично вся-*

 кому

хому сущему въ наказанiи, справедливо отъ другаго наказуемому, или дѣлаться лучшимъ и чрезъ то пользоваться, или быть примѣромъ для другихъ; дабы другiе, видя его страждущаго и боясь его страданiй, дѣлались лучшими. Въ сихъ словахъ удобно видѣть можно, что Платонъ τιμωρία не въ такомъ означенiи сказалъ, въ какомъ нѣкоторые [какъ выше написано] говорятъ, но такъ, какъ безъ разбору обыкновенно говорится, за всякое наказанiе. А причину наказанiя для сохраненiя важности оскорбленнаго человѣка, яко маловажную ли конечно и презрѣнiя достойную онъ опустилъ, или больше яко не нужную для того дѣла, о которомъ онъ говорилъ, оставилъ, писавъ о принятiи наказанiй не въ жизни и между людьми, но по смерти; то я отдаю на собственное всякаго разсужденiе.

ГЛАВА 15.

О глаголѣ, quiesco, *сокращенно ли или протяжно въ немъ букву* e *выговаривать должно.*

Прiятель мой, человѣкъ весьма ученый и въ честныхъ наукахъ много упражнявшiйся, глаголъ, *quiescit*, употребительно выговорилъ съ сокращенiемъ буквы, *e*. Другой также мой прiятель человѣкъ въ наукахъ, какбы въ очарованiи удивительный, и простонародныхъ словъ чрезвычайно

тайно не любящій и гнушающійся ими подумалъ, что онъ сказалъ грубо; понеже долженъ былъ выговорить протяжно а не сокращенно. Ибо говорилъ, *quiescit*, такъ должно говорить, какъ *calescit*, *nitescit*, *stupescit* и другія многія такія слова. При томъ говорилъ и сіе, что, *quies*, произносится съ протяженіемъ, а не съ сокращеніемъ буквы, *e*. На что первый другъ, человѣкъ во всемъ скромный и умѣренный, сказалъ: Есть ли бы Еліи, Цинціи и Сантры не разсудили такъ говорить; то бы я въ противность всегдашнему употребленію Латинскаго языка тебя послушался, и не сталъ бы столь отмѣнно говорить, чтобы употреблять непристойное и неслыханное. Написалъ же о семъ и писмо между нѣкоторыми забавными упражненіями; и доказалъ, что *quiesco* съ вышеположенными словами несходно, и не отъ *quies* произведено, но *quies* отъ него; и что глаголъ сей имѣетъ и образъ и начало Греческаго слова ἔχον καὶ ἔσκον Іонически отъ глагола ἔσχω ἴχω: при томъ не неосновательными доказалъ причинами, что *quiesco* непристойно говорить съ протяженіемъ буквы, *e*.

ГЛАВА 16.

Глаголъ, deprecor, отъ стихотворца Катулла хотя не употребительно, но пристойно и собственно положенъ, и о свойствѣ сего глагола, и примѣрахъ древнихъ писателей.

Вечеромъ мы по случаю прохаживаясь (1) въ Ликiѣ, шутили и смѣялись надъ нѣкоторымъ такимъ, который, чрезъ скоропоспѣшное и безъ вкуса бывшее свое упражненiе въ словѣ, хотѣлъ прославиться красноречивымъ, и не зналъ прямаго свойства Латинскаго языка. Ибо когда глаголъ, *deprecor*, искусно былъ положенъ въ стихахъ Катулловыхъ; то, поелику онъ сего незналъ, стихи оные изъ всѣхъ, по моему разсужденiю, прiятнѣйшiе называлъ весьма непрiятными, которые я и приложилъ здѣсь:

Lesbia mî dicit ſemper male, nec tacet unquam
De me Lesbia: me diſpeream niſi amat.
Quo ſigno? quaſi non totidem mox deprecer illi
Aſſidue: uerum diſpeream niſi amo.

Добрый тотъ человѣкъ думалъ, что въ семъ мѣстѣ *deprecor* сказано такъ, какъ по большой части просто говорится, что значитъ *ualde precor et oro et ſupplico*; въ котороромъ

(1) *Въ Ликiѣ*] Ликiй былъ знатное въ Аѳинахъ училище, о которомъ, по свидѣтельству Гарпократiона, Ѳеопомпъ объявляетъ, что оно построено отъ Писистрата, а Филохоръ отъ Перикла.

ромЪ предлогЪ, *de*, служитЪ ко увеличенiю и умноженiю. Естьли бы сiе было такЪ; то бы подлинно стихи были непрiятны. Ибо здѣсь совсѣмЪ противно: понеже, *de*, предлогЪ, поелику есть обоюдный, вЪ одномЪ и томже словѣ имѣетЪ различное знаменованiе; потому что, *deprecor*, такЪ отЪ Катулла сказано, какбы detestor, uel exsecror, uel depello, uel abominor. А противное имѣетЪ означенiе, когда ЦицеронЪ за П. Суллу такЪ говоритЪ: *Quam multorum hic uitam a Sulla deprecatus.* Также вЪ отсовѣтованiи издавать землераздѣлительный законЪ „Si quid deliquero; nullae sunt imagines „quae me a vobis deprecentur. Но и не одинЪ КатуллЪ вЪ такомЪ означенiи употребилЪ сiе слово. Книги древнихЪ наполнены примѣрами подобнаго вЪ семЪ глаголѣ означенiя, изЪ которыхЪ нѣсколько вЪ готовности бывшихЪ примѣровЪ я приложилЪ. К. Еннiй *вЪ Ерехеѣ* сказалЪ не много отлично отЪ Катулла;

Quibus nunc, сказалЪ онЪ, *aerumna mea libertatem paro.*

Quibus seruitutem mea miseria deprecor?

ОзначаетЪ abigo и amolior, uel prece adhibita, uel quo alio modo. Также Еннiй *вЪ Кресфонтѣ*: *Ego quum meae uitae parcam; letum inimico deprecor.* ЦицеронЪ вЪ шестой книгѣ *о Республикѣ* написалЪ такЪ: „Quod quidem eo fuit maius, „qui quum causa pari collegae essent, non modo „inuidia pari non erant, sed etiam Claudii inuidiam

 „Grac-

„ Gracchi caritas deprecabatur. И сдѣсь также не значитъ ualde precabatur, но какбы propulsabat et defendebat inuidiam. Что Греки въ близкомъ знаменованіи говорятъ *παραιτῦμαι отгоняю, отвращаю какбы прозьбою.* Подобно также Цицеронъ за А. Цецину употребляетъ сіе слово. „ Quid, говоритъ онъ, „ huic homini facias? nonne concedas interdum ut „ excusatione summae stultitiae, summae improbitatis „ odium deprecetur? Также въ первой главѣ второй рѣчи на Верреса; „ Nunc uero quid „ faciat Hortensius? auaritiae ne crimina frugalitatis „ laudibus deprecetur? an hominem flagitiosissimum, „ libidinosissimum, nequissimumque defendat? По сему Катуллъ говоритъ о себѣ, что онъ тоже дѣлаетъ, что и Лесбія; понеже и явно ея бранилъ, и отвергалъ и отговаривался отъ нея, и всегда ею гнушался; однако сердечно ея любилъ.

ГЛАВА 17.

Кто прежде всѣхъ завелъ общенародную библіотеку; и коликое въ Аѳинахъ до пораженія отъ Персовъ было число книгъ въ общенародныхъ библіотекахъ.

Сказываютъ, что въ Аѳинахъ книги свободныхъ наукъ для общенароднаго чтенія первый завелъ (1) Писистратъ тираннъ: на-

(1 *Писистратъ*] Аѳинейскій тираннъ, человѣкъ весьма разумный и краснорѣчивый, и который весьма любилъ науки; онъ достоинъ былъ того, что Меурсій съ особеннымъ стараніемъ описалъ его жизнь.

наконецъ съ большимъ тщанїемъ сами Аѳиняне число оныхъ умножили; но послѣ все оное книгъ множество Ксерксъ взявши Аѳины, по зажженїи (2) самаго города кромѣ крѣпости, увезъ въ Персїю. По многомъ времени всѣ сїи книги царь Селевкъ, названный Никаноръ, приказалъ назадъ отвезти въ Аѳины. Великое потомъ число книгъ въ Египтѣ тщанїемъ (3) царей Птоломеевъ,

(2) *Самаго города.*] То есть опустѣвшаго и обезлюдѣвшаго города. Однако пишетъ Плутархъ, что слабые и прѣстарѣлые многїе были оставлены. Павсаній объявляетъ, что отъ тѣхъ, которые были неспособны къ войнѣ, крѣпость ограждена была деревомъ во удовлетвореніе провѣщанію [оракулу.] Согласно съ симъ пишетъ и Иродотъ. Притомъ утверждаетъ онъ, что и бѣдные были оставлены.

(3) *Тщанїемъ царей Птоломеевъ*] Витрувій въ предисловіи Кн. 7. пишетъ слѣдующее: *Цари Атталическїе когда, великимъ прїятностьми филологїи побуждены, изрядную библїотеку въ Пергамѣ завели для общаго увеселенія: тогда также Птоломей [Филадельфъ] безмѣрною побужденъ ревностію, не съ меншимъ тщанїемъ старался завести библїотеку въ Александрїи.* Галенъ утверждаетъ въ Кн. Ипокр. de Natura humana, что между сими царями былъ и великій споръ въ собиранїи книгъ. Однако Птоломей одержалъ верьхъ. Понеже въ Пергамской библїотекѣ было двѣсти тысячь книгъ, какъ свидѣтельствуетъ Плутархъ въ жизни М. Антонія: а въ Александрїйской библїотекѣ было почти седмь сотъ тысячь по Геллїю и Аммїану, по Іосифу пятьсотъ, по Сенекѣ четыреста. Упоминаютъ о ней и Евсевій въ Кн. 8. *Еванг. Прїуг.* Аммїанъ въ Кн. 22. Епифаній въ кн. о *Тяжест.* говоритъ, что двѣ публичныя библїотеки были въ Александрїи, первая въ Брухїи построена отъ Птоломея Филадельфа, а вторая гораздо по

какъ переведено такъ и сочинено почти до седми сотъ тысячь: но всѣ они (4) въ первую Александрійскую войну, при разграбленіи города, не самопроизвольно и не съ умысла, но отъ вспомогательныхъ воиновъ послучаю (5) сожжены.

А

слѣ построена въ Серапеѣ, которая и называлась сестрою первыя. Въ сей библіотекѣ, надъ которою во время Филадефа главнымъ былъ Димитрій Фалерей, различныхъ народовъ книги или на ихъ языкахъ или переведенныя находились, какъ и ветхій завѣтъ отъ 70 толковниковъ по повелѣнію Птоломееву переведенъ былъ на Греческій языкъ. И такъ первый Птоломей Филадельфъ сію библіотеку воздвигнулъ, а слѣдующіе цари весьма оную увеличили.

(4) *Въ первую Александрійскую войну*] Въ междоусобную Помпееву войну, когда Цесарь въ самомъ городѣ Александріи воевалъ съ жителями оныя, и для защищенія своего зажегъ флотъ, который пожаръ все въ близости находившееся и самую обхватилъ библіотеку.

(5) *Сожжены*] Пропало, по объявленію Сенеки, четыреста тысячь книгъ. И такъ можетъ быть не вся библіотека сгорѣла, или когда были двѣ, то одна только. Сгорѣла же во 182 ю Олимпіаду, едва стоявши 224 года.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА СЕДМАЯ
ГЛАВА I.
Нѣкоторыя удивительности о П. Африканѣ старшемъ взятыя изъ лѣтописца.

Что объ Олимпіадѣ, женѣ Филиппа царя, Александровой матери, въ Греческой повѣсти написано; то самое и о матери П. Сципіона, который первый названъ Африканомъ, повѣствуется. Ибо К. Оппій, Юлій Гигинъ, и другіе о жизни и дѣлахъ Африкановыхъ писавшіе обьявляютъ, что мать его долго почитаема была неплодною; и Публій Сципіонъ ея мужъ отчаялся имѣть отъ нея дѣтей. Потомъ въ спалнѣ и на постелѣ ея, когда она въ отсутствіе мужа одна лежа заснула, вдругъ увидѣли подлѣ ея лежащаго большаго ужа; и какъ увидѣвшіе испугались и закричали, то онъ ушедши найденъ быть не могъ. О семъ П. Сціпіонъ обьявилъ утробозрителямъ, которые учинивъ жертвоприношеніе отвѣтствовали, что у него будутъ родиться дѣти. Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ ужъ оный видѣнъ былъ на постелѣ, Сципіонова жена начала чувствовать признаки зачавшагося плода. Потомъ въ десятый мѣсяцъ родила; и родился тотъ П. Сципіонъ Африканскій, который во вторую Пуническую войну въ Африкѣ побѣ-

 дилъ

дилъ Аннибала и Кареагенцовъ. Но гораздо больше по учиненнымъ дѣламъ, нежели по оному предзнаменованію почитали его мужемъ божественную силу имѣющимъ. При семъ нетрудно упомянуть и о томъ, о чемъ вышеупомянутые же писатели объявляютъ, что сей Сципіонъ Африканскій обыкновенно въ концѣ ночи до разсвѣта часто ходилъ въ Капитолію, приказывалъ отворять (1) кумирницу Юпитерову, и долго тамъ одинъ бывалъ какбы совѣтуясь съ Юпитеромъ о республикѣ. Приставники того храма часто удивлялись, что въ такое время всегда на другихъ собаки злящіяся, на него одного въ Капитолію входящаго ни лаяли, ни набѣгали. Сіи простаго народа о Сципіонѣ мнѣнія, по видимому, утверждали и доказывали многія его удивительныя изреченія и дѣла. Изъ которыхъ одно таково. Осаждалъ онъ и дѣлалъ приступъ къ одному (2) Испанскому городу, положеніемъ, стѣнами и обороною сильному и крѣпкому, и притомъ съѣстными припасами изобильному, такъ что никакой не было надежды взять онаго; и какъ онъ въ одинъ день сидя въ стану производилъ судъ, откуда вдали видѣнъ былъ тотъ го-

(1) *Кумирницу Юпитерову*] Которую особенно описать старался Ютъ Риккій въ ученой книжкѣ о *Римской Капитоліи.*

(2) *Испанскому городу*] Валерій Максимъ свидѣтельствуетъ, что городъ назывался Бадіемъ.

городЪ: то одинЪ изЪ воиновЪ стоящихЪ предЪ нимЪ на судѢ по обыкновенію спросилЪ, вЪ какой онЪ день и вЪ какомЪ мѢстѢ прикажетЪ ему явиться кЪ суду. СципіонЪ, указывая рукою на самую крѢпость осаждаемаго города, сказалЪ: послѢ завтра явитесь тамЪ. ТакЪ и сдѢлалось. На третій день, вЪ который онЪ приказалЪ предстать на судЪ, городЪ взятЪ: и вЪ тотже день вЪ крѢпости того города произведенЪ судЪ.

ГЛАВА 2.

О стыда достойной погрѣшности Цеселліа Виндекса, найденной отъ меня въ его книгахъ, которыхъ надписаніе Древнихъ чтеній.

НашелЪ я предосудительную вЪ оныхЪ весьма знаменитыхЪ Цеселліа Виндекса, человѢка подлинно по многому тщательнаго, запискахЪ, которыхЪ надписаніе, *Древнихъ чтеній.* Сія погрѢшность многимЪ неизвѢстна, хотя много во охужденіе Цеселліа и оклеветать его хотѢвшіе искали. А написалЪ Цеселлій, что К. Енній, вЪ третіейнадесять книгѢ *Лѣтописцы*, слово *cor* употребилЪ вЪ мужескомЪ родѢ. Слова Цеселліевы суть слѢдующія: *Енній слово* cor *какъ и другія многія употребилъ въ мужескомъ родѣ. Ибо въ третіейнадесять книгѣ лѣтописца сказалъ, quem cor.* ПотомЪ приписалЪ два Енніевы стиха:

Hannibal audaci cum pectore dehortatur
Ne bellum faciam: quem credidit esse meum cor?

Говоритъ сіе Антіохъ Асійскій царь. Онъ удивляется и очень безпокоится, что Аннибалъ Карѳагенецъ ему намѣревающемуся учинить войну съ Римскимъ народомъ отсовѣтываетъ. А Цесиллій сіи стихи принялъ въ такомъ смыслѣ, будто бы Антіохъ говорилъ такъ: Аннибалъ отсовѣтываетъ мнѣ имѣть войну. И по сему думаетъ, что я равное съ нимъ имѣю сердце. Сколь глупымъ онъ меня почитаетъ, имѣя намѣреніе въ семъ меня увѣрить! Такъ о семъ думаетъ Цесиллій; Но Енній совсѣмъ иначе. Ибо три а не два стиха суть надлежащіе къ сему Енніеву изреченію. Изъ которыхъ на третій стихъ Цесиллій не оглянулся:

Hannibal audaci cum pectore de me hortatur,
Ne bellum faciam: quem credidit esse meum cor
Suasorem summum & studiosum robore belli.

Думаю, что сихъ стиховъ смыслъ и порядокъ есть слѣдующій: Аннибалъ человѣкъ весьма смѣлый и храбрый, о которомъ я думалъ [ибо сіе значатъ слова *cor meum credidit*: равно какбы сказалъ, о которомъ я глупый человѣкъ думалъ] что онъ весьма присовѣтуетъ воевать, тотъ мнѣ не присуждаетъ и не совѣтуетъ производить войну. А Цесиллій, по неразсмотрѣнію симъ соединеніемъ словъ обманувшись, почелъ, что сказано *quem cor*, и читалъ quem съ острымъ удареніемъ, какбы оно относилось къ слову cor, а не Hannibal. Но не безъизвѣстно мнѣ, естьли бы

кто

кто нибудь былъ столь не ученъ, что слово *cor* отъ Цеселлія въ мужескомъ родѣ положенное защитить можно такъ, чтобы по видимому третій стихъ особливо и отдѣльно долженствовалъ быть читаемъ. По сему какбы пресѣкши и прервавши слова вскричалъ Антіохъ; *suasorem summum*! но недостойно отвѣчать тѣмъ, которые сіе скажутъ.

ГЛАВА 3.

Что Туллій Тиронъ Цицероновъ отпущенникъ опорочилъ въ рѣчи М. Катона; и что я на то охужденіе отвѣтствовалъ.

(1) Родосскій городъ и выгодностію острова, и знатностію дѣлъ (2), и искусствомъ въ мореплаваніи, и морскими побѣдами былъ славенъ. Оный городъ хотя въ дружбѣ и въ союзѣ былъ съ народомъ Римскимъ; однако держался дружбы и Перса Филиппова сына, Македонскаго царя, съ которымъ у Римскаго народа была война: и Родосцы, частыя отправляя въ Римъ по-

(1) *Родосскій городъ*] Страбонъ въ кн. 14. говоритъ, что сей городъ пристаньми, дорогами, стѣнами и другимъ строеніемъ столько другія превосходитъ, что не только никакого другаго города не можно назвать превосходнѣйшимъ, но ниже равнымъ.

(2) *Искуствомъ въ мореплаваніи*] По сему и мореплавательные законы Родосскіе были весьма славны, такъ что мореплавательные законы у Римскихъ законоискусниковъ называются Родосскими.

посольства, старались между ими оную войну прекратить. Но какъ сіе примиреніе въ дѣйство произойти не могло, и отъ многихъ въ собраніяхъ ихъ говорено было къ народу, что, естьли не будетъ учинено мира, Родосцы царю помогать будутъ противъ Римскаго народа. Однако никакого о семъ общенароднаго опредѣленія не сдѣлано. Но какъ Персъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ, то, Родосцы весьма испугавшись по причинѣ того, что многократно въ собраніяхъ народныхъ дѣлано и говорено было, отправили въ Римъ пословъ для испрошенія прощенія въ безразсудности нѣкоторыхъ своихъ согражданъ, и для оправданія общенародной вѣрности и дружбы. По пріѣздѣ пословъ въ Римъ, по допущеніи въ Сенатъ, по прочтеніи съ покорностію рѣчей о ихъ дѣлѣ и по изшествіи изъ Сената, началось требованіе мнѣній; и какъ нѣкоторые Сенаторы жалуясь на Родосцовъ говорили, что они были недоброжелательны, и разсуждали, что надобно за сіе учинить съ ними войну: то М. Катонъ вставъ, предобрыхъ и вѣрнѣйшихъ союзниковъ, на разграбленіе имѣнія которыхъ и завладѣніе онымъ многіе изъ знатныхъ мужей устремлены и воспалены были, пошелъ защищать и сохранять, и знаменитую говорилъ рѣчь, которая и особливо носится подъ заглавіемъ *за Родосцовъ*, и въ пятой книгѣ *Началъ* написана. А Тиронъ Туллій, М. Ци-

церона отпущенникЪ, хотя подлинно былЪ человѣкЪ изрядныхЪ дарованій, и древнія дѣла и науки гораздо знающій; притомЪ, сЪ малолѣтства благородно воспитавши его ЦицеронЪ, имѣлЪ вЪ наукахЪ помощникомЪ и какбы сотрудникомЪ: однако онЪ подлинно поступилЪ дерзко до несносности и непростительности. Ибо кЪ К. Аксію, другу бывшаго своего господина, дерзко и слишкомЪ горячо написалЪ письмо, вЪ которомЪ самЪ себѣ казался, что рѣчь оную за РодосцовЪ сЪ остроуміемЪ и сЪ тонкостію разсужденія пересмотрѣлЪ. ВЪ ономЪ письмѣ разсудилось както мнѣ коснуться нѣкоторыхЪ его охужденій, вЪ намѣреніи то есть сЪ большимЪ снисхожденіемЪ порочить Тирона, нежели какЪ тогда онЪ порочилЪ Катона. ОхуждалЪ же онЪ вопервыхЪ то, что КатонЪ неискусно и неслѣдственно, какЪ онЪ говоритЪ, употребилЪ начало рѣчи чрезвычайно гордое, острое и укоризненное, показывая, что онЪ боится, дабы Сенаторы, отЪ радости и веселія о щастливо учиненныхЪ дѣлахЪ сошедши сЪ ума, не потеряли разсудка, и не сдѣлались бы неспособными кЪ правильному разобранію и разсужденію дѣла: „А вЪ на„чалахЪ, говоритЪ, ходатаи приносящіе „оправданіе за отвѣтчиковЪ, долженству„ютЪ преклонять кЪ себѣ судей и возбу„ждать вЪ нихЪ благосклонность: и при„томЪ неудобопреклонныя и во ожиданіи

„отЪ

„ отъ отвѣтчика оправданія находящіяся „ ихъ чувства учтивыми и почтительными „ услаждать изреченіями; а не обидными и „ повелительными раздражать угрозами. Потомъ и самое приложилъ начало, которое читается такъ: „Зная, что многіе люди „ въ великомъ щастіи и благоденствіи духомъ возносятся; гордость и высокомѣ„ріе обыкновенно тогда умножается и возрастаетъ; за должное, при настоящемъ „ благоуспѣшествѣ нашемъ, почитаю я пе„щися о томъ, дабы не было чего нибудь „ въ разсужденіи противнаго, что наше „ щастіе поколебать можетъ; и дабы ра„дость сію имѣть не съ чрезмѣрною роско„шію. Нещастіе смиряется и научаетъ что „ дѣлать надобно. Щастіе радостію стре„мительно отторгаетъ отъ правильнаго „ разсужденія и разбиранія. По сему боль„ше говорю и совѣтую отложить сіе дѣ„ло на нѣсколько дней, пока отъ толикой „ радости опамятуемся. Потомъ, ниже отъ „ Катона сказанныя слова, говоритъ онъ, „ дѣлаютъ признаніе, а не защищеніе; и не „ отвращеніе и сложеніе вины на кого ни„будь другаго въ себѣ содержатъ, но со „ многими другими сообщеніе: а сіе, то есть, „ ни мало ко оправданію не служитъ. И „ сверхъ сего, говоритъ, признается, что „ Родосцы обвиняемые въ томъ, что они „ противъ Римскаго народа больше усерд„ствовали и доброжелательствовали царю,

„ дѣ-

„ дѣлали сіе для своей пользы: дабы Римляне „ лянѣ побѣдивъ царя слишкомъ не возгор- „ дились и не дошли бы до высокомѣрія.
Притомъ полагаетъ самыя слова, такъ какъ ниже написано. „И я думаю, что Родосцы „ не хотѣли, дабы мы такъ окончали вой- „ ну, какъ она окончана: и чтобы мы по- „ бѣдили Перса, того не Родосцы только „ не желали, но, думаю, что многіе наро- „ ды и области. И не знаю, были ли кто „ нибудь такіе, которые для нашего без- „ честія сему произойти хотѣли: но боялись „ того, дабы, естьли не будетъ никакого „ человѣка, котораго бы мы боялись, и все „ бы по своей воли дѣлали, подъ одною „ нашею властію не быть въ совершенномъ „ рабствѣ. Думаю, что они въ семъ мнѣ- „ ніи были для своей вольности. Однако „ притомъ Родосцы никогда общественно „ Персу не помогали. Подумайте сколь осто- „ рожнѣе между собою мы въ дѣлахъ домаш- „ нихъ поступаемъ. Ибо каждый изъ насъ, „ естьли усматриваетъ какіе нибудь про- „ тивные для себя случаи, съ крайнимъ „ усиліемъ старается отвратить оные; че- „ го однако они не сдѣлали. Но, что ка- сается до опороченнаго начала, должно бы- ло Тирону знать, что Родосцы защищаемы были отъ Катона, какъ отъ Сенатора и чело- вѣка бывшаго въ Консульскомъ и Ценсорскомъ достоинствѣ, совѣтующаго то, что онъ почиталъ за весьма полезное обществу дѣ-

ло; а не яко отъ ходатая отвѣтствующаго за виноватыхъ. Ибо иныя начала приличествуютъ виноватыхъ въ судѣ защищающему, и помилованія и милосердія во всѣхъ ищущему; иныя, въ случаѣ совѣтыванія съ Сенатомъ о республикѣ, мужу достоинствомъ превосходному, неправосудными нѣкоторыхъ приговорами весьма тронутому, и о пользѣ общественной и благосостояніи союзниковъ съ важностію и свободностію досадующему и болѣзнующему. Потому что справедливо и полезно въ правилахъ риторическихъ предписывается; что судей о жизни другаго и о дѣлѣ до нихъ некасающемся имѣющихъ производить судъ, изъ чего, кромѣ судейской должности, никакой не произойдетъ имъ ни бѣды ни пользы, съ кротостію и смиреніемъ должно преклонять и умилостивлять въ разсужденіи чести и жизни ими судимаго. Но когда судъ производится о общей всѣхъ чести, вѣрности и пользѣ, и потому или надобно совѣтовать о учиненіи чего нибудь, или отсрочить, когда уже дѣлаться началось: тогда въ началахъ своихъ рѣчей преклоняющій слушателей къ благоволенію и благосклонности, напрасный трудъ полагаетъ въ ненадобныхъ словахъ. Ибо давно уже самыя общія дѣла и опасности преклоняютъ ихъ къ разсужденію; и больше сами себѣ изпрашиваютъ благоволеніе судіи. Но что, говоритъ онъ, признался Катонъ,

что

что Родосцы не хотѣли, дабы мы такъ окончали войну, какъ она окончана, и дабы царь Персъ отъ Римскаго народа побѣжденъ былъ; притомъ что сказалъ онъ, что сего не только Родосцы, но и другіе многіе народы хотѣли, но сіе ни мало ко оправданію и уменшенію преступленія не служитъ: то уже въ семъ первомъ Тиронъ безсовѣстно лжетъ. Онъ полагаетъ слова Катоновы: а другими однако клевещетъ его словами. Ибо Катонъ не признается, что Родосцы не хотѣли, дабы Римскій народъ одержалъ побѣду; но сказалъ, что онъ такъ думаетъ, что они не хотѣли: сіе же безъ сомнѣнія было объявленіе его мнѣнія, а не признаніе вины Родосцовъ. Въ чемъ, по моему разсужденію, онъ не только не виноватъ, но достоинъ похвалы и удивленія; поелику благородно и совѣстно, по видимому, говорилъ противъ Родосцовъ то, что онъ думалъ; и снискавъ себѣ довѣренность въ истиннѣ, все однако, почитавшееся тогда за противное, склонилъ и переворотилъ на другую сторону: дабы по сему самая справедливость потребовала, чтобы они были пріятнѣе и любезнѣе Римскому народу; понеже хотя сіе для нихъ и полезно было, и хотѣли они, чтобы царю сіе сдѣлалось; однако ничего для вспомоществованія ему не сдѣлали. Потомъ слѣдующія слова изъ той же рѣчи полагаетъ: *Оныя толь великія взаимныя благотворенія,*

 и

и толь великое дружество вдругъ теперь мы оставимъ? что, говоримъ, хотѣли они сдѣлать, то мы прежде предускоримъ сдѣлать? Сія, говоритъ онъ, Енѳимема негодная и порочная. Потому что можно было отвѣтствовать, *подлинно предускоримъ:* ибо естьли не предускоримъ, то утѣснены будемъ; и надобно будетъ впасть въ подъиски, отъ которыхъ мы прежде не остереглись. Справедливо, говоритъ, въ семъ Луцилій порочитъ стихотворца Еврипида; что, когда царь Полифонтъ говорилъ, что онъ для того брата убилъ, поелику самъ онъ прежде вознамѣрился убить его, (3) Меропа его невѣстка укоряетъ его сими словами:

Εἰ γὰρ σ' ἔμελλεν, ὡς σὺ φῂς, κτείνειν πόσις
Χρῆν καὶ σὲ μέλλειν, ὡς χρόνος δῆθεν παρῆν.

то есть.

Мой естьли мужъ тебя намѣренъ былъ убить,
То долженъ былъ и ты сіе впредь учинить.

Понеже, говоритъ, совсѣмъ глупо съ тѣмъ намѣреніемъ и на тотъ конецъ хотѣть что нибудь сдѣлать, чтобы никогда не дѣлать хотимаго. Но не усмотрѣлъ т. е: Тиронъ, что не всегда одна бываетъ причина

---

(3) *Меропа его невѣстка*] Аполлодоръ во второй книгѣ *Библіот.* пишетъ, что когда Кресфонтъ, спустя нѣсколько времени по полученіи царства, убитъ въ Мессенѣ съ двумя сынами, Полифонтъ вмѣстѣ съ царствомъ насильно взялъ за себя Меропу; а сего Меропинъ сынъ Египетъ убилъ, и возвратилъ отеческое царство,

чина предосторожности: и что жизни человѣческой нужды, дѣйствія и должности или въ разсужденіи предускоренія, или отсрочки, или отмщенія, или предосторожности не походятъ на мечебитное сраженіе. Ибо мечебитцу приготовившемуся къ бою, предложенъ въ бою такой жребіи, (4) или убить, естьли предъускоритъ, или убиту быть, естьли умедлитъ. А человѣческая жизнь не столь несправедливыми, и не столь непреодолимыми ограничена необходимостьми, чтобы для того надобно было дѣлать обиду другому, дабы, не учинивъ оныя, самому не пострадать. Но такое предускореніе столь было несходно съ кротостію Римскаго народа, что онъ часто и учиненныя обиды оставлялъ безъ отмщенія. Потомъ наконецъ въ той, говоритъ, рѣчи употребилъ Катонъ доказательства нече-

(4. *Или убить, естьли предускоритъ*] Ибо хотя поврежденный и раненный опуститъ оружіе, однако соперникъ никакого не имѣетъ права его свобождать. Сіе право приличествовало одному Римскому народу или государю. По сему мечебитцы наступающую себѣ извѣстную смерть всѣми силами отвратить старались, понеже отпущеніе было неизвѣстно. Иногда и безъ отпущенія выставляемы были мечебитцы, что равно было какбы выставлять на извѣстную смерть, ежели не побѣдитъ. Августъ запретилъ указомъ выставлять мечебитцовъ безъ отпущенія, ибо нѣкоторые выставлятели мечебитцовъ выставляли всѣхъ на извѣстную смерть; да и приказывали иногда пораженныхъ и лежащихъ подымать, и разрушать тѣла ихъ новыми ударами, дабы притворившись мертвыми не обманули.

стныя, чрезмѣрно дерзкія и не такому мужу, каковъ онъ былъ, свойственныя, но хитрыя и лживыя, и какбы (5) Греческихъ Софистовъ хитросплетенія. *Ибо когда,* говоритъ, *упрекали Родосцовъ, что они хотѣли учинить войну съ Римскимъ народомъ; то онъ въ томъ не заперся, но просилъ прощенія, понеже они того не сдѣлали, хотя весьма сдѣлать хотѣли. Притомъ,* говоритъ, *употребилъ онъ родъ доказательства, называемый отъ Діалектиковъ* Епагоге [*введеніе*], *весьма хитростный и софистическій, и не столько для изысканія истинны, сколько для обмановъ изобрѣтенный: поелику старался обманчивыми примѣрами заключить и утвердить, что несправедливо наказывать* (6) *кого нибудь худо сдѣлать хотѣвшаго, развѣ только онъ сдѣлаетъ то, что сдѣлать хотѣлъ.* А слова М. Катона изъ оной рѣчи суть слѣдующія: „Кто весьма строго „противъ ихъ говоритъ, тотъ говоритъ „такъ: Они хотѣли сдѣлаться непріятеля„ми.

(5) *Греческихъ софистовъ*] Софистами прежде назывались философіи професоры; но какъ они обратили философію въ хвастовство и корыстолюбіе; то приняты въ худую сторону.

(6) *Кого нибудь худо сдѣлать хотѣвшаго*] Такъ у законоискусниковъ говорится, что никто за хотѣніе наказанія не терпитъ. Однако иначе сіе бываетъ въ оскорбленіи величества. И сіе правило, въ случаѣ дѣла касающагося до благосостоянія общества, нетвердо. Ибо лучше хотящаго учиниться врагомъ обществу предускорить, когда еще онъ такимъ не сдѣлался.

„ [illegible] Да кто изъ васъ, разсуждая по се-
„бѣ, почтетъ за справедливее, наказывать
„ такаго за то, что онъ обличенъ въ хотѣ-
„нiи сдѣлать худо? думаю никто: ибо,
„ что до меня касается, я не хочу. По-
томъ нѣсколько ниже говоритъ такъ:
„ Чтожъ теперь? и какой законъ есть столь
„ строгiй, который бы говорилъ: Естьли
„ кто сiе сдѣлать захочетъ самъ, то ты-
„ сячу минъ; а естьли кто изъ домашнихъ
„ его, то за вину половину оныхъ денегъ за-
„ платить долженъ. Естьли кто больше
„ пяти сотъ десятинъ земли имѣть захо-
„ четъ, тому должно быть такое наказа-
„ нiе. Естьли кто большее число скота
„ имѣть захочетъ, тотъ долженъ претер-
„ пѣть такой убытокъ. Но мы всего хо-
„ тимъ имѣть больше, и за то насъ не
„ наказываютъ. Потомъ говоритъ такъ:
„ Но естьли несправедливо получать честь
„ за то, когда кто нибудь говоритъ,
„ что онъ хотѣлъ хорошо сдѣлать, одна-
„ ко не сдѣлалъ: то Родосцы претерпятъ
„ вредъ не за то, что они сдѣлали худо,
„ но что хотѣли сдѣлать? Сими, говоритъ
Тиронъ Туллiй, доказательствами М. Ка-
тонъ утверждаетъ и заключаетъ, что Ро-
досцовъ не должно наказывать; понеже хо-
тя они хотѣли быть непрiятелями Рим-
скаго народа, однако весьма не были. А
сему, говоритъ, утаиться не можно, что
хотѣть имѣть больше пяти сотъ десят-

 тинъ

тинѣ земли, что народнымѣ узаконеніемѣ запрещено поселянамѣ, не есть равно и подобно тому, что хотѣть несправедливую и беззаконную войну учинить съ Римскимѣ народомѣ: и не можно также спорить, что иное дѣло бываетѣ въ награжденіи, иное въ наказаніи. Ибо, говоритѣ, обѣщанныхѣ благодѣяній ждать должно, и не прежде, нежели они учинены будутѣ, благодарить за оныя: а отѣ приближающихся обидѣ справедливость требуетѣ предостерегаться, а не ожидать оныхѣ. Ибо крайнее, говоритѣ, есть признаніе глупости, не предускорять умышленныхѣ злодѣяній, но ждать и отлагать наказаніе оныхѣ до тѣхѣ порѣ, когда уже учинены и содѣяны будутѣ, и когда сдѣланнаго возвратить не можно. Сіе Тиронѣ противѣ Катона говорилѣ слабо и неосновательно. Что же касается до Катона, онѣ сіе введеніе сдѣлалѣ непросто, безѣ укрѣпленія и безѣ прикровенія: но многоразлично оное укрѣпилѣ, и многими другими доказательствами закрылѣ: и, поелику не старался больше о Родосцахѣ, нежели о республикѣ, ничто въ семѣ дѣлѣ не почелѣ за худое сказать и сдѣлать, да и всякимѣ мнѣній путемѣ итти для сохраненія союзниковѣ старался. И во первыхѣ не безѣ хитрости онѣ сыскалѣ то, что не по праву народному дѣлать запрещено, но по праву законовѣ для исправленія какого нибудь дѣла, или по обсто-

стоятельству времени учиненныхъ: какъ о числѣ скота и объ определенной мѣрѣ земли или о чемъ нибудь такомъ, въ чемъ хотя запрещенное и не позволяется дѣлать по законамъ; однако хотѣть то дѣлать, естьли бы позволено было, небезчестно. Притомъ по маленьку сравнилъ сіе и смѣшалъ съ тѣмъ, что и дѣлать и хотѣть само по себѣ нечестно; потомъ, дабы не было видно неравенство сравненія, многими то окружаетъ доказательствами: и тонкія оныя и ясныя хотѣкій въ вещахъ непозволенныхъ охужденія, о чемъ надосугѣ разсуждаютъ философы, не за велико почитаетъ; но о томъ только крайнее прилагаетъ стараніе, дабы дѣло Родосцовъ, которыхъ дружество удержать было полезно для республики, или признано было за правое, или хотя по крайнѣй мѣрѣ за достойное прощенія: и между тѣмъ говоритъ, что Родосцы ни учинили войну ни учинить хотѣли: а между тѣмъ говоритъ, что объ однихъ дѣлахъ разсуждать и судить надобно; а простыя и непорочныя дѣлъ хотѣнія не подлежатъ ни законамъ, ни наказанію. Между же прочимъ, какбы уступая въ томъ, что они погрѣшили, проситъ прощенія, и доказываетъ, что прощеніе для жизни человѣческой полезно: и естьли они не простятъ, то надобно будетъ бояться перемѣнъ въ республикѣ: но естьли напротивъ простятъ, то доказы-

 ваетъ,

ваетъ, что сохранено будетъ величество Римскаго народа. Притомъ въ гордости, которою тогда сверхъ прочаго въ Сенатѣ упрекали Родосцовъ, чуднымъ и почти божественнымъ отвѣтомъ извинилъ и оправдалъ. Мы положимъ самыя слова Катоновы, понеже Тиронъ опустилъ оныя. *Говорятъ, что Родосцы горды, укоряя тѣмъ, чего бы я ни себѣ, ни дѣтямъ моимъ не желалъ. Пусть они подлинно горды. Но что намъ до того за нужда; не уже ли мы сердимся на то, естьли кто гордѣе насъ?* Совсѣмъ ничего не можно сказать ни важнѣе, ни крѣпче сего выговора, людямъ весьма гордымъ учиненнаго, которые гордость въ себѣ любили, а въ другихъ охуждали. Сверхъ сего видѣть можно, что во всей сей Катоновой рѣчи всѣ подвигнуты Риторическаго ученія силы и пособія: не такъ, какъ видимъ на забавныхъ ристаніяхъ или увеселительныхъ битвахъ: не чрезъ мѣру, говорю, раздѣльно, и съ чрезмѣрною красотою и стройностію дѣло производилось; но какбы на сумнительномъ бою, въ случаѣ разбитія строя, во многихъ мѣстахъ съ перемѣнною удачею производится сраженіе: такъ въ семъ тогда дѣлѣ Катонъ, когда весьма ославленная оная гордость Родосцовъ горѣла ненавистію и завистію многихъ, всѣ защищенія и обороненія способы употребилъ безъ разбору, и, то яко великія заслуги сказавшихъ, ихъ одобряетъ:

то яко неповинныхъ оправдываетъ, и охуждаетъ пожеланіе лишить ихъ имѣнія и богатства: то яко за учинившихъ преступленіе упрашиваетъ: то напоминаетъ о милости, то о кротости предковъ, то о пользѣ общественной. И все сіе раздѣльнѣе, сразмѣрнѣе и красивѣе можетъ быть можно было говорить; а сильнѣе и живѣе кажется говорить было не можно. По сему несправедливо поступилъ Тиронъ Туллій, изъ всѣхъ матерій столь изобильной рѣчи, между собою связанныхъ и соединенныхъ выбравъ нѣчто малое и сухое для охужденія: такъ какбы непристойно было М. Катону, что онъ хотѣнія неучиненныхъ преступленій не почелъ наказанія достойными. Удобнѣе же и лучше о сихъ моихъ словахъ, которыми я теперь отвѣтствовалъ Туллію Тирону, дастъ свое мнѣніе и разсудитъ тотъ, кто и самую Катонову рѣчь всю разсмотритъ, и письмо Тироново писанное къ Аксію отъискать и прочитать постарается. Ибо такимъ образомъ справедливѣе и точнѣе или поправить меня можетъ или похвалить.

ГЛАВА

ГЛАВА 4.

Какіе слуги и для чего, по объявленію Целія Сабина, сочинителя гражданскаго права, продаваемы были въ шапкахъ (pileati), *и какіе невольники, по обыкновенію предковъ, продавались sub corona [въ вѣнцѣ]. притомъ что такое значитъ* sub corona.

Целій Сабинъ законоискусникъ написалъ, что (1) въ шапкахъ продаваемы были тѣ слуги, за которыхъ продавецъ ни въ чемъ не ручался. Причиною сего объявляетъ онъ то, что такіе невольники, будучи продаваемы, должны имѣть знакъ, дабы покупщики ошибиться и обмануться не могли, и чтобы не было нужды дожидаться закона о продажѣ: но глазами уже понимали бы, какіе суть тѣ невольники. *Какъ*,

(1) *Въ шапкахъ . . . слуги*] Естьли подъ симъ знакомъ продаваемы были слуги; то продавецъ за порокъ или за болѣзнь не ручался, или потому, что они чрезъ сей знакъ почитались разумными, вѣрными и хорошей души безъ порока; или потому, что хороши ли они были или худы, продавецъ продавалъ ихъ на страхъ купца. Прочіе слуги продавались открытою головою, и только позволялось имъ носить шапку тогда, когда дана будетъ вольность. Хотяже шапка была знакомъ вольности, однако римскіе гражданѣ оной не носили. Ибо что они по большей части ходили открытою головою, то доказывается тѣмъ, что всѣ древнія изображенія на монетахъ и статуи суть безъ покрышки. Однако въ священнослуженіяхъ, въ играхъ, въ Сатурновъ праздникъ, въ странствованіи и на войнѣ покрывало или шапку употребляли. Также больные для укрѣпленія головы, и слабые старики шапки носили.

Какъ, говоритъ онъ, *встарину невольники, по праву войны въ плѣнъ взятые, продаваемы были имѣя на головахъ вѣнцы, и для того назывались продаваемыми въ вѣнцѣ* [*sub corona*]. *Ибо какъ тотъ вѣнецъ означалъ продажныхъ плѣнниковъ, такъ назѣтая шапка показывала, что такіе продаются слуги, за которыхъ продавецъ ни въ чемъ покупщику не ручается.* Думаютъ же и иначе о причинѣ сего, для чего вошло въ обычай говорить, что плѣнники продаются въ вѣнцѣ; понеже воины для стражи становились кругомъ около множества продажныхъ плѣнниковъ, а сіе воиновъ кругомъ стояніе называлось corona. Но что выше отъ меня сказанное справедливѣе, то объявляетъ и Катонъ въ книгѣ своей *о Дѣлахъ воинскихъ*. Слова Катоновы суть слѣдующія: *Чтобы народъ по щастливо тщаніемъ своимъ оконченной войнѣ лучше шелъ въ вѣнцахъ молебствовать, нежели чтобы по неудачномъ войны окончаніи въ вѣнцахъ былъ продаваемъ.*

ГЛАВА 5.

Достопамятная повѣсть о комедіантѣ Полѣ.

Въ Греціи былъ славный комедіантъ, именемъ Полъ, тѣлодвиженіемъ, и ясностію и пріятностію голоса прочихъ превосходившій, и трагедіи знатныхъ стихотворцевъ искусно и твердо представлявшій. У

сего Пола умерЪ отмѣнно любимый сынЪ. По довольномЪ плачѣ опять прилялся онЪ за свой промыселЪ. ВЪ то время, вЪ Аѳинахъ имѣя представлять (1) Електру Софоклову, долженЪ онЪ былЪ нести (2) урну якобы сЪ костьми Орестовыми. ТакЪ сочинена была трагедія, что Електра, какбы несучи останки своего брата, плачетЪ и сожалѣетЪ о мнимой его смерти. По сему ПолЪ, одѣвшись вЪ печальное Електрино платье, урну сЪ костьми принесЪ изЪ могилы своего сына, и, обнявЪ оныя какЪ Орестовы, наполнилЪ все непритворнымЪ, для подражанія произведеннымЪ показаніемЪ плачевнаго вида, но дѣйствительнымЪ и со вздохами соединеннымЪ плачемЪ и рыданіемЪ. И такЪ, при казавшемся представленіи басни, представлена была печаль.

ГЛАВА

(1) *Електру Софоклову*] Електра вЪ Софокловой трагедіи смерть брата своего оплакиваетЪ. Смотри Софокла вЪ Електрѣ и Еврипида вЪ Орестѣ.

(2) *Урну*] Погребательный сосудЪ, вЪ которомЪ кости и пепелЪ мертвыхЪ былЪ полагаемЪ. Греки не всегда сожигали тѣла усопшихЪ, и полагали оныя обыкновенно вЪ гробницахЪ сдѣланныхЪ по большей части изЪ камня, которому свойственно вЪ скорости поѣдать тѣла. КаковЪ былЪ Ассійскій камень, который потому и называется Σαρκοφάγος т. е. *плотоядный*.

ГЛАВА 6.

Что написалъ Аристотель о естественномъ недостаткѣ нѣкоторыхъ чувствъ.

Изъ слѣдующихъ пяти чувствъ, данныхъ отъ природы животнымъ, видѣнія, слышанія, вкушенія, осязанія и обонянія, называемыхъ по Гречески αἰσθήσεις, инаго иныя животныя не имѣютъ; и, или безъ зрѣнія родятся отъ природы, или безъ обонянія, или безъ слуха. Никакого же, говоритъ Аристотель, не родится животнаго, которое бы не имѣло или вкушенія или осязанія. Слова изъ книги его, *о Памяти*, суть слѣдующія: Τὴν δὲ ἁφὴν καὶ γεῦσιν πάντα ἔχει, πλὴν ἐπὶ τῶν ἀτελῆ ζώων. т. е. *Осязаніе и вкушеніе всѣ имѣютъ кромѣ несовершенныхъ, животныхъ.*

ГЛАВА 7.

Съ острымъ ли удареніемъ произносить надобно affatim, *какъ* admodum, *и нѣкоторое не нелюбопытное разсужденіе о удареніяхъ другихъ словъ.*

Анніанъ стихотворецъ, кромѣ веселаго нрава, былъ весьма искусенъ въ древнихъ наукахъ и въ произношеніи буквъ: и разговаривалъ съ удивительною нѣкоторою красотою и пріятностію. Онъ произносилъ *affatim*, какъ *admodum*, съ острымъ удареніемъ надъ первою а не надъ среднею буквою, и думалъ, что такъ говорили древ-

нїе

ніе. Притомъ говоритъ, что и Пробъ грамматикъ читалъ при немъ сіи стихи въ Плаутовой комедіи называемой *Cistellaria*:

Potin' es tu homo facinus facere strenuum?
Aliorum est affatim qui faciant. Sane ego
Me volo fortem perhiberier virum.

И причину сего ударенія объявлялъ ту, что, *affatim*, не двѣ суть части рѣчи, но обѣ части въ одно слово соединились; какъ и въ словѣ *exaduersum* думалъ, что вторый слогъ долженъ имѣть удареніе острое, понеже одна а не двѣ суть части рѣчи; и говорилъ что такъ должно читать у Теренція въ слѣдующихъ стихахъ:

In quo hæc discebat ludo, exaduersum loco
Tonstrina erat quædam.

Притомъ говорилъ, что предсловіе, *ad*, тогда бы почти имѣло удареніе острое, когда бы означало ἐπίτασιν, которое мы называемъ напряженіемъ, какъ говорятся слова *adfabre* и *admodum* и *adprobe.* Прочее правда довольно хорошо говорилъ Анніанъ. Но что думалъ онъ, что сія частица, *ad*, когда означаетъ напряженіе, всегда имѣетъ удареніе острое; то кажется не всегда быть должно: ибо когда говоримъ мы и *adpotus* и *adprimus* и *adprime*; то хотя напряженіе въ сихъ словахъ показывается: однако частица, *ad*, не очень хорошо съ острымъ удареніемъ произносится. Однако же не спорю, что слово *adprobus*, значащее

valde

valde probus, должно надъ первымъ слогомъ имѣть удареніе острое. Цецилій въ комедіи, называемой *Triumphus*, употребляетъ сіе слово:

Hierocles hospes est mihi adolescens adprobus.

И такъ та ли причина въ сихъ словахъ, которыя мы назвали острое удареніе имѣющими, что слѣдуетъ слогъ по свойству долгій, который не допускаетъ почти, чтобы въ словахъ, больше нежели два слога имѣющихъ, первый имѣлъ удареніе острое? А слово *adprimus*, означающее *longe primus*, Л. Ливій полагаетъ въ Одиссеѣ въ слѣдующемъ стихѣ:

Ibi denique vir summus adprimus Patroclus.

Тотже Ливій въ Одиссеѣ *præmodum* говоритъ, вмѣсто *admodum. Parcentes*, говоритъ, *præmodum*. Что означаетъ *supra modum*; и названо какбы *præter modum*: въ которомъ то есть словѣ первый слогъ долженъ былъ имѣть удареніе острое.

ГЛАВА 8.

Повѣствованіе невѣроятной вещи о любившемъ Дельфинѣ и о любимомъ мальчикѣ.

Что (1) Дельфины любострастны и влюбчивы, о томъ не только въ древнихъ повѣстяхъ, но и въ новыхъ запискахъ объ-

(1) *Дельфины*] Которыхъ любовь къ мальчикамъ описываетъ Аѳеней въ кн. 13. и потому въ Емблемахъ, на деньгахъ и на статуяхъ древнихъ представляется Дельфинъ

является. Ибо и во времена Цесарей, на Путеоланскомъ мори, по описанію Аппіонову, и за нѣсколько вѣковъ прежде (2) при Наупактѣ, по обьявленію Ѳеофраста, нѣкоторые весьма горячо любящіе Делфины найдены и примѣчены были. Притомъ любили они не своего рода, но увидѣвъ въ лодкахъ или на мѣлкихъ мѣстахъ при берегѣ пригожихъ мальчиковъ, удивительно и человѣкоподобно въ нихъ влюбливались. Приложилъ я слова Аппіона, ученаго мужа, изъ пятой книги *о Египтянахъ*; которыми словами описываетъ онъ любовныя обхожденія, игры, ношенія и воженія любящаго Делфина и не гнушающагося мальчика, и говоритъ, что все сіе онъ самъ и другіе многіе видѣли. Καὶ αὐτὸς δ᾽ οὖν εἶδον περὶ Δικαιαρχίαν δελφῖνα ἐρῶντα παιδὸς καὶ πρὸς παιδικὴν ἐπτοημένον φωνήν. ἀτὰρ οὖν καὶ προσνηχόμενος ὁ ἰχθὺς ἀνε-

---

финъ крылатымъ Купидономъ обузданный, или сидящимъ на его спинѣ. Что Делфины любятъ людей, о томъ объявляетъ и Аристотель въ кн. 9. *Повѣст. о живот.* гл, 48. Извѣстна повѣсть или лучше басня, которую объявляетъ Иродотъ въ кн. 1. объ Аріонѣ Метимнскомъ, который бросившись въ море отъ Делфина перевезенъ былъ на Лаконическій мысъ называемый Тенаръ. Многія такія повѣсти предлагаетъ Пливій кн. 9. гл. 8. см. и Плутарха *о Сраин живoтн.* Еліана кн. 6. гл. 15 Аѳенея кн 7 Δειπνος По сему убивать Делфиновъ, а кольми паче ѣсть почиталось у Грековъ за великое беззаконіе.

(б) *При Наупактѣ*] Который городъ, по объявленію Страбона кн. 9. и Стефана о *Городахъ*, находится въ Етоліи.

ἀνεδέχετο τὸν παῖδα ἐπὶ τῶν νώτων, καὶ τὰς ἀκάνθας περιστέλλων, ἵνα μὴ τὸν ποθούμενον χρότα ἀμύξειε, καὶ ἱππιδὸν περιβεβηκότα μέχρι διακοσίων ἀνῆγε σταδίων. ἐξεχεῖτο δ' ἄρα ἡ Ῥώμη καὶ πᾶσα ἡ Ἰταλία θεασάσθαι ἰχθὺν νικόμενον ὑπὸ ἔρωτος. т. е. *Самъ я видѣлъ подлѣ Дикеархіи Делфина любящаго мальчика, и на голосъ мальчиковъ бросающагося. Сія рыба приплывая принимала мальчика на спину, и опуская колкія перья, дабы не оцарапнуть любимаго тѣла, и на себѣ какъ на лошади сидящаго носила до двухъ сотъ стадій. Потому Римъ и вся Италія стекалась видѣть изъ любви плавающую рыбу.*

ГЛАВА 9.

Многіе древніе говорили peposci *и* memordi, pepugi, spepondi *и* cecurri, *не такъ какъ послѣ принято въ обычай говорить чрезъ букву* o, *или чрезъ* u *въ первомъ слогѣ положенную; но говорили чрезъ* e, *и сіе по примѣру произношенія Греческаго: сверхъ сего примѣчено, что ученые и славные мужи отъ глагола* descendo, *говорили не* descendi, *но* descendidi.

Правдоподобно по видимому говорится, *poposci*, *momordi*, *pupugi*, *cucurri*: и всѣ почти ученые такъ употребляютъ нынѣ сіи слова. Но К. Енній *въ Сатирахъ* сказалъ, *memorderit*, чрезъ букву, *e*, а не momorderit. *Meum*, говоритъ онъ, *non est; at si me canis memorderit.* Также *Лаберій въ Галлахъ*:

„ De integro patrimonio meo centum milia nummûm „ memordi. Оный же *Лаберій* in Coloratore: „ Itaque leui pruna percoctus simul sub dentes muli„ eris veni, bis ter memordit. Также П. Нигидій во второй книгѣ о *Животныхъ*: „ Serpens si „ memordit, gallina deligitur et opponitur. Также Плаутъ *in Aulularia: admemordit hominem.* Но тотже Плаутъ *in Trigeminis* не *præmordisse*, ниже *præmemordisse*, но *præmorsisse.*

Ni fugissem, говоритъ, *medium, credo, præmorsisset.*

Также Атта *in Conciliatrice*: „ Vrsum se me„ mordisse autumat. И *peposci*, а не *poposci* Валерій Анцій написалъ въ сорокъ пятой книгѣ лѣтописца. „ Denique Licinius tribunus plebi „ perduellionis ei diem dixit, et comitiis diem a Q. „ Martio praetore peposcit. Равнымъ образомъ „ pepugero говоритъ Атта in Ædilicia: sed si „ pepugero metuet. Притомъ замѣтилъ Пробъ, что Елій Туберонъ въ книгѣ къ К. Оппію написанной сказалъ *occecurrerit*, и приложилъ слѣдующія его слова. „Si generalis species occe„ currit. Тотже Пробъ замѣтилъ, что Валерій Антіатъ во второй надесять книгѣ Повѣстей написалъ speponderant; и положилъ сіи его слова: „ Tib. Gracchus, qui quaestor C. „ Mancino in Hispania fuerat, et ceteri qui pacem „ speponderant. А причина сихъ реченій, по видимому, можетъ быть сія: что Греки въ нѣкоторомъ прошедшемъ времени, называемомъ отъ нихъ *παρακείμενον*, вторую букву глагола по большой части полагаютъ *e*,

γράφω

γράφω γέγραφα, ποιῶ πεποίηκα, λαλῶ λελάληκα, κρατῶ κεκράτηκα, λεῶ λέλεκα. По сему такимже образомъ имѣетъ „ mordeo memordi, poſco „ popoſci, tendo tetendi, tango tetigi, pungo pe- „ pugi, ſpondeo ſpepondi, curro cecurri, tollo te- „ tuli. Такъ и М. Туллій и К. Цесарь говорили mordeo memordi, pungo pepugi, ſpondeo „ ſpepondi. Сверхъ сего нашелъ я, что отъ глагола *ſcindo* подобнымъ образомъ не *ſciderat* сказано но *ſeſciderat*. Л. Аттій въ первой изъ Сотадическихъ книгъ сказалъ *ſeſciderat*. Слова его слѣдующія: „ Non ergo aquila ita, „ uti praedicant, ſeſciderat pectus. Притомъ Енній и Валерій Антій въ семдесятъ пятой книгѣ повѣстей написалъ сіи слова: „ Deinde fu- „ nere locato ad forum deſcendidit. И Лаберій въ Катуларіи написалъ такъ:

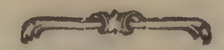
Ego mirabar quomodo mammæ mibi deſcendiderant

ГЛАВА 10.

Какъ uſuscapio *и соединительно и въ прямомъ падежѣ говорится, такъ* pignoriſcapio *совокупно и въ томже видѣ слова говорено было.*

Какъ haec *uſuscapio* говорится соединеннымъ словомъ, съ протяжнымъ произношеніемъ буквы, *a*; такъ *pignoriscapio* сложно съ протяженіемъ буквы говорилось. Слова Катоновы изъ первой книги *Запросовъ чрезъ письма*: „ Pignoriscapio ob aes militare, quod aes „ a tribuno aerario miles accipere debebat, vocabu-

 „ lum

„ lum seorsum fit. Изъ сего довольно явствуетъ, что можно сказать *hæc capio*, какбы *hæc captio*, et in usu et in pignore.

ГЛАВА II.

Ни leuitas *ни* nequitia *того означенія не имѣетъ, въ которомъ сіи слова говорятся въ простыхъ рѣчахъ.*

Слышу я, что *leuitas* нынѣ по большой части берется за непостоянство и премѣнность, *а nequitia* за хитрость и коварство. Но древніе собственно и чисто говорившіе прилагали слово *leues* къ тѣмъ, которыхъ мы нынѣ подлыми и никакой чести недостойными называемъ; и *leuitas* назвали равно какбы *vilitas*; и человѣка *nequam* ни къ чему негоднаго и не добраго; каковыхъ Греки называютъ почти ἄσωτος ἢ ἀκόλαςος ἢ ἀχρεῖος ἢ ἄχρηςος ἢ κακότροπος ἢ μιαρὸς т. е. *Погибельный или ненаказанный, или ни къ чему не годный, или безполезный, или злонравный, или беззаконный.* Требующій примѣровъ сихъ словъ не долженъ искать въ книгахъ весьма далекихъ, найдетъ оныя во второй М. Туллія рѣчи на Антонія. Ибо онъ имѣя представить нѣкоторый весьма гнусный родъ жизни и содержанія М. Антонія, что онъ скрывался въ корчмѣ, что до вечера пьянствовалъ, что ходилъ закрывши лице, дабы не быть признану; сіе и другое подобное имѣя противъ

тивЪ его говорить, сказалЪ: „Videte hominis leuitatem. ТакЪ какбы совершенно всѢ неприспюйности вЪ человѢкѢ симЪ порокомЪ означались. Но, послѢ другія нѢкоторыя ругательныя и гнусныя укоризны вэнесши на того же Антоніа, напослѢдокЪ придалЪ сіе: „O hominem nequam! nihil enim magis proprie „poſſum dicere. Но изЪ сего мѢста М. Тулліа разсудилось мнѢ положить здѢсь побольше словЪ. „At videte leuitatem hominis! quum hora „diei decima fere ad ſaxa rubra veniſſet, delituit in „quadam cauponula: atque ibi ſe occulens perpo„tauit ad veſperum: inde ciſio celeriter ad urbem „aduectus domum venit ore inuoluto. Ianitor rogat, „quis tu? A. Marco tabellarius. Confeſtim ad eam, „cuius cauſa venerat, deducitur: eique epiſtolam „tradit. Quam illa cum legeret flens [erat enim „ſcripta amatorie: caput autem literarum hoc erat; „ſibi cum illa mima nihil poſt hac futurum: omnem „ſe amorem abieciſſe illius, atque in hanc transfu„diſſe] quum mulier fleret uberius, homo miſeri„cors ferre non potuit: caput aperuit: in collum in„vaſit. O hominem nequam! nihil enim magis pro„prie poſſum dicere. Ergo ut te catamitum, ne„opinato quum oſtendiſſes, praeter opem mulier „aſpiceret, id circo urbem terrore nocturno, Italiam „multorum dierum metu perturbaſti? Подобно и К. Клавдій вЪ первой книгѢ лѢтописца *nequitiam* назвалЪ чрезмѢрную и расточительную роскошь вЪ сихЪ словахЪ: „Perſuadenti „cuidam adoleſcenti Lucano, qui apprime ſummo „genere gnatus erat, ſed luxuria et nequitia pecuniam

 „magnam

„ magnam confumferat. М. Варронъ въ книгѣ о Латинскомъ языкѣ говоритъ: „ Ut ex non et „ ex volo nolo fit: fic ex ne et quicquam, media ex- „ trita fyllaba, compofitum eft, nequam. П. Африканъ за себя противъ Тиб. Аселла говорилъ къ народу о штрафѣ: Omnia mala, probra, „ flagitia, quae homines faciunt, in duabus rebus „ funt, malitia atque nequitia. Utrum defendis, ma- „ litiam, an nequitiam, an utrumque fimul? fi ne- „ quitiam defendere vis, licet; fed tu in uno fcorto „ maiorem pecuniam abfumfifti, quam quanti omne „ inftrumentum fundi Sabini in cenfum dedicauifti. „ ni hoc ita eft, qui fpondet mille nummum? Non „ vis nequitiam. Age malitiam faltem defendas. Sed „ tu verbis conceptis coniurauifti fciens fciente animo „ tuo: ni hoc ita eft: qui fpondet mille nummum.

ГЛАВА 12.

О исподнемъ долгорукавномъ платьѣ [de tunicis chiridotis]: что употребленіемъ онаго П. Африканъ укорилъ Сулпиція Галла.

Въ Римѣ и во всемъ Латіи безчестно было мущинѣ носить исподнее платье долгое, закрывающее верхнюю половину рукъ даже до нижней и почти до пальцовъ. Сіе исподнее платье Латины Греческимъ словомъ называли chiridotae [долгорукавное платье]: и почитали, что платье длинно и широко распущенное приличествуетъ однимъ женщинамъ, чтобы не видны были у нихъ локти и голени. А мущины Римскіе

сперва

с?ерва безъ исподняго платья надѣвали одну ?огу (верхнее платье) а послѣ ускоe и к??ткое исподнее платье, около плечь обернувшееся имѣли; сіе платье Греки называютъ ἐξωμίδες. Сею древностію побужденъ П Африканъ, Павловъ сынъ, мужъ всѣми хорошими науками и всякою добродѣтелію украшенный, между многими другими упреканіями, П. Сулпицію Галлу, человѣку роскошному причелъ въ безчестіе и то, что онъ носилъ исподнее платье всѣ руки покрывающее. Слова Сципіоновы суть слѣдующія: *Кто всякой день, намазавшись благовонными мастьми, передъ зеркаломъ убирается, кто брѣетъ брови, кто ходитъ вырвавши бороду и выдергавъ волосы около бедръ, кто на пирахъ, будучи молодъ, въ исподнемъ платьѣ съ рукавами позлежа съ любовникомъ на послѣднемъ мѣстѣ ложа, кто не токмо виножаждущъ, но и мужеождѣлѣющъ: о томъ кто усумнится, что онъ дѣлаетъ то же, что обыкновенно дѣлаютъ женоподобные?* Да и Виргилій такое исподнее платье порочитъ какъ женское и безчестное:

Исподнее, говоритъ онъ, *платье имѣетъ рукава, и головной уборъ дѣлается съ перевязками.*

Притомъ кажется, что Квинтъ Енній не безъ поношенія Карѳагенское юношество назвалъ tunicatam (въ исподнее платье одѣтыхъ).

ГЛАВА 13.

Кого М Катонъ называетъ classicum [*степеннымъ*], *и кого* infra classem [*нижнестепеннымъ.*]

Classici назывались не всѣ бывшіе (1) въ классахъ, но только перваго класса люди, которыхъ имѣніе оцѣнено было во сто двадцать пять тысячь ассовъ мѣди [1250 рубл.] и больше. А *infra classem* назывались втораго и всѣхъ прочихъ классовъ, которыхъ имѣніе (2) меншимъ вышеобъявленнаго числомъ ассовъ цѣнено было. Сіе я кратко замѣтилъ для того, понеже въ рѣчи М. Катона, которою онъ уговаривалъ народъ къ принятію Воконіева закона, предлагается

---

(1) *Въ классахъ*] По счисленію Діонисія Сервій Туллій раздѣлилъ народъ на шесть классовъ или степеней, Туберонъ считаетъ только пять, совсѣмъ не полагая въ число послѣдній классъ, въ которомъ были proletarii т. е. нищіе, не имущіе, и capite censi. Proletarii объявляли имѣнія на тысячу пятьсотъ ассовъ мѣди [15 рубл.], но capite censi или ничего не имѣли или по крайнѣй мѣрѣ менше было ихъ имѣніе, нежели Пролетаріевъ. Сіи классы содержали въ себѣ сто девяносто три центуріи; и поелику въ первомъ классѣ было 80 центурій или сотенъ, 18. конницы, и двѣ кузнецовъ и плотниковъ: то они предъ прочими классами и центуріями имѣли преимущество въ подаваніи голосовъ. И такъ граждане перваго класса въ первомъ были уважены.

(2) *Меншимъ числомъ ассовъ*] Ибо, по объявленію Ливія во второмъ классѣ были имѣвшіе пожитковъ не менше какъ на семдесятъ пять тысячь ассовъ [750. рубл.] въ третьемъ классѣ на пятьдесятъ тысячь [500. рубл.] въ четвертомъ на двадцать пять тысячь [250 рубл.] въ пятомъ на одиннатцать тысячь [110 рубл.] прочіе были Proletarii, или capite censi.

ся вопросЪ, что есть *classicus* и что *infra classem*?

ГЛАВА 14.

О трехЪ родахЪ рѣчи: и о трехЪ философахЪ отправленныхЪ отЪ АѳинянЪ послами кЪ Сенату Римскому.

Вѣроятно, что и простая и стихами сочиненная рѣчь раздѣляется на три рода, называемые отЪ ГрековЪ χαρακτῆρες; и имена имЪ наложены ἁδρὸν, ἰσχνὸν, μέσον. Первый называемЪ мы *изобильнымЪ*, вторый *тонкимЪ*, третій *посредственнымЪ*. *Изобильному* свойственна важность и величественность; *тонкому* пріятность и острота; *средственный* находится вблизости, участвуя и вЪ томЪ и вЪ другомЪ. При каждой изЪ сихЪ добродѣтелей рѣчи родились равночисленные пороки, ложными видами сразмѣрность и свойство оныхЪ представляющіе. ТакЪ по большой части надутыя и напыщенныя рѣчи показываютЪ видЪ изобильныхЪ, нечистыя и сухія почтены за тонкія, темныя и обоюдныя за посредственныя. А прямыми и собственными такихЪ качествЪ примѣрами М. ВарронЪ, вЪ книгѣ о ЛатинскомЪ языкѣ, почитаетЪ, вЪ разсужденіи изобилія, Пакувіа; вЪ разсужденіи тонкости, Луциліа; вЪ разсужденіи посредственности, Терентіа. Но сіи самые три рода рѣчи древле уже отЪ Омира показаны

вЪ

въ трехъ лицахъ: великолѣпный и изобильный въ Уликсѣ; тонкій и стянутый въ Менелаѣ; смѣшанный и умѣренный въ Несторѣ. Сіе же самое троечастное различіе примѣчено въ трехъ философахъ, отъ Аѳинянъ въ Римъ къ Сенату и народу Римскому посыланныхъ для испрошенія уменшенія штрафа, которой они наложили на нихъ за разореніе (1) Оропа. Оный штрафъ состоялъ почти въ пяти стахъ талантовъ [250000 рубл]. Философы оные были (2) Карнеадъ изъ Академіи, (3) Діогенъ Стоикъ, (4) Критолай Перипатетикъ. И хотя они, будучи введены въ Сенатъ, говорили чрезъ переводчика К. Ацилія Сенатора:

(1) *Оропа*] Оропъ городъ въ Беотіи.

(2) *Карнеадъ изъ Академіи*] Который завелъ третію Академію. Секстъ Емпирикъ Пиррон. Hypotypos. lib. I. c. 33. говоритъ: *Академій, какъ говорятъ, было больше трехъ. Первая и самая древняя Платонова: вторая и средняя Арцесилаова, который былъ ученикъ Полемоновъ: третія и новая Карнеадова и Клитомахова. Нѣкоторые присовокупляютъ къ симъ четвертую Филонову и Хормидову. Нѣкоторые же придаютъ и пятую Антіохову.*

(3) *Діогенъ Стоикъ*] По прозванію Вавилонскій [Лаертій объявляетъ, что онъ родился въ Селевкіи, но по близости мѣста названъ Вавилонскимъ] Хрисипповъ ученикъ, и неполныя его книги часто упоминаются въ Стобеѣ, которыя доказываютъ его разумъ и мудрость.

(4) *Критолай Перипатетикъ*] Плутархъ совсѣмъ не упоминаетъ о немъ въ семъ посольствѣ.

ра: но прежде сами, всякой особливо, (5) для хвастовства въ великомъ народа собраніи разсуждали. Тогда, говоритъ (6) Рутилій и (7) Полибій, удивительно было особливое всякаго изъ трехъ философовъ краснорѣчіе. Порывисто, говорятъ они, и быстро говорилъ Карнеадъ; искусно и обстоятельно Критолай; скромно и умѣренно Діогенъ. А всякій родъ, какъ мы сказали, когда имѣетъ чистое и на цѣломудріи основанное украшеніе, бываетъ знаменито: когда же притворное и намазное, бываетъ обманчивъ.

ГЛАВА 15.

Сколь строго, по обыкновенію предковъ, наказываемы были воры; и что Муцій Сцевола написалъ о томъ, что на сохраненіе или взаимъ дано.

Лабеонъ во второй книгѣ о двенатцати таблицахъ написалъ, что строго и жестоко производимы были суды о воровствѣ. Брутъ

---

(5) *Для хвастовства*] Карнеадъ сперва разсуждалъ о правосудіи, а потомъ противъ онаго. Итакъ Катонъ таковыхъ пословъ разсудилъ какъ наискорѣе отпустить.

(6) *Рутилій*] Разумѣется П. Рутилій Руфъ, который какъ о жизни своей, такъ и о Нумантинской войнѣ написалъ повѣсть. Упоминаетъ о немъ Ливій, Веллей, Валерій Максимъ, Плутархъ и другіе.

(7) *Поливій*] Который, гражданскимъ благоразуміемъ и воинскимъ искуствомъ будучи славенъ, самолично находился при дѣлахъ собою описанныхъ. Ибо со Сципіономъ Африканскимъ былъ въ Африкѣ. Написалъ 40 книгъ, но только первыя пять въ цѣлости до насъ дошли. А изъ прочихъ только имѣемъ выписки.

Брутъ обыкновенно говорилъ, что съѣздившій на лошадяхъ въ другую сторону, нежели куда взялъ съѣздить, виноватъ въ воровствѣ равно какъ и тотъ, кто далѣе ѣздилъ, нежели въ которое мѣсто съѣздить просилъ. И такъ К. Сцевола въ шестойнадесять книгѣ *о Правѣ гражданскомъ* написалъ слѣдующее: *Естьли кто употребилъ для себя данное себѣ на сохраненіе; или взятое для употребленія употребилъ не на то, на что взялъ: тотъ сдѣлался виноватымъ въ воровствѣ.*

ГЛАВА 16.

Мѣсто выписанное изъ Сатиры М. Варрона, которой надписаніе περὶ ἐδεσμάτων [о ѣствахъ] о чужестранныхъ родахъ пищи: притомъ приложены Еврипидовы стихи, которыми онъ опорочилъ сластолюбивыхъ людей роскошное объядение.

Варронъ въ Сатирѣ, надписанной περὶ ἐδεσμάτων, весьма пріятно и искусно сочиненными стихами описалъ великолѣпіе и роскошь въ столахъ и въ пищѣ. Ибо онъ многое такое, что сіи сластолюбцы изискиваютъ на земли и въ мори, изъяснилъ и включилъ въ шестистопные стихи. Кому досужно будетъ, тотъ самые стихи можетъ прочитать въ упомянутой книгѣ. А роды и названія ѣствъ, и мѣста, въ которыхъ съѣстныя предъ всѣми другими превосходныя

ныя вещи находятся, которыя глубокое обжирство сыскало, и которыя Варронъ для поношенія изслѣдовалъ, сколько я помню, почти суть сіи. (1) Павлинъ изъ Самоса, рябчики Фригійскіе, журавли Мелосскіе, (2) козелъ изъ Амвракіи, (3) Пеламида Халкедонская, (4) Мурена Тартесская, (5) треска Пессинунтская, устерсы Тарентинскіе, Пектункулъ Хіосскій, осетръ Родосскій, Скари Киликійскіе, (6) орѣхи Ѳазскіе, финики Египетскіе, желуди Ишпанскія. А сіе странствующаго и необыкновенныхъ соковъ ищущаго объяденія стараніе, и сіе повсемственное изыскиваніе закусокъ почтемъ боль-

(1) *Паплинъ изъ Самоса*] Варронъ въ кн. 3. о *Землед.* гл. 6. *Сказываютъ, что за моремъ Паплины ходятъ стадами на островикъ Самосскихъ въ рощѣ Юнониной.* Аѳеней въ кн. 14. объявляетъ, что они сперва тамъ родились и вскормились, и оттуда перевезены въ другія страны. И потому на Самосскихъ монетахъ изображенъ Павлинъ, почему и Юнонѣ посвящены павлины.

(2) *Козелъ изъ Ампракіи*] Города Епирскаго.

(3) *Пеламида Халкедонская*] По свидѣтельству Плинія водилась сія рыба наипаче въ Понтѣ и около Византіи, а близъ Халкедона рѣдко. Названіе имѣетъ отъ Греческаго слова πηλὸς *грязь*, потому что она живетъ въ грязи; и по прошествіи года называется *Тонъ* [tynnus].

(4) *Мурена Тартесская*] Близъ узкостей пролива Испанскаго, гдѣ стоялъ Тартессъ.

(5) *Треска Пессинунтская*] Отъ Пессинунта древле Фригійскаго а потомъ Галатійскаго города имя свое сія рыба получила.

(6) *Орѣхи Ѳазскіе*] Называются Ѳазскими отъ Ѳаза острова Егейскаго моря лежащаго близъ Ѳракіи.

большаго отвращенія достойнымъ; естьли вспомнимъ Еврипидовы стихи, которые весьма часто употреблялъ Хрисиппъ философъ, что какбы нѣкоторыя къ ядению побужденія найдены, не для нужнаго въ жизни употребленія, но для роскоши души, готовымъ и легко доставаемымъ гнушающіяся, и для худой въ насыщеніи прихоти. Еврипидовы стихи разсудилъ я здѣсь приложить:

Ἐπεὶ τί δεῖ βροτοῖσι, πλὴν δυεῖν μόνον,
Δημητρὸς ἀκτῆς, πώματος θ' ὑδρηχόου;
Ἅτινα πάρεσι καὶ πέφυχ' ἡμᾶς τρέφειν,
Ὧν ὀυκ ἀπαρκεῖ πλησμονὴ, τρυφῇ δὲ τοι
Ἄλλων ἐδεστῶν μηχανὰς θηρώμεθα.

то есть.

Чего потребуешь ты больше человѣкъ,
Какъ чтобы хлѣбъ съ водой твой проваживали вѣкъ?
Сіи двѣ пищи съ тѣмъ произвела природа,
Чтобъ быть всегдашней имъ для смертныхъ пищей рода,
Не скучитъ никогда употребленье ихъ,
А мы изъ роскоши ужъ ищемъ ѣствъ другихъ.

ГЛАВА 17.

Бывшій разговоръ съ весьма спѣсивымъ и неискуснымъ грамматикомъ о знаменованіи и произведеніи слова obnoxius.

Спросилъ я одного въ Римѣ весьма славнаго ученіемъ грамматика, не для испытанія истинно или искушенія, но больше желая и стараясь научиться, что значитъ *obnoxius*, откуда сіе слово происходитъ

дитъ и какое имѣетъ свойство. Онъ взглянулъ на меня смѣясь маловажности вопроса, и сказалъ: Ты спрашиваешь подлинно о дѣлѣ темномъ, и многаго труда для объясненія требующемъ. Кто столь въ Латинскомъ языкѣ неискусенъ, который бы не зналъ, что *obnoxius* называется тотъ, которому отъ того, кому говорится быть obnoxius, можетъ произойти невыгода и вредъ, и qui habeat aliquem noxae, id est, culpæ suæ conscium? Да и ты, говоритъ, оставляешь сіи враки, и представляешь то, что достойно изслѣдованія и разсужденія. Тогда я приведенъ будучи въ досаду, разсудилъ уже съ нимъ дѣло имѣть непрямо, такъ какъ съ человѣкомъ глупымъ, и сказалъ: Естьли, ученѣйшій мужъ, случится надобность и другому чему нибудь научиться и что нибудь знать, то буду спрашивать и учиться у тебя; но поелику я часто говорилъ слово *obnoxius*, и что говорилъ, самъ не зналъ: то поучившись у тебя сталъ теперь знать, чего не одинъ изъ всѣхъ, какъ тебѣ показалось, не зналъ, но точно и Плаутъ, человѣкъ въ языкѣ и въ красотѣ словъ Латинскихъ предъ всѣми преимуществующій, не зналъ, что есть *obnoxius*. Ибо въ стихѣ его есть написано такъ:

Nunc ego hercle perii plane, non obnoxie.

Сіе несходно съ тѣмъ означеніемъ, которое ты сказалъ. Ибо Плаутъ какъ два между собою противныя сложилъ *plane* и *obnoxie*;

noxie; а сіе съ твоимъ означеніемъ весьма несходно. Но грамматикъ оный, какбы *obnoxius* и *obnoxie* не однимъ окончаніемъ, но вещію и реченіемъ различествовали, весьма смѣшно отвѣтствовалъ: Я сказалъ, что значитъ *obnoxius* а не *obnoxie*. Тогда я, удивляясь неискуству сего гордаго человѣка, сказалъ: Оставимъ, какъ ты хочешь, что Плаутъ сказалъ *obnoxie*, естьли ты почитаешь сіе за весьма трудное: опустимъ и то, что Саллустій написалъ въ Катилинѣ, ,,Minari etiam ferro ni ſibi obnoxia foret: хотя то уже ты мнѣ скажи, что кажется извѣстнѣе и употребительнѣе. Ибо Виргиліевы стихи весьма извѣстны:

Nam neque tunc aſtris acies obtuſa videri,
Nec fratris radiis obnoxia ſurgere luna.

что называешь ты *culpæ ſuæ conſcium*. И на другомъ слѣдующемъ мѣстѣ Виргилій употребляетъ сіе слово въ смыслѣ отъ твоего мнѣнія различномъ:

- - - *Iuuat arma videre*
Non raſtris hominum, non ulli obnoxia curae.

ибо cura prodeſſe aruis ſolet, non nocere, что ты сказалъ о словѣ obnoxius. Да и оное у К. Еннія, въ трагедіи называемой *Phænix*, въ слѣдующихъ стихахъ написанное какъ съ тобою можетъ быть согласно?

Sed virum vera virtute viuere animatum addecet,
Fortiterque innoxium vacare aduerſum aduerſarios.
Ea liberta' eſt, qui pectus purum et firmum geſtitat,
Aliae res obnoxioſae nocte in obſcura latent.

Но

Но онъ зѣвая и уподобляясь просмотрѣвшемуся сказалъ: Теперь мнѣ недосужно. А когда досужно будетъ: то ты приди ко мнѣ, и тогда узнаешь въ какомъ, смыслѣ слово сіе положили и Виргилій и Саллустій и Плаутъ и Енній. Бездѣльникъ оный, сказавъ сіе, разстался со мною. Естьли же кто захочетъ узнать не одно начало сего слова, но и различное онаго означеніе; то долженъ разсмотрѣть и сіе мѣсто въ Плаутѣ, котораго приложилъ я стихи изъ комедіи называемой *Asinaria.*

Maxumas opimitates gaudio effertissimas
Suis heris illa una mecum pariet gnatoque et patri;
Adeo ut aetatem ambo ambobus nobis sint obnoxii
Nostro deuincti beneficio.

Кажется же, что употребленное симъ грамматикомъ окончаніе въ словѣ, толь многія имѣющемъ означенія, одно только его означаетъ употребленіе, которое сходно съ означеніемъ употребленнымъ отъ Цецилія въ *Хрисіи* въ слѣдующихъ стихахъ:

- - - Quanquam ego mercede huc conductus tua
Aduenio, ne tibi me esse ob eam rem obnoxium
Reare: audibis male si male dixis mihi.

ГЛАВА 18.

Сколь свято у Римлянъ наблюдаема и хранима была клятва: и притомъ о десяти плѣнникахъ, которыхъ Аннибалъ обязавъ клятвою послалъ въ Римъ.

Что клятва у Римлянъ свято и ненарушимо была наблюдаема и сохраняема; то изъ обычаевъ и многихъ законовъ усматривается, и слѣдующая повѣсть не малымъ тому есть доказательствомъ. Послѣ сраженія бывшаго при Каннахъ Аннибалъ, Кароагенскій полководецъ, выбравъ изъ нашихъ плѣнниковъ десять человѣкъ, послалъ въ Римъ, и приказалъ, естьли Римскому народу угодно будетъ, сдѣлать размѣнъ плѣнниковъ съ тѣмъ договоромъ, чтобы взявшіе большее число плѣнниковъ, за каждаго заплатили полтора фунта серебра. Прежде отъѣзда ихъ принудилъ онъ ихъ клясться въ томъ, что, ежели Римлянѣ не сдѣлаютъ размѣна, они въ Кароагенскій станъ возвратятся. Пріѣжжаютъ въ Римъ десять плѣнниковъ. Предлагаютъ въ Сенатѣ приказаніе Кароагенскаго полководца. Размѣнъ Сенату не показался угоденъ. Родители, родственники и сродники плѣнныхъ, обнявъ ихъ, говорили, что они возвратились въ отечество по праву возвращенія потеряннаго на войнѣ: и просили ихъ, чтобы они къ непріятелю не возвращались. Тогда осмеро изъ нихъ отвѣчали, что сіе право въ разсужденіи ихъ неправе-

ведливо, понеже они обязались клятвою; и тотчасъ по данной клятвѣ поѣхали къ Аннибалу. Двое прочіе остались въ Римѣ, и говорили, что они разрѣшились и свободились отъ клятвы; понеже, вышедши изъ непріятельскаго стана, умышленно въ тотъже самый день, какбы по нѣкоторой случайной причинѣ, возвратились, и такимъ образомъ, исполнивъ данную клятву, опять необязавшись клятвою ушли. Сія ихъ коварная хитрость столь почтена гнусною, что они презрѣны и обруганы были отъ простаго народа, и Ценсоры потомъ всяческаго наказанія и безчестія достойными ихъ быть судили; понеже они не сдѣлали того, что клялись сдѣлать. А Корнелій Непосъ въ пятой книгѣ *Примѣровъ* написалъ, что многіе Сенаторы разсудили нехотѣвшихъ возвратиться подъ стражею отвести къ Аннибалу; но сей приговоръ, по большинству голосовъ тѣхъ, которымъ сіе казалось неугодно, въ дѣйство не произведенъ: однако не возвратившіеся къ Аннибалу такому презрѣнію и ненависти подпали, что скучили своею жизнію и сами себя умертвили.

ГЛАВА 19.

Взятая изъ лѣтописца повѣсть о Тиб. Семпроніи Гракхѣ, отцѣ Гракховъ, народномъ Трибунѣ: и притомъ трибунскія опредѣленія точными ихъ словами написанныя.

Изрядный, благородный и великодушный поступокъ Тиб. Семпроніа Гракха положенъ въ примѣрахъ. Оный примѣръ есть слѣдующій: К. Минуцій Авгуринъ, народный Трибунъ, наложилъ штрафъ на Л. Сципіона Асіатскаго, брата П. Сципіона Африканскаго старшаго: и для того требовалъ отъ него поруки. Сципіонъ Африканскій, именемъ брата своего, взнесъ сіе дѣло въ собраніе Трибуновъ; и просилъ, чтобы они мужа бывшаго въ Консульскомъ достоинствѣ, и имѣвшаго торжество защитили отъ насилія ихъ товарища. Восемь Трибуновъ, разсмотрѣвъ дѣло, учинили опредѣленіе: Приложенныя здѣсь слова онаго опредѣленія выписаны изъ лѣтописца. *Quod. P. Scipio. Africanus. Postulauit. Pro. L. Scipione. Asiatico. Fratre. Quum. Contra. Leges. Contra. Q. Morem. Maiorum. Tribunus. Plebei. Hominibus. Accitis. Per. Vim. In. Auspicato. Sententiam. De. Eo. Tulerit. Multam. Q. Nullo. Exemplo. Irrogauit. Praedes. Q. Ob. Eam. Rem. Dare. Cogat. Aut. Si. Non. Det. In. Vincula. Duci. Iubeat. Ut. Eum. A. Collegae. Vi. Probibeamus. Et.*

Quod.

Quod. Contra. Collega. Poſtulauit. Ne. Sibi. Intercedamus. Quo. minus. Suapte. Poteſtate. Uti. Liceat. De. Ea. Re. Noſtrum. Sententia. Omnium. Data. Eſt. Si. L. Cornelius. Scipio. Aſiaticus. Collegae. Arbitratu: Praedes. Dabit. Collegae. Ne. Eum. In. Vincula. Ducat. Intercedemus. Si. Eius. Arbitratu. Praedes. Non. Dabit. Quo. Minus. Collega. Sua. Poteſtate. Utatur. Non. Intercedemus. т. е. *Понеже П. Сципіонъ Африканскій просилъ за брата своего Л. Сципіона Асіатскаго, когда народный Трибунъ, въ противность законовъ и обыкновенія предковъ, собравъ людей по насилію, (1) и несовершивъ обряда птицезрѣнія, сдѣлалъ о немъ приговоръ, и безъ всякаго примѣра наложилъ штрафъ, и принуждаетъ дать порукъ, или, естьли не дастъ, то прикажетъ посадить его въ тюрму, чтобы мы защитили его отъ насилія нашего товарища; и понеже напротивъ товарищъ нашъ просилъ, чтобы мы не препятствовали ему употребить свою власть: то мы всѣ такой о томъ дѣлаемъ приговоръ; Естьли Л. Корнелій Сципіонъ Асіатскій, по требованію нашего товарища, порукъ дастъ; то мы* по-

(1) *Не совершивъ обряда птицезрѣнія*] Ибо ничего ни общественно ни частно не дѣлалось безъ птицезрѣнія. Есть Ромуловъ древній законъ, *Ничего безъ птицепримѣчанія не дѣлать.*

воспрепятствуемъ топарищу сажать его въ тюрму: а естьли, по требованію его, поруки не дастъ; то мы не воспрепятствуемъ топарищу употребить свою власть. По семъ опредѣленіи, когда Авгуринъ, народный Трибунъ, Л Сципіона порукъ недающаго приказалъ (2) взять и посадить въ тюрму; то Тиб. Семпроній Гракхъ, народный Трибунъ, отецъ Тиберіа и Каіа Гракховъ, по многимъ въ республикѣ несогласіямъ будучи Сципіону Африканскому жестокій непріятель, клялся предъ всѣми, что онъ не имѣетъ дружбы и не помирился со Сципіономъ Африканскимъ; и слѣдующее по таблицѣ прочиталъ опредѣленіе. Слова онаго опредѣленія суть слѣдующія: *Cum. L. Cornelius. Scipio. Asiaticus. Triumphans. Hostium. Duces. In. Carcerem. Coniectauerit: Alienum. Videtur. Esse. Dignitate. Reipublicae. In. Eum. Locum. Imperatorem. Populi. Romani. Duci. In. Quem. Locum. Ab. Eo. Coniecti. Sunt. Duces. Hostium. Ita. Q. L. Cornelium. Scipionem. Asiaticum. A .Collegae. Vi. Probibeo.* т. е. *Поелику Л. Корнелій Сци-*

(2) *Взять и посадить въ тюрьму*] Трибуны имѣли право препятствовать, и сіе дѣлали чрезъ обыкновенное слово, VETO [*запрещаю или не позволяю*]. Естьли кто сему противился, того можно было чрезъ пристава взять и отвесть въ тюрьму, такъ какъ и Консулы часто приказывали брать и сажать въ тюрьму.

Сципіонъ Асіатскій, по время своего торжества, непріятельскихъ полководцевъ посадилъ въ тюрму: то несходно кажется съ честію республики, въ то мѣсто посадить полководца народа Римскаго, въ которое мѣсто посажены отъ него были непріятельскіе полководцы. И потому я Л. Корнелія Сципіона Асіатскаго (3) *отъ насилія товарищева защищаю.* А Валерій Антій въ противность сей запискѣ опредѣленій, и въ противность повѣствованія древнихъ лѣтописцовъ сказалъ, что, по смерти Сципіона Африканскаго, сіе за Сципіона Асіатскаго ходатайство учинено отъ Тиб. Гракха: и что не штрафъ на Сципіона наложенъ; но обвиненъ онъ былъ въ похищеніи Антіохійскихъ денегъ принадлежавшихъ республикѣ, и поелику не давалъ порукъ, то стали его сажать въ тюрму, и такимъ образомъ по представительству Гракхову свобожденъ.

Ч 5 ГЛАВА

(3) *Отъ насилія товарищева защищаю*] Препятствіе сильно было и между самыми Трибунами, такъ что въ случаѣ запрещенія или непозволенія одного изъ собранія, всѣхъ прочихъ голоса были недѣйствительны.

ГЛАВА 20.

О томъ, что Виргилій за недопущеніе отъ Ноланцовъ провести воду, по прозьбѣ его, вымаралъ изъ стиха своего Nola, *и написалъ* Ora; *и притомъ нѣчто другое о пріятномъ согласіи букъ.*

Нашелъ я въ нѣкоторой записной книгѣ, что слѣдующіе стихи слѣдующимъ образомъ отъ Виргилія сперва были читаны и изданы:

Talem diues erat Capua et vicina Veseuo
Nola iugo:

Потомъ Виргилій просилъ Ноланцовъ, чтобы они позволили провести воду въ близлежащую деревню. Ноланцы по прозьбѣ его не сдѣлали. Стихотворецъ осердившись, имя ихъ города изъ стиха своего, какбы изъ памяти человѣческой изгладилъ, вмѣсто *Nola* перемѣнилъ *ora*, и оставилъ такъ:

- - - Et vicina Veseuo
Ora iugo.

Справедливо сіе или ложно, я не утверждаю; однако несумнительно, что *Ora* лучше и пріятнѣе слуху, нежели *Nola*. Ибо согласная буква, въ первомъ стихѣ послѣдняя и въ другомъ первая, громкимъ и притомъ пріятнымъ отверстіемъ рта продолжительный дѣлаетъ звукъ. Такимъ образомъ можно найти у знатныхъ стихотворцевъ многія реченія имѣющія таковую пріятность, которая кажется съ намѣреніемъ употреблена:

лена: но сверхъ всѣхъ другихъ у Омира весьма во многихъ мѣстахъ усматривается. Потому что онъ въ одномъ мѣстѣ такіе и съ толикимъ отверстіемъ рта бывающіе звуки въ непрерывныхъ словахъ уважаетъ.

Ἡ δ' ἑτέρη θέρεϊ προρέει εἰκυῖα χαλάζῃ
Ἢ χιόνι ψυχρῇ ἢ ἐξ ὕδατος κρυστάλλῳ.

Также и на другомъ мѣстѣ:

Λᾶαν ἄνω ὤθεσκε ποτὶ λόφον.

И Катуллъ изряднѣйшій изъ стихотворцевъ въ сихъ стихахъ,

Minister vetuli puer falerni
Inger mi calices amariores,
Ut lex Postumiae iubet magistrae
Ebriosa acina ebriosioris;

Могъ сказать *ebrioso*, и употребительнѣе въ среднемъ родѣ назвать *acinum*: однако, любя пріятность онаго отверстія Омировыхъ устъ, сказалъ, *ebriosa*, для согласія слѣдующей буквы *a*. А думающіе, что Катуллъ сказалъ *ebrios* или *ebriosos* [ибо и сіе находится безразсудно написано] напали на книги по испорченнымъ образцовымъ книгамъ [exemplaribus] изданныя.

ГЛАВА 21.

Для чего тоже самое время означаютъ quoad vivet, *и* quoad morietur, *когда сіи слова состоятъ изъ двухъ противныхъ.*

Когда говорится *quoad viuet*, также *quoad morietur*, то хотя по видимому говорят-

рятся двѣ вещи противныя: но одно и то же время оба реченія означаютъ. Также когда говорится *quoad Senatus habebitur*, и *quoad Senatus dimitt tur*: то хотя *haberi* и *dimitti* два суть противныя; однако одно и тоже самое обѣими реченіями показывается. Ибо когда два времена находятся въ противномъ между собою положеніи и въ такомъ соединеніи, что одного конецъ съ началомъ другаго смѣшивается; то все бываетъ равно, окончаніемъ ли перваго или началомъ другаго самая смѣжность означается.

ГЛАВА 22.

О томъ, что Ценсоры у толстыхъ и тучнотѣлесныхъ всадниковъ обычай имѣли отнимать лошадь: притомъ положенъ запросъ съ безчестіемъ ли сіе, или безъ повреждения чести всадниковъ дѣлано было.

Ценсоры обычай имѣли у весьма толстаго и тучнотѣлеснаго всадника отнимать лошадь, думая, что человѣкъ съ такою тяжестію тѣла не способенъ къ понесенію должности всадника. Ибо сіе дѣлано было не въ наказаніе, какъ нѣкоторые думаютъ: но чрезъ сіе свобождаемы они были отъ должности безъ безчестія. Однако Катонъ въ рѣчи, *de Sacrificio commisso* написанной, причитаетъ сіе въ вину, и говоритъ, что сіе больше казаться можетъ дѣланнымъ

нымъ для безчестія. И естьли сіе принять въ такой силѣ: то конечно надобно думать, что не совсѣмъ невиноватъ и не нелѣнивъ тотъ, котораго тѣло столь не умѣренно разнѣжилось и разтолстѣло.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ОСМАЯ

Въ осмой книгѣ находятся одни только слѣдующія заглавія.

ГЛАВА 1.

Правильно или съ погрѣшностію говорится HESTERNA NOCTU: *и что о сихъ словахъ говорятъ грамматики: также что Децемвиры въ 12 таблицахъ написали* nox *вмѣсто* noctu.

ГЛАВА 2.

Какія десять словъ сказалъ мнѣ Фаворинъ, которыя хотя у Грековъ и употребляются, однако суть подложны и варварски: какихъ столько же онъ и отъ меня услышалъ, которыя, по обыкновенному и общему употребленію говорящихъ по Латински, не Латинскія суть, и не находятся въ книгахъ древнихъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 3.

Какимъ образомъ и сколь строгій выговоръ сдѣлалъ при насъ чужестранный философъ юношѣ Римскому, изъ породы всаднической произшедшему; который слушалъ его безъ вниманія и непрестанно зѣвалъ.

ГЛАВА 4.

О томъ, что Иродотъ, весьма славный повѣстеписатель, несправедливо сказалъ, что одна только изъ всѣхъ деревъ сосна, будучи срублена, никогда опять изъ тогоже корня не дѣлаетъ отпрыска; и что онже о дождевой водѣ и снѣгѣ не довольно изпытанное положилъ за извѣданное.

ГЛАВА 5.

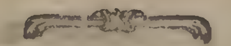
Что значатъ слова Виргиліевы caelum ſtare puluere, *и Луциліевы* pectus ſentibus ſtare.

ГЛАВА 6.

По примиреніи послѣ ссоры неполезно взаимныя дѣлать обвиненія: и о томъ Таврова рѣчь предложена, и слова взятыя изъ Ѳеофрастовой книги: притомъ въ точныхъ словахъ приложено Цицероново мнѣніе о любленіи дружбы.

ГЛАВА 7.

Въ Аристотелевой книгѣ о Памяти читанное и изъ оной выписанное о свойствѣ и ха-

качествѣ памяти: притомъ нѣчто другое читанное и слышанное о избыткѣ или конечномъ недостаткѣ оныя.

ГЛАВА 8.

Что со мною случилось, когда хотѣлъ я нѣкоторыя Платоновы мѣста истолковать и какъ изобразить Латинскими словами.

ГЛАВА 9.

О томъ, что Θеофрастъ философъ, всѣхъ въ своемъ вѣкѣ краснорѣчивѣйшій, имѣя не много говорить къ народу Аѳинскому, отъ стыда замолчалъ, и что сіе же самое случилось съ Димосѳеномъ, говорившимъ предъ царемъ Филиппомъ.

ГЛАВА 10.

Какой я въ городѣ Елевсинѣ имѣлъ споръ съ нѣкоторымъ суемудреннымъ грамматикомъ, временъ въ глаголахъ и ребяческихъ упражненій незнающимъ: а темнотою трудныхъ вопросовъ, и хитрословіемъ для уловленія неискусныхъ людей тщеславящимся.

ГЛАВА 11.

Сколь пріятно Сократъ отвѣчалъ женѣ своей Ксантиппѣ просившей, что бы онъ въ Діони-

онисовъ праздникъ сдѣлалъ по богатѣе ужинъ.

ГЛАВА 12.

Что въ книгахъ древнихъ значитъ plerique omnes, и что сіи слова кажутся взяты отъ Грековъ.

ГЛАВА 13.

Употребляемое Африканцами слово Quopsones есть не Пуническое, но Греческое.

ГЛАВА 14.

Фаворина философа весьма пріятный споръ съ нѣкоторымъ скучнымъ человѣкомъ, разсуждавшимъ о обоюдности словъ, и притомъ нѣкоторыя слова изъ Невія стихотворца и Кн. Геллія не безъ употребленія положенныя: и тутже отъ П. Нигидія изысканныя произведенія словъ.

ГЛАВА 15.

Съ какимъ безчестіемъ Лаберій стихотворецъ принятъ отъ К. Цесаря: и притомъ приложены о семже стихи самаго Лаберіа.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА 1.

Для чего К. Клавдій Квадригарій въ девятой надесять книгѣ лѣтописца написалъ, что прямѣе и безошибочнѣе выпаютъ удары, естьли что пустишь вверхъ, нежели внизъ.

К. Клавдій въ девятойнадесять книгѣ Лѣтописца описывая осаду города отъ Проконсула Метелла, и напротивъ отъ городскихъ жителей сверху со стѣнъ дѣланную оборону, написалъ такъ; *Стрѣлецъ съ пращникомъ съ обоихъ сторонъ весьма ревностно и сильно пускаютъ стрѣлы и каменья. Но въ томъ есть различіе, вверхъ или внизъ пустить стрѣлу и камень; ибо ни того ни другаго внизъ хорошо пустить не можно, а вверхъ весьма хорошо. По сему Метелловы воины гораздо менше были ранены, и, что очень было нужно, весьма удобно непріятеля отъ зубцовъ отгоняли.* Спрашивалъ я Антонія Юліана ритора, для чего такъ случается, какъ сказалъ Квадригарій, что мѣтчѣе и прямѣе бываютъ удары, естьли камень или стрѣлу бросишь вверхъ, нежели внизъ: когда ходчѣе и легче выстрѣлъ сверху внизъ, нежели снизу вверхъ? Юліанъ, похваливъ мой вопросъ, отвѣчалъ: *Что сказалъ онъ о стрѣлѣ и камнѣ, то о всякомъ почти метательномъ орудіи*

 ска-

сказать можно. А легче выстрѣлъ выпаетъ, какъ ты сказалъ, естьли сверху выстрѣлишь съ тѣмъ, чтобы только выстрѣлить, а не попасть. Но когда ходъ и стремленіе выстрѣла размѣрять и управлять надобно: то, естьли выстрѣлишь на низъ, управленіе и прицѣливаніе пускающаго стрѣлу самою стремительностію и тяжестію падающей стрѣлы портится. А естьли вверхъ пускаешь, и мѣтишь рукою и глазами, дабы во что нибудь вверху ударить: то куда ты намѣтишь, туда и пойдетъ пущенная стрѣла. Въ такой почти силѣ Юліанъ говорилъ съ нами о сихъ К. Клавдіа словахъ.

ГЛАВА 2.

Какими словами Иродъ Аттикъ означилъ всякаго, по наружному виду и платью, ложно пріемлющаго на себя имя и качество философа.

Ко Ироду Аттику, мужу бывшему въ Консульскомъ достоинствѣ, человѣку нрава веселаго, и въ Греческомъ краснорѣчіи весьма искусному, пришедши въ бытность нашу нѣкто одѣтый въ епанчу, косматый и съ предлинною бородою, просилъ себѣ денегъ на хлѣбъ. Тогда Иродъ спрашиваетъ, кто онъ таковъ? Онъ укоривненнымъ видомъ и голосомъ сказываетъ о себѣ, что онъ философъ, и притомъ говоритъ, что удивляется онъ, для чего Иродъ вздумалъ спра-

спрашивать о томъ, что самъ видитъ. Я вижу, сказалъ Иродъ, бороду и епанчу, а философа еще не вижу. Съ позволенія же твоего прошу мнѣ сказать, почему намъ признать тебя за философа? Между тѣмъ нѣкоторые изъ бывшихъ съ Иродомъ говорили, что онъ бродяга, бездѣльникъ и пьяница; и что обыкновенно скверными словами разругаетъ, естьли не получитъ просимаго. Иродъ на сіе сказалъ: *Каковъ онъ ни есть, однако дадимъ ему сколько нибудь денегъ, какъ человѣки, а не какъ человѣку.* И приказалъ дать на хлѣбъ денегъ на мѣсяцъ. Потомъ смотря на насъ за нимъ идущихъ сказалъ: (1) *Мусоній одному такому просящему милостыни, и величающему себя философомъ, приказалъ дать тысячу сестерціевъ; и какъ многіе говорили, что онъ бездѣльникъ, человѣкъ худый и злобный, и ничего хорошаго недостойный: то, сказываютъ, Мусоній усмѣхнувшись сказалъ;* ἄξιος οὖν ἐστὶν ἀργυρίου т. е. *И такъ онъ достоинъ сребра* [денегъ]. *Но то,* говоритъ, *мнѣ больше жалко и прискорбно, что такія поганыя и безчестныя твари употребляютъ святѣйшее имя, и называются философами. А предки мои Аѳиняне, всенароднымъ опредѣленіемъ, навсегда запретили давать слу-*

(1) Мусоній] Стоическій философъ, котораго неполныя книги отъ Стобея упоминаются. Былъ другъ Аполлонію Тіанейскому, и при Неронѣ умеръ.

тамъ имена прехрабрыхъ юнсшей Гармодія и Аристогитона, которые для возвращенія вольности вознамѣрились убить Гиппіа тиранна: понеже за непристойное почли имена, вольности отечества посвященныя, осквернять рабскою заразою. И такъ для чего мы допускаемъ знатнѣйшему имени философіи дѣлаться подлымъ въ людяхъ презрѣннѣйшихъ? Подобнымъ же, говоритъ, *образомъ въ противномъ видѣ слышу, что древніе Римлянѣ узаконили, дабы предназименованіями нѣкоторыхъ Патриціевъ, учинившихъ зло республикѣ, и за то смертію казненныхъ, никому изъ тогоже рода не называться; чтобы и названія ихъ съ ними казались обезчещенными и умершими.*

ГЛАВА 3.

Письмо Филиппа царя къ Аристотелю философу о новорожденномъ Александрѣ.

Филиппъ Аминтовъ сынъ, Македонскій царь, котораго храбростію и стараніемъ, Македонія великимъ и богатѣйшимъ государствомъ сдѣлавшись, начала покарять многихъ народовъ и языковъ, и которыя сила и оружіе, всей Греціи опасными и страшными, въ славныхъ оныхъ Димосѳеновыхъ рѣчахъ называется. Сей Филиппъ, хотя во все почти время военными дѣлами и побѣдами занятъ и упражненъ былъ, однако отъ свободныхъ наукъ никогда не отставалъ; да и многое пріятно и снисхо-

ди-

дительно говорилЪ и дѣлалЪ. Носятся и книги его (1) писемЪ наполненныхЪ чистоты, прїятности и благоразумїя. ИзЪ числа которыхЪ есть оное письмо, которымЪ онЪ увѣдомилЪ Аристотеля философа о рожденїи сына своего Александра. Поелику сїе письмо служитЪ увѣщанїемЪ кЪ старанїю и прилѣжанїю о обученїи дѣтей; то, для возбужденїя родительскихЪ сердецЪ, разсудилось мнѣ оное выписать. И такЪ оное есть почти слѣдующаго содержанїя. ФилиппЪ Аристотелю здравїя желаетЪ. Знай, что у меня родился сынЪ. И такЪ я благодарю боговЪ, не столько за то, что онЪ родился, сколько за то, что случилось ему родиться во время твоей жизни. Ибо я надѣюсь, что онЪ воспитавшись и научившись у тебя, достоинЪ будетЪ и насЪ и преемствованїя по насЪ государства. А самаго Филиппа слова суть сїи:

Φίλιππος Ἀριϛοτέλει χαίρειν.

Ἴσθι μοι γεγονότα υἱόν. Πολλὴν ὖν τοῖς θεοῖς χάριν ἔχω, ὖχ ὗτως ἐπὶ τῇ γεννήσει τῦ παιδος, ὡς ἐπὶ τῷ κατὰ τὴν σὴν ἡλικίαν αὐτὸν γεγονέναι. ἐλπίζω γάρ, αὐτὸν ὑπὸ σῦ τραφέντα καὶ παιδευθέντα, ἄξιον ἔσεσθαι καὶ ἡμῶν καὶ τῆς τῶν πραγμάτων διαδοχῆς.

(1) *Писем*Ъ] Находятся у Димосѳена различныя Филипповы писма кЪ Сенату и народу Аѳинейскому. Одно большое, которымЪ онЪ обЪявляетЪ войну АѳинцамЪ: на сїе письмо ДимосфенЪ говорилЪ рѣчь:

ГЛАВА 4.

О дивныхъ чудовищахъ варварскихъ народовъ, и о жестокихъ и пагубныхъ вворожденіяхъ, и притомъ о женщинахъ вдругъ превратившихся въ мущинъ.

Когда, возвращаясь изъ Греціи въ Италію, ѣхали мы въ Брундузъ, и, вышедши изъ корабля на землю, прохаживались въ славной оной пристани, которую К. Енній хотя нѣсколько далекимъ, но весьма изряднымъ словомъ назвалъ *быстрою* [praepetem]; то увидѣли связки книгъ выложенныя для продажи. Я тотчасъ охотно иду ко книгамъ. Были же всѣ сіи книги Греческія, чудесами и баснями наполненныя: вещи неслыханныя и невѣроятныя; писатели древніе не малой важности, (1) Аристей Проконнезскій, (2) Исигонъ Никейскій, (3) Ктесій и

(1) *Аристей Проконнезскій*] Жилъ во время Кирово и Крезово, и написалъ стихами исторію Иперборейскихъ Аримасповъ, какъ свидѣтельствуетъ Иродотъ кн. 4. и Страбонъ кн. 13. Какія писалъ онъ басни, о томъ явствуетъ изъ Плинія кн. 7. *Ест. Воп.* гл. 2. Да и о самомъ Аристеѣ древніе нѣчто баснословное предлагаютъ. Смотри Аполл. *in Histor. Mirab.* 2. Максима Тирянина *Dissert.* 22 и 28 Оригена *Противъ Целса* кн. 3. и другихъ.

(2) *Исигонъ Никейскій*] Плиній *Ест. Воп.* кн. 7. гл. 2 нѣкоторое приводитъ и изъ него, о чемъ здѣсь и Геллій упоминаетъ.

(3) *Ктесій*] Жилъ во время Кира младшаго, и вылѣчилъ Артаксеркса, какъ Діодоръ Сицилійскій въ кн. 2 свидѣтельствуетъ. Что онъ писалъ, о томъ Фотій объявляетъ

и (4) Онисикритъ и (5) Полистефанъ и (6) Гегезій. А самыя книги отъ долговременности заплѣснѣвели и видомъ были гадки. Однако я подошедши спросилъ о цѣнѣ; и побужденъ удивительною и нечаянною дешевизною, премногія книги покупаю за малыя деньги: всѣ оныя въ двѣ слѣдующія ночи бѣгло прочитываю; и въ чтеніи выписалъ оттуда и замѣтилъ нѣкоторыя удивительности, нашими почти писателями неизвѣданныя; и включилъ оныя въ сіи записки, дабы имѣющій читать оныя, не былъ совсѣмъ незнающь и таковъ, который о такихъ вещахъ не слыхалъ. И такъ въ оныхъ книгахъ написаны были слѣдующія вещи: Скиѳы оные, въ самомъ сѣверѣ живущіе, ѣдятъ человѣческія тѣла, и сею пи-

---

ляетъ слѣдующимъ образомъ: *Ктесія Книдійскаго повѣсть о Персахъ содержится въ двадцати трехъ книгахъ: но въ первыхъ шести предлагаетъ онъ о дѣлахъ Ассирійскихъ и о всемъ произшедшемъ прежде Персидскихъ дѣлъ: съ седьмой книги разсуждаетъ о дѣлахъ Персидскихъ: и какъ въ ней, такъ и въ осьмой, девятой, десятой, одиннатцатой, двенатцатой и тринатцатой упоминаетъ о томъ, что касается до Кира, Камбиза, великаго онаго Дарія и Ксеркса.* Тотже Фотій свидѣтельствуетъ, что онъ писалъ многое Иродоту противное, и назвалъ его баснописателемъ. Сверхъ сего писалъ онъ и о дѣлахъ Индійскихъ, какъ видно изъ Фотіевыхъ выписокъ.

(4) *Онисикритъ*] Баснословно писавшій о дѣлахъ Александра Великаго, съ которымъ былъ въ походахъ.

(5) *Полистефанъ*] Упоминаетъ о немъ и Схоліастъ Аполлоніевъ въ кн. 1.

(6) *Гегезій*] О которомъ Цицеронъ упоминаетъ въ Брутѣ, Діонисій Аликарнасскій и Страбонъ. Жилъ при Птоломеѣ Лагѣ и Филаделфѣ.

пищею чревѣ всю жизнь питаются, и называются ἀνθρωποφάγοι [людоѣды]. Есть также вѣ шой же странѣ люди, одинѣ глазѣ посредѣ лба имѣющіе, называемые (7) Аримаспы; каковое лице имѣющими вымыслили стихотворцы Циклоповѣ. Есть также другіе люди вѣ той же странѣ, чрезвычайно скоро бѣгающіе, имѣющіе слѣды ногѣ подавшіеся назадѣ, а не напередѣ, какѣ у другихѣ людей, выдавшіеся. Сверхѣ сего находится вѣ запискахѣ и вѣ повѣствованіяхѣ, что вѣ отдаленной нѣкоторой землѣ,

(7) Аримаспы] Которыхѣ Есхилѣ потому называетѣ μονώπας одноглазыми. Да думаютѣ, что и имя Аримасповѣ дано имѣ по самой вещи. Ибо на Скиѳскомѣ языкѣ *ари* значитѣ одинѣ, *маспонѣ* глазѣ. Но старавшіеся прилѣжнѣе испытать истинну вещей упоминаютѣ, что тотѣ народѣ былѣ превосходенѣ лукомѣ и стрѣлами, которыя они направляя поелику обыкновенно одинѣ глазѣ сжимали, и непрестанно вѣ томѣ упражнялись; то и названы потому одноглазыми. И поелику кѣ сему сѣ малолѣтства привыкали; можетѣ быть одинѣ глазѣ имѣли уже: а по премѣненіи, что часто случается, привычки вѣ природу, подобные отцамѣ родились сыновья; и которое вѣ отцахѣ безобразіе неравенства глазѣ произошло отѣ привычки, то вѣ сыновьяхѣ было природное. Подобно о нѣкоторыхѣ народахѣ вѣ Асіи важный писатель Иппократѣ повѣствуетѣ, что, поелику у нихѣ за красу почиталось имѣть продолговатую голову, и для того кормилицы, новорожденныхѣ младенцевѣ нѣжныя головы сжимая руками, круглую фигуру портили, и крѣпко связывая повязками, принуждали расти остроконечными: то мало по малу сіе стараніе превратилось вѣ природу, такѣ что всѣ вѣ томѣ народѣ раждались сѣ продолговатыми головами, и потому названы Макрокефалами т. е. долгоголовыми.

кѣ, называемой (8) Албаніею, родятся люди въ малолѣтствѣ сѣдѣющіе, и больше видящіе ночью, нежели днемъ. Также найдено и вѣрено было, что Сарматы, далеко за рѣкою Днепромъ живущіе, всегда ѣдятъ въ третій день, а въ другой пищи не употребляютъ. Въ оныхъ же книгахъ нашли мы и то, о чемъ послѣ и въ седмой книгѣ Естественной Исторіи Плиніа Секунда я читалъ, что есть въ Африкѣ нѣкоторыя поколѣнія людей, голосомъ и языкомъ изурочивающихъ. Которымъ естьли случится по больше похвалить красивыя дерева, веселыя нивы, миловидныхъ младенцевъ, хорошихъ лошадей, кормную скотину; то вдругъ всѣ сіи безъ всякой другой причины умираютъ. Въ тѣхъ же книгахъ написано, что пагубное изурочиваніе дѣлается и глазами: и сказываютъ, что есть во Иллиріи люди умерщвляющіе взоромъ, на кого они осердившись долѣе посмотрятъ; и сіи какъ мущины, такъ и женщины, столь вредное зрѣніе имѣющіе, въ каждомъ глазѣ имѣютъ по два озорочка. Также есть на горахъ Индійскихъ люди съ собачьими и лающими головами, и питаются они ловлею птицъ и звѣрей. Есть также, во отдаленныхъ восточныхъ странахъ, чудные люди, называемые одноглазыми, на одной ногѣ вскачь

(8) *Албаніею*] Страна Асійская на востокъ лежащая къ морю Каспійскому, къ западу смѣжна съ Грузіею, къ полуднюю съ Атропатіею [Серваномъ].

весьма скоро бѣгающіе; а нѣкоторые есть совсѣмъ безъ ушей, глаза имѣющіе въ плечахъ. А то уже до чрезмѣрности удивительно, о чемъ тѣ же писатели объявляютъ, что на краю Индіи есть народъ, имѣющій тѣла косматыя и на подобіе птицъ перьями покрытыя, никакой пищи не употребляющій, но только обоняніемъ запаха отъ цвѣтовъ питающійся. Недалеко отъ сего народа родятся и Пигмеи, изъ которыхъ самые большіе не болѣе суть двухъ футовъ съ четвертью. Сіе и другое многое такое я читалъ. Но писавъ сіе, скучился писать недостовѣрное и къ пользѣ житейской ни мало неслужащее. Однако разсудилось въ семъ мѣстѣ удивительностей замѣтить и то, о чемъ Плиній Секундъ, мужъ въ свое время по разуму и по достоинству весьма важный, въ седмой книгѣ Естественной Повѣсти написалъ, что онъ не слышалъ и не читалъ оное, но самъ знаетъ и видѣлъ. И такъ нижеписанныя слова суть его точныя, изъ оной книги взятыя, которыя подлинно дѣлаютъ недостойною отверженія и смѣха, весьма извѣстную оную древнихъ стихотворцевъ пѣсню (9) о Ценитѣ и Ценеѣ. *Не басня*, говоритъ

(9) *О Ценитѣ и Ценеѣ*] Ценита, Ѳессалійская дѣвушка, будучи отъ Нептуна изнасильствована, въ даръ отъ него получила то, что превратилась въ мущину и содѣлалась ни чемъ никогда неуязвляемою. И такъ съ премѣненіемъ пола перемѣнила и имя, назвавшись Ценеемъ.

ритъ онъ, есть то, что женщины превращаются въ мущинъ. Въ Консульствѣ К. Лициніа Красса и К. Касѣіа Лонгина, нашли мы въ Касинѣ изъ дѣвицы сдѣлавшагося мальчика при жизни родителей; который по приказанію утровозрителей отнесенъ на пустой островъ. Лициній Муціанъ объявляетъ, что онъ видѣлъ въ Аргосѣ Аресконта, бывшаго прежде Арескусою; тотчасъ выросла у него борода и мужескій удъ, послѣ чего онъ и женился: такого же видѣлъ онъ мальчика и въ Смирнѣ. Самъ я въ Африкѣ видѣлъ Л. Коссиціа гражданина Өисдританскаго, въ день свадьбы превратившагося изъ женщины въ мущину; и когда сіе писалъ, онъ былъ живъ. Тотже Плиній въ той же книгѣ написалъ слѣдующія слова: *Родятся люди обоего пола, которыхъ мы называемъ Гермафродитами [двусластными], которые встарину были почитаемы за диво, а нынѣ за забаву.*

ГЛАВА 5.

Различныя знатныхъ философовъ мнѣнія о родѣ и свойствѣ удовольствія [voluptatis]*; притомъ слова Гіерокла философа, которыми онъ опорочилъ мнѣнія Епикуровы.*

Древніе философы различныя о удовольствіи предлагали мнѣнія; (1) Епикуръ удо-

---

(1) *Епикуръ*] По общему мнѣнію Епикуръ полагалъ верховное благо во удовольствіи тѣлесномъ. Впрочемъ Діогенъ Лаерцій доказываетъ, что онъ не только жилъ воздержно, но и славенъ былъ добродѣтелями.

удовольствіе почитаетъ верховнымъ благомъ; однако опредѣляетъ оное такъ: σαρκὸς εὐσαθὲς κατάσημα т. е. *Твердое сложеніе тѣла.* (2) Антисѳенъ Сократикъ называетъ оное крайнимъ зломъ. Ибо говоритъ такъ: μανείην μᾶλλον ἢ ἡσθείην т. е. *Я бы больше изъбѣсился, нежели бы имѣлъ удовольствіе.* (3) Спевсиппъ (4) и вся древняя Академія говорятъ, что удовольствіе и печаль суть два зла между собою противныя; а добро то, что между обоими есть среднее. Зинонъ почиталъ удовольствіе неразнствующимъ, то есть ни добромъ ни зломъ; что онъ Греческимъ словомъ назвалъ ἀδιάφορον. Критолай Перипатетикъ говоритъ, что удовольствіе есть и зло, и многое другое зло раждаетъ, какъ то обиды, лѣность, забвеніе, нерадѣніе. Платонъ, прежде всѣхъ сихъ, столь различно и многообразно разсуждалъ о удовольствіи, что всѣ сіи вышеобъявленныя мнѣнія, кажется, произтекли изъ источниковъ его словъ: ибо онъ каждое изъ сихъ употребляетъ такъ, какъ и самаго удовольствія многоразличное свойство дозволяетъ, и приводимыхъ причинъ и дѣлъ, которыя онъ учинить хочетъ, обстоятельства требуютъ. А Тавръ, когда бы ни упо-

(2) *Антисѳенъ*] Смотри Діогена Лаертія въ жизни его.

(3) *Спевсиппъ*] Платоновъ ученикъ, о которомъ смотри Лаертія.

(4) *И вся древняя Академія*] Платонова философія смѣшана была изъ Гераклитовой, Пиѳагоровой и Сократовой, и сіе ученіе называлось древнею Академіею.

упомянуто было объ Епикурѣ, всегда во устахъ и на языкѣ имѣлъ слѣдующія Гіерокла Стоика, важнаго и непорочнаго мужа, слова: ἡδονὴ τέλος, πόρνης δόγμα. ἐκ ἐςὶ πρόνοια ἐδὲν, πόρνης δόγμα. т. е. *Что удовольствіе есть конецъ всему, сіе мнѣніе блудницы; что нѣтъ промысла, сіе мнѣніе блудницы.*

ГЛАВА 6.

Коротко или протяжно произносить должно первый слогъ учащательнаго глагола отъ ago.

Отъ глагола *ago*, *egi* происходитъ называемый отъ грамматиковъ учащательный глаголъ *actito*, *actitaui*. Слышу я, что нѣкоторые ученые подлинно мужи, въ сихъ словахъ первый слогъ произносятъ коротко: и въ причину приводятъ то, что въ первоначальномъ словѣ, *ago*, первый слогъ произносится коротко. И такъ для чего же отъ *edo* и *ungo*, въ которыхъ словахъ первая буква выговаривается коротко, учащательные *esito* и *unctito* произносимъ съ протяженіемъ первой буквы? а *dictito* напротивъ отъ глагола *dico*, говоримъ коротко? по сему не лучше ли *actito* и *actitaui* выговаривать съ протяженіемъ? понеже всѣ почти учащательные одинакимъ образомъ въ первомъ слогѣ выговариваются, какъ и причастія прошедшаго времени, отъ первообразныхъ ихъ глаголовъ, въ томже слогѣ произносятся; какъ „ lego, „ lectus, lectito имѣетъ; ungo, unctus, unctito; „ scribo,

„ ſcribo, ſcriptus, ſcriptito; moueo, motus, motito; „ pendeo, penſus, penſito; edo, eſus, eſito; a dico „ имѣетъ dictus, dictito; gero, geſtus, geſtito; „ veho, vectus, vectito; rapio, raptus, raptito; ca- „ pio, captus, captito; facio, factus, factito. По сему также, *actito*, въ первомъ слогѣ надлежитъ произносить протяжно: понеже происходитъ оно отъ *ago* и *actus*.

ГЛАВА 7.

О обращеніи листовъ на масличномъ деревѣ во время зимняго и лѣтняго солнечнаго поворота, и о струнахъ въ то время звонъ издающихъ чрезъ удареніе другихъ струнъ.

Вообще пишутъ и вѣрятъ, что листы масличныхъ деревъ въ зимній и лѣтній солнечный поворотъ переворачиваются; и сторона, бывшая внизу и въ закрытіи, бываетъ на верху и выставляется предъ глаза и предъ солнце: что и я, желая не однажды узнать опытомъ, въ самомъ почти дѣлѣ такъ видѣлъ. Но о струнахъ повѣствуемое рѣже и удивительнѣе: и сіе какъ другіе ученые мужи, такъ и Светоній Транквиллъ, въ первой книгѣ *Забавной Повѣсти*, утверждаетъ за довольно извѣданное; что, во время зимняго поворота, въ музыкальныхъ орудіяхъ одни струны пальцами бываютъ ударяемы, а другія издаютъ звонъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

Много имѣющему непремѣнно многое потребно; и о семъ мнѣнія Фаворина философа съ изрядною краткостію предложенныя.

Разумные мужи, примѣтивъ употребленіе вещей, справедливо поистиннѣ сказали, что много имѣющему многое потребно; и что великая потребность раждается не отъ великаго недостатка, но отъ великаго изобилія. Ибо многое требуется для сохраненія многаго тобою имѣемаго. По сему всякъ много имѣющій старается остерегаться и предусматривать, дабы чего потребно не было, или бы чего не недостало. Надобно стараться объ утратѣ, а не о прибыткѣ; и должно имѣть меньше, чтобы въ меньшемъ былъ недостатокъ. Сіе, помнится, мнѣніе между великими всѣхъ криками отъ Фаворина гладко изображено, и включено въ слѣдующія весьма краткія слова: Τὸν γὰρ μυρίων καὶ πεντακισχιλίων χλαμύδων δεόμενον οὐκ ἔστι μὴ πλειόνων δεῖσθαι· οἷς γὰρ ἔχω προσδεόμενος, ἀφελὼν ὧν ἔχω, ἀρκοῦμαι οἷς ἔχω. т. е. *Не можно, чтобы тотъ, кому потребны пятнатцать тысячь епанчей, не требовалъ еще больше. Ибо когда я у себя имѣю ихъ нѣсколько, и кромѣ ихъ еще желаю имѣть; въ то время отнявши нѣсколько отъ имѣемыхъ, доволенъ бываю оставшимися.*

ГЛАВА

ГЛАВА 9.

Какимъ образомъ переводитъ слова съ Греческаго на Латинскій языкъ, чтобы разумъ Греческихъ изреченій оставался; и о стихахъ Омировыхъ, которые или хорошо и сходно, или неудачно перевед шимъ почтенъ Виргилій.

Говорятъ, что въ переводѣ и подражаніи знатнымъ изреченіямъ изъ Греческихъ стихотвореній, не всегда должно стараться о томъ, чтобы всѣ конечно слова переводить такимъ образомъ, какимъ они сказаны. Ибо многія изъ нихъ теряютъ пріятность, когда какбы не хотящія насильно и принужденно перелагаются. По сему разумно и разсудительно Виргилій, прелагая нѣкоторыя мѣста или Омировы, или Исіодовы, или Аполлоніевы, или Парѳеніевы, или Каллимаховы, или Ѳеокритовы, или нѣкоторыхъ другихъ, иныя оставилъ, а иныя изобразилъ. Какъ весьма недавно, во время чтенія при столѣ обоихъ совокупно пастушскихъ стиховъ [Bucolica] Ѳеокритовыхъ и Виргиліевыхъ, примѣтили мы, что Виргилій опустилъ тѣ слова, которыя на Греческомъ удивительную имѣютъ пріятность, а переводить ихъ и не должно и не можно. Но что онъ написалъ вмѣсто опущеннаго, то лучше и пріятнѣе.

Βάλλει καὶ μάλλοισι τὸν αἰπόλον ἁ Κλεαρίσα
Τὰς αἶγας παρελῶντα, καὶ ἁδύτι ποππυλιάσδει.

Malo

Malo me Galatea petit, lasciua puella,
Et fugit ad salices, et se cupit ante videri.

ПотомЪ примѢтили мы, что и на другомЪ мѢстѢ сЪ умысла опущено то, что вЪ Греческомъ стихѢ весьма сладкорѢчиво.

Τίτυρ' ἐμῖν τὸ καλὸν πεφιλαμένε, βόσκε τὰς αἶγας,
Καὶ ποτὶ τὰν κράναν ἄγε τίτυρε καὶ τὸν ἐνόρχαν
Τὸν λιβυκὸν κνάκωνα φυλάσσεο, μή τυ κορύψῃ

Ибо какимЪ бы образомЪ сказалЪ онЪ τὸ καλὸν πεφιλαμένε, слова подлинно не вещь изображающія, отЪ природнаго чьего нибудь сладкорѢчія произходящія. И такЪ онЪ сіе оставилЪ, а прочее перевелЪ не безЪ пріятности: развѢ что написалЪ caper, котораго ѲеокритЪ назвалЪ ἐνόρχα. Ибо по объявленію М. Варрона кладеный козелЪ по Латински называется caper.

Tityre dum redeo, breuis est via, pasce capellas,
Et potum pastas age tityre; et inter agendum,
Occursare capro, cornu ferit ille, caueto.

И поелику я говорю о преложеніи рѢченій, то, помнится, слышалЪ я отЪ учениковЪ Валеріа Проба, человѢка ученаго, и вЪ разумѢніи и вЪ разбираніи древнихЪ сочиненій довольно искуснаго, будто онЪ говаривалЪ, что Виргилій ничего изЪ Омира столь неудачно не перевелЪ, какЪ оные превеселые стихи о НавсикаѢ.

Οἵη δ' Ἄρτεμις εἶσι κατ' οὔρεος ἰοχέαιρα
Ἢ κατὰ Τηΰγετον περιμήκετον ἢ Ἐρύμανθον,
Τερπομένη κάπροισι, καὶ ὠκείῃς ἐλάφοισι
Τῇ δὲ θ' ἅμα Νύμφαι κοῦραι Διὸς Αἰγιόχοιο,

Ἀγρονόμοι παίζουσι· γέγηθε δέ τε φρένα Λητώ.
Πασάων δ᾽ ὑπὲρ ἥ γε κάρη ἔχει ἠδὲ μέτωπα.
Ῥεῖα δ᾽ ἀριγνώτη πέλεται. καλαὶ δέ τε πᾶσαι.
Qualis in Eurotae ripis, aut per iuga Cynthi
Exercet Diana Choros; quam mille secutae
Hinc atque hinc glomerantur Oreades. illa pharetram
Fert humero; gradiensque deas supereminet omnis.
Latonae tacitum pertentant gaudia pectus.

Говорили они, что въ томъ наипаче Пробъ нашелъ разность, что у Омира дѣвица Навсикая, съ своими подругами играющая въ пустыхъ мѣстахъ, справедливо и пристойно сравнивается съ Діаною, ѣздящею за охотою по хребтамъ горъ съ полевыми богинями: а Виргилій несходно написалъ въ разсужденіи Дидоны; понеже она посредѣ города идучи важно съ Тирскими князьями, *instans operi*, какъ онъ говоритъ, *regnisque futuris*, ни малаго не имѣетъ сходства съ забавляющеюся и ѣздящею за охотою Діаною. Потомъ что Омиръ о упражненіяхъ и забавахъ Діаниныхъ въ ѣздѣ за охотою говоритъ почтенно и открыто, а Валерій, ничего не сказавъ о богининой ѣздѣ за охотою, представляетъ только ея несущую на плечѣ колчанъ, какбы какую нибудь тяжесть и бремя: и сему, говорятъ, Пробъ весьма удивился въ Виргиліи, что Омирова Литω радуется истинною и глубочайшею и въ самой внутренности сердца и души цвѣтущею радостію, [понеже не другое что значатъ слова γέγηθε δέ τε φρένα Λητώ]; а онъ,

желая сему подражать, представилъ радость слабою, лехкою, медлительною и какбы на верху сердца плавающею. Ибо онъ не знаетъ, чтобы другое значило *pertentant*. Сверхъ всего сего кажется, что Виргилій опустилъ лучшее изъ всего сего мѣста, понеже мало послѣдовалъ сему стиху:

Ρεῖα δ' ἀριγνώτη πέλεται. καλαὶ δέ τε πᾶσαι.

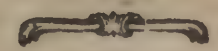
Когда больше и довольнѣе красоту похвалить было не можно, какъ что она одна всѣхъ красавицъ превосходила, и ея одну изъ всѣхъ узнать лехко было:

ГЛАВА 10.

Что Анней Корнутъ стихи Виргиліевы, которыми онъ скромно и скрытно упомянулъ о соитіи Вулкана съ Венерою, безстыдно и съ ненавистію опорочилъ.

Анніанъ стихотворецъ, и съ нимъ многіе такіе же стихотворцы, всегда великими превозносили похвалами тѣ Виргиліевы стихи, которыми онъ о совокупленіи и смѣшеніи, по праву супружества, Вулкана съ Венерою, скромнымъ нѣкоторымъ преложеніемъ словъ обьявивъ, и доказавъ, что сіе дѣло, по закону естества, закрытія достойно, прикрылъ. Ибо написалъ такъ:

. . . . Ea verba locutus
Optatos dedit amplexus; placidumque petiuit
Coniugis infusus gremio per membra soporem.

думали же, что нетрудно, по объявленіи такого дѣла, употребить слова двумя краткими и тонкими знаками оное показывающія; какъ Омиръ сказалъ: παρθενικὴν ζώνην, καὶ λέκτροις θεσμὸν, и ἔργα φιλοτήσια.

Τὼ μὲν ἀρ' ἐν τριτοῖσι κατεύνασθεν λεχέεσσιν.

А столь многими и столь ясными, однако несрамными, но чистыми и честными словами никто другій не означалъ оную достопочтенную тайну цѣломудреннаго соитія. Но Анней Корнутъ, человѣкъ по многому правда другому не неученый и благоразумный, однако во второй книгѣ *о фигурахъ предложеній*, изрядную всего сего цѣломудрія похвалу весьма неразумнымъ и ненавистнымъ испытаніемъ нарушилъ. Ибо хотя онъ одобрилъ сей родъ фигуры, и сказалъ, что довольно осторожно сіи стихи сдѣланы: однако сказалъ, что Виргилій слово *membra* выговорилъ нѣсколько неосторожно.

ГЛАВА II.

О Валеріи Корвинѣ, и почему онъ Корвиномъ названъ.

Никто изъ знатныхъ писателей иначе не повѣствовалъ о М. Валеріи, по вспомоществованію и защищенію птицы ворона [corui] названномъ Корвиномъ. О семъ совершенно удивительномъ дѣлѣ подлинно въ лѣтописцахъ упоминается слѣдующимъ образомъ. Юноша отъ вышеобъявленнаго поколѣнія про-

произшедшій, при Консулахъ Л. Фуріи и Клавдіи Аппіи, дѣлается военнымъ Трибуномъ. Въ то время великое Галлское войско сдѣлало засаду на полѣ Помптинскомъ: и набираемы были полки Консулами, по причинѣ силы и множества непріятелей, безпокоящимися. Между тѣмъ полководецъ Галловъ, дюжій и высокій, съ блистающимъ отъ золота оружіемъ, гордо выступая и вертя рукою оружіе шелъ; и съ презрѣніемъ и гордостію все осматривая и пренебрегая, приказываетъ выйти для сраженія, естьли кто изъ всего Римскаго войска биться съ нимъ отважится. Тогда Валерій Трибунъ, какъ прочіе отъ страха и стыда не знали что дѣлать, изпросивъ прежде у Консуловъ позволеніе вступить въ бой съ толь тщеславящимся Галломъ, безбоязненно и со скромностію выходитъ ему на встрѣчу: сходятся они, стоятъ, и уже начиналася схватка, какъ нѣкоторая божественная сила является. Вдругъ невѣдомо откуда прилѣтаетъ воронъ, садится на Трибуновъ шлемъ, и съ онаго начинаетъ биться въ лице и въ глаза непріятеля: онъ наскакивалъ, дѣлалъ замѣшательство, дралъ когтями руку, крыльями не допускалъ смотрѣть впередъ; и, по довольномъ оказаніи жестокости, обратно взлѣталъ на шлемъ Трибуновъ. Такимъ образомъ Трибунъ, при взорѣ обоего войска, и на свою храбрость надѣясь и помощію птицы будучи подкрѣпленъ, весьма высокомѣрнаго не-

непрiятельскаго полководца побѣдивъ умертвилъ; и по сему прозванъ *Корвиномъ*. Сiе учинилось въ четыреста пятое лѣто по созданiи Рима. Императоръ Августъ приказалъ въ честь сего Корвина на площади своей поставить статую. На головѣ оной статуи изображенъ воронъ, въ память вышеобъявленнаго произшествiя и битвы.

ГЛАВА 12.

О слопахъ называемыхъ на обѣ стороны оборотное и противное означенiе имѣющими.

Какъ *formidolosus* можетъ назваться и тотъ, кто formidat, и тотъ, кто formidatur, *inuidiosus* и тотъ, кто inuidet, и кому inuidetur, *suspiciosus* и кто suspicatur, и кто suspectus est; какъ *ambitiosus* и кто ambit, и кто ambitur; какъ *gratiosus* и кто adhibet gratias, а кто admittit; какъ *laboriosus* и кто laborat, и кто labori est, какъ многiя другiя такiя слова говорятся на обѣ стороны; такъ и *infestus* имѣетъ обоюдное означенiе. Ибо и тотъ называется *infestus*, кто причиняетъ кому нибудь зло; и тотъ напротивъ называется *infestus* кому откуда нибудь приближается зло. Но положенное прежде конечно не требуетъ приведенiя примѣровъ. Такъ многiе говорятъ, чрезъ слово *infestus*, означая непрiятеля и противника. А другое означенiе не столько извѣстно и темнѣе. Ибо кто въ среднемъ вѣкѣ живущiй скажетъ, что *infestus* есть тотъ, кому

дру-

другой infestus? но и многіе древніе такъ говорили, и М. Туллій въ рѣчи за кн. Планка употребилъ сіе слово въ семъ означеніи; „Dolebam, говоритъ онъ, iudices, et acerbe „ferebam, si huius salus ob eam ipsam causam esset „infestior, quod is meam salutem atque vitam sua „beneuolentia, praesidio custodiaque texisset. По сему мы разсуждали о произведеніи и свойствѣ сего слова, и въ Нигидіевыхъ запискахъ нашли такъ. „Infestum a festinando dictum. „Nam qui instat, говоритъ, alicui, eumque pro„perans urget, opprimereque eum studet festinatque; „aut contra de alicuius periculo et exitio festinatur; „is uterque infestus dicitur, ab instantia atque im„minentia fraudis, quam uel facturus cuipiam uel „passurus est. А дабы кому нибудь о вышеположенномъ словѣ *suspiciosus* и *formidolosus* не искать примѣра въ разсужденіи менше употребительнаго означенія, то о *suspiciosus* у М. Катона *de Re Floria* написано такъ: „Sed „nisi qui palam corpore pecuniam quaereret, aut se „lenoni locauisset, et si fabulosus et suspiciosus fu„isset; vim in corpus liberum non aequum censuere „afferri. Ибо Катонъ въ семъ мѣстѣ чрезъ *suspiciosum* означаетъ suspectum, а не suspicantem. А formidolosum кто formidetur, Саллустій къ Катилинѣ говоритъ такъ: „Igitur talibus viris „non labos insolitus, non locus ullus asper aut „arduus erat, non armatus hostis formidolosus. Также К. Калвъ въ поэмахъ, *laboriosus*, говоритъ, не такъ, какъ просто говорится, qui laborat, но in quo laboratur:

 Durum,

Durum, говоритъ онъ, *rus fugis et laboriosum*

Такимже образомъ и Лаберій *in Sororibus*:

Æcastor, говоритъ, *multum somniculosum*: и Цинна въ поэмахъ:

Somniculosum ut Paenus aspidem Psyllus:

Притомъ *metus* и *iniuria* и другія нѣкоторыя такія слова на обѣ стороны употреблять можно. Ибо *metus* hostium справедливо говорится, и когда timent hostes и когда timentur. И такъ Саллустій въ первой исторіи сказалъ *metum Pompeii*, не потому что Pompeius metueret [что употребительнѣе], но что metueretur. Слова Саллустіевы суть слѣдующія: „Id bellum excitabat metus Pompeii victo„ris Hiempsalem in regnum restituentis. Также на другомъ мѣстѣ: „Postquam remoto metu Punico „simultates exercere vacuum fuit. *Iniurias* также говоримъ какъ тѣхъ, qui patiuntur, такъ и qui faciunt. Примѣры сихъ рѣченій лехко найти можно. И слѣдующее слово сказанное отъ Виргиліа также обоюдное имѣетъ означеніе,

Et vulnere, сказалъ онъ, *tardus Ulyxi*.

сказавъ vulnus, не quod accepisset Ulyxes, но quod dedisset. Притомъ *Nescius* называется какъ тотъ, который nescitur, такъ и тотъ, который nescit. Но часто сіе слово употребляется во означеніи, *qui nescit*: а рѣдко *quod nescitur*. Равнымъ образомъ *ignarus* говорится на обѣ стороны, не только qui ignorat, но и qui ignoratur. Плаутъ *in Rudente*.

Quae

Quae in locis nesciis nescia spe sumus.

Саллустій:

More humanae cupidinis ignara visundi.

Виргилій:

Ignarum Laurens habet ora Mimanta.

ГЛАВА 13.

Слова изъ повѣсти Клавдіа Квадригарія, которыми онъ описалъ поединокъ Манлія Торквата благороднаго юноши, и непріятеля Галла на оный вызвавшаго.

Т. Манлій, прозванный Торкватомъ, произшелъ отъ высокаго рода и весьма былъ знатенъ. Слышали мы, что причиною сего прозванія было то, что онъ, по убіеніи непріятеля, снявъ съ него золотую цепь [torquem] возложилъ на себя. Но что былъ тотъ за непріятель, каковъ, сколь страшенъ огромностію тѣла, сколь гордо вызывалъ на поединокъ, и какимъ образомъ они имѣли сраженіе; то К. Клавдій въ первой книгѣ Лѣтописца весьма чисто и ясно, съ простою и неукрашенною пріятностію старинной рѣчи описалъ. Фаворинъ философъ, читая сіе мѣсто во оной книгѣ, говорилъ, что онъ не меншее въ сердцѣ своемъ чувствуетъ движеніе и біеніе, какбы и самолично смотрѣлъ ихъ бьющихся. Слова К. Клавдіа, которыми сей поединокъ описанъ, я при семъ приложилъ. *Между тѣмъ нѣкоторый Галлъ, силами, великостію, моло-*

дечествомъ и храбростію прочихъ превосходившій, вышелъ безъ латъ, (1) кромѣ щита и двухъ шпагъ золотою цепью и ожерельемъ украшенный. Онъ, какъ весьма великое уже производилось сраженіе, и съ обоихъ сторонъ бились съ великимъ жаромъ, началъ давать знакъ рукою, чтобы обѣ стороны биться перестали. Сдѣланъ роздыхъ. И какъ тотчасъ всѣ замолчали; то онъ весьма громкимъ вскричалъ голосомъ, чтобы выходилъ, естьли кто хочетъ, съ нимъ биться. Нѣкто на сіе не отважився, по великости его и по свирѣпости вида. Наконецъ Галлъ началъ смѣяться и дразнить языкомъ. Весьма сіе досадно стало нѣкоторому Т. Манлію, отъ знатнаго рода происшедшему, что толикое безчестіе наносится Риму, и что изъ толь великаго войска никто не выходитъ. Онъ, какъ говорю, вышелъ, и не допустилъ храбрости Римской безчестно отъ Галла быть предвосхищаемой; взявъ пѣхотный щитъ, и препоясавшись Испанскою шпагою, сталъ противъ Галла. Съ великимъ страхомъ оное сраженіе на самомъ мосту въ виду обоего войска учинено было. Такъ, какъ я выше объявилъ, они стали: Галлъ, по своей наукѣ бро-

(1) Кромѣ щита и двухъ шпахъ] У Германцовъ и Галловъ были большіе щиты, долгія и тяжелыя шпаги, которыми они рубились. Изъ сего мѣста видно, что они носили двѣ шпаги, одну долгую и тяжелую, а другую лехкую на подобіе кинжала, какъ и нынѣ видимъ изображенія Голландскихъ Графовъ.

бросилъ щитъ, пѣлъ: Манлій, больше надѣясь на храбрость, нежели на искуство, ударилъ своимъ щитомъ по его щиту и сбилъ Галла съ мѣста. Какъ Галлъ опять такимже образомъ стать старается; то Манлій опять щитомъ по щиту ударяетъ, и опять его сбилъ съ мѣста: такимъ образомъ подошедши подъ Галлскую шпагу, Испанскою пронзилъ грудь: напослѣдокъ ему несопротивляющемуся безпрестанно рубилъ правое плечо, и никуда не отошелъ, пока не умертвилъ, дабы Галлъ не устремился для пораженія его. Умертвивъ его отсѣкъ голову, снялъ цепь, и оную окровавленную положилъ на свою шею. По сему онъ и потомки его прозваны Торкватами. По сему Т. Манлію, котораго сей поединокъ описалъ Квадригарій, строгія и немилостивыя повелѣнія названы Манліанскими: понеже послѣ, во время войны противъ Латиновъ, онъ будучи Консуломъ, сыну своему отрубилъ голову за то, что онъ, будучи отъ него посланъ для извѣданія о непріятелѣ, съ запрещеніемъ не вступать въ бой, непріятеля, отъ котораго былъ вызванъ, убилъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 14.

О томъ, что тотже Квадригарій, huius facies, *въ родительномъ падежѣ сказалъ хорошо и по Латински, и нѣчто другое приложено о склоненіяхъ подобныхъ словъ.*

А что выше написано въ словахъ К. Клавдіа, „propter magnitudinem atque immanitatem facies: то мы въ нѣсколькихъ древнихъ книгахъ искали, и нашли такъ, какъ написано. Ибо многіе древніе такъ склоняли, *hæc facies*, *huius facies*, что нынѣ по грамматическому сходству говорится faciei: нѣкоторыя же нашелъ я испорченныя книги, въ которыхъ написано *faciei* съ замаркою вышеписаннаго. Помнится, что и въ Тибуртинской библіотекѣ въ той же Клавдіевой книгѣ нашли мы написано и то и другое, *faciei* и *facii.* Но, *facies*, написано было на ряду, и напротивъ чрезъ двойное *ii*, *facii.* И почли мы, что сіе съ нѣкоторымъ древнимъ обыкновеніемъ сходно. Ибо и отъ *hic dies huius dii*, и отъ *hæc fames huius fami* говорили. К. Енній въ шестойнадесять книгѣ лѣтописца написалъ *dies* вмѣсто *diei* въ семъ стихѣ:

Postremae longinqua dies confecerit aetas.

Цеселлій утверждаетъ, что и Цицеронъ въ рѣчи за П. Сестіа *dies* написалъ вмѣсто *diei.* Что я, съ прилѣжаніемъ сыскавъ многія древнія книги, нашелъ написано такъ, какъ говоритъ Цеселлій. Слова М. Туллія суть сіи: *Equites*

Equites vero daturos illius dies pænas. По сему я лехко повѣрю тѣмъ, которые написали, что они подлинникъ Виргиліевъ видѣли, въ которомъ написано такъ:

Libra dies somnique pares ubi fecerit horas. то есть *Libra diei somnique.* Но какъ въ семъ мѣстѣ кажется отъ Виргиліа написано *dies*; такъ ни мало несумнительно, что въ ономъ стихѣ написалъ онъ *dii* вмѣсто *diei.*

Munera laetitiamque dii - -

Что неискусные читаютъ, *dei*, убѣгая необычайности сего слова: А *dies dii* такъ отъ древнихъ склонялось; какъ „ fames fami, „ pernicies pernicii, progenies progenii, luxuries lu„ xurii, acies acii. Ибо Маркъ Катонъ въ рѣчи о войнѣ Карѳагенской написалъ такъ: „ Pueri atque mulieres extrudebantur fami causa. Луцилій въ пятойнадесять книгѣ: „ Rugosum „ atque fami plenum. Сисенна въ шестой книгѣ исторіи: „ Romanos inferendae pernicii causa „ venisse. Пакувій въ Павлѣ:

Pater supreme nostrae progenii patris.

Кн. Матій въ 2 книгѣ Иліады.

Altera pars acii vitassent fluminis undas.

Тоже Матій въ двадцать третіей книгѣ.

An maneant specii simulacbrum in morte silentum.

К. Гракхъ о *Обнародованныхъ законахъ*; „ Ea luxurii causa aiunt institui. И также ниже такъ написано. „ Non est ea luxuries, qua ne„ cessario parentur vitae causa. Изъ сего явствуетъ, что онъ отъ *luxuries* въ родительномъ паде-

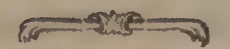
дежѣ сказалъ *luxurii.* И Маркъ Туллій въ рѣчи за Сек. Росціа написалъ *pernicii.* Слова его суть слѣдующія: „Quorum nihil pernicii „ causa diuino consilio, sed vi ipsa et magnitudine „ rerum factum putamus. И такъ надобно думать, что Квадригарій въ родительномъ падежѣ написалъ или *facies* или *faciei*, а *facie* ни въ какой древней книгѣ я не нашелъ. Въ дательномъ же падежѣ, весьма чисто говорившіе говорили не *faciei*, какъ нынѣ говорится, но *facie.* Луцилій въ Сатирахъ:

Primum, говоритъ, *facie quod honestatis accedit.*

Тоже Луцилій въ седмой книгѣ:

Qui te diligat, aetatis facieque tuae se
Fautorem ostendat, fore amicum polliceatur.

Однако нѣкоторые въ обоихъ мѣстахъ читаютъ *facii.* Но К. Цесарь во второй книгѣ *о Сходствѣ* думаетъ, что должно говорить *huius die*, и *huius specie.* И я въ Саллустіевомъ Югуртѣ, весьма исправной и старинной книгѣ, нашелъ въ родительномъ падежѣ, *die.* Слова сіи такъ были написаны: *Vix decima parte die reliqua.* Ибо думаю не должно принимать сей хитрости, будто бы *die* сказано было въ томже означеніи, что *ex die.*

ГЛАВА 15.

О родѣ спора называемомъ по Гречески ἄπορον [нерѣшимый].

(1) Въ праздничное лѣтнее время, желая мы съ Антоніемъ Юліаномъ ритором удалиться отъ городскаго жара, уѣхали въ Неаполь. Былъ въ тогдашнее время тамъ нѣкто богатый юноша, у учителей обоего языка обучающійся Латинскому краснорѣчію для того, что бы быть спрячимъ въ Римѣ. Проситъ онъ Юліана послушать, какъ онъ будетъ говорить рѣчь. Идетъ Юліанъ слушать, идемъ и мы снимъ. Входитъ вмѣстѣ съ нами и юноша; начинаетъ говорить рѣчь гордо и не по лѣтамъ своимъ высокомѣрно; и наконецъ приказываетъ предлагать споры. Былъ тамъ съ нами Юліановъ послѣдователь, юноша проворный, успѣшный, и уже оскорбившійся тѣмъ, что онъ при Юліановыхъ ушахъ отважился спать на стремнинѣ, и безъ приготовленія говоримою рѣчью дѣлать надъ собою опытъ. И такъ для искушенія предлагаетъ онъ споръ, называемый отъ Грековъ ἄπορον. Оный споръ былъ

(1) *Въ праздничное лѣтнее время*] Въ Іулѣ и отъ части въ Августѣ мѣсяцахъ судебныя дѣла и тяжбы преставали. А праздникъ былъ двоякій, *жатвы и собиранія винограда.* И такъ чрезъ лѣтніе праздники по большей части разумѣются здѣсь жатвенные; понеже оные приличествовали лѣту, а виноградособирательные осени. Въ сіе же время Римляне любили употреблять забавы Шампанскія, по сему и Геллій здѣсь говоритъ, что уѣхалъ въ Неаполь.

былЪ слѣдующій: *Пускай седмеро судей судять виноватаго; и тотъ приговоръ будетъ дѣйствителенъ, который большее число изъ нихъ сдѣлаютъ. Когда седмеро судей дѣло разсмотрѣли; то двое приговорили виноватаго штрафовать ссылкою, двое другіе деньгами, прочіе трое казнить смертію. Виноватаго, по приговору трехъ судей, требуютъ на казнь: онъ споритъ.* ОнЪ, услышавЪ сію задачу и не разсудивЪ, и не дождавшись, чтобы предложено было другое, тотчасЪ сЪ удивительною скоростію начинаетЪ на сей спорЪ не знаю какія то говорить начала, сыпать закрытія смысловЪ, обороты рѣчей и толпы словЪ; при семЪ всѣ прочіе изЪ его подбора, обыкновенно его слушавшіе, сЪ великимЪ крикомЪ прыгали; а ЮліанЪ сЪ досады и отЪ стыда краснѣлЪ и пошѣлЪ. Но какЪ, проболтавЪ онЪ многія тысячи строкЪ, насилу окончалЪ, и вышли мы оттуда: то друзья и сверстники его, идучи за ЮліаномЪ, спросили, что онЪ думаетЪ. ЮліанЪ весьма весело имЪ отвѣчалЪ: *Не спрашивайте, что я думаю: сей юноша везспорно краснорѣчивъ.*

ГЛАВА

ГЛАВА 16.

О томъ, что Плинію Секунду, человѣку ученому, неизвѣстно было порочное доказательство, называемое отъ Грековъ ἀντιϛρέφον [оборотное].

Плиній Секундъ въ свое время почитаемъ былъ человѣкомъ весьма ученымъ. Онъ написалъ книги подъ заглавіемъ *Studiosorum* [любящихъ ученіе], по всему подлинно незаслуживающія презрѣнія. Въ сихъ книгахъ полагаетъ онъ многое и различное ко увеселенію слуха ученыхъ людей служащее. Притомъ полагаетъ многіе приговоры, которые почитаетъ онъ съ пріятностію и остроуміемъ сказанными, въ случаѣ предложенія споровъ въ рѣчахъ для упражненія читанныхъ. Какъ и слѣдующій приговоръ полагаетъ изъ таковаго спора. *Храбраго мужа должно наградить тѣмъ, чего онъ пожелаетъ. Храбрость оказавшій просилъ другаго жену себѣ въ супружество и получилъ. Наконецъ тотъ, чья была жена, оказалъ храбрость. Онъ требуетъ ея обратно. Производится о семъ споръ.* Изрядно, говоритъ, и правдоподобно, со стороны послѣдняго храбраго мужа, требующаго чтобы жена ему отдана была, сказано слѣдующее: *Естьли законъ повелѣваетъ, то отдай: естьли не повелѣваетъ, то отдай.* А Плиній не зналъ, что сіе изреченіе, которое онъ почиталъ весьма остроумнымъ, небезпорочно, и называется по Гречески ἀντιϛρέφον; и есть по-

порочный обманъ, скрывающійся подъ видомъ Леммы. Ибо равнымъ напротивъ образомъ можетъ онъ обращенъ быть противъ того самаго, кто его употребилъ; и такъ отъ перваго онаго храбраго мужа былъ сказанъ: *Естьли законъ повелѣваетъ, то не отдаю: А естьли не повелѣваетъ, то не отдаю.*

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА 1.

Tertium *ли* conſul *или* tertio *говорить должно: И какъ Кн. Помпей надписывая чины свои на Θеатрѣ, который онъ намѣренъ былъ* (1) *освятить, по совѣту Цицеронову избѣжалъ обоюднаго вопроса о семъ словѣ.*

Послалъ я изъ Аѳинъ въ Римъ къ одному моему пріятелю письмо. Въ ономъ написано было, что я уже къ нему пишу *tertium.* Онъ ко мнѣ отписалъ, и требовалъ причины, для чего я написалъ *tertium* а не *tertio.* Притомъ написалъ и то, чтобы я въ томже письмѣ его увѣдомилъ, какъ

(1) *Освятить*] Прежде Θеатры въ Римѣ дѣланы только были на время; а первый на всегда неподвижный Θеатръ изъ бѣлаго камня построилъ Кн. Помпей, которой лучше захотѣлъ онъ назвать *Венеринымъ храмомъ*, нежели Θеатромъ, а для чего, о томъ смотри Тертулліана въ кн. о *Зрѣлищахъ*.

какъ по моему мнѣнію, *tertium* ли *Consul* и *quartum*, или *tertio* и *quarto* говорить надобно. Понеже онъ слышалъ, что ученый мужъ въ Римѣ говоритъ *tertio* и *quarto Consul*, а не *tertium* и *quartum*: и сказывалъ, что въ началѣ книги написалъ Целій, и К. Клавдій въ девятойнадесять книгѣ; „C. Marium creatum septimo Consulem. Я на сіе ничего больше не отписалъ, какъ слова М. Варрона, человѣка, какъ думаю, больше ученаго, нежели каковъ былъ Клавдій съ Целіемъ: дабы сими словами рѣшить и то и другое, о чемъ онъ ко мнѣ писалъ. Ибо и Варронъ довольно ясно доказалъ, какъ говорить должно; и я съ тѣмъ, который по видимому былъ человѣкъ ученый, въ отсутствіи дѣла имѣть не захотѣхъ. Слова М. Варрона изъ четвертой книги *о Наукахъ* суть слѣдующія: „Aliud est quarto praetorem fieri et quartum: quod „quarto locum adsignificat ac tres ante factos: „quartum tempus adsignificat et ter ante factum. „Igitur Ennius recte quod scripsit.

Quintus pater quartum fit Consul:

„et Pompeius timide, quod in theatro, ne adscri„beret, consul tertium aut tertio, extremas literas „non scripsit. Кратко и темновато о Помпеѣ Варрономъ сказанное Тиронъ Туллій, Цицероновъ отпущенникъ, въ нѣкоторомъ письмѣ яснѣе написалъ слѣдующимъ почти образомъ: „Quum Pompeius, говоритъ, aedem „victoriae dedicaturus foret, cuius gradus vicem „theatri essent, nomenque eius et honores inscribe-

„ rentur: quaeri caeptum eſt, utrum conſul tertio „ inſcribendum eſſet, an tertium. Eam rem Pompeius exquiſitiſſime retulit ad doctiſſimos ciuitatis. „ Quumque diſſentiretur, et pars tertio, alii tertium „ ſcribendum contenderent; rogauit, говоритъ, „ Ciceronem Pompeius, ut, quod ei rectius videretur, „ ſcribi iuberet: tum Ciceronem iudicare de viris „ doctis veritum eſſe, ne, quorum opiniones improbaſſet, ipſos videretur improbaſſe. Perſuaſit igitur „ Pompeio, ut neque tertium neque tertio ſcriberetur; „ ſed ad ſecundum usque T fierent literae: ut verbo „ non perſcripto res quidem demonſtraretur, ſed dictio „ tamen ambigua verbi lateret. А сказанное Варрономъ и Тирономъ на томже театрѣ не такъ нынѣ написано. Ибо когда по многихъ лѣтахъ обвалившаяся впереди преграда была починяема; то число третьяго Консульства, не такъ, какъ съ начала первыми буквами, но тремя только насѣченными чертами означено. А въ четвертой книгѣ *Началъ* М. Катона написано такъ, „ Carthaginienſes ſextum de faedere deceſſere. Сіе слово значитъ, что они прежде пять разъ нарушили мирный договоръ, и тогда шестой. И Греки во означеніи числъ такихъ вещей говорятъ, *τρίτον καὶ τέταρτον*, что сходно съ Латинскими словами, *tertium quartumque.*

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

Что Аристотель предал памяти о числѣ дѣторожденія.

Аристотель философъ предалъ памяти, что женщина въ Египтѣ одними родами родила пятерыхъ мальчиковъ; симъ, сказалъ онъ, кончится множественное людей рожденіе, и ненайдено, чтобы когда нибудь большее число родилось вмѣстѣ. И сіе число, говоритъ, есть весьма рѣдкое. Но писавшіе исторію временъ Августа Цесаря объявляютъ, что, и въ его царствованіе, служанка его на Лаврентскомъ полѣ родила пятерыхъ мальчиковъ, которые не много дней были живы; и мать ихъ, спустя нѣсколько времени послѣ родовъ, умерла; которой, по повелѣнію Августа, на Лаврентской дорогѣ сдѣланъ памятникъ, и на ономъ написано число вышереченнаго дѣторожденія.

ГЛАВА 3.

Сличеніе и сравненіе нѣкоторыхъ знатныхъ мѣстъ изъ рѣчей К. Грхха, М. Цицерона и М. Катона.

Безспорно, что К. Гракхъ сильнымъ и острымъ почитается ораторомъ. Но что нѣкоторымъ кажется онъ важнѣе, острѣе и пространнѣе М. Туллія; того никакъ допустить не можно. Читали мы недавно рѣчь Гракхову *о Свнародопаніи законопъ*, въ которой онъ со всевозможнымъ приведені-

емъ въ ненависть жалуется, что М. Марій, и нѣкоторые изъ вольныхъ Италіанскихъ городовъ честные мужи, несправедливо отъ градоначальниковъ Римскаго народа, высѣчены розгами. Слова его о семъ слѣдующія. „ Nuper Teanum Sidicinum conſul venit, uxor eius „ dixit ſe in balneis virilibus lauari velle. Quaeſtori Si- „ dicino a M. Mario datum eſt negotium, uti balneis „ exigerentur, qui lauabantur. Uxor renuntiat viro „ parum cito ſibi balneas traditas eſſe, et parum „ lautas fuiſſe. Idcirco palus deſtitutus eſt in foro: „ eoque adductus ſuae ciuitatis nobiliſſimus homo M. „ Marius. Veſtimenta detracta ſunt, virgis caeſus „ eſt. Caleni, ubi id audierunt, edixerunt ne quis in „ balneis lauiſſe vellet, quum magiſtratus Romanus „ ibi eſſet. Ferentini ob eamdem cauſam praetor noſter „ quaeſtores arripi iuſſit, alter ſe de muro deiecit, „ alter prenſus et virgis caeſus eſt. Въ толь жестокомъ дѣлѣ, и въ толь жалостномъ и печальномъ общенародной обиды засвидѣтельствованіи, сказалъ ли онъ что нибудь или пространно и знаменито, или плачевно и жалостно, или со многимъ и изобильнымъ представленіемъ поступка сего ненавистнымъ, и съ важною и проницательною жалобою? Краткость подлинно и пріятность и чистота рѣчи есть, каковая обыкновенно почти бываетъ въ веселыхъ сочиненіяхъ комедій. Тотже Гракхъ на другомъ мѣстѣ говоритъ такъ: „ Quanta libido „ quantaque intemperantia ſit hominum adoleſcentium, „ unum exemplum vobis oſtendam. His annis paucis

„ ex

„ ex Asia missus est, qui per id tempus magistratum „ non ceperat, homo adulescens pro legato. Is in „ lectica ferebatur. Ei obuiam bubulcus de plebe „ Uenusina aduenit et per iocum, quum ignoraret qui „ ferretur, rogauit num mortuum ferrent. Ubi id qui „ audiuit, lecticam iussit deponi: struppis, quibus le- „ ctica deligata erat, usque adeo verberari iussit, dum „ animam efflavit. Сія рѣчь о толь насильственномъ и толь безчеловѣчномъ дѣлѣ ни мало подлинно не разнится отъ повсядневныхъ разговоровъ. Но, когда въ подобномъ дѣлѣ у М. Туллія, гражданъ Римскихъ безвинно, противъ справедливости и противъ законовъ, бьютъ розгами или казнятъ смертію; то какое тамъ сожалѣніе? какое оплакиваніе? какое всего дѣла предъ глаза представленіе? какое ненависти и огорченія кипитъ море? Когда я читаю оныя М. Цицерона слова: то нѣкоторое изображеніе и шумъ ударовъ, голосовъ и рыданій объемлетъ истинно мое сердце. Какъ и слѣдующія слова его о Верресѣ; которыя мы для настоящаго примѣра, сколько могли упомнить, при семъ написали. Ipse „ inflammatus scelere et furore in forum venit Ardebant „ oculi, toto ex ore crudelitas eminebat. Exspectabant „ omnes, quo tandem progressurus aut quidnam actu- „ rus esset: quum repente hominem proripi atque in „ foro medio nudari ac deligari et virgas expediri „ iubet. Уже сіи одни по истиннѣ слова, „ nudari ac deligari et virgas expediri iubet, столь страшны и ужасны, что какбы не прошед-

 шее

шее повѣствуется, но самымъ дѣломъ совершается. А Гракхъ представляя не жалующагося и въ помощь призывающаго, но объявляющаго, говоритъ: „Palus in foro destitutus est. uestimenta detracta sunt. virgis caesus „est. Но М. Цицеронъ преизрядно, съ продолжительнымъ представленiемъ, не „caesus „est, говоритъ, но caedebatur virgis in medio „foro Messanae ciuis Romanus: quum interea nullus „gemitus, nulla vox illius miseri inter dolorem cre- „pitumque plagarum audiebatur, nisi haec. Ciuis „Romanus sum. Hac commemoratione ciuitatis omnia „verbera depulsurum, cruciatumque a corpore de- „iecturum arbitrabatur. Наконецъ оплакиванiе толь огорчительнаго дѣла, ненависть къ Верресу и омерзѣнiе Римскихъ гражданъ съ жаромъ, остротою и пылкостiю представляетъ, говоря слѣдующее: „O nomen dulce „libertatis! o ius eximium nostrae ciuitatis! o lex „Portia legesque Semproniae! o grauiter desiderata „et aliquando reddita plebi Romanae tribunicia po- „testas! huccine tandem haec omnia reciderunt, ut „ciuis Romanus in prouincia populi Romani, in „oppido faederatorum, ab eo, qui beneficio populi „Romani fasces ac securis haberet, deligatus in foro „virgis caederetur? quid quum ignes ardentesque „laminae caeterique cruciatus admouebantur? si te „acerba illius imploratio et vox miserabilis non li- „niebat: ne ciuium quidem Romanorum, qui tum „aderant, fletu gemituque maximo commouebare? О семъ М. Туллiй постоянно, важно, изобильно и пристойно изъявилъ сожалѣнiе. Но еже-

ежели кто столь грубый и столь неочищенный имѣетъ слухъ, что въ сей ясности и пріятности рѣчи, и сразмѣрности словъ не находитъ удовольствія; а любитъ первое потому, что оно неукрашено, коротко и не съ столь многимъ стараніемъ написано, но нѣкоторую имѣетъ природную пріятность, и что въ ономъ находится тѣнь и цвѣтъ какбы темной древности: тотъ, естьли сколько нибудь имѣетъ разсужденія, пускай разсмотритъ въ такомъ же дѣлѣ М. Катона, человѣка стариннаго, рѣчь, къ силѣ и изобилію которыя Гракхъ ниже подойти могъ. Узнаетъ онъ, думаю, что Катонъ краснорѣчіемъ своего вѣка доволенъ не былъ; и хотѣлъ уже тогда сдѣлать то, что послѣ Цицеронъ довершилъ. Ибо въ книгѣ *de Falſis pugnis* слѣдующимъ образомъ жаловался онъ на кн. Θерма: „ Dixit a decemuiris „ parum ſibi bene cibaria curata eſſe. Iuſſit veſtimenta detrahi, atque flagro caedi. Decemuiros „ Bruttiani verberauere. Uidere multi mortales. quis „ hanc contumeliam, quis hoc imperium, quis hanc „ ſeruitutem ferre poteſt? nemo hoc rex auſus eſt facere; eane fieri bonis bono generi gnatis boni conſulitis? ubi ſocietas? ubi fides maiorum? inſignitas „ iniurias, plagas, verbera, vibices, eos dolores atque carnificinas, per dedecus atque maximam contumeliam inſpectantibus popularibus ſuis atque „ multis mortalibus, te facere auſum eſſe? ſed quantum luctum, quantum gemitum, quid lacrumarum, „ quantum fletum audiui? ſerui iniurias nimis aegre

„ ſe-

„ ferunt Quid illos bono genere gnatos, magna „ virtute praeditos, opinamini animi habuisse atque „ habituros dum viuent? Что сказалъ Катонъ, *Bruttiani verberauere*: дабы кто нибудь не смѣлъ спрашивать о *Бруттіанахъ*, сіе значитъ слѣдующее. Когда Кареагенскій Аннибалъ былъ съ войскомъ въ Италіи, и Римскій народъ нѣсколько неудачныхъ имѣлъ сраженій; то первые изъ всей Италіи Бруттіи передались къ Аннибалу. Римляне на сіе досадуя, по выходѣ Аннибала изъ Италіи и по побѣжденіи Кареагенцовъ, Бруттіевъ для безчестія ни въ военную службу не брали, ни за союзниковъ не почитали; но приказали, чтобы они градоначальникамъ отъѣзжающимъ въ провинціи повиновались и служили вмѣсто рабовъ. И такъ они ходили за градоначальниками, и, кого приказывано было, вязали и били. А поелику они были изъ Бруттіевъ; то названы *Bruttiani.*

ГЛАВА 4.

П. Нигидій весьма остроумно доказалъ, что имена неслучайно наложены, но даны по свойству вещей.

П. Нигидій въ *Грамматическихъ запискахъ* доказываетъ, что имена и слова неслучайнымъ наложеніемъ, но нѣкоторою силою (1) по свойству вещей произведены. Дѣло подлинно въ философскихъ разсужденіяхъ славное. Ибо у философовъ предлагаемъ былъ запросъ, *по естеству ли даны имена, или по произволенію наложены?* Онъ на сіе многія приводитъ доказательства, почему слова больше могутъ казаться естественными, нежели произвольными. Изъ оныхъ доказательствъ слѣдующее показалось пріятно и увеселительно. *Когда мы* го-

(1 *По свойству вещей произведены*] Надобно смотрѣть Платона въ Кратилѣ, гдѣ онъ обстоятельно о томъ и другомъ разсуждаетъ. Кратилъ хотя думаетъ, что наименованія по сложенію произведены отъ людей; однако говоритъ притомъ, что есть нѣкоторыя первобытныя имена, которыя, отъ древнихъ словоизобрѣтателей будучи введены силою превышающею силу человѣческую, суть основаніемъ другихъ словъ. Однако послѣ того толикое замѣшательство въ словахъ было, что почти узнаны быть не могутъ потемнѣнныя долговременностію первыхъ оныхъ словъ слѣды, которыя нѣкоторымъ образомъ съ священнымъ писаніемъ сходны. Ибо сперва отъ Адама по свойству вещей наложены были первобытныя имена. Которыя послѣ смѣшенія Вавилонскаго въ великое пришли замѣшательство, такъ что кромѣ первобытнаго языка едва и слѣды оныхъ узнать можно.

говоримъ vos; то дѣлаемъ нѣкоторое устъ движенiе сходное съ означенiемъ самаго слова, и помалу выдвигаемъ переднiя части губъ; притомъ духъ и душу напрягаемъ къ тѣмъ, съ которыми разговариваемъ. Но когда напротивъ говоримъ, nos; то ни со испущеннымъ и напряженнымъ дыханiемъ голоса, ни съ протяженiемъ губъ произносимъ: но духъ и губы какбы въ насъ самихъ удерживаемъ. То же бываетъ, когда мы говоримъ, tu и ego и tibi и mibi. Ибо какъ, когда мы соглашаемся, оное нѣкоторое движенiе или головы или глазъ сходно бываетъ со свойствомъ означаемой вещи: такъ и въ сихъ словахъ нѣкоторое движенiе устъ и духа есть естественно. Тоже усматривается и въ Греческихъ словахъ, что мы примѣтили въ Латинскихъ.

ГЛАВА 5.

Простое ли слово auarus, или сложное и двойное, какъ думаетъ П. Нигидiй.

П. Нигидiй въ двадцать девятой книгѣ *Записокъ* говоритъ, что слово *auarus* есть непростое, но сложное и составное: *Auarus enim*, говоритъ онъ, „appellatur, qui „auidus aeris est Sed in ea copula, *e*, littera, говоритъ, detrita est. Также говоритъ, „locuple„tem dictum ex compositis vocibus, qui pleraqne „loca, hoc est, qui multas possessiones teneret. Но вѣроятнѣе и основательнѣе сказалъ онъ о словѣ *locuples*. Ибо о словѣ *auarus* сумнительно.

По-

Понеже для чего бы почесть не можно, что *auarus* отъ одного произведено глагола *aueo*, такимъ же образомъ какъ *amarus*? которое безъ всякаго противорѣчія есть простое.

ГЛАВА 6.

Отъ народныхъ Эдилей на дочь Аппія Цека, женщину благородную, наложенъ штрафъ за дерзкія рѣчи.

Не только за дерзкія дѣла, но и за слова общенародно въ Римѣ налагаемо было наказаніе. Потому что такъ по видимому долженствовала быть ненарушима честь Римскаго благочинія. Ибо дочь онаго Аппіа Цека идучи съ игръ, которыхъ она смотрѣла, множествомъ отвсюда стекающагося и мятущагося народа была толкаема; и вышедши оттуда въ досадѣ, что неучтиво съ нею поступлено, сказала: *Какъ со мною теперь поступлено, и сколь сильно въ тѣснотѣ меня изъ стороны въ сторону толкали! Естьли бы П. Клавдій, мой братъ, на морскомъ сраженіи не потерялъ флота съ великимъ числомъ гражданъ; то бы я подлинно теперь большимъ множествомъ народа задавлена была до смерти. Но о когда бы,* говоритъ, *братъ ожилъ, и съ другимъ флотомъ въ Сицилію поѣхавъ погубилъ сіе множество, которое теперь меня бѣдную вольно затолкало!* За сіи столь недоброжелательныя и столь неучтивыя слова оной жен-

щи-

щины, К. Функданій и Тиб. Семпроній, народные Эдили, наложили на нея штрафъ, состоящій въ двацати пяти тысячахъ фунтовъ мѣди тяжеловѣсной. Капитонъ Атей *въ запискахъ о судахъ общенародныхъ* говоритъ, что сіе сдѣлалось въ первую Пуническую войну, при Консулахъ Фабіи Лицинѣ и Отацилии Крассѣ.

ГЛАВА 7.

Помнится, что, по описанію М. Варрона, изъ рѣкъ, далѣе Римской имперіи протекающихъ, первая по величинѣ Нилъ, вторая Истръ или Дунай, третія Ронъ.

По общему согласію изъ всѣхъ рѣкъ текущихъ въ моря, находящіися въ предѣлахъ Римской имперіи, самая большая есть Нилъ, впадающая во внутреннее или средиземное море. Саллустій написалъ, что Дунай величиною подходитъ къ Нилу. А Варронъ о части свѣта, называемой Европою, разсуждая, въ трехъ первыхъ оныя земли рѣкахъ полагаетъ Ронъ, чрезъ что, кажется равняетъ онъ его съ Дунаемъ. Ибо и Дунай течетъ въ Европѣ.

ГЛАВА 8.

Между воинскими наказаніями, которыми воины были укрощаемы, было пусканіе крови, и по какой причинѣ установлено такое наказаніе.

Встарину воинскимъ наказаніемъ было и то, чтобы приказать для безчестія воину отворить жилу и пустить кровь. Причины сего въ древнихъ книгахъ, которыя могъ я найти, нѣтъ: но думаю, что сіе съ начала дѣлано было съ воинами съ ума сшедшими; дабы сіе казалось не столько наказаніемъ, сколько врачеваніемъ. Однако послѣ по привычкѣ тоже, думаю, дѣлали и за многія другія преступленія; какбы и преступленія дѣлавшіе казались безумными.

ГЛАВА 9.

Какимъ образомъ былъ располагаемъ Римскій строй, и какъ называются оныя расположенія.

Воинскія названія, которыми извѣстнымъ образомъ расположенный строй называется, суть слѣдующія: *передній строй* [frons], *подставный строй* [ſubſidia], *клинъ*, *кругъ*, *шаръ*, *ножницы*, *пила*, *крылья*, *башни*. Сіе и нѣкоторое другое найти можно въ книгахъ тѣхъ, которые писали о воинской наукѣ. Взяты же сіи имена отъ самыхъ вещей собственно такъ называемыхъ: и изображенія сихъ вещей, по собственному каждыя названію, усматриваются въ расположеніи строя.

ГЛАВА 10.

По какой причинѣ древнiе Греки и Римлянѣ носили перстень на пальцѣ ближайшемъ къ лѣвому мизинцу.

Слышали мы, что древнiе Греки носили перстень на пальцѣ ближайшемъ къ мизинцу лѣвой руки. Сказываютъ, что и Римлянѣ по большей части также перстни носили. Апiонъ въ книгахъ *о Египтянахъ* причину сего обьявляетъ слѣдующую: что по взрѣзанiи и по вскрытiи человѣческихъ тѣлъ, по бывшему въ Египтѣ обыкновенiю, [что Греки называютъ анатомiею,] найдено, что нѣкоторая тончайшая жила отъ одного вышеобъявленнаго пальца проведена къ человѣческому сердцу. Для того за пристойное суждено тотъ наипаче палецъ такимъ образомъ почтить, который казался быть сцѣпленъ и какбы связанъ съ сердцемъ.

ГЛАВА 11.

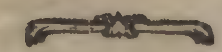
Что значитъ слово, mature, *и какое имѣетъ свойство; притомъ что сiе слово простой народъ употребляетъ несобственно; и что* praecox *родительный падежъ имѣетъ* praecocis, *а не* praecoquis.

Mature иногда значитъ *propere* и *cito*, противъ смысла самаго слова; ибо *mature* различно отъ слова *propere*. Для того П. Нигидiй, человѣкъ во всѣхъ честныхъ наукахъ искусный, говоритъ: „ Mature est, quod „ neque citius est neque serius: sed medium quid-„ dam

„ dam et temperatum est. Хорошо и собственно сказалъ Нигидій. Ибо и въ земныхъ и въ древесныхъ плодахъ *matura* называются тѣ, которыя ни зелены и незрѣлы, ни падающи и гнилы, но во свое время поспѣли и созрѣли. А поелику не медлительно дѣлающееся, называлось дѣлаться *mature*, то уже весьма пространно сдѣлалось означеніе сего слова; и не только уже не медлительно, но и поспѣшно дѣлающееся говорится *mature*; когда сверхъ мѣры своего времени поспѣшно сдѣлавшееся справедливѣе называться должно *immaturum*. А оную Нигидіеву вещи и слова соразмѣрность Цесарь Августъ весьма изрядно изображалъ двумя Греческими словами. Ибо говорятъ, что онъ обыкновенно и въ разговорахъ говорилъ и въ письмахъ писалъ, *σπεῦδε βραδέως* т. е. *Поспѣшай тихо*: чрезъ что совѣтовалъ онъ, чтобы въ произведеніи дѣла вмѣстѣ употребляема была и прозорливости [industriae] скорость и прилѣжанія медленность. Изъ сихъ противныхъ состоитъ *maturitas*. И Виргилій, естьли кто примѣтитъ, два сіи слова *properare* и *maturare*, какъ совсѣмъ противныя, весьма искусно различилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Frigidus agricolam si quando continet imber,
Multa, forent quae mox caelo properanda sereno,
Maturare datur.

весьма изрядно сіи два слова раздѣлилъ. Ибо въ земледѣліи въ дождливую погоду, поелику не можно работать, можно maturare;

а въ ясную, поелику наступаетъ время, надобно properare. Когда же надобно означить что нибудь съ большимъ принужденіемъ и поспѣшностію сдѣланное; то справедливѣе говорится оное сдѣлано *præmature*, нежели *mature*. Какъ Афраній въ комедіи называемой *Titulus* сказалъ:

Appetis dominatum demens praemature praecocem.

Примѣчать надобно въ семъ стихѣ, что онъ сказалъ *præcocem*, а не *præcoquem*. Ибо прямый сего слова падежъ не *præcoquis*, но *præcox*.

ГЛАВА 12.

О баснословныхъ нелѣпостяхъ, которыя Плиній Секундъ весьма непристойно складываетъ на Демокрита философа: и притомъ о летающемъ изображеніи голубя.

Плиній Секундъ въ двадцать осмой книгѣ *Естественной Повѣсти* объявляетъ, что есть книга Демокрита, славнѣйшаго философа, о силѣ и свойствѣ Хамелеона, и что онъ ея читалъ; притомъ наконецъ повѣствуетъ многое съ правдою несходное и слуху противное, какбы отъ Демокрита написанное, изъ котораго мы не многое слѣдующее отъ скуки поневолѣ помнимъ. Ястребъ, весьма быстролетающая птица, отъ Хамелеона по землѣ ползающаго, есть ли онъ по случаю надъ нимъ полѣтитъ, нѣкоторою силою привлекается и падаетъ на землю; и самъ себя отдаетъ и поверг-

гаетЪ другимЪ птицамЪ на растерзаніе. Также и другое вѣроятность человѣческую превосходящее. Естьли на дубовыхЪ дровахЪ будешь жечь голову и шею Хамелеонову, то вдругЪ сдѣлается дождь и громЪ: тожe самое случается, естьли будешь жечь на черепицѣ печонку сего животнаго. Также и другое столь смѣшное и невѣроятное, что я подлинно и писать оное сумнѣвался: а написалЪ развѣ для того единственно, что надобно было мнѣ объявить, что я думаю о такихЪ удивительныхЪ обманахЪ, которыми по большей части прельщаются и повергаются вЪ погибель наипаче любопытные и желающіе научиться умы. Но возвращаюсь кЪ Плинію. Естьли, говоритЪ онЪ, лѣвую Хамелеонову ногу раскаленнымЪ желѣзомЪ сожечь сЪ травою, так же хамелеономЪ называемою, и сдѣлавЪ изЪ того и другаго мазь, скатать на подобіе шарика и положить вЪ деревянный сосудЪ: то несущаго сосудѣ, хотя бы онЪ у всѣхЪ былЪ вЪ глазахЪ, никому видѣть не можно. Таковыя нелѣпости и обморочиванія, отЪ Плинія Секунда написанныя, почитаю я недостойными того, чтобы приписывать ихЪ Демокритову имени. Не таково же ли есть и то, что, по утвержденію того же Плинія вЪ десятой книгѣ, написалЪ ДемокритЪ? Что есть нѣкоторыя птицы, извѣстными именами называющіяся, изЪ смѣшенія крови которыхЪ родится змѣя; естьли

ли кто оную съѣстъ, тотъ будетъ толковать языки и разговоры птичьи. А кажется, что многіе такіе вымыслы подъ именемъ Демокритовымъ выданы отъ худыхъ выдумщиковъ, къ знатности и важности его прибѣгающихъ. Но приписываемая Архиту Пиѳагорику выдумка и изобрѣтеніе ни меньше удивительно, ни столькожъ невѣроятно казаться долженствуетъ. Ибо и многіе изъ славныхъ Греческихъ писателей, и Фаворинъ Философъ въ древностяхъ искуснѣйшій весьма утвердительно написали, что нѣкоторымъ механическимъ образомъ и искуствомъ отъ Архита изъ дерева сдѣланный голубь лѣталъ: такъ то есть онъ съ равновѣсіемъ былъ пускаемъ въ верхъ, и запертымъ и скрытымъ внутрь себя воздухомъ движимъ. О семъ толь невѣроятномъ дѣлѣ разсудилъ я написать самыя Фавориновы слова: Ἀρχύτας Ταραντῖνος, φιλόσοφος ἅμα καὶ μηχανικὸς ὢν, ἐποίησε περιστερὰν ξυλίνην. ἥτις εἴποτε καθίσειεν, οὐκέτι ἀνίστατο. μέχρι γὰρ τούτου. т. е *Архитъ Тарентинецъ, философъ и механикъ, сдѣлалъ деревяннаго лѣтающаго голубя. Который естьли когда садился, то уже болѣе не подымался.*

ГЛАВА 13.

Какимъ образомъ древніе говорили, cum partim hominum.

Говорится по большей части *partim hominum venerunt*, а сіе значитъ *pars hominum venit*,

venit, то есть, *quidam homines.* Ибо *partim* вѣ семѣ мѣстѣ есть нарѣчіе, и не склоняется чрезѣ падежи, какѣ можно сказать *cum partim hominum*, то есть, *cum quibusdam hominibus*, и какбы cum quadam parte hominum. M. Катонѣ вѣ рѣчи *de Re Floria* написалѣ такѣ: „Ibi pro ſcorto fuit, in cubiculum ſurrectitauit e conuiuio, cum partim illorum „iam ſaepe ad eumdem modum erat. А неискусные читаютѣ *cum parti*, такѣ какбы сіе слово склонялось на подобіе имени, а не за нарѣчіе сказано. Но К. Клавдій вѣ двадцать первой книгѣ лѣтописца сей образѣ слова нѣсколько отмѣннѣе употребилѣ такѣ: „Et enim cum partim copiis hominum adoleſcentem „placentem ſibi. Также Клавдіевы вѣ двадцать „третіей книгѣ лѣтописца слова слѣдующія: „Sed id circo me feciſſe, quod utrum negligentia „partim magiſtratuum, an auaritia, an calamitate „populi Romani eueniſſe dicam neſcio.

ГЛАВА 14.

По какому порядку словѣ сказалѣ Катонѣ Iniuria mihi factum itur.

Слышу я, что *illi iniuriam factum iri*; слышу, что *contumeliam dictum iri* и вездѣ говорятѣ, и вездѣ уже вѣ самыхѣ разговорахѣ употребляютѣ такимѣ образомѣ сочиненныя слова: и для того больше примѣровѣ непривожу. Но *contumelia illi* или *iniuria factum itur*, нѣсколько говорится не свойственнѣе.

И для того представимЪ примѢрЪ. М. КатонЪ защищая себя противЪ К. Кассіа: „Atque euenit ita, Quirites, uti in hac contumelia, „quae mihi per huiusce petulantiam factum itur, „rei quoque publicae medius fidius miserear, Quirites. „А какЪ, *contumeliam factum iri*, значитЪ iri ad contumeliam faciendam, то есть operam dari quo fiat; такЪ *contumelia mihi factum itur*, сЪ перемѢною только падежа говорится вЪ томже означеніи.

ГЛАВА 15.

О обрядахЪ Діальнаго [Юпитерова] жреца и жрицы: при семЪ положены слова изЪ Преторскаго указа, которыми говоритЪ ПреторЪ, что онЪ не будетЪ принужденно приводить кЪ присягѢ ни Вестальныхъ дѢвицЪ, ни Діала.

Многіе обряды и многоразличныя чиноположенія, на Діальнаго жреца возложенныя, читали мы вЪ книгахЪ о *ЖрецахЪ ОбщенародныхЪ*, также вЪ первой книгѢ Фабіа Пиктора, откуда почти сіе и выписали. *Жрецу Діальному Ѣздить на лошади, и смотрѢть на вооруженное войско запрещено закономЪ: и для того Діальный жрецЪ рѢдко производимЪ былЪ вЪ Консула, поелику войны поручаемы были КонсуламЪ. Клясться Діалу, и носить перстенЪ никогда не позволяется, развѢ только безЪ всякаго вставленнаго вЪ оной камня. Огня изЪ Діалова до-*

дома, кромѣ священнослуженія, ни на что брать не дозволено. Естьли въ желѣза скованный пойдетъ въ его домъ, то надобно разрѣшить: и желѣза чрезъ водоспускную трубу [per impluuium] поднять на крышку и оттуда спустить на улицу. Никакого узла на шапкѣ, ни на поясѣ, ни на чемъ другомъ онъ не имѣетъ. Естьли кого ведутъ на казнь, и ежели ведомый съ покорностію припадетъ къ его ногамъ; то въ тотъ день грѣшно наказывать. Діаловыхъ волосовъ, кромѣ человѣка свободнаго, никто стричь не долженъ. Къ козѣ, къ сырому мясу, къ плющу и къ бобу обыкновенно Діалъ не прикасается, и не упоминаетъ объ именахъ ихъ. Отраслей отъ виноградныхъ лозъ высоко поднявшихся подрѣзывать не долженъ. Ножки у кровати, на которой онъ спитъ, должны быть замараны тонкою грязью; и на той кровати три ночи сряду онъ не ложится: притомъ другому на оную ложиться не можно; и у ножки оной кровати не должно ставить ящика съ начиненными жертвенными хлѣбами. Обрѣзанныя Діаловы ногти и остриженныя волосы надобно зарывать въ землю (1) подъ щастливымъ деревомъ. Діалъ ежедневно праздновалъ. Безъ шапки ему на дворѣ быть не позволено: а чтобы въ покояхъ безъ оной

(1) *Подъ щастливымъ деревомъ*] Дерева приносящія черный плодъ или черныя ягоды, также вмѣсто листовъ иглы имѣющія, древле почитались за не щастливыя.

быть, о томъ Массурій пишетъ, что недавно сіе позволеніе дано отъ священноначальниковъ. Притомъ говоритъ, что и другія нѣкоторыя сдѣланы послабленія, и отмѣна нѣкоторыхъ обрядовъ. *Къ кислому тѣсту прикасаться ему не позволено. Рубашки не скидаетъ. разве только въ мѣстахъ закрытыхъ; дабы предъ небомъ, яко предъ очами Юпитера, не быть нагу. На пиру выше жреца Діальнаго никто другій (2) кромѣ Царя Жреца не позлежитъ. Естьли лишится жены; то оставляетъ свое священство. (3) Супружество жрецово кромѣ смерти ни чемъ не разрушается. На гробище никогда не ходитъ. Къ мертвому никогда не прикасается. Однако похоронъ исправлять ему не запрещено закономъ. Тѣже почти самые обряды навлюдаютъ по особливости Діальныя жрицы. Както надѣваетъ она крашеную епанчу; на фатѣ имѣетъ сучекъ щастливаго дерева: на лѣсницы, называемыя по Гречески κλίμακες, всходитъ ей больше трехъ степеней законопреступно; и притомъ идучи*

---

(2) *Кромѣ царя жреца*] Который сдѣланъ по изгнаніи царей, по примѣру Аѳинянъ, или поелику цари нѣкоторыя общенародныя богослуженія совершали, удержалъ онъ царское имя. Онъ главнымъ былъ надъ всѣми богослуженіями, и никому не уступалъ кромѣ верховнаго священноначальника. Жена его въ древнихъ надписяхъ называется *Царицею священнослуженія.*

(3) *Супружество*] Непозволено было разводиться для того, что при священнослуженіихъ надлежало быть женатъ, какъ свидѣтельствуетъ Плутархъ.

чи (4) къ Аргеямъ не убираетъ голоны и не чешетъ полосъ. Слова Преторовы изъ непремѣннаго указа о жрецѣ Діальномъ и о священницѣ Вестиной при семъ я приложилъ: *Sacerdotem. Vestalem. Et. Flaminem. Dialem. In. Omni. Mea. Iurisdictione. Iurare. Non. Cogam.* т. е. *Священницу Вестину и жреца Діальнаго по всемъ моемъ судопроизводствѣ къ клятвѣ не буду принуждать.* Слова М. Варрона изъ второй книги *Богослуженій* о жрецѣ Діальномъ суть слѣдующія: *Онъ одинъ бѣлую имѣетъ шляпу, или по преносходству, или потому, что принесенная Юпитеру жертва должна быть бѣлая.*

ГЛАВА 16.

Какія Іулій Гигинъ въ шестой книгѣ Виргиліевой Енеиды примѣтилъ погрѣшности въ разсужденіи Римской исторіи.

Гигинъ порочитъ Виргилія, и думаетъ, что онъ имѣлъ намѣреніе поправить въ

---

(4) *Къ Аргеямъ*] Аргеи были мѣста въ Римѣ освященныя отъ Нумы, въ которыхъ совершались священнослуженія; каковыхъ мѣстъ, по объявленію Варронову, въ 4. кн. о *Лат. Язык.* было двацать семь, по четыремъ первымъ частямъ города раздѣленныхъ. Думаютъ что мѣста сіи Аргеями названы по князьямъ, съ Геркулесомъ Аргивскимъ пришедшимъ въ Римъ. *Аргеями* также назывались сдѣланныя изъ ситниковаго хвороста изображенія человѣческія; которыхъ по тритцати ежегодно Вестины дѣвицы общенародно съ моста [e ponte ſublicio] бросали въ Тибръ. Ибо такимъ образомъ древле Аргивянъ или Грековъ истребили.

шестой книгѣ написанное. Палинуръ находящійся въ преисподнихъ прося Енея, чтобы онъ постарался сыскать и погребсти его тѣло, говоритъ у Виргилія такъ:

Eripe me his, inuicte, malis: aut tu mihi terram
Iniice, namque potes, portusque require Velinos.

Какимъ, говоритъ онъ, образомъ или Палинуръ могъ знать и называть Велинскія пристани; или Еней по имени тому найти мѣсто, когда городъ Веліа, по которому пристань, въ томъ мѣстѣ находящуюся, назвалъ онъ Велинскою, въ царствованіе въ Римѣ Сервіа Тулліа, по прошествіи больше шести сотъ лѣтъ отъ прибытія Енеева въ Италію, построенъ на Луканскомъ полѣ и симъ именемъ названъ? Ибо отъ Гарпала, говоритъ, военачальника Кирова, изъ Фокиды выгнанные одни построили Велію, а другіе Массилію. По сему весьма неразумно онъ проситъ, чтобы Еней сыскалъ Велинскую пристань, когда сего имени въ то время нигдѣ не было. И сіе, говоритъ, не должно казаться подобнымъ написанному въ слѣдующемъ стихѣ:

Italiam fato profugus Lauinaque venit
Littora.

и равно въ шестой книгѣ:

Chalcidicaque leuis tandem superadstitit ante.

Понеже самому стихотворцу о нѣкоторыхъ дѣлахъ, по предупрежденію повѣсти, на свое лице говорить обыкновенно позволяется, которыя дѣла самъ онъ послѣ знать могъ:

какъ Виргилій зналъ о городѣ Лавиніи и о поселеніи Халцидиценскомъ. Но Палинуръ, говоритъ, какимъ образомъ могъ знать о томъ, что по прошествіи шести сотъ лѣтъ сдѣлалось? Развѣ думаетъ кто, что онъ гадательствовалъ въ преисподнихъ, какъ обыкновенно души усопшихъ дѣлаютъ. Но естьли и въ такомъ разумѣ взять, хотя не въ такомъ сказано; то однако не гадательствовавшій Еней какимъ образомъ могъ сыскать Велинскую пристань, которыя тогда, какъ мы объявили, и имени совсѣмъ нигдѣ не было? Также и слѣдующее въ той же книгѣ порочитъ, и думаетъ, что оное бы Виргилій поправилъ, естьли бы не захватила его смерть. Ибо когда, говоритъ, онъ наименовавъ Ѳезея въ числѣ сошедшихъ къ преисподнимъ и возвратившихся, сказалъ:

- - - Quid Thesea, magnum
Quid memorem Alciden? et mi genus ab Ioue summo est.

Однако послѣ наноситъ:

- - - sedet, aeternumque sedebit
Infelix Theseus.

Какимъ же, говоритъ, образомъ можно вѣчно сидѣть въ преисподнихъ тому, о которомъ выше упоминалъ въ числѣ сошедшихъ туда, и паки оттуда вышедшихъ; а особливо когда о Ѳезеѣ баснословится, якобы Геркулесъ вырвалъ его изъ камня, и вывелъ на свѣтъ. Также сказалъ, что и въ слѣдующихъ стихахъ погрѣшилъ Виргилій:

Eruet

Eruet ille Argos Agamemnoniasque Mycenas,
Ipsumque Aeaciden, genus armipotentis Achilli;
Ultus avos Troiae, templa et temerata Minervae.

Слилъ, говоритъ, онъ разныя лица и времена. Ибо и ни въ одно время и ни чрезъ однихъ людей производима была война съ Ахеянами и съ Пирргомъ. Ибо Пирргъ, котораго онъ называетъ потомкомъ Еаковымъ, изъ Епира прошедши въ Италію, имѣлъ съ Римлянами войну, на которой главнымъ полководцемъ былъ М Курій. Аргивская же война, то есть, Ахайская, много лѣтъ спустя производима была военачальникомъ А. Мумміемъ. Посему, говоритъ, можно вычернить средній стихъ не кстатѣ о Пирргѣ написанный, который безъ сумнѣнія, говоритъ, Виргилій имѣлъ намѣреніе вычернить.

ГЛАВА 17.

Для чего и какимъ образомъ Демокритъ философъ лишилъ себя зрѣнія; и о томъ Лаберіевы стихи весьма чисто и красиво написанные.

Въ Греческой повѣсти написано, что Демокритъ философъ, мужъ предъ прочими почтенный и въ древности уважаемый, самопроизвольно лишилъ себя зрѣнія: понеже думалъ онъ, что мысли и размышленія его души въ разбираніи естества будутъ живяе и совершеннѣе; естьли свободитъ ихъ отъ прелестей зрѣнія и отъ препятствій

ствій глазами причиняемыхъ. Сіе дѣло его и самый способъ, которымъ онъ удобно и весьма остроумно себя ослѣпилъ, Лаберій стихотворецъ въ забавномъ сочиненіи называемомъ *Restio*, стихами хотя довольно чисто и ясно сочиненными описалъ; но причину самопроизвольной слѣпоты выдумалъ другую: и пристойно принаровилъ къ той вещи, которую онъ тогда представлялъ. Ибо въ лицѣ, сіе у Лаберія говорящемъ, представляется скупый и сребролюбивый богачъ, оплакивающій превеликіе расходы и роскошь молодаго своего сына. Стихи Лаберіевы слѣдующіе:

Искусный въ физикѣ Авдерскій Демокритъ
Противу солнечна поставилъ всхода щитъ;
Чтобъ чрезъ блестящу мѣдь лишить себя очей.
И такъ ослѣпнувъ онъ отъ солнечныхъ лучей;
Въ благополучіи чтобъ не видать злыхъ гражданъ.
Подобнымъ образомъ на блескъ паренія денегъ,
Хочу на старости себя я ослѣпить;
Въ благополучіи не зрѣть чтобъ злаго сына.

ГЛАВА 18.

Повѣсть о Артемизіи, и о подвигѣ знатныхъ писателей бывшемъ у Мавзолова гроба.

Сказываютъ, что Артемизіа Мавзола, своего мужа, любила страстно до чрезвычайности. А Мавзолъ, по объявленію М. Туллія, былъ царь земли Карійскія; по объявленію же нѣкоторыхъ Греческихъ повѣстеписателей, правитель Греческой провин-

ціи:

ціи: таковыхъ Греки называютъ Сатрапами. Сей Мавзолъ, при рыданіи и въ объятіяхъ своей жены скончавшись, погребенъ великолѣпно. Артемизіа, плача и горя желаніемъ къ мужу, кости и пепелъ его смѣшавъ съ благовонными вещми и истолокши въ порошокъ, положила въ воду и выпила; и другія, сказываютъ, многія оказала она знаки сильной любви. Притомъ съ великою поспѣшностію, для сохраненія памяти мужа, построила оную весьма достопамятную гробницу, которая удостоена считаться между седмію зрѣлищами всего свѣта. Оную гробницу Артемизіа посвятивъ богамъ тѣней Мавзоловыхъ, въ честь его опредѣлила подвигъ, предложивъ за оный превеликое награжденіе деньгами и другими дорогими вещми. Для полученія на семъ подвигѣ похвалы, сказываютъ, пришли разумные и весьма краснорѣчивые мужи (1) Ѳеопомпъ, (2) Ѳеодектъ, (3) Навкритъ. Нѣкоторые же объявляютъ, что и самъ Исократъ былъ на

(1) *Ѳеопомпъ*] Жившій во время Филиппа и Александра великаго. По примѣру Исократа своего учителя писалъ различныя рѣчи. Онже былъ знатный повѣстеписатель.

(2) *Ѳеодектъ*] Прозваніемъ Фаселитъ; онъ слушалъ Платона, Исократа и Аристотеля, и надгробную говорилъ рѣчь въ похвалу Мавзолу, а послѣ оставивъ риторскую науку началъ писать трагедіи.

(3) *Навкритъ*] Суидъ называетъ его Навкратомъ Ериѳрейскимъ; онже въ Исократѣ Ериѳреемъ Навкратійскимъ: чрезъ что повидимому означаетъ, что онъ родился въ Навкратѣ, по Страбону, Египетскомъ городѣ.

на ономъ подвигѣ. Но, по разсужденію нѣкоторыхъ, одержалъ верхъ Ѳеопомпъ, бывшій Исократовъ ученикъ. Есть и нынѣ (4) Ѳеодектово печальное зрѣлище, называемое *Маѵзолъ*; въ которомъ онъ, по объявленію Гигина *въ Примѣрахъ*, больше успѣлъ, нежели въ рѣчи не стихами сочиняемой [въ прозѣ].

ГЛАВА 19.

Не очищается и не облехчается грѣхъ чрезъ то, когда представляются другіе въ подобныхъ грѣхахъ повинные; и слова о томъ изъ рѣчи Димосѳеновой.

Тавръ философъ строго и сильно выговаривалъ нѣкоторому молодому человѣку, отставшему отъ краснорѣчія и начавшему учиться философіи, предлагая, что онъ сіе сдѣлалъ худо и нечестно. Юноша не спорилъ въ томъ, что сіе сдѣлалъ; но защищалъ себя тѣмъ, что сіе обыкновенно дѣлается, и проступокъ свой извинялъ ссылаясь на подобные примѣры и на обыкновеніе. Тавръ, чрезъ такое его защищеніе себя больше разсердившись, сказалъ, Глупецъ негодный! есть-ли тебя отъ послѣдованія худымъ примѣрамъ

(4) *Ѳеодектово печальное зрѣлище*] По объявленію Суида написалъ онъ пятьдесятъ трагедій. Квинтиліанъ пишетъ, что онъ столько былъ памятливъ, что, однажды услышавъ многіе стихи, тотчасъ читалъ оные наизусть.

рамъ важность и доказательства философическія не отвлекаютъ; то для чего ты не вспомнилъ изреченія онаго вашего Димосѳена? которое, поелику пріятною и красивою словъ связано сразмѣрностію, на подобіе нѣкоторой риторической пѣсни, удобнѣе могло углубиться въ твоей памяти. Ибо естьли, говоритъ, я не обманываюсь въ томъ, что читалъ еще въ самомъ ребячествѣ, слѣдующія суть Димосѳеновы слова, сказанныя противъ того, который, такъ какъ и ты теперь дѣлаешь, грѣхъ свой чужими грѣхами загладить и очистить старался. *Σὺ δὲ μὴ λέγε, ὡς γέγονεν ὗτο πολλάκις, ἀλλ' ὐχ' ὡς προσήκει γίγνεσθαι. ὐ γὰρ εἴ τι πώποτε μὴ κατὰ τὺς νόμυς ἐπράχθη, σὺ δὲ τῦτο ἐμιμήσω, διὰ τῦτο ἀποφύγοις ἂν δικαίως: ἀλλὰ πολλῷ μᾶλλον ἁλίσκοιο. ὥσπερ γὰρ εἴ τις ἐκείνων προήλω, σὺ τάδ' ὐκ ἂν ἔγραψας, ὕτως, ἂν σὺ νῦν ἁλῷς, ἄλλος ὐ γράψει* т. е. *Ты не говори, что часто такъ дѣлано было, но что такъ пристойно было дѣлать. Ибо естьли что когда нибудь сдѣлано съ законами несходно, и ты тому подражалъ, то не будешь для того правъ; но гораздо большему подверженъ быть долженъ осужденію. Ибо какъ естьли бы кто другой прежде былъ осужденъ, то бы ты того не написалъ: такъ естьли ты теперь будешь наказанъ, другой писать не будетъ.* Такимъ образомъ Тавръ, всяческія увѣщанія и наставленія ученикамъ своимъ дѣлая, приводилъ ихъ къ добронравію и непорочному житію.

ГЛАВА

ГЛАВА 20.

Что есть rogatio, что lex, что plebiscitum, что priuilegium, и сколько исѣ сіи между собою различествуютъ.

Спрашивается, что есть *lex*, что *plebiscitum*, что *rogatio*, что *priuilegium*? Атей Капитонъ, въ общенародныхъ и частныхъ правахъ весьма искусный, что есть *lex*? опредѣлилъ сими словами. *Lex*, говоритъ, *est generale iussum populi aut plebis rogante magistratu.* Естьли сіе опредѣленіе хорошо сдѣлано; то ни о верховной власти Кн. Помпея, ни о возвращеніи М. Цицерона, ни о убіеніи П. Клодія судъ, ниже другія подобныя populi plebisue iussa, не могутъ назваться *leges*. Ибо не generalia суть iussa; neque de uniuersis ciuibus sed de singulis concepta. Посему лучше назвать ихъ должно priuilegia; понеже древніе называли то *priua*, что называемъ мы *singula*; которое слово употребилъ Луцилій въ первой книгѣ Сатиръ:

- - - *abdomina thynni*
Aduenientibus priua dabo, cephaleamque carnem.

А *plebem* Капитонъ въ томже опредѣленіи отдѣлилъ отъ *populus*: понеже in populo всякая часть гражданства и всѣ онаго чины содержатся; а plebes называется та часть народа, въ которой благородныя граж[дане и] поколѣнія не находятся. И такъ *plebiscitu*[m] по опредѣленію того же Капитона, есть законъ, который пріемлетъ plebes, а не populus. Но всего сего дѣла и права, populus ли

когда или plebes rogatur, до всѣхъ ли что или до нѣкоторыхъ касается, самою главою и началомъ и какбы источникомъ есть *rogatio.* Ибо всѣ сіи слова почитаются и содержатся подъ главнымъ родомъ и именемъ rogationis. Потому что nisi populus aut plebes rogetur, nullum plebis aut populi iussum fieri potest. Но при всемъ однако семъ въ древнихъ сочиненіяхъ не великую примѣчаемъ въ оныхъ словахъ разность. Ибо и *plebiscita* и *priuilegia* несобственно назывались *leges*; и всѣ сіи смѣшенно и безразбору именовалися *rogationes* И Саллустій, собственнаго означенія словъ весьма держащійся, уступивъ обыкновенію *priuilegium*, quod de Cn. Pompei reditu ferebatur, *legem* appellauit. Слова изъ второй книги его повѣсти суть слѣдующія. „Nam Sullam consulem de reditu eius „legem ferentem ex composito TR. PL. C. Herennius prohibuerat.

ГЛАВА 21.

Для чего М. Цицеронъ весьма тщательно избѣгалъ словъ nouissime *и* nouissimus.

Извѣстно, что не малое число словъ, которыя и нынѣ часто употребляются и прежде были во употребленіи, М. Цицеронъ не хотѣлъ употреблять, потому что не одобрялъ ихъ; каковы суть *nouissimus* и *nouissime.* Ибо хотя и М. Катонъ и Саллустій и другіе въ томъ вѣкѣ жившіе безъ разбору употребляли сіе слово, а многіе ученые мужи и въ книгахъ своихъ оное написали; однa-

нако кажется, что онъ удерживался отъ онаго какъ отъ не Латинскаго. Понеже Л. Елій Стилонъ, мужъ въ тѣ времена преученый, какъ новое и худое слово употреблять остерегался. По сему и М. Варрона о семъ словѣ мнѣніе разсудилъ я показать самыми его словами изъ шестой книги о Латинскомъ языкѣ къ Цицерону писанной: „Quod extremum, говоритъ онъ, „dicebatur, dici nouissimum caeptum vulgo. Quod „mea memoria ut Ælius, sic senes alii, quod ni„mium nouum verbum esset, vitabant Cuius origo „ut a vetere vetustius ac veterrimum: sic a nouo „declinatum nouius et nouissimum.

ГЛАВА 22.

Мѣсто пятое изъ Платоновой книги, называемой Горгій, о безчестіи ложной философіи, которымъ незнающіе выгодъ отъ истинной философіи произходящихъ безразсудно поносятъ философовъ.

Платонъ человѣкъ истинну весьма любящій, и ко открытію оныя всѣмъ весьма скорый, то, что конечно можно сказать на тѣхъ лѣнивцовъ и нерадивцовъ, которые подъ именемъ философіи пребываютъ въ безполезной праздности, и препровождаютъ жизнь въ уединеніи и шептаніи, сказалъ хотя не въ важномъ и достовѣрномъ лицѣ, однако справедливо и благородно. Ибо хотя Калликлъ, котораго онъ пред-

ставляетъ сіе говорящимъ, не зная истинной философіи, безчеститъ и ругаетъ философовъ: однако слова его потому пріятія достойны, что чрезъ оныя мало по малу напоминается намъ, дабы и мы сами таковыхъ поношеній не заслуживали, и бездѣльную и негодную лѣность неправильно не почитали бы упражненіемъ въ философіи. Самыя о томъ Платоновы слова, изъ книги называемой *Горгій*, я написалъ: понеже перевесть оныхъ не разсудилъ для того, что къ свойству ихъ никакъ не можетъ подойти переводъ Латинскій, а кольми паче мой. Φιλοσοφία γάρ τοι ἐςὶν, ὦ Σώκρατες, χάριεν, ἄν τις αὐτȣ̃ μετρίως ἅψηται ἐν τῇ ἡλικίᾳ· ἐὰν δὲ περαιτέρω τȣ̃ δέοντος ἐνδιατρίψῃ, διαφθορὰ τῶν ἀνθρώπων. Ἐὰν γὰρ καὶ πάνυ εὐφυὴς ᾖ, καὶ πόῤῥω τῆς ἡλικίας φιλοσοφῇ, ἀνάγκη πάντων ἄπειρον γεγονέναι ἐςὶν, ὧν χρὴ ἔμπειρον εἶναι τὸν μέλλοντα καλὸν κἀγαθὸν καὶ εὐδόκιμον ἔσεσθαι ἄνδρα. Καὶ γὰρ τῶν νόμων ἄπειροι γίγνονται τῶν κατὰ τὴν πόλιν, καὶ τῶν λόγων, οἷς δεῖ χρώμενον ὁμιλεῖν ἐν τοῖς συμβολαίοις τοῖς ἀνθρώποις, καὶ ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ, καὶ τῶν ἡδονῶν τε καὶ ἐπιθυμιῶν τῶν ἀνθρωπείων, καὶ συλλήβδην τῶν ἠθῶν παντάπασιν ἄπειροι γίγνονται. Ἐπιδὰν ȣ̃ν ἔλθωσιν εἴς τινα ἰδίαν ἢ πολιτικὴν, πρᾶξιν, καταγέλαςοί γίγνονται· ὥς πέρ γε, οἶμαι, οἱ πολιτικοὶ, ἐπειδὰν αὖ εἰς τὰς ὑμετέρας διατριβὰς ἔλθωσι καὶ τȣ̀ς λόγȣς, καταγέλαςοί εἰσι Συμβαίνει γὰρ τὸ τȣ̃ Εὐριπίδȣ·

Λαμπρός τε ἐςὶν ἕκαςος ἐν τȣ́τῳ, κἀπὶ τȣ̃τ᾽ ἐπείγεται
Νέμων τὸ πλεῖςον ἡμέρας τȣ́τῳ μέρος,
Ἵν᾽ αὐτὸς αὐτȣ̃ τυγχάνῃ βέλτιςος ὤν.

Ὅπȣ

Ὅπȣ δ' ἄν φαῦλος ᾖ, ἐντεῦθεν φεύγει, καὶ λοιδορεῖ τȣ́τῳ· τὸ δ' ἕτερον ἐπαινεῖ εὐνοίᾳ τῇ ἑαυτȣ̃, ἡγȣ́μενος ȣ̔́τως αὐτὸς ἑαυτὸν ἐπαινεῖν. Ἀλλ', οἶμαι, τὸ ὀρθότατόν ἐςιν, ἀμφοτέρων μετασχεῖν· φιλοσοφίας μὲν ὅσον παιδείας χάριν, καλὸν μετέχειν, καὶ ȣ̓κ αἰσχρὸν μειρακίῳ ὄντι φιλολοσοφεῖν. ἐπειδὰν δὲ ἤδη πρεσβύτερος ὢν, ἄνθρωπος ἔτι φιλοσοφεῖ, καταγέλαςον, ὦ Σώκρατες, τὸ χρῆμα γίγνεται. Καὶ ἔγω γε ὁμοιότατον πάσχω πρὸς τȣ̀ς φιλοσοφȣ̃ντας, ὥς περ πρὸς τȣ̀ς ψελλιζομένȣς ἢ παίζοντας. Ὅταν μὲν γὰρ παιδίον ἴδω, ᾧ ἔτι προσήκει διαλέγεσθαι, ȣ̔́τω ψελλιζόμενον καὶ παῖζον, χαίρω τε, ἢ χάριέν μοι φαίνεται καὶ ἐλευθέριον ἢ πρέπον τῇ τȣ̃ παιδίȣ ἡλικίᾳ. Ὅταν δὲ σαφῶς διαλεγομένȣ παιδαρίȣ ἀκȣ́σω, πικρόν τι μοι δοκεῖ χρῆμα εἶναι, ἢ ἀνιᾷ μȣ τὰ ὦτα, καί μοι δοκεῖ δȣλοπρεπές τι εἶναι. Ὅταν δὲ ἀνδρὸς ἀκȣ́σῃ τις ψελλιζομένȣ, ἢ παίζοντα ὁρᾷ, καταγέλαςον φαίνεται, ἢ ἄνανδρον, ἢ πληγῶν ἄξιον. Ταυτὸν ȣ̓̃ν ἔγωγε τȣ̃το πάσχω καὶ πρὸς τȣ̀ς φιλοσοφȣ̃ντας. Παρὰ νέῳ μὲν γὰρ μειρακίῳ ὁρῶν φιλοσοφίαν, ἄγαμαι, καὶ πρέπειν μοὶ δοκεῖ καὶ ἡγȣ̃μαι ἐλεύθερόν τινα εἶναι τȣ̃τον τὸν ἄνθρωπον· τὸν δὲ μὴ φιλοσοφȣ̃ντα, ἀνελεύθερον, ἢ ȣ̓δέ ποτε ȣ̓δενὸς ἀξιώσοντα ἑαυτὸν ȣ̔́ τε καλȣ̃, ȣ̔́ τε γενναίȣ πράγματος. Ὅταν δὲ δὴ πρεσβύτερον ἴδω ἔτι φιλοσοφȣ̃ντα, καὶ μὴ ἀπαλλαττόμενον, πληγῶν μοὶ δοκεῖ ἤδη δεῖσθαι, ὦ Σώκρατες, ȣ̔̃τος ὁ ἀνήρ. Ὃ γὰρ νῦν δὴ ἔλεγον, ὑπάρχει τȣ́τῳ τῷ ἀνθρώπῳ, κἂν πάνυ εὐφυὴς ᾖ, ἀνάνδρῳ γενέσθαι, φεύγοντι τὰ μέσα τῆς πόλεως καὶ τὰς ἀγορὰς, ἐν αἷς ἔφη ὁ ποιητὴς τȣ̀ς ἄνδρας ἀριπρεπεῖς γίγνεσθαι. καταδεδυκότι δὲ τὸν λοιπὸν βίον βιῶναι μετὰ μειρακίων, ἐν γωνίᾳ τριῶν ἢ τεττάρων ψιθυρίζοντα, ἐλεύθερον δὲ ἢ μέγα ἢ ἱκανὸν

μηδέ ποτε Φθέγξασθαι Ἐγὼ δὲ. ὦ Σώκρατες. πρὸς σε ἐπιεικῶς ἔχω ἢ Φιλικῶς Κινδυνεύω ὖν πεπονθέναι νῦν, ὅ περ ὁ Ζῆτος πρὸς τὸν Ἀμφίονα ὁ Εὐριπίδου, ὖ περ ἐμνήσθην. Καὶ γαρ ἐμοὶ τοιαῦτ᾽ ἄττα ἐπέρχεται πρός σε λέγειν, οἷά περ ἐκεῖνος πρὸς τὸν ἀδελφὸν, ὅ τι ἀμελεῖς. ὦ Σώκρατες ὧν δεῖ σε ἐπιμελεῖσθαι ἢ Φύσιν ψυχῆς ὧ δε γενναίαν μειρακιώδει τινὶ διαπρέπεις μορφώματι, ἢ ὖ τ᾽ ἂν δίκης βελαῖσι προσθεῖο ἂν ὀρθῶς λόγον, ὖ τ᾽ εἰκὸς καὶ πιθανὸν ἂν λάβοις, ὖ θ᾽ ὑπὲρ ἄλλων νεανικὸν βέλευμα βυλεύσαιο. καί τοι, ὦ φίλε Σώκρατες. καὶ μοι μηδὲν ἀχθεσθῆς· εὐνοίᾳ γὰρ ἐρῶ τῇ σῇ. ὖκ αἰσχρὸν δοκεῖ σοι εἶναι ὕτως ἔχειν, ὡς ἐγώ σε οἶμαι ἔχειν, καὶ τὺς ἄλλυς τὺς πόῤῥω ἀεὶ Φιλοσοφίας ἐλαύνοντας; νῦν γὰρ εἴ τις σῦ λαβόμενος, ἢ ἄλλυ ὁτυῦν εἰς τὸ δεσμωτήριον ἀπάγοι. Φάσκων ἀδικεῖν. μηδὲν ἀδικῦντα, οἶσθ᾽ ὅ τι ὖκ ἂν ἔχοις ὅ τι χρήσαιο σαυτῷ. ἀλλ᾽ ἰλιγγιώης ἂν ἢ χασμῷο, ὖκ ἔχων ὅ τι εἴποις; καὶ εἰς τὸ δικαςήριον ἀναβὰς κατηγόρυ τυχὼν πάνυ Φαύλυ καὶ μοχθηρῦ, ἀποθάνοις ἂν εἰ βύλοιτό σοι θανάτυ τιμᾶσθαι. καί τοι πῶς σοφὸν τῦτο ἐςὶν, ὦ Σώκρατες, εἴ τις εὐΦυᾶ λαβῦσα τέχνη Φῶτα, ἔθηκε χείρονα μή τε αὐτὸν αὐτῷ δυνάμενον βοηθεῖν μηδ᾽ ἐκσῶσαι ἐκ τῶν μεγίςων κινδύνων, μή τε ἑαυτὸν. μή τε ἄλλον μηδένα, ὑπὸ δὲ τῶν ἐχθρῶν περισυλᾶσθαι πᾶσαν τὴν ὐσίαν· ἀτέχνως δὲ ἄτιμον ζῆν ἐν τῇ πόλει. τὸν δὲ τοιῦτον, εἴ τι καὶ ἀγροικότερον εἰρῆσθαι ἔξεσιν ἐπὶ κόῤῥης τύπτοντα, μὴ διδόναι δίκην. Ἀλλ᾽ ὦ ἀγαθε ἐμοὶ πείθυ, παῦσαι δ᾽ ἐλέγχων πράγματων δ᾽ εὐμυσίαν ἄσκει καὶ ἄσκει ὁπόθεν δόξεις Φρονεῖν, ἄλλοις τὰ κομψὰ ταῦτ᾽ ἀΦεὶς, εἴ τε ληρήματα χρὴ Φάναι εἶναι. εἴ τε Φλυαρίας,

Ἐξ ὧν κενοῖσιν ἐγκατοικήσεις δόμοις·

Ζηλῶν,

ζηλᾶν ἐκ ἐλέγχοντας ἄνδρας τὰ μικρὰ ταῦτα, ἀλλ' οἷς ἐςὶ καὶ βίος, καὶ δόξα, καὶ ἄλλα πολλὰ ἀγαθά. т. е Философія, о Сократъ, естъ вещь подлинно пріятная, есть ли кто въ юношествѣ умѣренно коснется оныя: а ежели кто чрезмѣрно будетъ въ ней упражняться, то она можетъ служить вредомъ. Ибо хотя бы онъ изряднымъ отъ природы одаренъ былъ разумомъ; однако естьли далѣе уже юношескаго возраста будетъ философствовать: то непремѣнно во всемъ томъ сдѣлается неискуснымъ, въ чемъ, ежели онъ хочетъ быть добрымъ, изряднымъ и отъ прочихъ прославляемымъ мужемъ, искусну быть долженствуетъ. Ибо и гражданскихъ законовъ и разговоровъ, которые какъ въ общественномъ такъ и въ своемъ особенномъ съ людьми обхожденіи употреблять надлѣжитъ, также удовольствій и пожеланій человѣческихъ, и, кратко сказать, обыкновеній совсѣмъ бываютъ незнающи. Посему, сколько ни случается имъ приступать къ отправленію какого нибудь либо общенароднаго, либо собственнаго дѣла, бываютъ осмѣяваемы, равно какъ и гражданское обхожденіе знающіе, естьли придутъ въ ваши школы и на ваши словопрѣнія. Ибо сбываются оныя Еврипидовы слова:

Кто славенъ почему, къ тому тотъ поспѣшаетъ,
И часть большую дня на то употребляетъ,
Чтобъ больше прежняго снискать въ томъ совершенство.

А въ чемъ онъ хуже прочихъ, отъ того убѣгаетъ и то хулитъ; хвалитъ же другое по

пристрастію къ себѣ, думая, что онъ такимъ образомъ самаго себя хвалитъ. Но я думаю, что лучше имѣть свѣдѣніе о томъ и другомъ. О философіи хорошо имѣть свѣдѣніе для просвѣщенія, и для того что молодому человѣку незазорно философствовать. Но когда уже онъ, приближаясь къ старости, еще продолжаетъ упражняться въ философіи; то сіе, о Сократъ, очень смѣшно. И я ко упражняющимся въ философіи расположенъ также, какъ и къ косноязычнымъ и ребятящимся. Ибо когда я смотрю на мальчика, къ которому еще пристало такъ говорить косноязычно и ребятиться; то любуюсь, и для меня кажется сіе пріятно, свойственно и дѣтскому возрасту прилично. А когда слышу мальчика исправно разговаривающаго; то раждается во мнѣ нѣкоторая скука, и досаждаетъ моему слуху, и мнѣ представляется тутъ нѣчто принужденное. Впрочемъ когда кто нибудь услышитъ косноязычно говорящаго мужа, или увидитъ ребятящагося; то сіе кажется смѣшно, мужу неприлично, и наказанія достойно. И такъ тоже самое я въ себѣ чувствую и въ разсужденіи философствующихъ. Ибо въ молодомъ человѣкѣ видя философію удивляюся, мнѣ кажется сіе пристойно, и почитаю сего человѣка свободнымъ; а не философствующаго несвободнымъ и такимъ, который ничего хорошаго и благороднаго никогда не сдѣлаетъ. Но когда человѣка стараго усматриваю

паю еще философствующаго, и отъ такого упражненія не отстающаго; то такой, Сократъ, мнѣ кажется, хочетъ уже битъ бытъ. Понеже, какъ я теперь говорилъ, съ симъ человѣкомъ случается то, что хотя бы онъ конечно былъ благороденъ; однако не бываетъ мужественъ, и убѣгаетъ обхожденій градскихъ и судебныхъ площадей, на которыхъ, по слову стихотворца, превосходнѣйшіе бываютъ мужи; и скрывается съ тремя или четырмя мальчиками въ углу, провождая жизнь свою въ шептаніи: а свободнаго или великаго или потребнаго ни чего никогда не говоритъ. Къ тебѣ же, о Сократъ, я хорошо и дружески расположенъ. И такъ опытомъ дознаю, что мнѣ въ разсужденіи тебя тоже самое случилось, что Еврипидову Зиѳу, о которомъ я теперь упомянулъ, съ Амфіономъ. Ибо теперь вздумалось мнѣ къ тебѣ говорить нѣчто такое, что онъ говоритъ къ брату; то есть что ты, Сократъ, нерадишь о томъ, о чемъ стараться тебѣ должно; и толь превосходное естество души представляешь въ нѣкоторомъ ребяческомъ видѣ: понеже ни въ судахъ порядочно ты не говоришь, ни сходнаго и вѣроятнаго не избираешь, и не можешь скораго дать другимъ совѣта. А притомъ, только не подосадуй на меня, любезный Сократъ. ибо я изъ моего къ тебѣ доброжелательства скажу. не почитаешь ли ты, какъ я думаю, за худо, чтобъ такову быть и тебѣ и всѣмъ другимъ про-

 дол-

должающимъ упражняться въ философіи? Ибо естьли кто теперь тебя или кого нибудь другаго подхватив поведетъ въ тюрьму, говоря что ты его свидѣлъ, хотя ты и никакой обиды не сдѣлалъ: однако бы ты не могъ ничего сдѣлать, но сталъ бы колебаться и зѣвать, совсѣмъ незная какъ себя защитить. По сему вошедши въ судилище, отъ самаго худаго и досаднаго доносителя осужденъ бы былъ на смертную казнь, есть ли бы только онъ сего захотѣлъ. И какже то мудростію можно почесть, Сократъ, есть ли какая наука, принявъ человѣка разумнымъ, отдаетъ худшимъ: такъ что ни самъ себѣ подать помощи, ни отъ превеликихъ бѣдствій себя и другаго спасти не можетъ; но хищенію непріятелей подвергаетъ все свое имѣніе, и самъ по неи кустпу своему живетъ въ городѣ незлапнымъ? а такого уже человѣка, хотя и грубо сіе сказать, можно бить по щекамъ не опасаясь суда. И такъ, другъ мой, послушай меня, и перестанъ уже упражняться въ свемудріи: примись за отправленіе честныхъ дѣлъ, въ которыхъ бы ты могъ показать твою мудрость: а сіи хитровымышленныя, такъ сказать, вздоры или враки,

Чрезъ которыя ты сдѣлаешся пустодомомъ оставь другимъ. Наконецъ подражай не тѣмъ, которые хватаются за сіи мѣлочи; но тѣмъ, которые все къ содержанію своему потребное и славу и множество другихъ благъ имѣютъ.

Такъ

Такъ Платонъ хотя не въ важномъ, какъ я выше сказалъ, лицѣ, но съ чувствіемъ и съ вѣрностію общаго понятія, и съ нѣкоторою непритворною разсуждалъ истинною, не о той то есть философіи, которая научаетъ всѣмъ добродѣтелямъ, которая во отправленіи какъ общественныхъ, такъ и частныхъ должностей оказываетъ свое превосходство, и которая города и республику, естьли нѣтъ никакого препятствія, постоянно, мужественно и искусно управляетъ; но о семъ безполезномъ и ребяческомъ упражненіи въ суемудріи, ни мало ни къ защищенію, ни къ благоустроенію жизни неслужащемъ: въ которомъ таковые люди состарѣваются, пребывая въ зловредной праздности, которыхъ философами и простой народъ почитаетъ, и тотъ почиталъ, отъ лица котораго сіе сказано.

ГЛАВА 23.

Слова изъ рѣчи М. Катона о содержаніи въ разсужденіи пищи и питія и нравахъ древнихъ женщинъ: и притомъ, что мужъ жену свою въ прелюбодѣяніи пойманную имѣлъ право убивать до смерти.

Писавшіе о содержаніи въ разсужденіи пищи и питія и объ одеждѣ Римскаго народа объявляютъ, что женщины въ Римѣ и въ Лаціи препровождали жизнь трезвенно, т. е. всегда отъ вина, древнимъ языкомъ temetum называемаго, воздерживались: и учреждено

было,

было, чтобы они съ сродниками цѣловались для того, чтобы тѣ узнавали по духу, естьли ихъ сродницы вино пили. Обыкновенно же, сказываютъ, пили они на выжатой виноградъ налитую воду [loream], изъ самаго зрѣлаго винограда выжатый сокъ [passam], (1) Мурину и другіе сладкіе напитки. И сіе въ упомянутыхъ книгахъ довольно извѣстно. Но М. Катонъ объявляетъ, что женщины не только теряли доброе о себѣ мнѣніе, но и штрафованы были отъ судіи за питіе вина, не менше какъ за учиненіе беззаконія и прелюбодѣянія. Я приложилъ при семъ слова М. Катона изъ рѣчи его о *Приданомъ*, въ которой написано и то, что мужьямъ въ прелюбодѣяніи обличенныхъ женъ позволено было убивать до смерти: „Мужъ, говоритъ онъ, не разведшись съ женою, есть и „судія жены и Ценсоръ. Онъ всякую имѣетъ „надъ нею власть. Естьли жена сдѣлала „что нибудь худое и безпутное, то онъ „ея штрафуетъ: а естьли напилась вина, „естьли съ чужимъ мужемъ учинила беззаконіе; то осуждаетъ. А о правѣ убивать жену написано такъ: „Ежели застанеть жену свою въ прелюбодѣяніи; то „безъ суда убей до смерти, не опасаясь наказанія. А ей тебя, хотя бы и прелюбдѣяніе ты сдѣлалъ, не дозволяется и „пальцомъ тронуть.

ГЛАВА

(1) *Мурину*] Родъ напитка, которой Греки называютъ нектаромъ.

ГЛАВА 24.

Исправно говорившіе говорили die priſtini, die craſtini, *и* die quarti, *и* die quinti, *не такъ какъ нынѣ обыкновенно сіи слова говорятъ.*

Слышу я, что ученые говорятъ *die quarto* и *die quinto*, которыя слова Греки изображаютъ чрезъ εἰς τετάρτην καὶ εἰς πέμπτην; и инымъ образомъ сіе говорящій почитается за неученаго и за невѣжду: но во время М. Туллія и прежде его, думаю, что не такъ говорили. Ибо *die quinte* и *die quinti* за нарѣчіе совокупно говорено было, и вторый слогъ въ семъ словѣ произносимъ былъ коротко. И Цесарь Августъ Латинскій языкъ зная, и въ чистотѣ рѣчей отцу своему последуя, въ письмахъ многократно неиначе употреблялъ сіе означеніе дней. Довольно же будетъ, для показанія всегдашняго древнихъ обыкновенія, положить здѣсь обыкновенныя Преторскія слова, чрезъ которыя онъ по обычаю предковъ объявляетъ праздество называемое Compitalia: оныя слова суть слѣдующія: *Die. Noni. Popolo. Romano. Quiritibus. Compitalia. Erunt. Quando. Concepta. Fuerint. Nefas.* *Die noni* говоритъ Преторъ, не *die nono*. И не Преторъ одинъ, но по большой части вся древность такъ говорила. Вотъ пришолъ мнѣ на мысль оный Помпоніевъ стихъ изъ Ателланы его называемой Мевіа:

Dies hic ſextus, quum nihil egi: die quarte moriar fame.

Вспо-

Вспомнились мнѣ и оныя Целіевы слова изъ второй книги повѣстей: „ Si vis mihi equitatum dare, et ipse cum caetero exercitu me sequi; „ die quinti Romae in Capitolium, curabo tibi caena „ sit cocta. А и повѣсть и слово сіе взялъ Целій изъ книги *Началъ* М. Катона, въ которой написано такъ: „ Igitur dictatorem Karthaginiensem magister equitum monuit. Mitte mecum „ Romam equitatum. Die quinti in Capitolium tibi „ caena cocta erit. Послѣдній слогъ сего слова читалъ я изображенный иногда чрезъ *e*, иногда чрезъ *i*. Ибо древніе подлинно сіи буквы по большой части употребляли безразбору, какъ *præsiscine* и *præsiscini*, *procliui* и *procliue*. И другія многія подобныя слова произносили различно: да и *die pristini* такимже образомъ говорилось: что означало *die pristino*, то есть priore; а что просто говорится *pridie*, то переворотивъ порядокъ сложенія будетъ какбы *pristino die*. Подобнымъ образомъ и *die crastini* говорилось; то есть, *crastino die*. И священники народа Римскаго указывая на третій день говорятъ, *diem perendini*. Но какъ многіе *die pristini*, такъ М. Катонъ въ рѣчи на Фуріа сказалъ, *die proximi*. А Кн. Матій, человѣкъ довольно ученый, въ Миміямбахъ сказалъ *quarto*, вмѣсто того, что мы говоримъ *nudius quartus*, въ сихъ стихахъ:

Nuper die quarto ut recordor, et certe
Aquarium urceum unicum domi fregit.

По

По сему то будетъ различіе, что мы *die quarto* говоримъ о прошедшемъ: *a die quarte* о будущемъ.

ГЛАВА 25.

Находящіяся въ книгахъ древнихъ названія метательныхъ орудій, стрѣлъ, шпагъ и суденъ.

Въ древнихъ повѣстяхъ находящіяся названія метательныхъ орудій, стрѣлъ и шпагъ, также роды и имена суденъ разсудилось намъ ѣдучи въ коляскѣ собрать; и вмѣсто другихъ пустошей праздную и обезумѣвающую голову ими занять. И такъ, сколько я тогда могъ вспомнить, оныя суть слѣдующія: Копье, Бросательное копье, (1) Phalarica, (2) Semiphalarica, (3) Soliferrea, (4) Gesa, (5) Lancea, (6) Spari, (7) Rumices, (8) Trifaces,

---

(1) *Phalarica*] Есть родъ метательнаго орудія на подобіе копья, съ насаженнымъ твердымъ желѣзомъ, въ долготу имѣющимъ три фута, такъ что все тѣло съ оружіемъ пронзаетъ: между стволомъ и ратовищемъ оныя сѣра, смола, клей съ паклею свернутыя кладутся, и наливается такъ называемое зажигательное масло: потомъ изъ стрѣлометныя машины съ стремленіемъ пущенное сіе орудіе, разорвавъ укрѣпленіе, горящая втыкается въ дерево, и деревянную башню зажигаетъ.

(2) *Semiphalarica*] Таковая описывается отъ Исидора длиною въ локоть или аршинъ, которую бросали рукою.

(3) *Soliferrea*] Soliferreum бросальное копье все желѣзное.

(4) *Gesa*] Галлскія копья

(5) *Lancea*] Долгое копье, какое и конные и пѣхотные употребляютъ.

(6) Spari

faces, (9) Tragulae, (10) Frameae, (11) Mesanculae, (12) Catejae, Rumpiae, (13) Scorpii, (14) Sibones, (15) Siciles, (16) Veruta, Мечи, Тесаки, большія шпаги, широкія шпаги, Lingulae, Кинжалы, Ножи. О словѣ lingula, поелику оно есть рѣдкое, разсуждаю здѣсь объявить, что древніе симъ именемъ называли продолговатую шпажку на подобіе языка сдѣланную, о которой упоминаетъ Невій въ печальномъ зрѣлищи Гесіонѣ. Невіевъ стихъ я при семъ приложилъ.

Sine mihi gerere morem videar lingua; verum lingula.

Rumpia также есть родъ Ѳракійскаго метательнаго орудія: и положено сіе слово въ четвертойнадесять книгѣ Енніева лѣтописца. А суденъ, которыя мы тогда могли вспомнить, названія суть слѣдующія: „(1) Gauli,

(6) *Spari*] Деревенскія ратныя орудія на подобіе ноги изкривленныя.

(7) *Rumices*] Rumex родъ бросальнаго копья.

(8) *Trifaces*] Бросальныя копья длиною въ три локтя.

(9) *Tragulæ*] Копья названныя отъ traho, потому что воткнуться въ щитъ тащатся.

(10) *Frameae*] Нѣмецкія копья.

(11) *Mesanculae*] Копья съ ремнями.

(12) *Catejae*] Галлскія копья.

(13) *Scorpii*] Воинскія орудія такъ названныя потому, что мѣлкими и тонкими копьецами причиняютъ смерть: или потому, что они походятъ на скорпіоновъ, понеже луки съ той и съ другой стороны на подобіе клешни изображаютъ стрѣлку скорпіонова хвоста.

(14) *Sibones*] Собственно значатъ рогатины, которыми бьютъ свиней или кабановъ.

(15) *Siciles*] Орудія разсѣкать могущія.

(16) *Veruta*] Короткія и острыя копья.

„ (1) Gauli, (2) Corbitae, (3) Caudiceae; воен-
„ ные корабли (longae), (4) Hippagines, (5)
„ Cercuri, Celoces, или, какЪ Греки говорятЪ,
„ Celeres [яхты], (6) Lembi, Oriae, Lenuncu-
„ li [рыбачьи судна], Actuariae, отЪ Гре-
„ ковЪ называемыя ἐπικωποι или ἐπιβατιδες,
„ [галеры], Prosumiae, или geseoretae, или ho-
„ riolae [шпіонскія суда], (7) Stlatae, Scaphae
„ [заводныя лодки], Pontones [паромы], Acatiae
„ [боты], (8) Hemioliae, (9) Phaseli, Parones
„ [фрегаты], myoparones [шлюпки], lintres,
„ caupuli [лодки], Camarae, (10) Placidae, Cyda-
„ rum, Ratariae, Catascopium [родЪ шпіонскаго
судна, которое повсюду разъѢжжая осма-
триваетЪ.]

(1) *Gauli*] РодЪ малаго и круглаго судна.

(2) *Corbitae*] Грузовыя суда.

(3) *Caudiceae*] Суда изЪ толстыхЪ деревЪ сдѢланныя.

(4) *Hippagines*] Суда для перевозу лошадей.

(5) *Cercuri*] Превеликія азіатскія суда.

(6) *Lembi*] РодЪ малаго судна чрезвычайно скоро ходящаго, каковыя предЪ флотомЪ посылаютЪ для изв Ѣдыванія.

(7) *Stlatae*] РодЪ плоскаго судна.

(8) *Hemioliae*] РодЪ судна отЪ кормы до мачты двумя, а отЪ мачты до носу однимЪ весломЪ управляемаго.

(9) *Phaseli*] РодЪ короткаго судна, которое ЕгиптянѢ употребляли для увеселенія на рѢкѢ НилѢ: Венеціанцы называютЪ такія суда Гундолами.

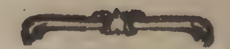
(10) *Placidae*] Суда, вЪ которыхЪ только по тихостоящему морю Ѣхать можно.

ГЛАВА 26.

Неразумно отъ Асинія Полліона охужденъ Саллустій за то, что онъ transfretationem *назвалъ* transgressum, *и* transgressos *qui* transfretassent.

Асинію Полліону въ нѣкоторомъ письмѣ, писанномъ отъ него къ Планку и нѣкоторымъ другимъ непріятелямъ К. Саллустія, достойно примѣчанія показалось, что онъ въ первой книгѣ повѣстей переплытіе чрезъ море на судахъ назвалъ словомъ *transgressus*; и переплывшихъ чрезъ проливъ, которые обыкновенно называются *transfretare*, называлъ *transgressos*. Самыя Саллустіевы положилъ онъ слова: „Itaque Sertorius leui praesidio relicto, in Mauritania nactus obscuram noctem „aestu secundo furtim aut celeritate vitare praelium „in transgressu conatus est. И потомъ ниже написалъ такъ: „Transgressos omnis recipit mons „praeceptus a Lusitanis. И такъ говорятъ, что сіе и несобственно и неосторожно и ни съ какимъ достовѣрнымъ писателемъ несходно. Ибо *transgressus*, говоритъ, происходитъ отъ transgredior, которое самое слово произведено a gressu et pedum gradu. И потому думалъ, что глаголъ, *transgredior* не приличествуетъ ни лѣтающимъ, ни ползающимъ, ни плавающимъ; но только тѣмъ однимъ, qui gradiuntur et pedibus iter emetiuntur. Для того говорятъ, что у достовѣрнаго писателя nauium *transgressum* или pro transfretarione *transgressum* найти не можно. Но спрашиваю я,

я, для чего же не можетъ назваться и *transgressus* nauibus factus такъ, какъ *cursus* nauium правильно говорится? а особливо когда краткость толь тѣснаго моря, между Африкою и Испаніею протекающаго, какбы paucorum graduum spatium весьма изрядно означена словомъ *transgressio.* А требующіе къ сему достовѣрности писателей, и опровергающіе слово ingredi transgrediue употребленное при судахъ, пусть скажутъ, чемъ различается ingredi отъ ambulare. Но Катонъ въ книгѣ *о Землепашествѣ* говоритъ: „Fundus eo in loco „habendus est, ut et oppidum prope amplum sit, „et mare aut amnis, qua naues ambulant. Притомъ и Лукретій въ семъ же самомъ словѣ свидѣтельствуетъ, что таковыя преложенія словъ почитаются за украшеніе рѣчи. Ибо онъ въ четвертой книгѣ говоритъ clamor per arterias et per fauces gradiens, которое изреченіе гораздо вольнѣе, нежели оное Саллустіево о судахъ. Стихи Лукретіевы суть слѣдующіе:

Praeterea radit vox fauces saepe, facitque
Asperiora foras gradiens arteria clamor.

Потому Саллустій въ той же книгѣ не только ѣхавшихъ на судахъ, но и scaphas nantes называетъ progressas. Самыя слова de scaphis я при семъ приложилъ: „Earum aliae „paululum progressae nimio simul et incerto onere, „quum pauor corpora agitauerat, deprimebantur.

ГЛАВА

ГЛАВА 27.

Повѣсть о народахъ Римскомъ и Карѳагенскомъ, что они почти равномощные были соперники.

Въ древнихъ запискахъ упоминается, что Римскій и Карѳагенскій народы равную нѣкогда имѣли силу, крѣпость и величество. И правда. Ибо съ другими народами о владѣніи одною республикою, а съ Карѳагенцами о владычествѣ надъ всею вселенною спорено было. Доказательствомъ сему служатъ оныя обоего народа слова, когда Кв. Фабій главнокомандующій полководецъ Римскій послалъ къ Карѳагенцамъ письмо, въ которомъ написано было, что народъ Римскій послалъ къ нимъ копье и жезлъ, два знака войны и мира съ тѣмъ, чтобы они выбрали изъ нихъ которой захотятъ; и выбранный знакъ одинъ прислали бы къ нимъ. Карѳагенцы отвѣтствовали, что они ни котораго выбирать не хотятъ; но принесшіе оные могутъ оставить которой хотятъ; а они оставленный почтутъ за выбранный собою. Маркъ же Варронъ говоритъ, что не самое копье и не самый миротворный жезлъ были посыланы, но двѣ дощечки, изъ которыхъ на одной жезлъ, а на другой копье изображено было.

ГЛАВА 28.

Изъ Тубероновой повѣсти пятое примѣчаніе о предѣлахъ возрастовъ отрочества, юношества и старости.

К. Туберонъ въ первой книгѣ повѣстей написалъ, что Сервій Туллій, Римскаго народа царь, для учиненія поголовной переписи [ценса], почелъ тѣхъ отроками, которымъ было менше седмьнатцати лѣтъ: а отъ седмагонадесять года, которыхъ уже почиталъ годными быть въ общественной службѣ, записалъ въ воины: и до сорока шести лѣтъ называлъ ихъ молодыми, выше же тѣхъ лѣтъ старыми. Сіе замѣтилъ я для того, чтобы по разсужденію и обычаямъ предковъ положенное различіе отрочества, юношества и старости, изъ сей переписи Сервіа Тулліа весьма благоразумнаго царя было извѣстно.

ГЛАВА 29.

О томъ, что частица, atque, *не только есть соединительная, но и многоразличную имѣетъ силу.*

Частица *atque* хотя отъ грамматиковъ называется союзомъ соединительнымъ; и по большой подлинно части связываетъ и соединяетъ слова: но иногда имѣетъ и другія нѣкоторыя не очень извѣстныя силы, развѣ только людямъ съ прилѣжаніемъ упражнявшимся въ чтеніи древнихъ книгъ.

Ибо

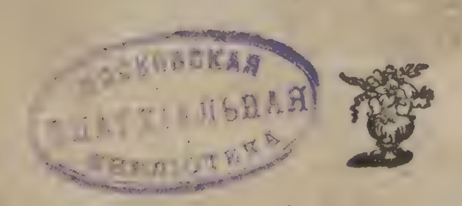
Ибо служитъ она и за нарѣчіе, когда говоримъ, *aliter ego feci atque tu*; понеже значитъ здѣсь, *aliter quam tu*: и естьли удвояется, то увеличиваетъ предлагаемую вещь и большую ей придаетъ силу, какъ примѣтили мы въ лѣтописцѣ К. Енніа, естьли исправно помню слѣдующій стихъ:

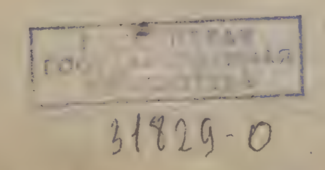
Atque atque accedit muros Romana iuuentus.

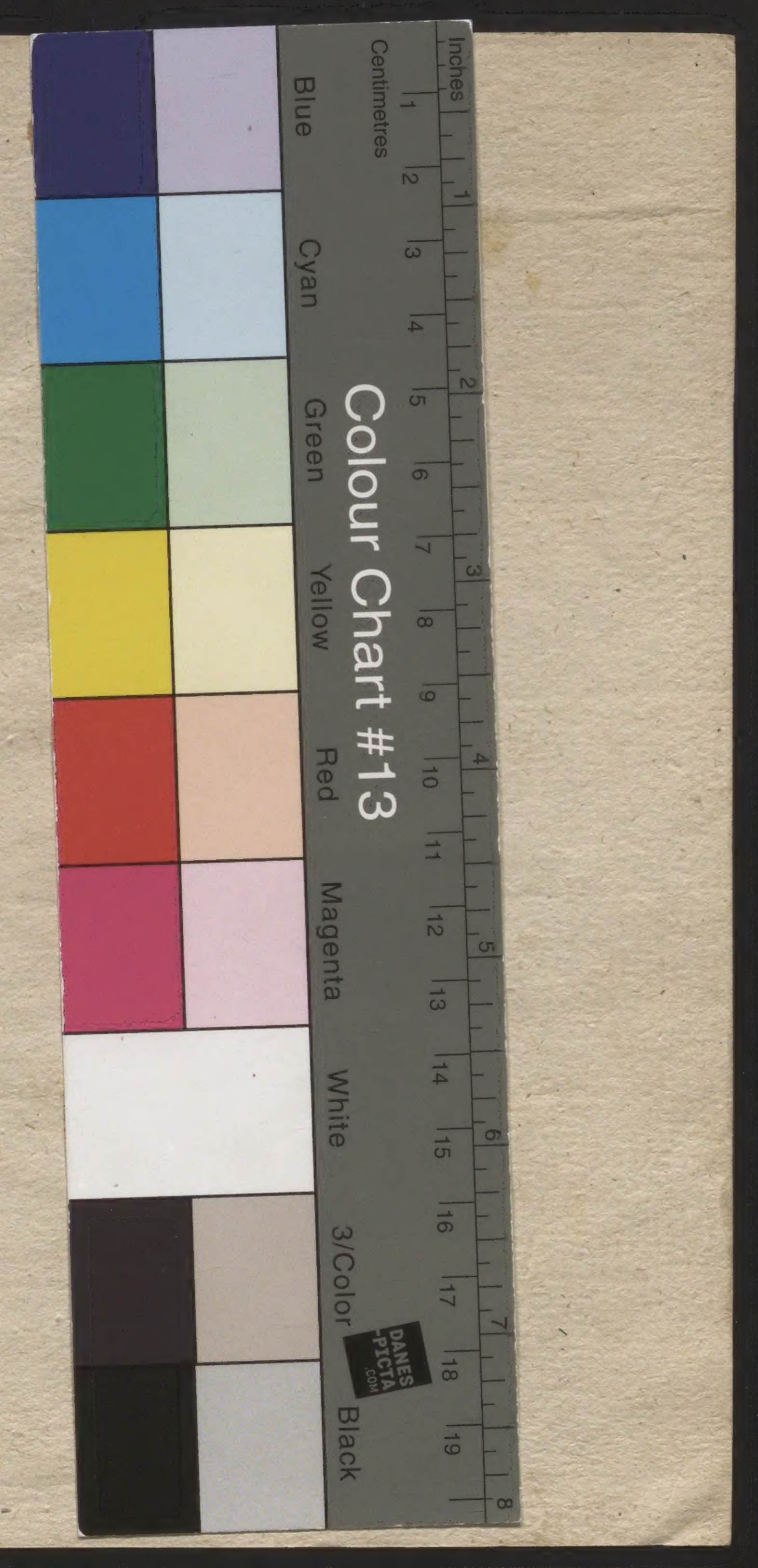
Сему означенію противно отъ древнихъ также употребленное слово, *deque.* Сверхъ сего говорится и вмѣсто другаго нарѣчія, то есть, *statim.* Понеже въ слѣдующихъ Виргиліевыхъ стихахъ почитается сія частица темно и неупотребительно положенною.

. . . . . . Sic omnia fatis
In peius ruere, ac retro sublapsa referri,
Non aliter quam qui aduerso vix flumine lembum
Remigiis subigit, si brachia forte remisit,
Atque illum in praeceps prono rapit alueus amni.

Конецъ первой части.

Colour Chart #13
Inches
Centimetres
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES PICTA .COM

